

ОВИДИЙ

—♦—♦—
СКОРБНЫЕ

ЭЛЕГИИ

—♦—♦—
ПИСЬМА

С ПОНТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

PUBLII
OVIDII NASONIS

TRISTIA

EPISTULAE EX PONTO

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ ПИСЬМА С ПОНТА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ

М. Л. ГАСПАРОВ

С. А. ОШЕРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров, Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Д. А. Ольдерогге,
Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

КНИГА I

1.

- Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Град, куда мне, увы, доступа нет самому.
Не нарядившись, иди, как сосланным быть подобает.
Бедный! Пусть жизни моей твой соответствует вид.
- ⁵ Красным тебя покрывать не надо вакцинии соком,
Скорбным дням не под стать яркий багрянец ее.
Минием пусть не блестит твой титул и кедром — страницы,
Пусть и на черном челе белых не будет рожков.
Пусть подобный убор украшает счастливые книги.
- ¹⁰ Должен ты помнить всегда о злополучье моем.
Пусть по обрезам тебя не гладит хрупкая пемза,
В люди косматым явись, с долго небритой щекой.
Пятен своих не стыдись, пусть каждый, кто их увидит,
В них угадает следы мной проливаемых слез.
- ¹⁵ В путь же! Иди, передай местам счастливым привет мой —
Ныне таким лишь путем их я достигнуть могу.
Ежели кто-нибудь там, в многолюдье меня не забывший,
Спросит, как я живу, чем занимаюсь вдали,
Ты говори, что я жив, но «жив и здоров» не ответствуй.
- ²⁰ Впрочем, и то, что я жив, — богом ниспосланный дар.
Если же станут еще спрашивать, будь осторожен,
Их любопытству в ответ лишнего им не скажи, —
Тотчас припомнит и вновь перечтет мои книги читатель,
И всенародной молвой буду я предан суду.
- ²⁵ Будут тебя оскорблять — но ты не посмей защищаться:
Тяжба любая, поверь, дело ухудшит мое.
Встретится ль там и такой, кто моим опечален изгнаньем,
Пусть эти песни мои он со слезами прочтет
И пожелает без слов, таясь, — не услышал бы недруг, —

- 20 Чтоб наказание мое Цезарь, смягчась, облегчил.
Кто бы он ни был, молю: того да минуют несчастья,
Кто к несчастьям моим милость богов призовет.
Да совершится, что он пожелал, да гнев свой умерит
Цезарь и мне умереть в доме позволит родном!
- 35 Выполнишь ты мой наказ, но все-таки жди осуждения:
Скажет молва, что в тебе прежнего гения нет.
Должен и дело судья, и его обстоятельства вызнать,
Если же вызнано все — суд безопасен тебе.
Песни являются в мир, лишь из ясной души изливаясь,
- 40 Я же внезапной бедой раз навсегда омрачен.
Песням нужен покой и досуг одинокий поэту —
Я же страдаю от бурь, моря и злобной зимы.
С песнями страх несовместен, меж тем в моем злополучье
Чудится мне, что ни миг, к горлу приставленный меч.
- 45 Пусть же труду моему подивится судья беспристрастный,
Строки, какие ни есть, пусть благосклонно прочтет.
Хоть Меонийца возьми и пошли ему столькие беды —
И у него самого дар оскудел бы от бед.
В путь, мой свиток, ступай и к молве пребывай равнодушен,
- 50 Если ж читателю ты не угодишь, не стыдись.
Ныне фортуна моя не настолько ко мне благосклонна,
Чтобы рассчитывать мог ты на людскую хвалу.
В благополучье былом любил я почестей знаки,
Страстно желал, чтоб молва славил имя мое.
- 55 Если мне труд роковой и стихи ненавистны не стали,
То и довольно с меня — я же от них пострадал.
В путь же! На Рим за меня посмотри — тебе он доступен.
Боги! Когда бы я мог сделаться свитком своим!
Не полагай, что, придя чужестранцем в город великий,
- 60 Будешь в народной толпе ты никому не знаком —
И без названья тебя тотчас опознают по цвету,
Как бы ты скрыть ни хотел происхождение свое.
Тайно, однако, входи, для тебя мои песни опасны —
Ныне они уж не те, громкий утрачен успех.
- 65 Если ж тебя кто-нибудь, узнав, кто твой сочинитель,
Вовсе не станет читать, сразу отбросив, — скажи:
На заголовок взгляни — я здесь в любви не наставник,
Прежний труд мой уже кару понес поделом.
Может быть, ждешь: своему не дам ли приказа посланцу
- 70 Вверх подняться, на холм, к выси, где Цезаря дом?
Да не осудят меня те святые места и их боги:
С этой твердыни в меня грянул удар громовой.
Я, хоть и знаю, что там обитают, полны милосердия,
Вышние силы, — страшусь раз покаравших богов...
- 75 Крыльев шум услышав издалека, голубь трепещет,

- Если хоть раз он в твоих, ястреб, когтях побывал.
Так же боится овца далеко отходить от овчарни,
Если от волчьих зубов только что шкуру спасла.
Сам Фээтон, будь он жив, избегал бы небес и по дурн
80 Трогать не стал бы коней, страстно желанных ему.
Так же и я, испытыв однажды стрелу Громовержца,
Лишь громыхнет в облаках, жду, что меня поразит.
Аргоса флот, избежав погибельных вод Кафарей,
Гонит всегда паруса прочь от эвбейских пучин.
85 Так же и мой челнок, потрепанный бурей жестокой,
Ныне боится тех мест, где он едва не погиб.
Милый мой свиток, итак: осмотрителен будь и опаслив —
Благо и то, что тебя люди попроще прочтут.
К высям заоблачным взмыв на мощных крыльях, оттуда
90 Пал и названье Икар морю Икарову дал.
Все же сказать нелегко, под парусом плыть иль на веслах,—
Дело и время тебе сами совет подадут.
Если в досужий ты час будешь передан и благодушье
В доме заметишь — поймешь: переломил себя гнев.
95 Если тебя кто-нибудь, твою нерешительность видя,
Сам передаст, предпослав несколько слов, — подойди.
В день счастливый, и сам своего господина счастливей,
Цели достигни и тем муки мои облегчи.
Их иль никто не смягчит, иль тот, мне рану нанесший,
100 Сам, как древле Ахилл, и уврачует ее.
Только меня, смотри, не сгуби, добра мне желая,
Ибо надежда в душе страха слабей у меня,
Как бы притихший гнев не стал свирепствовать снова,
Поберегись на меня новую кару навлечь.
105 После, когда в сокровенный приют мой будешь ты принят
И обретешь для себя в круглой коробочке дом,
Там ты увидишь своих в порядке расставленных братьев —
Все они также трудом бдений ночных рождены.
Те, остальные, толпой, не таясь, о себе заявляют,
110 И на открытом челе значатся их имена.
Трех ты увидишь в углу притаившихся темном, поодаль,
Хоть обучают они общеизвестным вещам.
Дальше от них убегай иль, если уста твои смелы,
Имя Эдипа им дать иль Телегона решишь.
115 Но, заклинаю, из трех, если дóрог тебе их родитель,
Ни одного не люби, он хоть и учит любить.
Есть там еще, кроме них, и пятнадцать книг «Превращений» —
Вырвали их из костра при всеожженье моем.
Им скажи, я прошу, что судьбы и моей превращенье
120 В повествованиях тех место могло бы найти,
Ибо внезапно она непохожей на прежнюю стала:

Радостной раньше была, ныне рыдаю о ней.
 Знай, что много б еще я преподал тебе наставлений,
 Только боюсь, что и так слишком тебя задержал.
 125 Если с собою возьмешь все то, что в ум мне приходит,
 Как бы не стал ты, боюсь, грузом уже не в подъем.
 Долог твой путь, поспешай! А мне — на окраине мира
 Жить и в далекой земле землю свою вспоминать.

2.

Боги морей и небес! Что осталось мне, кроме молений?
 О, пощадите корабль, ставший игралищем волн!
 Подпись не ставьте, молю, под великого Цезаря гневом:
 Если преследует бог, может вступиться другой.
 5 Был против Трои Вулкан, меж тем Аполлон был за Трою.
 Другом Венера была тевкрам, Паллада — врагом.
 Турна Сатурнова дочь предпочла, ненавидя Энея,
 Но ограждаем бывал мощью Венеры Эней.
 Сколько грозился Нептун с осторожным покончить Улиссом —
 10 Был у Кронида не раз вырван Минервой Улисс.
 Что же мешаает и нам, хоть мы и неровня героям,
 Если разгневался бог, помощь другого узнать?
 Но — несчастливец — слова понапрасну я праздные трачу,
 Сам говорю — а от волн брызги мне губы кропят,
 15 И ужасающий Нот мои речи уносит — молениям
 Не позволяет достичь слуха молимых богов.
 Ветры как будто взялись двойною питать меня мукой —
 Вместе в безвестную даль мчат паруса и мольбы.
 Боги! Какие кругом загибаются пенные горы!
 20 Можно подумать: сейчас звезды заденут они.
 Сколько меж пенистых волн разверзается водных ущелий!
 Можно подумать: вот-вот черный заденут Аид!
 Взоры куда ни направь, повсюду лишь море и небо.
 Море громадами волн, небо ненастьем грозит.
 25 А между ними шумят в непрерывном кручении ветры,
 Море не знает само, кто же владыка над ним.
 Вот взбушевавшийся Эвр с багряного мчится востока,
 А уж навстречу ему западом послан Зефир;
 Вот и холодный Борей от Медведиц несется в безумье,
 30 Вот поспешает и Нот с братьями в битву вступить.
 Кормчий растерян: куда корабль ему править, не знает,
 Даже искусство зашло, разум теряя, в тупик.
 Стало быть, это конец, на спасенье надежда напрасна;
 Я говорю — а волна мне окатила лицо.
 35 Скоро вода захлестнет эту душу живую, и воды
 Тщетно взывающий рот влагой смертельной зальют.

- Но лишь о том, что я сослан, жена моя верная плачет,
О злоключеньи одном знает и стонет она,
Только не знает, как нас в безбрежной бросает пучине,
40 Как устремляется шквал, как уже видится смерть.
Слава богам, что отплыть я с собой не позволил супруге,
Истинно, вместо одной две бы я смерти познал.
Если погибну теперь, но ее не коснется опасность,
То половина меня, знаю, останется жить.
- 45 Боги! Мгновенно кругом расверкались молнии в тучах,
Что за ужасный удар над головой прогремел!
Ветры бока кораблю потрясают с таким грохотаньем,
Словно, ядро за ядром, город баллиста разит.
Вот подымается вал, всех прочих возвышенной, грозно
50 Перед одинадцатым он за девятым идет.
Я умереть не боюсь, но страшусь этой смерти плачевной —
Если б не в море тонуть, смерть я наградой бы счел.
Благо — в положенный час умереть иль в сраженьи погибнуть,
Чтобы в привычной земле тело покой обрело.
- 55 Благо — от близких своих забот ожидать о могиле,
Вместо того чтоб на корм рыбам морским угодить.
Пусть я погиблеи злой заслужил — но здесь не один я
На корабле, — за меня что ж неповинным страдать?
О небожители, вы и лазурные боги морские,
60 Сонмы и тех и других — нам перестаньте грозить!
Жизнь, сохраненная мне милосерднейшим Цезаря гневом,
Лишь довлеклась бы до тех, мне предназначенных мест!
Если провинность мою сопоставить с возмездием — знайте,
Цезарем я за нее не был на смерть осужден.
- 65 Если бы Цезарь желал услать меня к водам стигийским,
Ваша бы помощь ему в этом была не нужна.
Только бы он захотел, моей бы он крови потоки
Пролил — что сам даровал, он полноправен отнять.
Вы же, кого никаким я не мог оскорбить преступленьем,
70 Да удовольствуют вас, боги, страданья мои.
Пусть несчастному жизнь сохранить вы желали бы все же —
Если пропал человек, то уж его не спасти.
Вы пощадите меня, и море утихнет, и ветер
Станет попутным, — а я? Ссылным останусь, увьи!
- 75 Жадностью я не гоним, богатств не ищу непомерных,
Чтобы товары менять, в море бразды не веду;
Как в молодые года, учиться не еду в Афины
И не к азийским стремлюсь виденным мной городам.
Я не мечтаю, сойдя в Александровом городе славном,
80 Видеть услады твои, о жизнерадостный Нил.
Кто бы поверил, зачем ожидаю попутного ветра? —
Быть на сарматской земле я у бессмертных молю.

- Велено жить мне в дикарской стране, на западном Понте,—
 Плачусь, что медленно так мчусь я от родины прочь.
 85 Чтоб очутиться в глухих, бог весть где затерянных Томах,
 Сам я изгнания путь, вышних моля, тороплю.
 Если я вами любим, эти страшные воды смирите,
 Божеской волей своей мой охраните корабль.
 Если ж не мил, не спешите к земле, мне сужденной, причалить —
 90 Полнаказания в том, где мне приказано жить.
 Мчите! Что делать мне здесь? Паруса надувайте мне, ветры!
 Все ли мне вдоль берегов милой Авзонии плыть?
 Цезарь не хочет того — не держите гонимого богом!
 Пусть увидит меня берег Понтийской земли.
 95 Цезарь меня покарал, я виновен: блюдя благочестье,
 Я преступлений своих и не берусь защищать.
 Но коль деянья людей не вводят богов в заблужденье,
 Знайте: хоть я виноват, нет злодеяний за мной.
 Сами вы знаете: я совершил и вправду оплошность,
 100 В этом не умысел злой — глупость повинна моя.
 Если я Августов дом поддерживал, меньший из граждан,
 Если я Цезарев суд волей всеобщей считал,
 Если время его называл я счастливейшим веком,
 Если я Цезарю жег ладан и Цезарям всем,
 105 Ежели все это так, меня пощадите, о боги!
 Если же нет — с головой пусть меня скроет волна.
 Что это? Или редеть начинают набухшие тучи?
 Или меняется вид моря, смирившего гнев?
 То не случайно! То вы, в благовремение призваны, боги,
 110 Не ошибаясь ни в чем, мне пожелали помочь.

3.

- Только представлю себе той ночи печальнейшей образ,
 Той, что в Граде была ночью последней моей,
 Только лишь вспомню, как я со всем дорогим расставался,—
 Льются слезы из глаз даже сейчас у меня.
 5 День приближался уже, в который Цезарь назначил
 Мне за последний предел милой Авзонии плыть.
 Чтоб изготавиться в путь, ни сил, ни часов не хватало;
 Все отупело во мне, заоченела душа.
 Я не успел для себя ни рабов, ни спутника выбрать,
 10 Платья не взял, никаких ссыльному нужных вещей.
 Я помертвел, как тот, кто, молнией Зевса сраженный,
 Жив, но не знает и сам, жив ли еще или мертв.
 Лишь когда горькая боль прогнала помрачавшие душу
 Тучи и чувства когда вновь возвратились ко мне,
 15 Я наконец, уходя, к друзьям обратился печальным,

Хоть из всего их числа двое лишь было со мной.
Плакала горше, чем я, жена, меня обнимая,
Ливнем слезы лились по неповинным щекам.
20 Дочь в то время была в отсутствии, в Ливии дальней,
И об изгнание моем знать ничего не могла.
Всюду, куда ни взгляни, раздавались рыдания и стоны,
Будто бы дом голосил на погребенье моем.
Женщин, мужчин и даже детей моя гибель повергла
В скорбь, и в доме моем каждый был угол в слезах.
25 Если великий пример применим к ничтожному делу —
Троя такую была в день разрушенья ее.
Но и людей и собак голоса понемногу притихли,
И уж луна в небесах ночи коней погнала.
Я поглядел на нее, а потом и на тот Капитолий,
30 Чья не на пользу стена с Ларом сомкнулась моим.
«Вышние силы! — сказал, — чья в этих палатах обитель,
Храмы, которых моим впредь уж не видеть глазам,
Вы, с кем я расстаюсь, Квиринова гордого града
Боги, в сей час и навек вам поклоненье мое.
35 Пусть я поздно берусь за щит, когда уже ранен, —
Все же изгнанья позор, боги, снимите с меня.
Сыну небес, я молю, скажите, что впал я в ошибку,
Чтобы вину он мою за преступленье не счел.
То, что ведомо вам, пусть услышит меня покаравший.
40 Умилосердится бог — горе смогу я избыть».
Так я всевышних молил; жены были долгие моленья.
Горьких рыданий ее всхлипы мешали словам.
К Ларам она между тем, распустив волоса, припадала,
Губы касались, дрожа, стывшей алтарной золы.
45 Сколько к Пенатам она, не желавшим внимать, обращала
Слов, бессильных уже милого мужа спасти!
Но торопливая ночь не давала времени медлить,
Вниз от вершины небес нимфа аркадская шла.
Что было делать? Меня не пускала любимая нежно
50 Родина — но наступил крайний изгнания срок.
Сколько я раз говорил поспешавшим: «К чему торопиться?
Вдумайтесь только, куда нам и откуда спешить!»
Сколько я раз себе лгал, что вот уже твердо назначен
Благоприятнейший час для отправления в путь.
55 Трижды ступил на порог и трижды вернулся — казалось,
Ноги в согласье с душой медлили сами идти.
Сколько я раз, простившись, опять разговаривал долго,
И, уж совсем уходя, снова своих целовал.
Дав порученье, его повторял; желал обмануться,
60 В каждом предмете хотел видеть возврата залог.
И наконец: «Что спешить? — говорю. — Я в Скифию выслан,

Должен покинуть я Рим — медля, я прав, и вдвойне!
 Я от супруги живой живым отторгаюсь навеки,
 Дом оставляю и всех верных домашних своих.
 65 Я покидаю друзей, любимых братской любовью,—
 О, эта дружба сердец, верный Тесея завет!
 Можно еще их обнять, хоть раз — быть может, последний,—
 Я упустил не хочу мне остающийся час».

Медлить больше нельзя. Прерываю речь на полслове,
 70 Всех, кто так дорог душе, долго в объятьях держу.
 Но, между тем как еще мы прощались и плакали, в небе
 Ярко Денница зажглась — мне роковая звезда.
 Словно я надвое рвусь, словно часть себя покидаю,
 Словно бы кто обрубил бедное тело мое.

75 Меткий мучился так, когда ему за измену
 Кони мстили, стремя в разные стороны бег.
 Стоны и вопли меж тем моих раздаются домашних,
 И в обнаженную грудь руки печальные бьют.
 Вот и супруга, вися на плечах уходящего, слезы
 80 Перемешала свои с горечью слов, говоря:
 «Нет, не отнимут тебя! Мы вместе отправимся, вместе!
 Я за тобою пойду ссыльного ссыльной женой.
 Путь нам назначен один, я на край земли уезжаю.
 Легкий не будет мой вес судну изгнания тяжел.

85 С родины гонит тебя разгневанный Цезарь, меня же
 Гонит любовь, и любовь Цезарем будет моим».

Были попытки ее повторением прежних попыток,
 И покорилась едва мысли о пользе она.
 Вышел я так, что казалось, меня хоронить выносили.
 90 Грязен, растрепан я был, волос небритый торчал.
 Мне говорили потом, что, света невзвидя от горя,
 Полуживая, в тот миг рухнула на пол жена.
 А как очнулась она, с волосами, покрытыми пылью,
 В чувства придя наконец, с плит ледяных поднялась,
 95 Стала рыдать о себе, о своих опустевших Пенатах,
 Был, что ни миг, на устах силою отнятый муж.
 Так убивалась она, как будто бы видела тело
 Дочери или мое пред погребальным костром.
 Смерти хотела она, ожидала от смерти покоя,
 100 Но удержалась, решив жизнь продолжать для меня.
 Пусть живет для меня, раз так уже судьбы судили,
 Пусть мне силы крепит верной помощью своей.

4.

Кануть готов в Океан эриманфской Медведицы сторож,
 И с приближеньем его гладь возмущается вод.
 Мы между тем бороздим, увы, не по собственной воле

- Гладь Ионийскую — страх смелости нам придает.
- ⁵ Горел! Как бурно встают под многими ветрами волны!
Как, поднимаясь со дна, взрытый клубится песок!
И на крутую корму, и на нос корабельный взвиваясь,
С целую гору волна писанных хлещет богов,
¹⁰ Остов сосновый трещит, скрипят, напрягаясь, канаты,
С нами корабль заодно стонет от той же беды.
Кормчий, которого страх леденящею бледностью выдан,
Судном не правит и сам сдался на милость ему.
Словно возница плохой бесполезные вожжи бросает,
Ими не в силах пригнуть гордую шею коню,
- ¹⁵ Так же, сбившись с пути, лишь неистовству волн подчиняясь,
Он, я гляжу, паруса отдал во власть кораблю.
Ежели только Эол супротивных не выпустит ветров,
То к заповеданным мне я понесусь берегам:
Там, далеко от земли Иллирийской, оставленной слева,
²⁰ Справа Италия мне — край недоступный! — видна.
Так не гони же меня к побережью запретному, ветер!
Вместе со мной покорись богу великому ты!
Я говорю, а меж тем и боюсь приближенья, и жажду...
Как под ударом волны доски трещат на бортах!
- ²⁵ Сжальтесь, сжальтесь, молю, хоть вы, о боги морские!
Будет с меня и того, что Громовержец мне враг!
От истомленной души жестокую смерть отведите —
Если погибель минуть может того, кто погиб.

5.

- Ты, кто меж прочих друзей не бывал мною назван не первым,
Ты, кто долю мою долей считаешь своей,
Кто, когда грома удар поразил меня, первым решился
Вовремя дух поддержать, помню, беседой своей,
- ⁵ Ты, кто мягко совет мне подал в живых оставаться
В день, когда сердце мое страстно лишь к смерти влеклось,
Ты опознаешь себя под приметами, скрывшими имя:
Перечень добрых твоих дел ошибиться не даст.
Их навсегда сохраню в глубинах души сокровенных,
- ¹⁰ Вечно за то, что живу, буду твоим должником.
Раньше этот мой дух в пустом растворится пространстве,
Кости оставив мой в гаснущем пепле костра,
Нежели я забвенью предам все то, что ты сделал,
Или пройдет невзначай верная нежность моя.
- ¹⁵ Пусть милосердие богов такой пошлет тебе жребий,
Чтобы в услуге чужой ты не нуждался, как я.
Если б мои паруса попутным наполнились ветром,
Может быть, верность твою я бы не мог испытать:

- Так бы не мог Пирифой убедиться в Тесеевой дружбе,
 20 Если б живым не сошел с ним к Ахеронту Тесей.
 Верный фокеец, что стал примером любви настоящей,
 Этим обязан твоим фуриям, бедный Орест!
 Если бы к рутулам в плен, к врагам, Евриал не попался,
 Славы не знал бы и ты, чадо Гиртаково, Нис.
- 25 Как надлежит на огне испытывать золота пробу,
 Надо и верность людей в полосу бед узнавать.
 Если Фортуна добра и тебе улыбается ясно,
 Все устремляются вслед за колесницей твоей,
 Но разразится гроза — и бегут, узнавать не желая,
- 30 Прочь от того, вслед за кем сонмом теснились вчера.
 Все это знал я давно по примерам ранее живших,
 Ныне же в бедах своих горькую правду постиг.
 Двое иль трое всего мне остались донине друзьями —
 Прочие льнули толпой к доле моей, не ко мне.
- 35 Вам-то теперь и помочь мне в беде, если вас так немного.
 Дать надежный приют жертве погибельных волн.
 В страхе дрожать показном перестаньте, напрасно не бойтесь,
 Верность дружбе храня, богу обиду нанести.
- Цезарь нередко хвалил и в войсках противника верность,
 40 Он ее ценит в своих и во врагах ее чтит.
 Дело не тяжело мое: никогда не служил я знаменам
 Вражьи, изгнанником стал лишь по своей простоте.
 Значит, за делом моим, умоляю, следи неусыпно,—
 Если возможно смягчить чем-либо гнев божества.
- 45 Если захочет иной о делах моих больше разведать,
 Пусть он знает: нет сил выполнить просьбу его.
 Бед не исчислить моих, как звезд, сияющих в небе,
 Или в пустынном песке оку незримых частиц.
 Столько я мук испытал, что никто и помыслить не может;
- 50 Все было подлинно так, но не поверит никто.
 Части их вместе со мной умереть надлежит. О, когда бы
 То, что скрываю я сам, скрытым остаться могло!
 Трубный я голос имей и грудь выносливей меди,
 Будь сто уст у меня, в них же по сто языков,
- 55 В слово бы я и тогда не мог вместить мои муки:
 Слишком обилен предмет, чтобы достало мне сил!
 Полно описывать вам, ученым поэтам, невзгоды
 Странствий Улиссовых: я больше Улисса страдал.
 Многие годы Улисс на малом скитался пространстве,
- 60 Между Дулихием он и Илионом блуждал;
 Я же, проплыв по морям, где не наши созвездия светят,
 Роком к сарматской земле, к гетским прибит берегам.
 Был с ним надежный отряд сотоварищей, спутников верных,—
 Я же в изгнанье бежал, преданный всеми вокруг.

- ⁶⁵ Радостно плыл он домой, возвращался в отчизну с победой —
 Я же сейчас, побежден, прочь от отчизны плыву.
 Были бы домом моим Дулихий, Итака иль Самос —
 Право, возмездьем пустым с ними разлука была б;
⁷⁰ Мне же обителью был над всем надзирающим миром
 Сам семихолмный Рим, власти чертог и богов.
 Телом был тот закален, в трудах постоянных испытан —
 Силы не те у меня, отроду нежен я был.
 Тот свой век проводил в жестоких бранных тревогах —
 Я же был предан всю жизнь тихим ученым трудам.
⁷⁵ Богом я был утеснен, и никто не смягчил мое горе —
 С ним же всечасно сама брани богиня была.
 Меньше Юпитера тот, кто морем взволнованным правит:
 Гнев он Нептуна познал, я же — Юпитера гнев.
 Все злоключенья его — прибавь! — едва ли не басни —
⁸⁰ А в испытаньях моих выдумки нет и следа.
 Он, несмотря ни на что, достиг желанных Пенатов,
 Вновь обладателем стал чаемых долго полей —
 Мне ж предстоит навсегда лишиться отеческой почвы,
 Ежели только свой гнев бог не изволит смягчить.

6.

- Так горячо не чтит Антимах из Клароса Лиду,
 Так Биттиду свою косский певец не любил,
 Как беззаветно тебе, жена, я сердцем привержен,
 Твой, не то что плохой, — твой злополучнейший муж!
⁵ Я точно свод, готовый упасть, а ты мне опорой:
 Все, что осталось во мне прежнего, твой это дар.
 Если не вовсе я нищ и наг — это ты устранила
 Всех, кто спешил схватить доски разбитой ладьи.
 Так же как лютый волк, голодный и кровожадный,
¹⁰ Возле овчарни ждет, не отлучится ль пастух,
 Как порою глядит с высоты ненасытный стервятник,
 Не приметит ли где плохо засыпанный труп,
 Так, не вступилась бы ты, уж не знаю, какой проходимец
 Все достоянье мое ловко прибрал бы к рукам!
¹⁵ Все посягательства ты отвела, добродетелью твердой
 Помощь друзей снискав, — чем их отблагодарю?
 В пользу твою говорит несчастный, но верный свидетель —
 Будет ли только иметь это свидетельство вес?
 Не превосходят тебя целомудрием ни Андромаха,
²⁰ Ни фессалиянка та, спутница мужа в Аид.
 Выпади жребий тебе воспетою быть Меонийцем,
 И Пенелопу тогда славой затмила бы ты.
 Ты бы в ряду героинь занимала первое место,

- Всех бы виднее была строем высоким души.
- ²⁵ Этим себе ли самой ты обязана, не наставленью,
 Вместе с тобой ли на свет верность твоя родилась,
 Иль в череде годов так привыкла ты римлянки первой
 Чтить неизменно пример, что уподобилась ей.
- ³⁰ Став и сама другим в образец безупречной женою —
 Только прилично ли нам высшее с малым равнять?
 Горе! Гений мой захирел, не тот он, что прежде,
 В меру твоих заслуг голосом дань не воздам!
 Если когда-то и в нас пламенели силы живые,
 Долгих лишений гнет их погасил и убил.
- ³⁵ Все же, когда не совсем бессильно мое славословье,
 Жить из века в век будешь ты в песне моей.

7.

- Если лица моего ты сберег на память подобье,
 Скинь с моих кудрей Вакху приятный венок!
 Этот веселья знак подобает счастливым поэтам —
 Мне ли, в такие ли дни кудри плющом увивать!..
- ⁵ Друг, это слово к тебе, ты знаешь сам, хоть таишься,
 Ты, кто на пальце всегда носишь поэта с собой,
 Изображенье мое оправив золотом красным,
 Чтобы видеть хоть так милые сердцу черты.
- ¹⁰ Глянeshь и каждый раз про себя промолвишь, наверно:
 «Как ты теперь далеко, друг наш старинный Назон!..»
 Преданность эту ценю, но стихи — мой образ вернейший;
 Сколько пошлю я, прочти — все, каковы ни на есть:
 Песни, где я говорю о людях, менявших свой облик, —
 Мастер, в изгнанье гоним, труд не успел завершить.
- ¹⁵ Их, и не только их, но многое, Рим покидая,
 В горе своей рукой бросил я в жадный огонь.
 Как Фестиада на смерть в огне обрeкла Мелеагра,
 Преданная сестра и беспощадная мать,
 Так в пылавший костер я бросал неповинные книги,
²⁰ Плоть от плоти моей — пусть погибают со мной! —
 То ли с обиды на муз, вовлекших меня в преступленье,
 То ль оставлять не желал, не обтесав их, стихи.
 Все же, поскольку они избежали уничтоженья,
 В списке, и не в одном, ходят, конечно, у вас, —
- ²⁵ Ныне молю: «Пусть живут! И пусть их люди читают,
 Праздный заняв досуг, и вспоминают меня...».
 Только едва ли прочтут терпеливо их, если не знают,
 Что не придал поэт должной отделки стиху.
- ³⁰ Молотом кое-как отковать успел я изделье,
 Строгим напильником слог не дали мне обточить.

Баловень славы, теперь не славы прошу — снисхожденья:
Лишь бы читатель меня, не заскучав, дочитал.
Шесть стихов посылаю тебе — под заглавием книги
Следует их поместить, если достойным сочтешь:
³⁵ «Ты, кто коснулся рукой этих свитков осиротелых!
Можно ли хотя бы для них в Городе место сыскать?
Тем благосклонней прими, что не сам их издал стихотворец,
Их из огня спасли при погребенье отца.
Было б возможно, поверь, я сам удалил бы изъяны,
⁴⁰ Все, какие таит необработанный слог».

8.

Вспять от морей к истокам своим глубокие хлынут
Реки, и Солнце коней оборотит на восток.
Звезды земля понесет, взбороздится под лемехом небо;
Пламя взметет волна, воду огонь породит.
⁵ Все природе пойдет вперекор, не останется в мире
Части такой, чтоб могла путь свой законный держать.
Сбудется все, что досель полагал несбыточным разум,
И не назвать, чему верить сегодня нельзя.
Это пророчество я возвещаю, обманутый неким,
¹⁰ Чьей по праву я ждал помощи в бедственный час.
Ты до того ли меня, неверный, предал забвенью,
Страх до того ли велик соприкоснуться с бедой,
Что и наведаться к нам ты не мог, подать утешенье
Падшему иль проводить прах мой на похоронах?
¹⁵ Имя дружбы, для всех святое и чтимое имя,
Дешево так у тебя — брось да ногой растопчи?
Трудно бы разве зайти к оглушенному грозным ударом,
Добрым участием своим тяжесть тоски облегчить
И о крушение моем — пусть даже не вместе поплакать,
²⁰ А на словах пожалеть, пусть и притворных словах!
Хоть бы проститься пришел, как делаали даже чужие,—
Высказать то, что велит людям обычай простой,
И хоть в последний день, покуда можно, увидеть
Горестный лик мой — его впредь не увидеть тебе!
²⁵ Неповторимый вовек услышать мой возглас прощальный
И отозваться в лад тем же коротким «прощай»!
Так поступал иной, кто со мною ничем и не связан
И откровенной слезой скорбь обо мне выдавал.
Не было, скажешь, у нас ничего, что нас единило,
³⁰ Не было дружеских уз и долголетней любви?
Скажешь, моих не знавал ты забав, ни дум заповедных
И не знавал я твоих дум и веселых забав?
Скажешь, знакомство со мной водил ты в Риме, и только,

Спутник и верный друг в странствиях давних моих?
 35 Иль это все — тщета, все по морю ветер развеял,
 Все поглотил и унес Леты студеной поток!
 Видно, ты родился не в городе мирном Квирина,
 В городе милом, куда доступ закрыт для меня:
 Нет — ты скалами рожден у левого берега Понта,
 40 В дикости скифских гор и савроматских теснин.
 Сетью каменных жил твое охвачено сердце,
 В грудь запал и пророс злобный железный посев.
 Та, что кормила тебя, младенцу в нежные губы
 Щедрый совала сосок, знаю, тигрицей была:
 45 Иначе горе мое ты не принял бы как посторонний
 И предо мной не держал за бессердечье ответ!
 Но уж когда роковая моя удвоена кара
 Тем, что со счета долой та молодая пора,—
 В памяти нашей сотри свой грех, чтоб уста, из которых
 50 Жалобу слышишь, могли другу хвалу вознести.

9.

Жизнь пожелаю тебе пройти до мѣты без горя,
 Если эти стихи ты без досады прочел.
 Пусть у гневных богов для себя я не вымолил милость,
 Да не отвергнут они эту мольбу о тебе!
 5 Не сосчитать друзей, пока благоденствие длится,
 Если же небо твое хмурится, ты одинок.
 Видишь — стаяй летят на светлую крышу голубки?
 Башни угрюмый свод птиц не приманит никак.
 К житнице, где ни зерна, муравьи не ползут вереницей,
 10 Где изобилье ушло, к дому друзья не спешат.
 Как неразлучно тень провожает идущих под солнцем,
 А лишь сокрылись лучи в тучах, и спутницы нет,—
 Так ненадежная чернь следит за лучами Фортуны:
 Чуть набегут облака, сразу отхлынет толпа.
 15 Пусть до смерти, мой друг, тебе это кажется ложью!
 Правду безрадостных слов сам я на деле узнал.
 До прогремевшей грозы стекалась толпа, не скудея,
 В мой хоть известный, но все ж чуждый тщеславия дом.
 А пошатнуло его под ударом — и все, убоявшись,
 20 Как бы не рухнул кров, скопом пустились бежать.
 Не удивительно мне, если молний иные страшатся,
 Видя, что в их огне все полыхает окрест.
 Но, когда друга друзья в превратностях не покидают,—
 Это и в злейшем враге Цезарь умеет ценить.
 25 Будет ли гневаться он, кто всех и терпимей, и выше,
 Если сраженного друг любит, как прежде любил?

- Видя, как свято Пилад аргонидду Оресту привержен,
 Дружбой такой, говорят, сам восхитился Фоант.
 30 Верность, какая навек Акторида связала с Ахиллом,
 Гектор троянцам своим ставил, бывало, в пример.
 Благочестивый Тесей сопутствовал дерзкому другу
 В мир теней — и о нем бог преисподней скорбел.
 И уж наверное, Турн, не с сухими глазами внимал ты,
 Как Евриалу хранил верность бесстрашную Нис.
 35 Мы и в противнике чтить готовы преданность падшим.
 Горе! Эти мои вняты не многим слова.
 Так у меня сложились дела, так судьба повернулась,
 Что остается одно: слезы безудержно лить.
 Все ж, как ни горестно я удручен тяжелой невзгодой,
 40 Мне от успехов твоих стало светлей на душе.
 Их я провидел давно, поверь, — едва твое судно
 В плаванье ветер погнал, силы еще не набрав.
 Если высокий нрав, если жизнь без пятна возвышают
 Смертного — значит, никто выше тебя не стоит;
 45 Если кому-то дано всех других затмить красноречьем —
 Дело любое не ты ль правым представить умел?
 Я изначально еще тебе предсказал, восхищенный:
 «Сцены широкой, друг, ждут дарованья твои!»
 Это не печень овцы, не левые грома раскаты
 50 Мне предрекли, не птиц вещий язык и полет:
 Разумом я предугадал, уменьем судить о грядущем
 Правду постиг без примет, предугадал и предрек.
 Все оправдалось, и вот от души теперь поздравляю
 Я и тебя и себя, что не сокрыл ты свой дар.
 55 Если б, о если бы свой сокрыл я во мраке глубоком,
 Тихо творил бы, труды не выставляя на свет!
 В строгой науке своей обрел ты пользу, вития,
 Мне наука моя легкая вред принесла.
 Впрочем, вся жизнь моя пред тобой: чему он в поэмах
 60 Учит, поэт от того нравом, ты знаешь, далек.
 Знаешь: давние это стихи, молодая забава;
 Хоть и нельзя похвалить, все ж только шутка они!
 Пусть весомого я ничего не представлю в защиту,
 Думаю: старый грех можно бы нам и простить.
 65 Дело мое не оставь, добивайся прощенья для друга.
 Вышел достойно в путь, дальше достойно иди!

10.

Пусть охранит мой корабль приязнь белокурой Минервы;
 Писан на нем ее шлем, символ названья его.
 Под парусами ль идет — он малейшим гоним дуновеньем,
 Если ж на веслах одних — людям нетрудно грести.

- ⁵ Спутников мало ему побеждать стремительным бегом —
 Вышедших раньше, и тех он обгоняет легко.
 Качку выносит зыбей, неустанный выносит он приступ
 Волн и под натиском их течи ни разу не даст.
- ¹⁰ Судно мое я впервые узнал в коринфских Кенхреях —
 Верного друга, вождя ссылки поспешной моей.
 Он через много препон, и морей, и враждующих ветров,
 Волей Паллады храним, благополучно прошел.
 Пусть он, молю, и теперь до устьй просторного Понта
 Благополучно плывет, к гетской причалит земле.
- ¹⁵ К морю он вывел меня, что зовется Эоловой Геллы
 Морем, по дальним волнам узкий отмеривши путь,
 Влево свернув, за кормой мы оставили Гекторов город
 И добралась до твоих пристаней, Имброс морской.
 С легким ветром потом подойдя к побережьям Зеринфа,
- ²⁰ На Самофракию мой прибыл усталый корабль.
 А от нее переход невелик для идущих в Темпиру.
 Только до этих берегов плыл с господином корабль,
 Ибо решил я пройти Бистонской равниной по суше —
 Он к Геллеспонту меж тем вновь направляет свой путь.
- ²⁵ Мчится к Дардании он, основателя имя носящей,
 Мчится к тебе, о Лампсак, богом хранимый садов,
 К узкой теснине морской, где плыла на беду свою дева,
 Где Абидос отделен бурной от Сеста волной,
 Дальше на Кизик идет, что у самой лежит Пропонтиды,
- ³⁰ Кизик, прославленный град, труд гемонийских мужей,
 И на Византий, где брег над жерлом господствует Понта
 Там, где меж смежных морей настезь распахнута дверь.
 Долгую путь одолеет стезю и с Австром попутным
 Между подвижных пройдет скал Кианейский легко,
- ³⁵ Чтобы, Финийский залив и град миновав Аполлона,
 Вскоре возвышенных стен Анхиалийских достичь,
 Порт Месебрийский пройти, Одесс и крепость, которой
 Некогда имя твое жители дали, о Вакх,
- ⁴⁰ Также и ту, где нашли пришельцы от стен Алкафоя —
 Так преданье гласит — Ларам бездомным приют,
 И невредимо придет оттуда в город милетский,
 Где оскорбленный бог в гневе обрек меня жить.
 Если туда доплывет, мы овцу заколем Минерве —
 Жертва богаче, увы, мне недоступна теперь.
- ⁴⁵ Также Тиндара сыны, на острове чтимые этом,
 Милость явите и вы мне на обоих путях:
 Первый из двух кораблей Симплегад теснину минует,
 Будет второй бороздить моря Бистонского зыбь.
- ⁵⁰ Но, хоть и к разным местам, пусть по милости вашей с попутным
 Ветром помчится один, с ветром попутным — второй.

11.

Все до последней строки, что прочтешь ты в книжечке этой,
Все написано мной в трудных тревогах пути.
Видела Адрия нас, когда средь открытого моря
Я в ледяном декабре дрог до костей и писал;
5 После, когда, покинув Коринф, двух морей средостенье,
Переменил я корабль, дальше в изгнание спеша,
Верно, дивились на нас в Эгейских водах Киклады:
«Кто там под свист и вой в бурю слагает стихи?»
10 Странно теперь и мне самому, как в этом смятенье
Духа и гневных вод гений мой все ж устоял!
Оцепенение чувств иль безумие этому имя,
Легче в привычных трудах делалось мне на душе.
Часто гоняли меня по волнам тученосные Геды,
Часто под взором Плеяд море вскипало грозой,
15 Часто мрачил нам день эриманфской Медведицы сторож
Или Гиады Австр в ливнях осенних топил.
Море врывалось порой в корабль, но и тут я, бывало,
Сам трепещу, а рукой стих за стихом вывожу.
Вот и сейчас: на ветру напряглись и стонут канаты,
20 Вогнутым горбясь холмом, пенный вздымается вал.
Вижу, кормчий забыл искусство свое и, с мольбою
К небу ладони воздев, помощи ждет от богов.
Всюду, куда ни гляжу, только смерти вижу обличье —
Смерти, которой страшусь и о которой молю!
25 В гавань приду, а зачем? И гавань-то ужасом полнит:
Моря опасна вражда, берег опасней вдвойне!
Мучат коварством равно что люди, что море — и страхи
Схожие, как близнецы, буря рождает и меч:
Подстерегает меня клинок, чтобы кровью упиться,
30 Буря ревнует стяжать славу убийцы моей.
Слева — варварский край: на поживу жадный, привык он
В войнах, в крови, в резне верной добычи искать.
Как ни взмело дыханье зимы водяные просторы,
Пуще, чем море вокруг, сердце в груди смятено.
35 Тем снисходительней нам ты простишь, справедливый читатель,
Если твоих надежд не оправдали стихи.
Я их писал, увы, не в садах моих, как любил я,
Не по привычке былой, нежась в постели, слагал;
Дней коротких лучи уловляя, игрушка пучины,
40 Я пишу, а волна хлещет мне прямо на лист.
Развоевалась зима и, жестоко грозя, негодует,
Что не сдается поэт, пишет и пишет стихи!
Что ж, я готов уступить, но уступки прошу за уступку:
Вот я кончаю стихи, ты же кончай бушевать.

КНИГА II

Элегия единственная

- Разве до вас мне сейчас, до стихов и книжек злосчастных?
 Я ведь и так из-за вас, из-за таланта погиб.
 Что ж, возвращаюсь опять к моим отверженным Музам?
 Мало с меня, что за них был уже я осужден?
- ⁵ Песни — причина того, что мужчины и женщины скопом
 В час недобрый искать стали знакомства со мной.
 Песни — причина того, что я и мое поведение
 Цезарем осуждены из-за «Науки любви».
- ¹⁰ Страсть к стихам отними и снимешь с меня обвиненья:
 Думаю, лишь за стихи вредным признали меня.
 Вот наградой какой мой труд бессонный отмечен:
 Я дарованьем своим лишь наказанье добыл.
 Будь я немного умней, ненавистны б мне стали по праву
 Девять ученых сестер, губящих собственных слуг.
- ¹⁵ Я же теперь — таково безумие, спутник болезни,—
 Ногу неловкую вновь ставлю на тот же уступ.
 Так побежденный боец возвращается вновь на арену,
 Так поврежденный корабль в море выходит опять.
 Может быть, как в старину Тевтрантова царства правитель,
²⁰ Буду и я исцелен рану нанесшим копьём.
 Муза, навлекшая гнев, сама же его успокоит:
 Песнями можно смягчить даже великих богов.
 Цезарь и сам приказал авзонийским женщинам песней
 Каждый год прославлять Мать в башненосном венце.
- ²⁵ Феба велел величать на вновь устроенных играх,
 Видеть которые век может единственный раз.
 Этих богов в образец возьми, милосерднейший Цезарь,
 Гнев твой да будет смягчен ныне талантом моим.
 Я не могу отрицать, что он справедлив и заслужен,
³⁰ Нет, не настолько еще стыд позабыли уста,
 Но милосердые явить ты не мог бы, не будь я виновен:
 Жребий мой повод тебе для снисхождения дает.
 Если бы всех, кто грешит, поражал Юпитер громами,
 То без единой стрелы вскоре остался бы он.
- ³⁵ Бог же, когда прогремит и грохотом мир испугает,
 Чистым, дождь разогнав, делает воздух опять.
 По справедливости он отец и правитель бессмертных,
 По справедливости нет выше его никого.
 Ты, что зовешься отцом и правителем нашей отчины,
⁴⁰ С богом поступками будь, так же как именем, схож.

Ты ведь и делаешь так, и нет никого, кто умеет
Власти поведья держать так же свободно, как ты.
Ты к побежденным врагам всегда бывал милосерден,
Хоть милосердья от них сам ты не мог ожидать.

⁴⁵ Видел я, как оделял ты почестью или богатством
Тех, кто когда-то посмел меч на тебя поднимать.
День окончанья войны прекращает и гнев твой мгновенно,
Бывшие недруги в храм вместе приносят дары.
И как солдаты твои, одолев противника, рады,

⁵⁰ Так побежденный тобой рад твоему торжеству.
Я не столь виноват: мечом с тобой я не спорил,
В стане, враждебном тебе, я никогда не бывал.
Морем клянусь, и землей, и богами третьей стихии,
Видимым богом клянусь, наш покровитель, тобой:

⁵⁵ Всем моим сердцем тебе сочувствовал я, о великий,
Помыслы отдал тебе (большего дать я не мог).
Я желал, чтобы ты вознесся к звездам не скоро.
Был я песчинкой в толпе тех, кто о том же молил.
Я воскурял за тебя фимиам и вместе со всеми

⁶⁰ В храме молитвы свои с общей молитвой сливал.
Упомяну ли, что те, меня погубившие книги
В тысячах мест полны именем славным твоим?
В больший мой труд загляни, который еще не окончен,
В невероятный рассказ о превращениях тел:

⁶⁵ Ты обнаружишь, что я и там тебя прославляю,
Ты доказательства чувств там обнаружишь моих.
Знаю, что славу твою стихами нельзя увеличить,
Знаю, что ей и без них некуда дальше расти.
Мир переполнен молвой о Юпитере, правда, но слушать

⁷⁰ Песнь о деяньях своих нравится даже ему.
Если напомнят ему, как сражались с гигантами боги,
Может быть, эту хвалу слушает с радостью он.
Пусть тебя славят певцы, которым это пристало,
Пусть тебе песни поют с большим талантом, чем я,

⁷⁵ Все же, как сотня быков заколотых трогает бога,
Так приклоняет свой взор к пригоршне ладана он.
Ах, как безжалостен был неведомый мне неприятель,
Тот, кто однажды тебе шутки мои прочитал!
Он не хотел, чтобы ты беспристрастным взором увидел,

⁸⁰ Сколько почтенья к тебе вложено в книги мои.
Если ты враг мой теперь, кто может остаться мне другом?
Сам я порою готов возненавидеть себя.
Дом, который осел, начинает набок клониться
И на осевшую часть всем своим весом давить.

⁸⁵ Трещине лишь пробежать, и вмиг рассыдутся стены.
И наконец под своей тяжестью рушится дом.

Ненависть общая — все, чего я добился стихами,
 И, как ей должно, толпа с волей согласна твоей.
 80 Вспомни, ты сам признавал безупречным мое поведение,
 Сам ты для смотра коня некогда мне даровал.
 Пусть все это ничто, пусть честность нам не приносит
 Славы — но все ж и вины не было также на мне.
 Я не обидел ничем порученных мне подсудимых
 Там, где вершат дела десятью десятью мужей.
 95 Я безупречно решал в суде гражданские тяжбы,
 Из проигравших никто не усомнился во мне.
 О злополучный, не стань я жертвой недавних событий,—
 Мне правосудье твое не угрожало ничем.
 Случай меня погубил, и под первым натиском бури
 100 В бездне морской потонул течи не знавший корабль.
 Нет, не одною волной меня опрокинуло — воды
 Хлынули все на меня, ринулся весь Океан.
 О, для чего провинились глаза, увидевши нечто?
 Как на себя я навлек, неосторожный, вину?
 105 Раз невзначай увидел Актеон нагую Диану:
 Дичью для собственных псов стал из-за этого он.
 Значит, невольной вины не прощают всевышние людям,
 Милости нет, коли бог даже случайно задет.
 Ибо в горестный день, когда совершил я ошибку,
 110 Рухнул, пусть небольшой, но незапятнанный дом.
 Пусть небольшой, но в дали веков отеческих зримый,
 Он благородством своим мог бы поспорить с любым.
 Он не бросался в глаза ни роскошью, ни нищетой,
 Не выделялся ничем — истого всадника дом.
 115 Если б и не был мой дом старинным всадника домом,
 Славу ему бы принес мой поэтический дар,
 И, хоть язвят, что его я на шалости тратил пустые,
 Громкое имя мое миру известно всему.
 Тьма просвещенных умов Назона знает и ценит
 120 И причисляет его к самым любимым певцам.
 Вот и обрушился дом, лишь недавно Музам любезный,
 Пал под гнетом одной, хоть и немалой, вины,
 Все же так он упал, что воздвигнуться может из праха,
 Если смягчится вдруг Цезаря праведный гнев.
 125 Столь милосердным себя явил в наказании Цезарь,
 Что оказалось оно мягче, чем я ожидал.
 Мне дарована жизнь, и до казни свой гнев не простер ты,
 Пользуясь силой своей, меру ты, принцепс, хранил.
 Ты достойно меня не лишил — наследия предков,
 130 Будто бы мало того, что подарил ты мне жизнь.
 Не был я заклеяем как преступник решением сената,
 Не был я присужден к ссылке особым судом.

Сам произнес приговор и сам, как правитель достойный,
Ты за обиды свои в горьких словах отомстил.
135 Даже и этот эдикт, для меня суровый и грозный,
Все-таки можно еще легкою карой назвать,
Ибо значитса в нем, что я не изгнан, а сослан,
Мне облегчают судьбу мягкие эти слова.
Люди со здравым умом считают из всех наказаний
140 Самым тяжелым одно — вызвать твою неприязнь.
Но ведь бывает порой божество к мольбам благосклонно,
Но ведь сменяет порой бурю сияющий день.
Видеть мне вяз довелось, отягченный лозой виноградной,
Ствол которого был молнией бога задет.
145 Пусть ты надеяться мне запретил, я все же надеюсь —
В этом одном не могу повиноваться тебе.
Весь я полон надежд, как твое милосердие вспомню,
Весь — безнадежность, едва вспомню проступки мои.
Но как у буйных ветров, возмущающих лоно морское,
150 Не одинаков задор, не беспрерывен разгул,
Между порывами вдруг спадают они, и слабеют,
И затихают совсем, словно лишенные сил,
Так то отхлынут, то вновь ко мне возвращаются страхи,
Как и надежды мои милость твою проработать.
155 Ради всевышних богов — да продлят тебе долгие годы,
Если только они к римлянам благоволят,—
Ради отчизны моей, что сильна твоим попеченьем,
Частью которой и я был среди граждан других,
Пусть за высокий твой дух и дела воздав по заслугам,
160 Платит любовью стократ Рим благодарный тебе.
В полном согласье с тобой да живет еще долгие годы
Ливия, что изо всех ровня тебе одному,
Та, без которой тебе остаться бы должно безбрачным,—
Кроме нее, никому мужем ты стать бы не мог.
165 Рядом с тобой невредим да будет твой сын, чтобы в дальней
Старости власть разделить вместе с тобой, стариком.
Да продолжают и впредь по твоим следам и по отчим
Юные внуки твои, юные звезды, идти.
Да устремится опять к твоим знаменам победа,
170 Лик свой являя бойцам с нею сроднившимся войска,
Над авзонийским вождем пусть она, как прежде, витает,
Кудри лавровым венком пусть украшает тому,
Кто идет за тебя, собой рискуя, в сраженья,
Кто получил от тебя власть и поддержку богов.
175 Здесь половиной души за Городом ты наблюдаешь,
Там половиной другой делишь опасности с ним;
Пусть он вернется к тебе с победой над всеми врагами,
Пусть на венчаных конях высится светлый, как бог,—

- Сжался и молний своих отложи разящие стрелы.
180 Это оружие мне слишком знакомо, увы!
Сжался, отчизны отец, и, помня об имени этом,
Дай мне надежду мольбой сердце твое укротить.
Не о возврате молю, хотя великие боги
Могут тому, кто просил, сверх ожидания дать.
- 185 Сделай изгнанье мое не столь суровым и дальним —
Больше чем вдвое его ты для меня облегчишь.
Сколько я тягот терплю, брошенный в землю чужую,
Прочь из отчизны моей сосланный далее всех!
Я возле устьев живу семиструйного Истра в изгнанье,
190 Дева аркадская здесь мучит морозом меня.
От многочисленных орд язигов, колхов и гетов
И метереев с трудом нас защищает Дунай,
Многие больше меня виновны перед тобою,
Но не сослали из них дальше меня никого.
- 195 Дальше и нет ничего: лишь враги, морозы и море,
Где от мороза порой отвердевает волна.
Это римский рубеж у левого берега Понта;
Рядом бастарнов лежит и савроматов земля.
Местности этой пока Авзонии власть непривычна,
200 И с государством твоим связи не прочны ее.
Я заклинаю меня в безопасное место отправить,
Чтобы, отчизны лишен, мира я не был лишен.
Чтоб не боялся врагов за непрочной оградой Дуная,
Чтобы твой гражданин к варварам в плен не попал.
- 205 Не подобает тому, кто рожден от крови латинской,
Цепи носить, доколь Цезарей род не угас.
Две погубили меня причины: стихи и оплошность,
Мне невозможно назвать эту вторую вину.
Я не таков, чтобы вновь бередить твои раны, о Цезарь!
- 210 Слишком довольно, что раз боль я тебе причинил.
Но остается упрек, что я непристойной поэмой
Как бы учителем стал прелюбодейной любви.
Значит, способен порой божественный ум обмануться
И со своей высоты малое не разглядеть.
- 215 Если Юпитер блюдет богов и вышнее небо,
Разве на всякий пустяк времени хватит ему?
И от тебя ускользнуть, когда ты мир опекаешь,
Разве не могут порой мелкие чьи-то дела?
Принцепс, может ли быть, чтоб ты, забыв о державе,
220 Стал разбирать и судить неравностоппный мой стих?
Ты на своих плечах несешь величие Рима,
И не настолько легко бремя его для тебя,
Чтобы ты мог уследить за всякой шалостью нашей,
В наши безделицы мог бдительным оком вникать.

- 225 То Паннонию ты, то Иллирию нам покоряешь,
То за Ретией вслед Фракия бредит войной,
Мира ждет армянин, а вот возвращает знамена
Всадник парфянский и лук нам боязливо сдает.
- 230 В юном потомке тебя узнает Германия снова:
Цезарь великий рукой Цезаря войны ведет.
Так что малейшую часть твоих небывалых владений
Вместе с державою всей ты неусыпно хранишь.
На попеченье твоём и Рим, и законы, и нравы,
Коими жаждешь всех ты уподобить себе.
- 235 Отдых тебе не знаком, который даруешь народам,
Ибо ради него частые войны ведешь.
Буду ли я удивлен, что среди подобных занятий
Времени нет у тебя шалости наши читать?
- 240 Ах, когда бы ты мог на час оказаться свободным,
Знаю, в «Науке» моей ты не нашел бы вреда.
Книга моя, признаюсь, не отмечена строгостью важной
И не достойна тобой, принцепс, прочитанной быть.
Все же не стоит считать, что она, противно законам,
Римских женщин могла б низким вещам обучать.
- 245 Чтобы тебя убедить, кому предназначены книги,
В первой из трех прочитай эти четыре стиха:
«Прочь от этих стихов, целомудренно узкие ленты,
Прочь, расшитый подол, спущенный ниже колен!
О безопасной любви я пишу, о дозволенном блюде,
250 Нет за мною вины и преступления нет».
- Я ль не велел держаться вдали от «Науки» матронам,
Если препятствуют им ленты и платья до пят?
Но, мне скажут, жена познакомиться с книгою может
И, хоть стихи для других, хитрости все перенять.
- 255 Значит, женам читать стихов не следует вовсе,
Ибо любые стихи могут греху научить.
Что бы она ни взяла, имея склонность к пороку,
Ей отовсюду на ум новая хитрость придет.
Пусть «Анналы» возьмет — неуклюжей не знаю я чтенья —
- 260 Тут же, как Илия вдруг матерью стала, прочтет.
«Рода Энеева мать» возьмет — про Венеру узнает,
Стала она отчего «рода Энеева мать».
- Далее я прослежу по порядку, если сумею,
Как и кому повредить могут любые стихи.
- 265 Это не значит совсем, что всякая книга порочна:
В самых полезных вещах вредная есть сторона.
Что полезней огня? Но если кто о поджоге
Думает — руку его вооружает огонь.
- 270 Лекари то возвратят, а то отнимут здоровье,
С пользою или во вред травы свои применив.

- Носят на поясе меч разбойник и путник разумный,
 Этот — в засаде таясь, тот — защищая себя.
 А красноречье, чей смысл в защите правого дела,
 Может невинность губить или вину покрывать.
²⁷⁵ Так и поэма моя никому повредить не способна,
 Если читатель ее с чистой душою прочтет.
 Несправедлив, кто в стихах у меня прочное видит,
 Без основания строг он к сочиненьям моим.
²⁸⁰ Если он в чем-то и прав, семена разврата найдутся
 В играх. Тогда прикажи зрелища все отменить:
 Многих уже на грех навели и ряды и арена,
 Где кровавый песок твердую землю устлал.
 Следует цирк запретить: опасна распушенность цирка,
 Юная девушка там рядом сидит с чужаком.
²⁸⁵ Если женщины ждут, гуляя в портике, встречи
 С милым, то почему портики нам не закрыть?
 Есть ли место святей, чем храм? Но оно не подходит
 Женщине, если она устремлена не к добру!
²⁹⁰ Ступит к Юпитеру в храм, у Юпитера в храме припомнит,
 Скольких женщин и дев он в матерей превратил.
 В храм соседний придет молиться Юноне — и вспомнит,
 Скольких соперниц пришлось этой богине терпеть.
 Спросит, к Палладе придя, зачем это был Эрихтоний,
 Плод незаконной любви, девою усыновлен.
²⁹⁵ К Мстителю в храм ли войдет, тобою построенный, — рядом
 С Марсом Венера стоит, выставив мужа за дверь.
 В храме Исиды задаст вопрос: почему же Юнона
 Деву гнала за Босфор, за Ионийский простор.
³⁰⁰ Вспомнит Анхиза она по Венере, припомнит Церере
 Иасиона ее, Эндимиона — Луне.
 Это способно вредить неустойчивым душам, но в храмах
 Статуи наших богов чинно стоят по местам.
 С первых же строк удалил порядочных я от «Науки»,
 Ибо ее написал лишь для забавы блудниц.
³⁰⁵ Та же, что хочет войти в святилище без разрешенья,
 Будет виновна сама, если нарушит запрет.
 Да не такой уж и вред — развернуть любовную книгу.
 Можно о многом читать, но не всему подражать.
³¹⁰ Даже и строгой жене приходится видеть раздетых
 Девочек, готовых за грош всех без разбора любить.
 Взоры весталок порой касаются тел непотребных,
 Но за такую вину их не карает никто.
 Что же Музу мою считают столь непристойной?
 Разве мои лишь стихи всех побуждают любить?
³¹⁵ Это ошибка моя, моя провинность — согласен.
 В книге мне изменил вкус и талант заодно.

Ах, почему я тогда аргосским взятую войском
Трою не предпочел вновь потревожить стихом?
Фивы зачем не воспел и взаимное братоубийство,
320 И семерых вождей, семь защищавших ворот?
Мне и воинственный Рим предлагал немало предметов:
Подвиги родины петь есть благороднейший труд.
В жизни твоей, наконец, из многих подвигов, Цезарь,
Мог я для песен своих выбрать хотя бы один.
325 Словно солнце влечет глаза лучистым сияньем,
Так бы должны привлекать дух мой деянья твои.
Нет, не заслужен упрек: пашу я скудную ниву,
А для жатвы такой тучная пашня нужна.
Может ли вверить себя океану утлая лодка
330 Лишь потому, что с волной озера смеет играть?
Я сомневаюсь и в том, по плечу ли мне легкие строки,
Хватит ли сил у меня даже для скромных ладов.
Если бы ты повелел рассказать, как Юпитер гигантов
Молнией испепелил, я бы не вынес труда.
335 Чтоб отвечали стихи твоим великим деяньям,
Цезарь, тебя воспевать должен великий талант.
Я ведь пытался и сам, но понял, что неспособен,
Что святотатством могу славе твоей повредить.
Я возвратился опять к легкомысленным юности песням,
340 Мнимой любовью опять сердце свое возбудил.
Против желаний моих судьба меня увлекала,
Щедро для будущих кар поводы я измышлял.
Горе! Зачем я учен, зачем родители дали
Образование мне, буквы зачем я узнал!
345 Я ненавиستن тебе моей сладострастной «Наукой».
Видишь к запретной любви в ней подстрекательство ты.
Не от уроков моих научились жены изменам,
Ибо не может учить тот, кто неопытен сам.
Правда, что я сочинял для других сладострастные песни,
350 Но ни одной обо мне басни молва не сплела.
Даже в гуще толпы не найти такого супруга,
Кто бы моею виной звался подложным отцом.
Верь мне, привычки мои на мои же стихи непохожи:
Муза игрива моя, жизнь — безусловно скромна.
355 Книги мои в большинстве — один лишь вымысел лживый
И позволяют себе больше создателя их.
Книга — не отпечаток души, но просто дозволенный отдых.
Если бы целью ее не было ухо ласкать,
Акций был бы жесток, блюдолизом был бы Теренций
360 И забияками — все, кто воспевае войну.
Кстати, я не один сочинял любовные песни,
А наказанье за них только один я понес.

Разве нас не учил сладкогласный старец теосский
 В песнях любовь сочетать с полною чашей вина?
 385 Или подруги Сафо у нее любви не учились?
 Не заплатились ничем Анакреонт и Сафо.
 Так и тебе, Баттиад, не вредило то, что нередко
 Ты наслажденья свои свету всему поверял.
 Светлый Менаандр о любви говорит в любовой из комедий —
 370 Детям обычно его мы разрешаем читать.
 В чем «Илиады» предмет, как не в мерзком прелюбодействе,
 Из-за которого муж в битву с любовником шел?
 Речь там в начале о чем? О любви к Хрисеиде, о деве,
 Что меж ахейских вождей пламя раздора зажгла.
 375 А «Одиссея» о чем? О том, что в отсутствие мужа
 Рой женихов от жены стал добиваться любви.
 Разве не сам рассказал Меониец о том, что Венеру
 С Марсом прижала вдвоем к ложу постыдному сеть?
 Не от Гомера ли мы узнали также, что странник
 380 Двух бессмертных богинь страстью одною зажег?
 Строем и слогом своим трагедия все превосходит,
 Но постоянно и ей служит предметом любовь.
 Чем знаменит Ипполит, как не мачехи страстью слепую?
 Славу, Канака, тебе к брату любовь принесла.
 385 Разве, когда Танталид с плечом из кости слоновой
 Деву из Писы умчал, гнал не Амур лошадей?
 Боль оскорбленной любви беспощадную мать побудила
 Кровью своих сыновей острую сталь запятнать.
 В птиц обратила любовь царя с любовницей вместе,
 390 Как и жену, что в слезах сына доселе зовет.
 Если бы брат не любил Аэропу преступной любовью,
 Мы не прочли бы, что вспять Солнце погнало коней.
 Сцилле безбожной вовек не видать бы высоких котурнов,
 Не побуди ее страсть волос остричь у отца.
 395 Кто об Электре читал, о лишенном рассудка Оресте,
 Знает, что сделал Эгисф, в чем Тиндариды вина.
 Что сказать о тебе, неприступный смиритель Химеры?
 Чуть не сгубила тебя царской жены клевета.
 Что о тебе, Гермiona, сказать, о тебе, Аталанта?
 400 Что о микенском вожде с пленницей вещей его?
 Ну, а Даная, невестка ее и мать Диониса,
 Гемон и та, для кого боги удвоили ночь?
 Вспомнится ль Пелия зять, Тесей и тот из пеласгов,
 Кто на троянский песок первым ступил с корабля?
 405 Также подходят сюда Йола, жена Геркулеса,
 Неоптолемова мать, мальчик троянский и Гил.
 Времени нет у меня перечислить страсти трагедий,
 Я успеваю назвать только одни имена.

- Есть трагедии вид, снизошедший до пошлого смеха,
 440 Многие в ней далеко вышло за рамки стыда.
 И не наказан был тот, кто изнеженным сделал Ахилла,
 Кто постарался в стихах храбрость его оболгать.
 Соединил Аристид свое бесстыдство с милетским,
 Изгнан отчиной своей не был за то Аристид.
- 445 Не был изгнан и сам сочинитель истории грязной
 Евбий, который учил женщин вытравливать плод.
 Не был в изгнании тот, кто недавно сложил «Сибариду»,
 Не были те, что своих связей не стали скрывать.
 Их сочиненья вошли в среду творений ученых,
 420 Щедростью знатных людей стали доступны толпе.
 Я защищаться могу не одним иноземным оружием:
 Римлянам также не счесть вольных игрывых стихов.
 Если Марса воспел словами важными Энний,
 Энний, что даром своим — мощен, отделкою — груб,
- 425 Если природу огня понятною сделал Лукреций
 И напророчил тройной миру тройному конец,
 То сладострастный Катулл воспеваает большею частью
 Женщину, изобретя прозвище Лесбии ей,
 Мало того, без стыда признаваясь в других увлечениях,
 430 Пишет, что изменял многим со многими он.
 Равной и схожей была распущенность карлика Кальва —
 Этот на много ладов шашни свои разглашал.
 Тициду как не назвать и Меммия — в их сочиненьях
 Всем именам и вещам стыд вообще не присущ!
- 435 Цинна обоим подстать, но Цинны бесстыднее Ансер,
 А Корнифицию здесь вольностью равен Катон.
 Вспомним и книги стихов, где то воспевают Периллу,
 То Метеллою вдруг верно ее назовут.
 Тот поэт, что Арго довел до волн фасианских,
 440 Собственных плутней в любви также не мог утаить.
 Им не хотят уступить в бесстыдстве Гортензий и Сервий;
 Кто не решится пойти вслед за такими людьми?
 Не был Сисенна смущен, когда перевел Аристида,
 Тем, что в «Историю» вплел шутки бесстыдные тот.
- 445 Нет бесчестия в том, что Галл Ликориду прославил,—
 Стыдно, что Галлу язык так развязало вино.
 Верить подруге своей Тибулл считает опасным,
 Если готова она мужа обманывать с ним.
 Он признает, что учил ее морочить ревнивца,
 450 И прибавляет, что сам хитростью той же побит.
 Помнит, как, вслух похвалив кольцо с резною печатью,
 Руку хозяйки тайком он ухитрялся пожать,
 Как разговаривал с ней кивком, движением пальцев
 Или на круглом столе буквы беззвучно чертил.

- 455 Учит настоем из трав сводить синеватые пятна,
Что оставляют его губы на теле у ней;
Сам наставляет порой чересчур беспечного мужа,
Чтобы жену охранял муж для него от других;
460 Знает, у дома бродя, кому залаять негромко
И почему заперта, сколько ни кашляй он, дверь.
Много советов дает и хитrostям женщину учит,
Чтобы искусней она мужа могла обмануть.
Это ему не вредит, его читают и ценят,
Стал знаменитым Тибулл, принцепс, уже при тебе.
- 465 Те же советы дает влюбленным нежный Проперций,
А ведь и он никаким не опорочен клеймом.
Я их преемником был. Порядочность мне запрещает
Упомянуть имена тех, кто известен и жив.
Я не боялся, что там, где не раз прошли невредимо
470 Все корабли, я один вдруг окажусь на мели.
Есть наставленья еще для тех, кто в кости играет,
Это у наших отцов было немалой виной.
Как разбираться в костях, каким манером их лучше
Бросить и как избежать вред приносящих «собак»,
475 Как бросок рассчитать, как вызвать противника к бою,
Как по счету очков сделать обдуманый ход;
Как разноцветным бойцам удерживать линию фронта,
Ибо, попав между двух вражеских, воин погиб,
Как в наступленье идти и как отступать осторожно,
480 Если увидишь, что твой воин остался один,
Как положить на доске друг за другом три камешка рядом —
Первым построив их цепь, ты побеждаешь в игре.
Множество всяческих игр (не все я здесь перечислил)
Время, бесценную вещь, нам помогает убить.
- 485 Этот поет о мячах и о том, как нужно бросать их;
В плаванье смыслит один, в обручах сведущ другой;
Пишут в стихах о том, как лицо и волосы красить,
Этот для званых пиров твердые правила ввел.
Глину укажет иной, какая для чаш, и для кубков,
490 И для кувшинов с вином лучше всего подойдет.
Дымный месяц декабрь протекает в подобных досугах,
Нет вреда никому от сочинений таких.
Следом за ними и я сочинил веселые песни,
Только печальной была плата за шутки мои.
- 495 Кажется мне, никто из всех писателей не был
Музой погублен своей, кроме меня одного.
Что бы стало со мной, пиши я мерзкие мимы,
Где с бесстыдством любовь соединяют всегда,
Где выступает всегда в щегольском наряде распутник,
500 Где изменяет шутя глупому мужу жена?

- Девушки смотрят на них, мужчины, женщины, дети,
Даже сенаторов часть тоже присутствует там.
Мало того, что слова непотребные слух оскверняют,
Что привыкают глаза это бесстыдство терпеть,—
505 Если сможет жена обмануть по-новому мужа,
Дружно одобрит ее рукоплесканьем толпа.
Пользы театр не дает, но прибылен он для поэта,
Претор за весь этот вред должен немало платить.
Август, взгляни на счета за игры, и ты убедишься,
510 Как недешево их вольности встали тебе.
Был ты зрителем сам и устраивал зрелища часто,
Ибо в величье своем к нам снисходителен ты.
Ясным взором очей, что нужен целому миру,
Ты терпеливо смотрел на театральный разврат.
515 Если можно писать, подражая низкому, мимы,
Стоит ли кары большой избранный мною предмет?
Или твореньям таким дают безопасность подмостки,
Или сцена дает миму свободу во всем?
Изображались не раз и мои поэмы на сцене;
520 Даже вниманье твое им удавалось привлечь.
Часто в покоях у нас красуются лица героев:
Образы их написал мастер искусной рукой.
Но между ними порой увидеть можно картинку,
Что сочетает тела в разных движеньях любви.
525 Там с омраченным лицом сидит Аякс Теламонид,
Там злодеянье таит варварской матери взор,
Там и Венера, одной материнской прикрытая влагой,
Пальцами хочет отжать воду из мокрых волос.
Многие войны поют и залитое кровью оружие,
530 Те воспевают твой род, эти — деянья твои.
В узком пространстве меня заключила скупая природа,
Мало таланта и сил мне отпустила она.
Но и счастливый певец любимой тобой «Энеиды»
«Мужа и брани» его к тирскому ложу привел.
535 В целой поэме ничто не читается с большей охотой,
Чем знаменитый рассказ о незаконной любви.
Нежной Филлиды страсть и пламя Амариллиды
На буколический лад в юности он же воспел.
Но ведь и я не теперь провинился моею поэмой:
540 Новую муку терплю я не за новую вещь.
Издана книга была, когда, проверен тобою,
Я без упрека прошел всадником мимо тебя.
Значит, те же стихи, что в юности я без опаски
Неосторожно сложил, ныне вредят старику?
545 Поздно обрушилась месть на меня за старую книжку,
Много прошло от вины до наказания лет.

Только бы ты не считал, что всякий мой труд бесполезен,
 Парус на диво большой ставил и я иногда:
 Это ведь я написал календарь — шестикнижие «Фастов»,
 550 В каждой книге его месяц один заключив.
 Этот недавний мой труд, для тебя написанный, Цезарь,
 И посвященный тебе, участь моя прервала.
 Нечто о судьбах царей подарил я высоким котурнам,
 Важные речи для них, как подобает, нашел.
 555 Были созданы мной, хотя последней отделки
 Им не хватает, стихи о превращениях тел.
 Если бы гнев твой утих и ты себе на досуге
 Малую часть, из моей книги велел прочитать,
 560 Малую, где, рассказав о начале нашего мира,
 Я свой труд перевел, Цезарь, к твоим временам,—
 Ты убедился б, каким подарил ты меня вдохновеньем,
 Как расположен я был сердцем к тебе и к твоим.
 Колким словом никого оцарапать я не пытался,
 Стих мой в себе не хранит память о чьей-то вине.
 565 Нет в сочиненьях моих смещения желчи и соли,
 И не найти у меня ядом облитых острот.
 Сколько людей и стихов ни возьми, моей Каллиопой
 Не был обижен никто, кроме меня самого.
 Знаю, что бедам моим не будет никто из квиритов
 570 Рад, и во многих сердцах я состраданье найду.
 Я и представить себе не могу, что способны злорадно
 Те, перед кем я чист, видеть паденье мое.
 Этим и многим другим твое божество заклинаю:
 Будь милосерден, отец, благо отчизны моей.
 575 Нет, не возврата прошу в Авзонию, разве позднее,
 Если ты долгой моей ссылкой будешь смягчен,—
 Сделать изгнанье молю для меня безопасней немного,
 Чтоб наказанье мое согласовалось с виной.

КНИГА III

1.

В город вхожу я тайком, изгнанника робкая книга,
 Руку измученной мне с лаской, читатель, подай.
 Не опасайся, в стыд не вгоню тебя ненароком:
 Я ни единым стихом не поучаю любви.
 5 Так обернулась судьба моего господина, что, право,

- Шутками он бы не стал скрашивать горе свое.
 Да и поэму свою, незрелой юности шалость,
 Ныне — поздно, увы! — сам он, кляня, осудил.
- 10 Что я несу, проверь: ничего не найдешь, кроме скорби;
 К песням недоброй поры верный подобран размер:
 Каждый второй из пары стихов припадает, хромая, —
 То ли путь истомил, то ли с изъязном стопа?
 Спросишь, зачем обхожусь без желтящего кедра, без пемзы?
 Я покраснела бы, став краше, чем мой господин;
- 15 А что в потеках я вся, что буквы в пятна размыты —
 Плакал поэт надо мной, портил слезами письмо.
 Если же случаем речь зазвучит не совсем по-латински,
 Он, не забудь, писал, варварами окружен.
 «Молви, читатель, за труд не почти: куда мне податься?»
 20 В Риме где я найду, книга-скиталица, кров?»
 Но изо всех, кому, запинаясь, я это шептала,
 Еле посмел один гостью на путь навести.
 «Боги тебе да пошлют, в чем отказано ими поэту, —
 С миром всю жизнь прожить в сладостном отчем краю!
- 25 Что же, веди... поплетусь! Хоть измаялась я, добираясь
 Морем и посуху в Рим с самого края земли!»
 Вел он и на ходу пояснял: «Это Цезаря форум...
 Улице этой у нас имя Священной дано;
 Видишь Весты храм: здесь огонь хранят и Палладий;
 30 Маленький этот дом — древнего Нумы дворец».
 Вправо свернули. «Гляди: пред тобою — врата Палатина.
 Это Статор: вот здесь начали Рим возводить».
 Налюбовавшись всем, в слепительном блеске доспехов
 Портик я вижу и кров, бога достойный принять.
- 35 «Верно, Юпитера дом?» — я спросила, так заключая
 По осенившему вход листьев дубовых венку;
 И, получив ответ о хозяине, смело сказала:
 «Да, ошибки тут нет: это Юпитера дом!»
 Но почему, объясни, перед дверью стоит величаво,
 40 Тень простирая вокруг, широколиственный лавр?
 Не потому ли, что дом непрестанных достоин триумфов,
 И не затем ли, что он Фебом Левкадским любим?
 Правит ли праздник свой или всем он праздник приносит,
 Радость мира даря необозримой земле?
- 45 Или же это знак, что навек он чество украшен,
 Словно невянувший лавр вечнозеленой листвою?
 Что знаменует венок, узнаем из надписи краткой:
 Дар он от граждан, кому Цезарем жизнь спасена.
 К ним, о добрый отец, одного добавь гражданина —
 50 Он на краю земли ныне в изгнанье живет
 И сознает, скорбя, что вполне заслужил эту кару,

- Но не злодейством каким — только ошибку свершив.
 Горе мне! Я страшусь властелина и самого места.
 Каждой буквой своей в страхе пред ними дрожу.
 55 Видишь? Страницу мою бескровная бледность одела.
 Видишь? Едва стою, мнусь со стопы на стопу.
 К небу взываю: «Отцу моему о дозволено ль будет
 Дом при его господах нынешних снова узреть?»
 Дальше иду и вожатому вслед по гордым ступеням
 60 Я в белоснежный вхожу бога кудрявого храм,
 Где меж заморских колонн предстали все Данаиды
 Вместе с исторгшим меч жестокосердным отцом
 И где дано узнавать читателю, что создавали
 В долгих ученых трудах новый и старый поэт.
 65 Стала высматривать я сестер (исключая, понятно,
 Тех, которых отец рад бы на свет не родить).
 Тщетно ищу: их нет. Между тем блюститель хранилищ
 Мне покинуть велит этот священный предел.
 В храм поспешаю другой, пристроенный прямо к театру,
 70 Но и сюда для меня настрого вход запрещен.
 Не допустила меня Свобода к чертогу, который
 Первым двери свои книгам поэтов открыл.
 Да, стихотворца судьба на его простерлась потомство:
 Сослан он сам, и детей ссылка постигла равно.
 75 Может быть, некогда к нам снисхождение будет, а позже
 Время само и к нему Цезаря сердце смягчит!
 Вышних молю и с ними тебя (ведь не к черни взывать мне!),
 О величайший бог, Цезарь, к молитве склонись!
 Если заказано мне пребыванье в общественном месте,
 80 Книгу дозволь приютить частным хотя бы домам!
 Ныне песни мои, что с позором отвергнуты всюду,
 Если дозволишь, народ, в руки твои передам.

2.

- Стало быть, рок мне судил и Скифию тоже увидеть,
 Где Ликаонова дочь ось над землею стремит.
 О Пиэриды, ни вы, ни божественный отпрыск Латоны,
 Сонм искушенный, жрецу не помогли своему!
 5 Не было пользы мне в том, что, игривый, я не был преступен,
 Что моя Муза была ветреней жизни моей.
 Много я вынес беды на суше и на море, прежде
 Чем приютил меня Понт, вечною стужей знобим.
 Я, убежавший от дел, для мирных досугов рожденный,
 10 Мнивший, что всякий тяжел силам изнеженным труд,
 Все терпеливо сношу. Но ни море, лишенное портов,
 Ни продолжительный путь не погубили меня.

- Противоборствует дух, и тело в нем черпает силы,
 И нестерпимое он мне помогает терпеть.
- ¹⁵ В дни, когда волны меня средь опасностей гнали и ветры,
 Труд избавлял от тревог сердце больное мое.
 Но лишь окончился путь и минули труды переезда,
 Только я тронул стопой землю изгнания, с тех пор
 Плач — вся отрада моя, текут из очей моих слезы,
- ²⁰ Вод изобильнее, с гор льющихся вешней порой.
 Рим вспоминаю и дом, к местам меня тянет знакомым
 И ко всему, что — увы! — в Граде оставлено мной.
 Горе мне! Сколько же раз я в двери стучался могилы —
 Тщетно, ни разу они не пропустили меня!
- ²⁵ Стольких мечей для чего я избег и зачем угрожала,
 Но не сразила гроза бедной моей головы?
 Боги, вы, чьей вражды на себе испытал я упорство,
 В ком соучастников зрит гнев одного божества,
 Поторопите, молю, нерадивые судьбы, велите,
- ³⁰ Чтоб наконец предо мной смерти открылись врата!

3.

- Может быть, ты удивишься тому, что чужою рукою
 Это посланье мое писано: болен я был.
 Болен, неведомо где, у краев неизвестного мира,
 В выздоровленье своем был не уверен я сам.
- ⁵ Вообрази, как страдал я душой, не вставая с постели,
 В дикой стране, где одни геты, сарматы кругом.
 Климат мне здешний претит, не могу и к воде я привыкнуть,
 Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
- ¹⁰ Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей больному,
 Некому боли мои Фебовой лирой унять;
 Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятным рассказом
 И заставлял забывать времени медленный ход.
 Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
 И представляю с тоской все, чего более нет.
- ¹⁵ В думах, однако, моих ты одна первенствуешь, супруга,
 Главная в сердце моем принадлежит тебе честь.
 Ты далеко, но к тебе обращаюсь, твержу твое имя,
 Ты постоянно со мной, ночь ли подходит иль день.
 Даже когда — говорят — бормотал я в безумии бреда,
- ²⁰ Было одно у меня имя твое на устах.
 Если совсем обессилел язык под коснеющим небом,
 Если его оживить капля не сможет вина,
 Пусть только весть принесут, что жена прибыла, — и я встану,
 Мысль, что увижу тебя, новой мне силы придаст.
- ²⁵ Буду ль я жив, не уверен... А ты, быть может, в веселье

- Время проводишь, увы, бедствий не зная моих?
Нет, дорогая жена! Убежден, что в отсутствие мужа
Обречены твои дни только печали одной.
- 30 Если, однако, мой рок мне сужденные сроки исполнил
И подошел уже час ранней кончины моей,—
Ах, что стоило б вам над гибнущим сжалиться, боги,
Чтобы хотя б погребен был я в родимой земле,
Хоть бы до смерти моей отложено было возмездье
Или внезапный конец ссылку мою предварил!
- 35 Прежде я с жизнью земной, не намучившись, мог бы расстаться —
Ныне мне жизнь продлена, чтобы я в ссылке погиб.
Значит, умру вдалеке, на каком-то безвестном побережье,
Здесь, где печальную смерть сами места омрачат?
- 40 Значит, мне умирать не придется в привычной постели?
Кто в этом крае мой прах плачем надгробным почтит?
Слезы жены дорогой, мне лицо орошая, не смогут
Остановить ни на миг быстрое бегство души?
Дать не смогу я последний наказ, и с последним прощаньем
Век безжизненных мне дружбы рука не смежит.
- 45 Без торжества похорон, не почтенный достойной могилой,
Мой неоплаканный прах скроет земля дикарей.
Ты же, узнав про меня, совсем помутисься рассудком,
Станешь в смятенную грудь верной рукой ударять.
Будешь ты к этим краям напрасно протягивать руки,
50 Бедного мужа вотще будешь по имени звать.
- Полно! Волос не рви, перестань себе щеки царапать —
Буду не в первый я раз отнят, мой свет, у тебя.
В первый раз я погиб, когда был отправлен в изгнанье,—
То была первая смерть, горшая смерть для меня.
- 55 Ныне, о жен образец, коль сможешь — но сможешь едва ли,—
Радуйся только, что смерть муки мои прервала.
Можешь одно: облегчать страдания мужеством сердца —
Ведь уж от бедствий былых стала ты духом тверда.
Если бы с телом у нас погибали также и души,
60 Если б я весь, целиком, в пламени жадном исчез!
- Но коль в пространство летит возвышенный, смерти не зная,
Дух наш, и верно о том старец самосский учил,
Между сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться среди них, варварским манам чужда.
- 65 Сделай, чтоб кости мои переправили в урне смиренной
В Рим, чтоб изгнанником мне и после смерти не быть.
Не запретят тебе: в Фивах сестра, потерявшая брата,
Похоронила его, царский нарушив запрет.
Пепел мой перемешай с листвой и толченым амомом
70 И за стеной городской тихо землею засыпь.
Пусть, на мрамор плиты взглянув мимолетно, прохожий

- Крупные буквы прочтет кратких надгробных стихов:
«Я под сим камнем лежу, любовных утех воспеватель,
Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
- ⁷⁵ Ты, что мимо идешь, ты тоже любил, потрудись же,
Молви: Назона костям пухом да будет земля!»
К надписи слов добавлять не надо: памятник создан —
Книги надежней гробниц увековечат певца.
- Мне повредили они, но верю: они и прославят
- ⁸⁰ Имя его и дадут вечную жизнь и творцу.
Ты же дарами почти погребальными маны супруга,
Мне на могилу цветов, мокрых от слез, принеси —
Хоть превратилось в огне мое тело бренное в пепел,
Благочестивый обряд скорбная примет зола.
- ⁸⁵ О, написать я хотел бы еще, но голос усталый
И пересохший язык мне не дают диктовать.
Кончил. Желаю тебе — не навеки ль прощаясь — здоровья,
Коего сам я лишен. Будь же здорова, прости!

4.

- Ты, кем и прежде я дорожил, чья давняя дружба
В злой проверена час, в горьком паденье моем!
Слушай меня и верь умудренному опытом другу:
Тихо живи, в стороне от именитых держись.
- ⁵ Тихо живи, избегай, как можешь, знатных и сильных,
Их очагов огонь молнией грозной разит!
Пользы от сильных мы ждем. Но уж лучше и пользы не надо
Нам от того, кто вред может легко причинить.
Райну с мачты спустив, спасаются в зимнюю бурю,
- ¹⁰ Чем на больших парусах, лучше на малых пльиви.
Видел ты, как волна кору качает на гребне,
Но погружается вглубь к сети подвязанный груз?
Остерегли бы меня, как тебя сейчас остерег я,
Верно, я и теперь в Городе жил бы, как жил.
- ¹⁵ Был я доколе с тобой и плыл под ласковым ветром,
Благополучно мой челн неся по глади морской.
Это не в счет, если ты на ровном падаешь месте:
Только коснулся земли, на ноги встал и пошел!
А бедняк Эльпенор, упавший с крыши высокой,
- ²⁰ Перед своим царем тенью бессильной предстал.
Или меж тем как Дедал на крыльях парил безопасно,
Передал имя свое водам бескрайним Икар.
А почему? Летел тот повыше, этот пониже,
Хоть и оба равно не на природных крылах.
- ²⁵ Верь мне: благо тому, кто живет в благодатном укрытье,
Определенных судьбой не преступая границ.

Не возмечтал бы глупец Долон о конях Ахиллеса,
 Разве б остался Евмед к старости лет одинок?
 Сына Мероп не видал бы в огне, дочерей — тополями,
³⁰ Если б отца Фаэтон в нем не гнушался признать.
 Так берегись и ты возноситься слишком высоко,
 И притязаний своих сам подбери паруса.
 Ног не избив, пройти ристалище ты ль не достоин,
 Мне не в пример процветать благоволеньем судьбы!
³⁵ Верностью и добротой заслужил ты это моление,
 Неколебимой ко мне дружбой во все времена.
 Видел я, мой приговор ты встретил так сокрушенно,
 Что едва ли в тот час был я бледнее тебя.
 Видел, из глаз твоих мне на щеки падали слезы,
⁴⁰ Пил я с жадностью их, пил заверенье в любви.
 Сосланного и теперь защитить ты пробуешь друга,
 Ищешь, чем облегчить необлегчимую боль.
 Зависти не возбуждав и славой не взыскан, в довольстве
 Мирно век доживай, с равными дружбу води
⁴⁵ И в Назоне люби то, чего не коснулось гоненье,—
 Имя! Скифский Понт всем остальным завладел.

Эти простертые под эриманфской Медведицей земли
 Не отпускают меня, выжженный стужею край.
 Дальше — Босфор, Танаис, Киммерийской Скифии топи,
⁵⁰ Еле знакомые нам хоть по названью места;
 А уж за ними — ничто: только холод, мрак и безлюдье.
 Горе! Как близко пролег круга земного предел!
 Родина так далеко! Далеко жена дорогая,
 Все, что в мире ценил, чем дорожил,— далеко!
⁵⁵ Отнято все, но так, что хотя рукой не достанешь,
 Отнятое могу видеть очами души!
 Вижу мой дом, и Рим, и в подробностях каждое место,
 Вижу все, что со мной в этих случалось местах.
 Образ жены встает так явственно перед глазами,
⁶⁰ Нам и горечь она, и утешенье дарит:
 Горестно, что не со мной, утешно, что не разлюбила
 И что бремя свое, твердая духом, несет.
 Также и вы, друзья, живете в сердце поэта,
 С радостью по именам он перечислил бы вас,
⁶⁵ Да не велит осмотрительный страх: сегодня, пожалуй,
 Мало кого соблазнит в песню Назона попасть.
 Раньше наперебой домогались, за честь почитали,
 Если в моих стихах имя встречали свое.
 Но, поскольку сейчас эта честь не совсем безопасна,
⁷⁰ Вас не стану пугать и назову про себя!
 Скрытых друзей не выдаст мой стих, уликой не будет —

- Кто нас тайно любил, тайно пусть любит и впредь:
 Все же знайте, что здесь, на краю земли, неизменно
 Вас я в сердце своем и разлученный ношу.
- ⁷⁵ Пусть же каждый из вас облегчит мою долю, чем может,
 Руку падшему в прах пусть не откажет подать.
 Счастья желаю вам постоянного — чтобы вовеки
 Не довелось вам, как мне, помощи скорбно молить.

5.

- Дружба у нас не была настолько тесной, что если б
 Скрыл ты ее, упрекнуть мог я хоть в чем-то тебя.
 Может быть даже, тесней и не стали бы узы меж нами,
 Если бы мне в паруса ветер по-прежнему дул.
- ⁵ Но, когда пал я и все, испугавшись обвала, бжали,
 Все повернулись спиной, дружбу забыли со мной,
 Тела, небесным огнем опаленного, смел ты коснуться,
 В дом, безнадежный для всех, собственной волей прийти,
 Дать несчастному то, что из старых дали знакомцев
- ¹⁰ Двое иль трое, — хоть ты знал и недолго меня.
 Видел смятенье я сам и в лице твоём, и во взгляде,
 Влажные видел от слез щеки, бледнее моих.
 Каждое слово твое окропляли соленые капли —
 Их губами я пил, слухом впивая слова.
- ¹⁵ Тут на объятье тебе я впервые ответил объятьем,
 Принял твой поцелуй вместе с рыданием твоим.
 Мой дорогой, и в разлуке меня защищаешь ты (имя
 Ставить, ты знаешь, нельзя, — вот и пишу «дорогой»).
- Признаки есть и еще твоей откровенной приязни —
- ²⁰ Каждый из них навсегда в сердце моем я сберег.
 Дай тебе бог, чтобы мог ты всегда защищать своих близких
 И чтобы в меньшей беде должен был им помогать.
 Если же спросишь, чем я, затерянный в этой пустыне,
 Занят (наверное, ты этот вопрос задаешь), —
- ²⁵ Слабой надеждою льщусь, что суровость могучего бога
 Можно смягчить (отнимать эту надежду не смей!).
 То ли напрасно я жду, то ли милости можно добиться —
 Ты докажи, что ее можно добиться, молю.
 Все красноречье свое собери для этого дела,
- ³⁰ Дай мне узнать, что моя что-нибудь значит мольба.
 Гнев тем легче смягчить, чем выше тот, кто разгневан,
 Тронуть тем проще дух, чем благороднее он:
 Доблестен лев — и довольно ему, если жертва простерта,
 Враг повержен — и вмиг битве приходит конец.
- ³⁵ Волк лишь да гнусный медведь умирающих долго терзают,
 Или презреннее зверь, если найдется такой.
 Что величавей найдешь, чем Ахилл под стенами Трой?

- Но не стерпел он, когда старец дарданский рыдал.
 А милосердье вождя эмафийского миру явили
 40 Пор и почетный обряд Дариевых похорон.
 Иль, чтоб не смертных одних называть, свой гнев укротивших:
 Бывший Юноне врагом сделался зятем ее.
 Мне хотя бы затем на спасенье надеяться можно,
 Что покарала меня не за пролитую кровь.
 45 Я ведь на Цезаря жизнь и не мог никогда покушаться
 В жажде весь мир погубить, ибо он Цезарем жив.
 Я не сказал ничего, ничего болтовнею не выдал —
 Лишний хмель у меня лишних не выманил слов.
 Видел я, да — но не знал, что увидел преступное дело,
 50 Вся-то вина, что в тот миг были глаза у меня.
 Нет, себя до конца обелять от вины я не вправе,
 Но половина вины — только оплошность моя.
 Значит, надежда есть, что добьешься ты хоть смягченья
 Кары, что сам он в другом месте меня поселит.
 55 О, если б мне эту весть принесла однажды Денница,
 Вестница Солнца, ко мне светлых направив коней!

6.

- Дружбы нашей союз и не хочешь ты скрыть, дорогой мой,
 Да и не мог бы скрывать, если бы даже хотел;
 Ты всех дороже мне был, покуда судьба позволяла,
 И у тебя никого не было ближе меня.
 5 Был тогда весь народ любви свидетелем нашей,
 Больше, чем ты и чем я, славилась в Риме она.
 Как благородной душой друзьям любимым ты предан,—
 Знает об этом и муж, чтимый всех больше тобой.
 Ты ничего не скрывал, во всем твой поверенный был я,
 10 Что ты ни скажешь тайком, все сохраню я в груди.
 Также и тайны мои тебе одному доверял я,
 Все, увы, кроме той, что погубила меня.
 Знай ты ее — и с тобой невредимым бы друг твой остался,
 Твой разумный совет спас бы, я верю, меня.
 15 Но, уж конечно, на казнь судьба меня прямо толкала
 И преграждала любой выход к спасению мне.
 То ли могла бы меня уберечь от беды осторожность,
 То ли разум вовек верх над судьбой не берет,—
 Все-таки ты, со мной такую связанный дружбой,
 20 Что по тебе всех сильнее сердце мне гложет тоска,
 Помни меня! Если сил тебе Цезаря милость прибавит,
 Их во спасение мне тотчас испробуй, молю,
 Чтобы утишился гнев оскорбленного бога и сам он
 Мне наказание смягчил, место изгнания сменив.

- ²⁵ Пусть будет так, если нет в душе моей умысла злого,
 Если началом вины только оплошность была.
 Случай — о нем говорить и опасно, и долго — заставил
 Взгляд мой свидетелем стать гнусных и пагубных дел;
 Памяти этого дня мой дух боится, как раны,
³⁰ Вспомню — и вспыхнет вмиг с прежнею силою стыд.
 Ну, а все то, о чем вспоминать так стыдно, должны мы
 Вечно под спудом держать, прятать в глухой темноте.
 Только одно об этом скажу: я и вправду виновен,
 Но никакая корысть не подстрекала меня.
³⁵ Глупостью должно назвать, не иначе, мое преступленье,
 Если давать вещам подлинные имена.
 Если же это не так, значит, место, в котором живу я,—
 Пригород Рима, и ты ссылку мне дальше проси!

7.

- В путь! Передайте привет, торопливые строки, Перилле:
 Верный посланец, письмо, к ней мою речь донеси.
 То ли застанешь ее сидящей близ матери нежной,
 То ли меж книг, в кругу ей дорогих Пиэрид.
⁵ Всякий прервет она труд, о твоём лишь узнает прибытье,
 С чем ты, спросит, пришла, спросит и как я живу?
 Ей отвечай, что живу, но так, что не жить предпочел бы,
 Что затянувшийся срок бед не уменьшил моих.
 Хоть пострадал я от Муз, однако же к ним возвратился,
¹⁰ Из сочетания слов строю двустигмию опять.
 «Ты не забыла ль, спроси, наших общих занятий? Ученым
 Все ли стихам предана нравам отцов вошреки?»
 Рок и природа тебе целомудренный нрав даровали,
 Лучшие свойства души и поэтический дар.
¹⁵ Первым тебя я привел на священный источник Пегаса,
 Чтобы в тебе не скудел сок плодоносной струи.
 В годы девичьи твой дар уже заприметил я первым
 И, как отец, для тебя спутником стал и вождем.
 Так, если тот же огонь в груди у тебя сохранится,
²⁰ Лесбоса лира одна сможет тебя превзойти.
 Только боюсь, что тебе судьба моя встанет преградой,
 Что злоключенья мои сердце твое охладят.
 Часто, бывало, ты мне, я тебе, что напишем, читали.
 Был для тебя и судьей, был и наставником я.
²⁵ Я со вниманьем стихи, сочиненные только что, слушал,
 Слабые встретив, тебя я покраснеть заставлял.
 Может быть, видя пример, как я погибая от книжек,
 Думаешь: вдруг и тебя кара подобная ждет?
 Страх, Перилла, оставь, но только своими стихами

- 30 Женщин не совращай и не учи их любви.
 Праздность гони от себя и, уже овладевшая знаньем,
 Снова искусству служи, к жертвам привычным вернись.
 К этим прелестным чертам прикоснутся губители-годы,
 Вскоре морщина пройдет по постаревшему лбу.
- 35 Руку на эту красу поднимет проклятая старость —
 Тихо подходит она, поступь ее не слышна.
 Скажет иной про тебя: красива была! Огорчишься,
 В зеркало взглянешь — его станешь во лжи обвинять.
 Скромны средства твои, хоть ты и огромных достойна,
- 40 Но и представив, что ты в первом ряду богачей,—
 Знай, своевольна судьба: то даст, то отнимет богатство,
 Иром становится вмиг тот, кто поныне был Крез.
 Но для чего пояснять? Лишь одним преходящим владеем,
 Кроме того, что дают сердце и творческий дар.
- 45 Вот хоть бы я: и отчизны лишен, и вас, и Пенатов,
 Отнято все у меня, что было можно отнять.
 Только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен,
 В этом у Цезаря нет прав никаких надо мной.
 Пусть кто угодно мне жизнь мечом прикончит свирепым,
- 50 И по кончине моей слава останется жить.
 Будет доколь со своих холмов весь мир покоренный
 Марсов Рим озирать, будут читать и меня.
 Ты же — счастливей твое да будет призванье! — старайся,
 Сколько возможно тебе, смертный костер превозмочь!

8.

- О, как я бы хотел в колесницу ступить Триптолема,
 Кто непривычной земле вверил впервые посев;
 Как бы желал я взнуздать драконов, которые в небе
 Мчали Этову дочь от эфирейских твердынь;
- 5 Как я мечтал бы владеть опереньем крыльев летучих —
 Или твоих, о Персей, или твоих, о Дедал,—
 Чтобы раздвинуть, летя, воздушные легкие струн,
 Чтобы увидел я вновь милую землю отцов,
 Дальний покинутый дом, и друзей, не забывших о друге,
- 10 И наконец, наконец, милую сердцу жену!
 Ах, чудак ты, чудак! не ребячься в мечтаньях, которым
 Сбыться, увы, не дано ни под какою звездой!
 Если не можешь молчать — молись августейшему богу,
 Богу, чью дивную мощь ты испытал на себе.
- 15 Он тебе властен один подарить колесницу и крылья —
 Пусть лишь скажет: вернись — сразу же станешь крылат!
 Стану об этом молить (ведь о большем молить я не вправе),
 Но и такая мольба в меру ли будет скромна?

- Позже, когда божество справедливым насытится гневом,
²⁰ Впору будет припасть с трепетной просьбой к нему.
 Ныне же не о большом, а о малом даре прошу я.
 Пусть мне будет дано эту покинуть страну!
 Здесь не к добру ни суша, ни влага, ни небо, ни воздух,
 Здесь неотступно меня гложет, несчастного, взорь:
²⁵ То ли измученный дух заражает страданием тело,
 То ли причина всех бед — самая эта земля,—
 С первого дня меня здесь ночные бессонницы мучат,
 Сохнет плоть на костях, в горло кусок не идет;
 Как на осенних ветвях, поражаемых ранним морозом,
³⁰ Блекнет лиственный цвет в первом дыханье зимы,
 Так и мое выцветает лицо, истощаются силы,
 И неотлучная скорбь долгие жалобы льет.
 Страждет тело мое, но душа не менее страждет:
 Боль в обоих одна бременем давит двойным.
³⁵ А перед умственным взором стоит, как зримое тело,
 Ясно читаясь в былом, образ судьбины моей:
 Прежние вижу места, и людей, и нравы, и речи
 И вспоминаю, кем был, и понимаю, кем стал,
 И умереть я хочу, и на Цезарев гнев я пеняю,
⁴⁰ Что за обиды свои он не карает мечом.
 Но коли он пожелал и во гневе явить свою милость,
 Пусть мою казнь смягчит; край мне укажет иной.

9.

- Да, здесь есть города с населением — кто бы поверил? —
 Греческим, в тесном кольце варварских диких племен.
 Некогда даже сюда поселенцы зашли из Милета,
 Стали меж гетов свои сооружать очаги.
⁵ Местности имя меж тем древней, чем построенный город:
 Был здесь зарезан Абсирт, месту название дав.
 На корабле, что воинственной был попечением Минервы
 Создан и первым прошел даль неиспытанных вод,
 Бросив отца, прибыла, по преданью, злодейка Медея
¹⁰ К этому берегу, залив плеском встревожив весла.
 Встав на высоком холме, заметил дозорный погоню:
 «Враг подошел! Паруса вижу, Колхида, твои!»
 Трепет минийцев объял. Пока причалы снимают,
 Быстрые руки пока якорный тянут канат,
¹⁵ Правду возмездья поняв, она грудь разит себе дланью,
 Столько свершившей уже, столько готовящей зол.
 И хоть таила в душе избыток решимости дерзкой,
 Бледность была у нее на уstraшенном лице.
 Вот, увидав вдали паруса: «Мы пойманы! — молвит.—

- 20 Надобно хитрость найти, чтобы отца задержать!
И, озираясь вокруг, не зная, как быть и что делать,
Вдруг на брата она кинула взор невзначай.
Кстати явился он ей. «Победила!» — она восклицает.
Знаю: кончиной своей он мое счастье спасет!»
- 25 Мальчик в неведение зла ничего между тем не страшился;
Миг — и невинному в бок меч свой вонзает она.
Тело на части разъяв, куски разъятые плоти
В поле спешит разбросать, где их сыскать нелегко.
А, чтоб отец все знал, к вершине скалы прикрепляет
- 30 Бледные руки его с кровоточащей главой —
Чтоб задержала отца эта новая скорбь, чтоб, останки
Сына ища, задержал полный печальми путь.
Томами с этой поры зовется место, где тело
Брата родного сестра острым мечом рассекла.

10.

- Ежели кто-нибудь там об изгнаннике помнит Назоне,
Если звучит без меня в Городе имя мое,
Пусть он знает: живу под созвездьями, что не касались
Глади морей никогда, в варварской дальней земле.
- 5 Вкруг — сарматы, народ дикарей, и бессы, и геты —
Как унижают мой дар этих племен имена!
В теплое время, с весны, защитой нас Истра теченье,
Он преграждает волной вылазки дерзких врагов,
Но лишь унылой зимы голова заскорузлая встанет,
- 10 Землю едва убелит мрамором зимним мороз,
Освободится Борей, и снег соберется под Арктом —
Время ненастья и бурь тягостно землю гнетет.
Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает —
Оледенев на ветру, вечным становится снег.
- 15 Первый растаять еще не успел — а новый уж выпал,
Часто, во многих местах, с прошлого года лежит.
Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дуя,
Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома.
Мало людям тепла от широких штанин и овчины:
- 20 Тела у них не видать, лица наружу одни.
Часто ледышки висят в волосах и звенят при движении,
И от мороза блестит, белая вся, борода.
Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов,
Вина: и пить их дают не по глотку, а куском.
- 25 Что расскажу? Как ручьи побежденные стынут от стужи
Или же как из озер хрупкой воды достают?
Истр не уже реки, приносящей папирус: вливает
В вольное море волну многими устьями он,

- Но, если дуют ветра непрерывно над влагой лазурной,
30 Стынет и он и тайком к морю, незримый, ползет.
Там, где шли корабли, пешеходы идут и по водам,
Скованным стужею, бьет звонко копыто коня.
Вдоль по неожиданным мостам — вода подо льдом протекает —
Медленно тащат волны тяжесть сарматских телег.
- 35 Трудно поверить! Но лгать поистине мне бесполезно —
Стало быть, верьте вполне правде свидетельских слов.
Видел я сам: подо льдом недвижим был Понт необъятный,
Стылую воду давил скользкою коркой мороз.
Мало увидеть — ногой касался я твердого моря,
40 Не намокала стопа, тронув поверхность воды.
Если бы море, Леандр, таким пред тобой растлалось,
Воды пролива виной не были б смерти твоей!
В эту погоду взлетать нет силы горбатым дельфинам
В воздух: сдержаны злой все их попытки зимой.
- 45 Сколько Борей ни шумит, ни трепещет бурно крылами,
Все же не может поднять в скованных водах волну.
Так и стоят корабли, как мрамором, схвачены льдами,
Окоченелой воды взрезать не может весло.
Видел я сам: изо льда торчали примерзшие рыбы,
50 И между прочим среди них несколько было живых.
Так едва лишь Борей могучею, грозною силой
Полые воды реки, волны на море скует,
Истр под ветром сухим становится ровен и гладок
И по нему на конях дикий проносится враг.
- 55 Враг, опасный конем и далеко летящей стрелой,
Все истребляет вокруг, сколько ни видно земли.
Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит,
Не охраняют добра, и разграбляется все:
Бедный достаток селян и скотина с арбою скрипучей —
60 Все, что в хозяйстве своем житель убогий имел.
В плен уводят иных, связав им за спины руки, —
Им уж не видеть вовек пашен и Ларов своих!
Многих сражает степняк своей крючковой стрелой —
Кончик железный ее красящий яд напитал.
- 65 Все, что не в силах беглец унести или вывезти, гибнет,
Скромные хижинны вмиг вражий съедает огонь.
Здесь внезапной войны и в спокойное время страшатся,
Не налегают на плуг, землю не пашет никто.
Или же видят врага, иль боятся его, хоть не видят.
70 Как неживая лежит, брошена всеми, земля.
Здесь под тенью лозы не скрываются сладкие гроздья,
Емкий сосуд не шипит, полный вином до краев,
Нет тут сочных плодов, и Аконтию не на чем было б
Клятвы слова написать, чтобы прочла госпожа.

- ⁷⁵ Видишь без зелени здесь, без деревьев нагие равнины.
 Нет, счастливый сюда не забредет человек!
 Так, меж тем как весь мир необъятный раскинут широко,
 Для наказания мне этот назначили край!

11.

- Ты, что поносишь меня в моих злоключеньях, бесчестный,
 И беспрестанно меня, крови взыскаю, винишь,
 Скалами ты порожден, молоком ты вскормлен звериным,
 Не сомневаясь, скажу: камни в груди у тебя.
- ⁵ Где, на каком рубеже твоя остановится злоба?
 Где усмотрел ты беду, что миновала меня?
 Понт неприятный, Борей да аркадской Медведицы звезды
 Только и видят меня в варварском этом краю.
 Ни на каком языке не могу говорить с дикарями,
- ¹⁰ Все здесь, куда ни взгляни, полнит опасливый страх.
 Как быстроногий олень, когда жадным он пойман медведем,
 Или овца посреди с гор набежавших волков,
 Так же и я трепещу в окруженье племен беспокойных,
 Чуть не впритык у ребра вражеский чувствуя меч.
- ¹⁵ Пусть бы кара мала: любимой лишиться супруги,
 Родины милой, всего, в чем наслажденья залог,—
 Пусть бы из всех невзгод только Цезаря гнев я изведal,
 Мало ли было навлечь Цезарев гнев на себя?
- ²⁰ Все же нашелся такой, кто рад берeditь мои раны,
 Бойким своим языком всю мою жизнь очернить.
 В тяжбе нетрудной блистать способен любой красноречьем.
 Много ли надобно сил, чтобы разбитое бить?
 Крепкие стены твердынь разрушать — достославное дело,
 То, что готово упасть, может повергнуть и трус.
- ²⁵ Я уж не тот, кем был,— что ж ты тень бесплотную топчешь?
 Камень бросить спешишь в мой погребальный костер?
 Гектор Гектором был, доколе сражался, и не был
 Гектором больше, влачим вслед гемонийским коням.
 Помни, что я уж не тот, которого знал ты когда-то,
- ³⁰ Нет его больше в живых, призрак остался взамен.
 Что ж ты призрак пустой преследуешь злыми речами?
 Полно! Прошу, перестань маны тревожить мои.
 Чистой правдой признай все мои преступления, но только
 Их не злодейством считай, а заблужденье скорей.
- ³⁵ Я наказание и так отбываю — насыть свою злобу!
 Карой изгнанья плачусь, местом изгнанья самим.
 Доля моя палачу показаться могла бы плачевной,
 Лишь для тебя одного я еще мало казним.
 Не был злее тебя и Бусирид, не был жесточе

- 40 Тот, кто на слабый огонь медного ставил быка.
 Не был и тот, кто быка преподнес царю сицилийцев,
 Произведенье свое речью такой пояснив:
 «Польза в созданье моем важней, чем сходство с природою,
 Больше за пользу меня, чем за искусство хвали!»
- 45 Здесь, на правом боку, у быка ты отверстие видишь?
 Тех, кто на казнь осужден, можешь внутри запереть.
 Жертву потом начинай на медленных углях жарить —
 Взоет она, и бык, словно живой, замычит.
- 50 Ты на подарок такой равноценным ответь мне подарком
 И за находку мою плату достойную дай.
 Молвил ему Фаларид: «О казней выдумщик дивный!
 Дело ты собственных рук кровью своей осытяти».
 Сказано — сделано: вмиг, как учил он, быка раскалили,
 Так что из пасти его двойственный звук излетал.
- 55 О сицилийцах к чему я твержу меж сарматов и гетов?
 Кто бы ты ни был, к тебе жалобы вновь обращаю.
 Можешь вполне утолить свою жажду кровью моею,
 Все, как хотел ты, сбылось — алчное сердце, ликуй!
 Всяческих бед претерпел я на суше и на море столько,
 Что по рассказам одним мог бы ты мне сострадать.
- 60 Ежели рядом со мной поставишь Улисса, увидишь:
 Гневный был страшен Нептун, гневный Юпитер страшней.
 Кто бы ты ни был, уймись, перестань бередить мои раны,
 Язв глубоких моих грубой не трогай рукой.
- 65 Чтобы затихли скорей о моей провинности толки,
 Дай ты время моим зарубцеваться делам.
 Помни об общей судьбе: она человека возвысит,
 Тут же унизит его — бойся превратностей сам!
 После того как со мной случилось такое, о чем я
- 70 Думать не мог, о моих все ж ты печешься в делах...
 Что же, не бойся: моя отныне всех горестней участь,
 Цезаря гнев за собой все мои беды влечет.
 А чтобы мог убедиться ты сам и словам моим верил,
 Я пожелаю тебе кару мою испытать.

12.

- Уж холода умеряет Зефир — значит, год завершился,
 Но меотийской зимы длительней зим я не знал.
 Тот, кто вез на спине чрез море злосчастную Геллу,
 В срок надлежащий сравнял длительность ночи и дня.
- 5 Юноши, верно, у вас и веселые девушки ходят
 Рвать фиалки в местах, где их не сеял никто.
 Тысячью разных цветов луговины уже запестрели,
 Птицы, нигде не учась, песни поют о весне.

- Ласточка, чтобы с себя материнское смыть преступленье,
 10 Люльку под балкой крепит, строит свой маленький дом.
 Злаки, что были досель бороздами скрыты Цереры,
 Снова из почвы сырой нежные тянут ростки.
 Там, где растет виноград, на лозе наливаются почки —
 Только от гетских краев лозы растут далеко!
- 15 Там, где рощи шумят, на деревьях листва зеленеет —
 Только от гетских краев рощи шумят далеко!
 Ныне там время забав: уступает игрищам разным
 Форум свою суетню и красноречья бои.
 Там и ристанье коней, и с потешным оружием схватки;
- 20 Дротики мечут, легко обручей катят круги.
 Юноши, тело свое натерев, текучее масло
 С мышц утомленных омыть девственной влагой спешат.
 Полон театр, там споры кипят, накаляются страсти,
 Три вместо форумов трех нынче театра шумят.
- 25 Трижды, четырежды — нет, не исчислить, насколько блаженны
 Те, для кого не закрыт Град и улады его!
 Здесь же слежу я, как снег под весенними тает лучами,
 Как перестали ломать крепкий на озере лед.
 Море не сковано льдом, и по твердому Истру не гонит
- 30 С грохотом громким арбу местный сармат-волопас.
 Скоро в наш край прибывать и суда начнут понемногу,
 Возле Понтийской земли станет заморский корабль.
 Тотчас к нему побегу, корабельщика встречу приветом,
 Прибыл зачем, расспрошу, кто он, откуда приплыл.
- 35 Странно тут видеть его, если он не из ближнего края,
 Если не плыл по своим он безопасным водам,—
 Редко кто так далеко из Италии по морю едет,
 Редко заходят сюда, где им пристанища нет.
 Греческим он языком владеет иль знает латинский —
- 40 Этот язык для меня был бы, конечно, милей!
 Где бы на бурных волнах Пропонтиды иль в устье пролива
 По произволу ветров он не пустил паруса,
 Кто бы он ни был, с собой, возможно, доставит он вести,
 Мне перескажет молву иль хоть частицу молвы.
- 45 Если б он мог — об этом молю! — рассказать про триумфы
 Цезаря и про его богу латинян обет!
 Или как ты, наконец, Германия буйная, пала,
 Скорбной склонясь головой перед великим вождем.
 Тот, кто расскажет про все, о чем вдалеке я тоскую,
- 50 Без промедленья войдет гостем желанным в мой дом.
 Горе! Ужель навсегда быть в Скифии дому Назона?
 Этот ли ссыльный очаг Ларов заменит моих?
 Боги! О сделайте так, чтобы мной обитаемый угол
 Цезарь не домом моим, но лишь тюрьмою считал!

13.

- Самый безрадостный день (к чему я на свет появился!) —
 День, когда был я рожден, — в должное время настал.
 Что посещаешь ты вновь изгнанника в годы несчастий?
 Лучше бы им наконец было предел положить.
- ⁵ Если б заботился ты обо мне и была в тебе совесть,
 С родины милой за мной ты бы не следовал вдаль.
 Там, где первые дни моего ты младенчества видел,
 Лучше, когда бы ты стал днем и последним моим.
- ¹⁰ Ты, опечалившись, мне просто сказал бы: «Прости!»
 В Понте что надо тебе? Или Цезаря гневом ты тоже
 Изгнан в предел ледяной крайнего круга земли?
 Видимо, ждешь ты и здесь, по обычаю, почестей прежних —
 Чтобы спадали с плеча белые складки одежд,
 Чтобы курился алтарь, цветочными венчан венками,
 Чтобы в священном огне ладан, сгорая, трещал,
 Чтобы тебе я поднес пирог, отмечающий годы,
 Чтобы молитвы богам благоговейно творил?
- ¹⁵ Нет, не так я жив, не такая пора наступила,
 Чтобы я мог твой приход прежним весельем встречать.
 Мне погребальный алтарь, кипарисом печальным увитый,
 Больше пристал и огонь, смертного ждущий костра.
 Жечь фимиам ни к чему, обращенья к богам бесполезны,
 Не подобают устам нашим благие слова.
- ²⁰ Если, однако, молить в этот день мне о чем-либо можно,
 Я лишь о том, чтоб сюда ты не являлся, молю,
 Здесь я доколе живу, почти на окраине мира,
 Около Понта с его ложным прозванием «Евксин».

14.

- Первосвященник наук, ученых мужей покровитель,
 Чем ты занят, скажи, гения друг моего?
 Частый мой гость в счастливые дни, ты много ли сделал,
 Чтобы хоть частью одной с вами я жил и теперь?
- ⁵ Также ль мои собираешь стихи — кроме тех, о науке,
 Чье сотворенье творцу только на гибель пошло?
 Делай, что в силах твоих, почитатель новых поэтов,
 Плоти от плоти моей в Риме исчезнуть не дай.
 К ссылке приговорен поэт, не книги поэта —
- ¹⁰ Не заслужили они кару, как он заслужил.
 Видели мы не раз: отец — в далеком изгнание,
 А между тем сыновьям в Риме позволено жить.
 Стихотворенья мои без матери, словно Паллада,

- Были на свет рождены, племя-потомство мое.
15 Их под опеку твою отдаю: тем больше заботы
Им удели, что теперь нет и отца у сирот.
Трех из моих детей со мною постигла зараза,
Но безбоязненно в дом можешь принять остальных.
Есть среди них и пятнадцать книг о смене обличья,
20 Выхваченных из огня при погребенье отца.
Если бы сам не погиб до времени, верную славу
Я бы стяжал и для них, тщательно слог отточив.
Так они и живут без отделки в устах у народа —
Если в народных устах что-нибудь живо мое.
25 К прежним добавь и эти стихи, уж не знаю, какие,
Только б они до тебя с края земли добрели.
Если строки мои прочесть найдется охотник,
Пусть он заранее учтет, где я писал и когда:
В ссылке, в дикой стране. Кто об этом знает и помнит,
30 По справедливости тот будет поэта судить —
И подивится еще, как мог в подобных лишениях
Я хоть такие стихи скорбной рукой выводить.
Да, надломил мой дар страданья, а дар мой и прежде
Сильным не бил ключом — скудную струйку точил.
35 Но и таков, как был, захирел он без упражненья —
В долгом застое сох, чахнул и вовсе погиб.
Вдосталь книг не найду, какие манят и питают, —
Здесь вместо книг поет звон тетивы и меча.
Нет по всей стране никого, кому бы я с толком
40 Мог почитать стихи, — выслушав, их не поймут.
В уединенье ль уйти — так нельзя: против гетов ворота
Тут на запоре всегда, город стена сторожит.
Слово порой ищу или имя, название места —
Нет вокруг ничего, кто бы верней подсказал.
45 Или порой начну говорить, и — стыдно сознаться —
Просто слова не идут: ну разучился, и все!
Уши оглушены и фракийской мольбою, и скифской,
Чудится, скоро стихи стану по-гетски писать.
Даже боюсь, поверь, что вкравшиеся меж латинских
50 Ты и понтийские тут вдруг прочитаешь слова.
Довод защиты прими — судьбы превратной условья
И, какова ни на есть, книгу мою оправдай.

КНИГА IV

1.

- Если погрешности есть — да и будут — в моих сочиненьях,
Вспомнив, когда я писал, их мне, читатель, прости.
В ссылке я был и не славы искал, а лишь роздыха чаял,
Я лишь отвлечься хотел от злоключений моих.
- ⁵ Так, волоча кандалы, поет землекоп-каторжанин,
Песней простецкой своей тяжкий смягчая урок;
Лодочник тоже, когда, согбенный, против течения
Лодку свою волоча, в илестом вязнет песке.
- Так, равномерно к груди приближая упругие весла,
¹⁰ Ровным движеньем волну режет гребец — и поет.
Так и усталый пастух, опершись на изогнутый посох
Или на камень присев, тешит свирелью овец.
Так же — нитку прядет, а сама напевает служанка,
Тем помогая себе скрасить томительный труд.
- ¹⁵ Как увели — говорят — от Ахилла Лирнесскую деву,
Лирой Гемонии он горе свое умерял.
Пеньем двигал Орфей и леса, и бездушные скалы
В скорби великой, жену дважды навек потеряв.
Муза — опора и мне, неизменно со мной пребывавший
- ²⁰ К месту изгнанья, на Понт, спутник единственный мой.
Муза ни тайных коварств, ни вражьих мечей не боится,
Моря, ветров, дикарей не устрашится она.
Знает, за что я погиб, какую свершил я оплошность:
В этом провинность моя, но злодеянья тут нет.
- ²⁵ Тем справедливей она, что мне повредила когда-то,
Что и ее обвинял вместе со мною судья.
Если бы только, от них предвидя свои злоключенья,
Я прикасаться не смел к тайнам сестер Пиэрид!
Как же мне быть? На себе я могущество чувствую Музы,
- ³⁰ Гибну от песен, а сам песни, безумный, люблю.
Некогда лотоса плод, незнакомый устам дулхийцев.
Сам вредоносный для них, дивным их вкусом пленял.
Муки любви сознает влюбленный, но к мукам привязан,
Ту, от кого пострадал, сам же преследует он.
- ³⁵ Так повредившие мне услаждают меня мои книги,
Будучи ранен стрелой, к ней я любовью влеком.
Может быть, люди сочтут одержимостью это пристрастье,
Но одержимость в себе пользы частицу таит,
Не позволяя ей лишь в горести взором вперяться,
- ⁴⁰ Бед повседневных она мне замечать не дает.
Ведь и вакханка своей не чувствует раны смертельной,

- С воплем, не помня себя, кряжем Эдонии мчась.
 Так, лишь грудь опалит мне зелень священного тирса,
 Сразу становится дух выше печали людской.
- 45 Что ему ссылка тогда, побережье скифского Понта?
 Бедствий не чувствует он, гнев забывает богов.
 Словно из чаши отпил я дремотной влаги летейской,
 И в притупленной душе бедствий смягчается боль.
 Чту я недаром богинь, мою облегчающих муку,
- 50 Хор геликонских сестер, спутниц в изгнанье благих,
 На море и на земле меня удостоивших чести
 Всюду сопутствовать мне, на корабле и пешком.
 О благосклонности их и впредь я молю — остальной же
 Сонм бессмертных богов с Цезарем был заодно:
- 55 Сколько послали мне бед, сколько есть на побережье песчинок,
 Столько в морской глубине рыб или рыбьей икры.
 Легче цветы сосчитать по весне, иль летом колосья,
 Или под осень плоды, или снежинки зимой,
 Нежели все, что стерпел я, кидаемый по морю, прежде,
- 60 Чем на Евксинское смог левобережье ступить.
 Но как я прибыл сюда, не легче стали невзгоды,
 Рок злополучный меня также и здесь настигал.
 Вижу теперь, что за нить от рожденья за мной потянулась,
 Нить, для которой одна черная спрядена шерсть.
- 65 Что говорить обо всех грозящих жизни засадах —
 Мой достоверный рассказ невероятным сочтут.
 Это ль не бедствие — жить обречен меж бессов и гетов
 Тот, чье имя всегда римский народ повторял!
 Бедствие — жизнь защищать, положась на ворота и стены,
- 70 Здесь, где и вал крепостной обезопасит едва.
 В юности я избегал сражений на службе военной,
 Разве лишь ради игры в руки оружие брал.
 Ныне, состарившись, меч я привешивать вынужден к боку,
 Левою придерживать щит, в шлем облекать седину.
- 75 Только лишь с вышки своей объявит дозорный тревогу,
 Тотчас дрожащей рукой мы надеваем доспех.
 Враг, чье оружие — лук, чьи стрелы напитаны ядом,
 Злобный разведчик, вдоль стен гонит храпящих коней.
 Как, кровожадный, овцу, не успевшую скрыться в овчарню,
- 80 Тащит волоком волк и через степи несет,
 Так любого, за кем не сомкнулись ворота ограды,
 Гонят враги-дикари, в поле застигнув его.
 В плен он, в неволю идет с ременной петлей на шее,
 Или на месте его яд убивает стрелы.
- 85 Так и хирею я здесь, новосел беспокойного дома,
 Медленно слишком, увы, тянется время мое.
 Но помогает к стихам и былому служенью вернуться

Муза меж стольких невзгод — о чужестранка моя!
 Только здесь нет никого, кому я стихи прочитал бы,
 Нет никого, кто бы внять мог мой латинский язык.
 90 Стало быть, сам для себя — как быть? — и пишу и читаю —
 Вот и оправдан мой труд доброй приязнью судьи.
 Все ж я не раз говорил: для кого я тружусь и стараюсь?
 Чтобы писанья мои гет иль сармат прочитал?
 Часто, покуда писал, проливал я обильные слезы,
 95 И становились от них мокры таблички мои.
 Старые раны болят, их по-прежнему чувствует сердце,
 И проливается дождь влаги печальной на грудь.
 А иногда и о том, чем был, чем стал, размышляю,
 Мыслю: куда меня рок — ах! — и откуда унес!
 100 Часто в безумье рука, разгневана вредным искусством,
 Песни бросала мои в запламеневший очаг.
 Но хоть от множества строк всего лишь немного осталось,
 Благожелательно их, кто бы ты ни был, прими.
 Ты же творенья мои, моей нынешней жизни не краше,
 105 Недосыгаемый мне, строго — о Рим! — не суди.

2.

Верно, Германия, край злополучный для Цезарей наших,
 Пала, колени склонив, так же как мир остальной,
 Может быть, весь Палатин украшают цветочные цепи,
 Дымом застится день, ладан трещит на огне,
 5 Меткой секиры удар разит белоснежную жертву,
 Наземь алая кровь хлещет из раны струей,
 В храмы приносят дары дружелюбным богам за победу
 Цезарь и тот и другой, свято обеты блюдя,
 Юная поросль меж них, носящая Цезарей имя,
 10 Взросшая, чтобы один правил вселенною дом,
 И меж невесток дары за возврат невредимого сына
 Ливия в храмы несет, как понесет их не раз,
 С нею и матери все, и те, что своей чистотою
 Непогрешимо хранят девственной Весты очаг;
 15 Весь ликует народ, и с народом сенат, и сословье
 Всадников — но без меня, малой частицы своей.
 В дальнем изгнанье меня обошла эта общая радость,
 Лишь отголоском сюда слабым доходит молва.
 В Риме может народ воочию видеть триумфы,
 20 Пленных вождей имена и городов прочитать,
 Вдосталь смотреть на царей, бредущих с цепью на шее
 Перед упряжкой коней в пышном убранстве венков.
 Лица одних разглядеть — как меняет их время несчастий,
 Грозные лица других, свой позабывших удел.

- 25 Спросит иной из толпы о делах, именах и причинах,
Станет другой объяснять, зная не больше, чем все:
«Этот, что гордо идет, багрецом сверкая сидонским,
Был в сраженьях вождем; этот — помощник его;
30 Тот, что в землю сейчас потупился с горестным видом,
Меч свой покуда держал, выглядел вовсе не так;
Тот вот, сердитый, чей взгляд до сих пор пылает враждою,
Словом и делом всегда первый войну разжигал.
Тот, из укрытья напав, окружил наше войско коварно:
Прячет недаром сейчас в космах отросших лицо.
- 35 Следом который идет, говорят, приносил не однажды
Пленных в жертву богам. жертв не желавшим таких.
Горы, что названы здесь, укрепления, озера и реки
Кровью были полны, трупами были полны.
Друз в этих самых краях заслужил когда-то триумфы —
- 40 Право, достоин отца доблестный юноша был!
Видите, в сбитом венке тростниковом, с обломанным рогом,
Рейн, замутивший волну кровью своих сыновей.
Вон и Германия там, распутившая волосы в горе,
Непобедимый ее вождь попирает ногой:
- 45 Горько под римский топор склонять непокорную шею,
Меч державшим рукам цепи носить тяжело!»
Цезарь! Ты сам, как обычай велит, в колеснице высокой
Радовать будешь народ пурпуром — знаком побед.
Встретят повсюду тебя ликующим плеском ладоней,
- 50 Будут бросать цветы, путь устилая тебе.
Фебовым лавром чело увенчано будет и воин
Дружно затынет: «Ио! — голосом громким, — триумф!»
Громким плесканием рук испуганы, пеньем и криком,
Кони твоей четверни встанут на месте не раз.
- 55 К храмам направишься ты, что к молитвам твоим благосклонны,
На Капитолии лавр сложишь Юпитеру в дар.
Взором души и я это все, как смогу, так увижу:
Вправе вернуться душа в место, запретное мне,
Странствует вольно она вдали по землям бескрайним,
Может достигнуть небес самым коротким путем —
- 60 Сможет в столицу она и взоры мои переправить,
Не допустив, чтоб такой радости был я лишен.
Дух мой найдет, откуда взглянуть на твою колесницу:
Так, хоть на краткий миг, буду на родине я.
- 65 Подлинным будет народ той порою зрелищем счастлив,
Вкруг своего вождя будет толпа ликовать.
Что до меня, то плоды достанутся воображенью,
Да кое-что уловить издали сможет мой слух.
Вряд ли в другой этот мир, так далеко от Лация, будет
- 70 Кто-нибудь заслан, кто б мог мне обо всем рассказать,

Да и о давнем уже он расскажет триумфе, хоть, впрочем,
Буду и долго спустя счастлив я слышать о нем.
Пусть же придет этот день, когда я о кручине забуду
И одолеет мою общая радость тоску.

3.

Малый зверь и большой, из которых один направляет
Греческих путь кораблей, путь финикийских — другой,
Вы, которые все с вершины видите неба,
Не погружаете звезд в воды закатных морей,
⁵ Чей всю эфирную высь широким кольцом обнимает
Путь круговой, нигде не прикасаясь к земле, —
Ныне взгляните, молю, на стены, которые отпрыск
Илии Рем прыжком брату назло пересек,
¹⁰ Огненный взор ваших звезд на мою госпожу обратите,
Весть мне подайте о том, помнит меня или нет.
Горе! Откуда к моей надежде боязнь примешалась?
Спрашивать надо ль, когда все очевидно и так?
Верь: все — как хочешь ты сам, не страшись того, что не страшно,
Вера пусть будет твоя твердой, как верность ее.
¹⁵ То, что не могут сказать огни, горящие в небе,
Ты себе повтори сам в непреложных словах:
Помнит, помнит тебя она, о которой тоскуешь,
Имя твое хранит — все, что ей можно хранить,
²⁰ Пристально смотрит тебе в глаза, как будто ты рядом,
И, если только жива, любит тебя и вдали.
Что же, душа от горя больна, и едва ты приляжешь,
Сон благодатный прогнать воспоминанья спешат?
Нет исхода тоске, когда и ложе и спальня
Сердце твое бередят, память будя обо мне?
²⁵ В жар бросает тебя, и кажется ночь бесконечной,
Ломит все кости, нельзя места в постели найти?
Не сомневаюсь я, нет: ведь и быть не может иначе,
Знать о себе любовь болью тоскливой дает.
³⁰ Так же терзаешься ты, как фивянка, когда увидела
Гектора тело в крови и фессалийскую ось.
Я же не знаю, о чем мне молить, и сказать не могу я,
Чувства какие в твоей видеть хотел бы душе.
Ты грустна? Я себя проклинаю, виновника горя!
Нет? А была бы грустна, будь ты достойна меня!
³⁵ Все-таки нежной душой ты горюй, я прошу, об утрате,
Бедствия наши тоской пусть омрачат твои дни.
Плачь о злосчастье моем! В слезах таится отрада,
В них, переполнившись, боль выход находит себе.
Лучше бы нас навсегда разрознила смерть, и пришлось бы

- 40 Смерть мою, а не жизнь горько оплакать тебе!
Вздых из груди у меня излетел бы в небо родное,
Ты приняла бы его, грудь мне слезами омыв,
Очи в последний мой час на знакомые звезды глядели б,
Ты их закрыла бы мне преданной нежной рукой,
- 45 Прах бы покоился мой под холмом, где покоятся деды,
Тело лежало бы в той, где родился я, земле.
Словом, прожив без вины, без вины я сошел бы в могилу,
Вместо того чтобы жить, пытки позорной стыдись.
- Горе мне, если и ты, когда ссыльного мужа женою
- 60 Вдруг тебя назовут, взгляд отведешь, покраснев,
Горе мне, если женой моей слыть ты считаешь зазорным,
Горе мне, если моей быть ты стыдишься теперь!
Где то время, когда похвалялась ты славным супругом
И не старалась скрывать имя мое от людей?
- 85 Где то время, когда — или вспомнить о нем не желаешь? —
Зваться моею и быть радостно было тебе?
Всем тебе нравился я, и с пристрастием любящей много
Мнимых достоинств к моим ты прибавляла всегда.
Так ты чтילה меня, что мне вовеки другого
- 60 Не предпочла бы и стать не пожелала ничьей.
Вот и теперь не стыдись, что моею стала женою:
Пусть будет горем твоим, но не позором наш брак.
Дерзкий от молнии пал Капаней — но где про Евадну
Ты прочтешь, чтоб она видела в этом позор?
- 65 Царь вселенной огнем укротил огонь — но пришлось ли
От Фаятона тогда сестрам отречься, стыдись?
Также Семела чужой не стала родителю Кадму,
Хоть погубила себя просьбой тщеславной сама.
Пусть и твое лицо от стыда не пылает румянцем,
- 70 Хоть громовержца удар гневный меня покарал.
Выше еще поднимись, обо мне неусыпно заботясь,
Стань в глазах у людей доброй жены образцом,
Всю добродетель свою покажи в этом деле печальном:
Ввысь дорогой крутой трудная слава идет.
- 75 Кто бы Гектора знал, останься Троя счастливой?
Общих бедствий путем доблесть его вознеслась.
Тифий! Искусство твое праздным было бы в море безбурном.
Феб! Искусство твое праздно, коль нету больных.
Та, что безвестной для всех и напрасной осталась бы в счастье,
- 80 Доблесть меж тягот и бед явной становится всем.
Участь наша тебе обещает громкое имя,
Верность вправе твоя голову гордо поднять —
Не упускай же даров, что дает нам трудное время:
Чтобы снискать похвалу, поприще есть у тебя!

4.

- Ты, кто одним родовит поименным перечнем предков,
Но благородством своим пращуров славу затмил,
В чьей душе воскрешен безупречности образ отцовский,
Чтобы она обрела новую силу в тебе,
- ⁵ В чем дарованье опять ожило отца красноречье —
А ведь речистей, чем он, Форум не знал никого!
Имя я скрыл, но приметы твои указал — и невольно
Выдал тебя: обвиняй славу свою, не меня!
Изобличили тебя достоинства: знают их в Риме,
- ¹⁰ Знают, каков ты, — и тем я обелен от вины.
Думаю, в том, что тебе я отдал должное в песнях,
При справедливом таком принципе нету вреда:
Сам ведь отчизны отец — кто его доступней и проще? —
Терпит, чтоб в наших стихах часто читали о нем.
- ¹⁵ Как тому помешать? Достоянье всеобщее Цезарь —
Общего блага и я долей владею, как все.
Силой своей дарованья певцов вдохновляет Юпитер,
Славу себе возглашать всем позволяет устам.
В Цезаре бога мы зрим, почитаем Юпитера богом —
- ²⁰ Сразу примером двоих ты защитишься богов.
Хоть и не надо бы мне, на себя я приму обвиненье:
Ты-то не властен над тем, что я писал и пишу.
Пусть я с тобой говорю — не новый это проступок:
Я и до ссылки с тобой часто привык говорить.
- ²⁵ Знай, за дружбу со мной не тебе обвинений бояться:
Кто ее начал, тому и угрожает вражда.
Твой отец — вот кого с юных лет почитал я всех больше,
Не помышляй же скрывать то, что известно и так.
Он дарованье мое хвалил (быть может, ты помнишь)
- ³⁰ Больше, чем я заслужил даже на собственный взгляд,
Строки моих стихов читал он своими устами,
Чье красноречье ему общий снискало почет.
Значит, если в твой дом я принят — не ты был обманут:
Первый обманутый мной — тот, кто тебя породил.
- ³⁵ Нет, не обманут он был, поверь: всю жизнь безупречны
Были поступки мои — кроме последних, увы!
Впрочем, вину, что сгубила меня, не сочтешь ты злодейством,
Если узнаешь, какой бедствия шли чередой.
Страх повредил мне тогда и оплошность — но больше оплошность...
- ⁴⁰ Ах, позволь о моей участи не вспоминать!
Трогать не надо и вновь бередить незажившие раны:
Ведь и покой не успел их излечить до конца.
Пусть я кару несу по заслугам, но умысла злого
Нет в проступке моем: непреднамерен он был.

- ⁴⁵ Это чувствует бог — потому и жизнь сохранил мне
 И достояньем моим не дал другому владеть.
 Лишь бы я жив был, а он, может быть, и этой положит
 Ссылке конец, когда гнев временем будет смягчен.
⁵⁰ Пусть лишь, молю, он теперь же велит мне уехать отсюда,
 Если бессовестной нет дерзости в робкой мольбе.
 Я лишь для ссылки хочу не такого сурового места,
 Ближе к латинской земле, дальше от диких врагов.
 Август откажет едва ль — велико его милосердие! —
 Если его за меня кто-нибудь станет просить.
- ⁵⁵ Не отпускают меня берега Евксинского Понта.
 Древние звали его Понтом Аксинским не зря:
 Нет здесь тихих зыбей, умеренным поднятых ветром,
 Тихих пристаней нет для иноземных судов.
 Вкруг — племена, что в кровавых боях промышляют добычу,
⁶⁰ Так что суша у нас вод вероломных страшней.
 Если ты слышал о тех, что ликують, людей убивая,
 Знай: обитают они рядом, под той же звездой.
 Близко места, где у тавров алтарь стрелоносной богини
 Кровью кощунственных жертв часто бывал окроплен.
- ⁶⁵ Память жива, что поблизости здесь было царство Фоанта:
 Мерзкое добрым, что поблизости и злых не влекло.
 Там в благодарность за то, что Диана ее подменила
 Ланью, вершила любой внучка Пелопа обряд.
 После того как Орест, неизвестно, герой ли, злодей ли,
⁷⁰ Яростью фурий гоним, в эти явился края,
 Вместе с фокейцем, что стал примером истинной дружбы,
 Ибо одна душа в двух обитала телах,
 Вскоре оба в цепях к алтарю доставлены были,
 Что перед дверью двойной храма кровавый стоял.
- ⁷⁵ Смерти своей не боялся один и другой не боялся:
 Видя, что гибель близка, каждый о друге скорбел.
 Жница стояла меж тем с обнаженным мечом, и повязкой
 Варварской были уже греков обвиты виски —
 Но Ифигения вдруг узнала выговор брата:
⁸⁰ Вместо удара клинком он получил пощелуй!
 Тотчас богини кумир, ненавидевшей страшные жертвы,
 В лучший край перенести дева, ликуя, спешит.
 С этой страной, что лежит у предела земли и откуда
 Люди и боги бегут, я по соседству живу.
- ⁸⁵ Близко от наших мест приносились кровавые жертвы,
 Если уж «нашей» зовет варваров землю Назон.
 О, если б милостив стал ко мне бог, если б ветер попутный,
 Гнавший Ореста корабль, прочь и меня бы умчал!

5.

- Первый мой друг меж любимых друзей, кто единственный был мне
 В бедах моих алтарем, где я спасенья искал,
 Чьи оживили слова мою умиравшую душу,
 Как полунощный огонь масло Паллады живит,
- ⁵ Кто не боялся открыт в те дни надежную пристань,
 Чтобы сожженный грозой жалкий корабль приютить,
 Чье богатство узнать нужду мне вовек не дало бы,
 Если б отнять решил Цезарь наследье мое...
- Так и тянет меня забыть о нынешних бедах:
- ¹⁰ Чуть не вырвалось вдруг имя твое у меня!
 Ты-то узнаешь себя, но захочешь, чтоб знали другие,
 Чтобы, ища похвалы, мог ты сказать: «Это я!»
 Что ж, если ты разрешишь, я назвал бы полное имя,
 Чтобы с молвой обручить редкую верность твою,
- ¹⁵ Только боюсь, что тебе повредит мой стих благодарный,
 Что не в пору почет будет помехой тебе.
 Радуйся лучше в душе — безопасно это и можно! —
 Памяти верной моей, верности стойкой своей.
- Крепче на весла наляг, чтоб помочь мне, пока не смирился
- ²⁰ Бог и свирепствует вихрь,— ты ведь и делаешь так!
 Оберегай мою жизнь, хоть нельзя спасти ее, если
 Тот, кто швырнул меня в Стикс, сам же не вытащит вновь.
 Пусть это редкость, но ты положи все силы на то, чтоб
 Дружбы долг выполнять неколебимо и впредь.
- ²⁵ Пусть за это тебя ведет все выше Фортуна,
 Пусть не заставит нужда меньше друзьям помогать,
 Пусть и жена в доброту неизменной равна будет мужу,
 Пусть вашей спальни покой редко размолвка смутит,
 Пусть единый с тобой по крови всегда тебя любит,
- ³⁰ Так же как брат-близнец Кастора любит всегда,
 Пусть и сын у тебя, на отца похожий, родится,
 Чтобы в нравах его каждый тебя узнавал,
 Пусть приведет тебе дочь при свете факелов брачных
 Зятя в дом, чтобы ты дедом не в старости стал.

6.

- Время склоняет волов с изнуряющим плугом смириться
 И под тяжелый ярем шею послушную гнуть;
 Время умеет к вожжам приучать коней своенравных
 И заставляет терпеть рвущую губы узду;
- ⁵ Время свирепость и злость вытравляет у львов карфагенских —
 От кровожадности их не остается следа;
 Мощный индийский слон безропотно все выполняет,

- Что ни прикажут ему, — временем он побежден.
Время тяжелую гроздь наливает соком пьянящим —
- 10 Ягоды держат с трудом внутренней влаги напор.
Время колос седой из зерна погребенного гонит
И стремится избыть твердость и горечь в плодах,
Тупит старательный плуг, обновляющий лемехом землю,
Точит твердый кремень, точит алмазы оно,
- 15 Самый безудержный гнев постепенно смягчает и гасит,
Лечит дух от скорбей и утишает печаль.
Справиться могут со всем бесшумно ползущие годы,
Только страданье мое им не дано заглушить.
Я в изгнанье давно — уже дважды хлеб обмолочен,
- 20 Дважды босой ногой сок винограда отжат.
Но терпеливей не стал я за эти печальные годы:
Так же, как в первые дни, боль в моем сердце сильна.
Часто и старый вол норовит ярмо свое сбросить,
Часто грызет удила даже объезженный конь.
- 25 Стало страданье мое еще тяжелее, чем прежде:
Время прибавило боль новую к боли былой.
Все, что случилось со мной, во всей полноте мне открылось;
Ясность в сознание моем только усилила скорбь.
Разве не легче терпеть, если свежие силы в запасе
- 30 И не подточен еще прежними бедами дух?
Ясно, что новый боец сильнее над пылью палестры,
Чем истощенный борьбой в долгом упорном бою.
Легче в сраженье идти гладиатору в новых доспехах,
Чем обagrившему щит собственной кровью своей.
- 35 Новый корабль устоит против натиска ветра и бури —
Самый ничтожный дождь гибелен ветхим судам.
Я выношу с трудом — а ведь раньше был терпеливей —
Боль, которую дни множат с упорством глухим.
- 40 Верьте, я изнемог, и тело больное пророчит,
Что ненадолго меня хватит такое терпеть.
Силы откуда взять и бодрость черпать откуда:
Хрупкие кости едва кожей прикрыты сухой.
Дух мой опутала хворь сильнее, чем хворое тело, —
Занят он без конца мыслью о тяжелой судьбе.
- 45 Город, увы, далеко, далеко друзья дорогие,
Та, что дороже всех, так от меня далеко!
Рядом гетов орда, в шаровары одетые скифы.
Все — что вблизи, что вдали — раны мои бередит.
Но, несмотря ни на что, меня утешает надежда:
- 50 Смерть страданьям моим скоро положит конец.

7.

- Дважды ко мне после зим ледяных приблизилось солнце,
 Дважды достигло Рыб, путь завершив годовой.
 Времени много прошло — а рука твоя и поныне
 Все не расщедрится мне несколько строк написать.
- ⁵ Что же дружба твоя вдруг иссякла, меж тем как другие,
 Менее близкие мне, письма по-прежнему шлют?
 Так почему ж до сих пор, с бумаги срывая оковы,
 Все я надеюсь под ней имя твое увидеть?
- ¹⁰ Дай-то бог, чтоб своею рукой писал ты мне часто
 Письма, а то до меня ни одного не дошло.
 Нет, конечно, все так, как молю я! Прежде поверю,
 Что у Горгоны на лбу прядями гады вились,
 Ниже пояса псы у девицы были и пламя
 В теле химеры слило львицу со злобной змеей,
- ¹⁵ На четырех ногах двутелые люди ходили,
 Был и трехтелый пес, был и трехтелый пастух,
 Гарпии были, и Сфинкс, и род змееногих гигантов,
 И сторукий Гиас, и человек-полубык,—
 Прежде поверю я в них, мой друг, чем в твою перемену,
- ²⁰ В то, что и дела нет больше тебе до меня.
 Ведь между мной и тобой и дорог, и гор не исчислить,
 Много меж нами легло рек, и равнин, и морей —
 Сотни найдутся причин тому, что хоть пишешь ты часто,
 Редко письмо от тебя в руки доходит ко мне.
- ²⁵ Чаще пиши — и сотни причин победишь, чтоб отныне
 Мне не пришлось искать, чем бы тебя извинить.

8.

- Стали виски у меня лебединым перьям подобны,
 Старость меж темных волос белый отметила след,
 Слабости возраст настал, года недугов все ближе,
 Все тяжелее носить тело нетвердым ногам.
- ⁵ Вот теперь бы пора, от всех трудов отступившись,
 Жить, ничего не боясь и о тревогах забыв,
 Тем, что всегда мне был по душе, наслаждаться досугом;
 Тешить изнеженный ум делом любимым подчас,
 В доме смиренном моем обитать подле древних Пенатов,
- ¹⁰ Между наследственных нив (отнят хозяин у них!)
 И среди милых внучат, у жены любимой в объятьях
 Стариться в отчем краю, мирный приют обрета.
 Прежде надежда была, что так пройдет моя старость:
 Годы преклонные я так провести заслужил.
- ¹⁵ Но рассудилось иначе богам: проскитавшись немало

По морю и по земле, я к савроматам попал.
 В доки уводят суда, когда расшатала их буря,—
 В море открытом тонуть их не оставит никто;
 Чтобы побед былых не срамить внезапным паденьем,
²⁰ Щиплет траву на лугу силы утративший конь;
 Воин, когда по годам он уже не годится для службы,
 Свой посвящает доспех Лару старинному в дар;
 Так и ко мне подошло уносящее силы старенье,
 Срок наступил получить меч деревянный и мне.
²⁵ Срок наступил не терпеть чужеземного неба суровость,
 Жгучую не утолять жажду из гетских ключей,
 Но или в Риме жить, наслаждаясь его многолюдством,
 Иль удаляться порой в тихие наши сады.
³⁰ Раньше, когда душа не предвидела будущих бедствий,
 Так безмятежно мечтал жить я на старости лет.
 Но воспротивился рок: облегчив мне ранние годы,
 Он отягчает теперь поздние годы мои.
 Прожил я дважды пять пятилетий, не зная урона,—
 Жизни худшую часть, старость, несчастья гнегут.
³⁵ Мета была уж близка — вот-вот, казалось, достигну,
 Но разломалась в куски вдруг колесница моя.
 Быть суровым ко мне я того, неразумный, заставил,
 Кто на бескрайней земле кротостью всех превзошел.
 Пусть провинность моя победила его милосердье,
⁴⁰ Но ведь не отнял же он жизнь за оплошность мою!
 Правда, обязан ее проводить я под северным небом,
 Там, где Евксинской волной справа омыта земля.
 Если бы мне предрекли такое Додона и Дельфы,
 Я бы недавно еще их празднословными счел.
⁴⁵ То, что прочнее всего, скрепи алмазными цепью —
 Все Юпитер своим быстрым огнем сокрушит.
 То, что выше всего, перед чем ничтожны угрозы,
 Ниже, чем бог, и всегда силе подвластно его.
 Знаю: часть моих бед на себя навлек я пороком,
⁵⁰ Но наибольшую часть гнев божества мне послал.
 Пусть же несчастий моих пример вам будет наукой:
 Милость старайтесь снискать равного мощью богам.

9.

Если допустишь ты сам, если можно, имя я скрою,
 Чтобы злые твои канули в Лету дела.
 Пусть лишь мое победят милосердье поздние слезы,
 Только открыто яви знаки раскаянья мне!
⁵ Только себя осуди, пожелай изгладить из жизни
 Время, когда одержим был Тисифоною ты!

- Если же этого нет и меня всей душой ненавидишь,
 Пусть обида моя меч против воли возьмет.
 Да, сослани меня на край вселенной — так что же?
 10 Руки дотянет к тебе даже отсюда мой гнев.
 Знай, если раньше не знал: все права оставил мне Цезарь,
 Я только Рима лишен — в этом вся кара моя.
 Впрочем, будет он жив, так и в Рим я вернуться надеюсь:
 Молнией бога сожжен, дуб зеленеет опять.
 15 Да и не будь у меня никакой возможности мщенья,
 Музы прибавят мне сил, музы оружие дадут.
 Хоть и живу я вдали, у скифских вод, где над нами
 Близо созвездий горит незаходящих чета,
 20 Но средь бескрайних племен разнесутся мои возвещенья,
 Будут на целый мир жалобы слышны мои.
 Что ни скажу, полетит далеко на восток и на запад,
 В странах восхода внимать будут закатным словам,
 Буду сквозь толщу земли и сквозь глубы морские услышан,
 Отзвуком громким в веках каждый отдастся мой стон,
 25 Так что не только твое о злодействе узнает столетье:
 Между потомков всегда будешь виновным ты слыть.
 Драться тянет меня, хоть бычок я еще и безрогий,
 Да и хотел бы совсем нужды в рогах не иметь.
 Цирк еще пуст, но бык уже роет песок, распалаясь,
 30 Оземь копытом стучит, в ярости громко рвет...
 Нет, я дальше зашел, чем хотел! Труби отступленья,
 Муза, покуда ему имя возможно скрывать!

10.

- Тот я, кто некогда был любви певцом шаловливым.
 Слушай, потомство, и знай, чьи ты читаешь стихи.
 Город родной мой — Сульмон, водой студеной обильный,
 Он в девяноста всего милях от Рима лежит.
 5 Здесь я увидел свет (да будет время известно)
 В год, когда консулов двух гибель настигла в бою.
 Важно это или нет, но от дедов досталось мне званье,
 Не от Фортуны щедрот всадником сделался я.
 Не был первенцем я в семье: всего на двенадцать
 10 Месяцев раньше меня старший мой брат родился.
 В день рожденья сиял нам обоим один Светоносец,
 День освящали один жертвенных два пирога.
 Первым в чреде пятидневных торжеств щитоносной Минервы
 Этот день окроплен кровью сражений всегда.
 15 Рано отдали нас в ученье; отцовской заботой
 К лучшему в Риме ходить стали наставникам мы.
 Брат, для словесных боев и для форума будто рожденный,

Был к красноречью всегда склонен с мальчишеских лет,
 Мне же с детства милей была небожителям служба,
²⁰ Муза к труду своему душу украдкой влекла.
 Часто твердил мне отец: «Оставь никчемное дело!
 Хоть Меонийца возьми — много ль он нажил богатств?»
 Не был я глух к отцовским словам: Геликон покидая,
²⁵ Превозмогая себя, прозой старался писать —
 Сами собою слова слагались в мерные строчки,
 Что ни пытаюсь сказать — все получается стих.
 Год за годом меж тем проходили шагом неслышным,
 Следом за братом и я взрослому тогу надел.
 Пурпур с широкой каймой тогда окутал нам плечи,
³⁰ Но оставались верны оба пристрастиям своим.
 Умер мой брат, не дожив второго десятилетия,
 Я же лишился с тех пор части себя самого.
 Должности стал занимать, открытые для молодежи,
 Стал одним из троих тюрьмы блюдущих мужей.
³⁵ В курию мне оставалось войти — но был не по силам
 Мне этот груз; предпочел узкую я полосу.
 Не был вынослив я, и душа к труду не лежала,
 Честолюбивых забот я сторонился всегда.
 Сестры звали меня аонийские к мирным досугам,
⁴⁰ И самому мне всегда праздность была по душе.
 Знаться с поэтами стал я в ту пору и читл их настолько,
 Что небожителем мне каждый казался певец.
 Макр был старше меня, но нередко читал мне о птицах,
 Губит какая из змей, лечит какая из трав.
⁴⁵ Мне о любовном огне читал нередко Проперций,
 Нас равноправный союз дружбы надолго связал.
 Славный ямбами Басс и Понтик, гекзаметром славный,
 Также были в числе самых любимых друзей.
 Слух мне однажды пленил на размеры щедрый Гораций —
⁵⁰ Звон авзонийской струны, строй безупречных стихов.
 Только видеть пришлось мне Марона, и Парка скупая
 Времени мне не дала дружбу с Тибуллом свести.
 Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу — Проперций,
 Был лишь по времени я в этой четвертым чреде.
⁵⁵ Младшими был я чтим не меньше, чем старшие мною,
 Долго известности ждать Музе моей не пришлось.
 Юношеские стихи прочитал я публично впервые,
 Только лишь раз или два щеки успевши побрить.
 Мой вдохновляла талант по всему воспетая Риму
⁶⁰ Женщина; ложное ей имя Коринны я дал.
 Много писал я тогда, но все, в чем видел изъяны,
 Отдал охотно я сам на исправленье огню.
 Сжег перед ссылкой и то, что могло бы понравиться людям,

- В гневе на собственный дар страсть к стихотворству прокляв.
65 Нежное сердце мое открыто для стрел Купидона
Было, и всякий пустяк в трепет его приводил.
Но и при этом, хоть я от малейшей вспыхивал искры,
Все ж пересудами Рим имя мое не чернил.
70 Чуть не мальчишкой меня на пустой, ничтожной женили
Женщине, и потому был кратковременным брак.
Ту, что сменила ее, упрекнуть ни в чем не могу я,
Но оказался и с ней столь же непрочным союз.
Третья зато и на старости лет со мною, как прежде,
75 Хоть и досталось ей быть ссыльного мужа женой.
Дочь совсем молодой меня дедом сделать успела,
Двух родила она мне внуков от разных мужей.
Срок своей жизни отец исчерпал: к девяти пятилетиям
Девять прибавив еще, он удалился к теням.
Так же я плакал над ним, как он бы плакал над сыном;
80 Следом за ним и мать я положил на костер.
Счастье и ей, и ему, что вовремя смерть их настигла,
Что до ссылки моей оба закрыли глаза.
Счастье и мне, что им при жизни я не доставил
Горя, что им не пришлось видеть несчастья моего.
85 Если от тех, кто усоп, не одни имена остаются,
Если последний костер легким не страшен теням,
Если молва обо мне вас достигла, родителей тени,
И разбирают вину нашу в стигийском суде —
90 Знайте, молю (ведь обманывать вас грешно мне), что сослан
Я не за умысел злой, а за оплошность мою.
Манам довольно того, что я им воздал. Возвращаюсь
К вам, кто о жизни моей жадно стремится узнать.
Лучшие годы уже прогнала, приблизившись, старость,
И седину к волосам уж подмешала она.
95 Десять раз уносил в венке из писейской оливы
Всадник награду с тех пор, как родился я на свет.
Тут-то меня удалил на левый берег Евксина,
В Томы, задетого мной Цезаря гневный приказ.
Этой причина беды даже слишком известна повсюду,
100 Незачем мне самому тут показанья давать.
Как рассказать об измене друзей, о слугах зловердных?
Многое вынести мне хуже, чем ссылка, пришлось,
Но воспротивился дух, не желая сдаваться несчастьям:
Силы собрал и явил непобедимым себя.
105 Праздную жизнь позабыв, с просторной тогой расставшись,
Я непривычной рукой вовремя взялся за меч.
Сколько есть звезд на невидимом нам и на видимом небе,
Столько же вынес я бед на море и на земле.
Долго скитаться пришлось, но я достиг побережья,

- ¹¹⁰ Где по соседству живет с гетами лучник-сармат,
 Здесь, хоть кругом оружие звенит, облегчить я пытаюсь
 Песней, какою могу, скорбную участь мою;
 Пусть тут нет никого, кто бы выслушал новые строки,
 Все-таки день скоротать мне помогают они.
- ¹¹⁵ Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы стойко,
 Что не постыла мне жизнь и треволенья ее,
 Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
 Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить.
- ¹²⁰ Ты мне и спутник и вождь, ты меня от Истра уводишь,
 На Геликоне даешь место по-прежнему мне.
 Ты, как немногим, дала мне при жизни громкое имя,
 Хоть лишь по смерти молва дарит обычно его.
- Черная зависть, что все современное злобно поносит,
 Ни одного из моих не уязвила трудов,
- ¹²⁵ Несправедлива молва не была к моему дарованью,
 Хоть и немало больших век наш поэтов родил.
 Выше себя я ставил их всех, но многие вровень
 Ставили нас, и весь мир песни читает мои.
- И если истина есть в провиденье вещей поэтов,
¹³⁰ То и по смерти, земля, я не достанусь тебе.
- Славой моим ли стихам иль твоей любви я обязан,
 Ты благодарность мою, верный читатель, прими.

КНИГА V

1.

- С гетского берега я посылаю еще одну книжку;
 Ты, кто мне предан, прибавь к прежней четверке ее.
 Будут и эти стихи под стать судьбе стихотворца:
- В книге во всей не найти строчки, ласкающей слух.
- ⁵ Жизнь безотраднa моя — безотраднo и то, что пишу я,
 С горьким предметом стихов в полном согласии слог.
 Весел и счастлив я был — были веселы юные песни,
 Хоть и пришлось мне теперь горько раскаяться в них.
- После паденья могу лишь о нем я твердить постоянно,
¹⁰ И содержаньем стихов сделалась участь моя.
- Словно простертый без сил на прибрежном песке у Каистра
 Лебедь поет над собой сам погребальную песнь,

- Так и я, занесен на далекий берег сарматский,
Делаю все, чтоб немой тризна моя не была.
- 15 Если кто станет искать утех и песен игривых,
Предупреждаю, чтоб он этих стихов не читал.
Больше ему подойдут и Галл, и приятный Проперций,
Больше ему подойдет нежный Тибулла талант.
О, когда бы меня заодно не числили с ними!
- 20 Горю! Зачем порой Муза резвилась моя?
В крае, где скифский Истр, я за то несу наказание,
Что в шаловливых стихах бога с колганом воспел.
Что мне осталось? Стихи никому не зазорными сделал,
Я им велел, чтоб они помнили имя мое.
- 25 Может быть, спросите вы, почему так много унылых
Песен теперь я пою? Участь уныла моя!
Не поэтический дар, не искусство их создавали —
Беды поэту дарят тему стихов и стихи.
Да и большую ли часть невзгод моих песни вместили?
- 30 Тот не несчастен, кто счет знает несчастьям своим.
Сколько кустов по лесам, сколько в мутном Тибре песчинок,
Сколько стеблей травяных Марсово поле растит —
Столько я тягот несу, от которых одно исцеленье
И передышка одна — медленный труд Пиэрид.
- 35 Спросишь: когда же, Назон, конец твоим жалобным песням?
Кончится ссылка — тогда будет и песням конец.
Ссылного участь, поверь, — неизбывный источник для жалоб;
В этих стихах не я — участь моя говорит.
Если бы родину мне и жену дорогую вернули,
- 40 Стал бы весел мой взгляд, стал бы я прежним опять.
Если гнев свой смягчит поражений не знающий Цезарь,
Снова тебе подарю полную радости песнь.
Стих мой бывал шаловлив — шаловливым он больше не будет,
Хватит того, что меня он уж однажды сгубил.
- 45 Буду я петь лишь о том, что одобрит Цезарь, — но ссылку
Пусть облегчит мне и даст хоть от сарматов уйти!
Впрочем, могут ли быть мои не печальными книжки?
Что, кроме флейты, звучать может над прахом моим?
- 50 Скажешь: лучше бы ты терпел невзгоды в молчанье,
Скрыл безмолвьем глухим то, что постигло тебя.
Значит, требуешь ты, чтобы стона не вырвала попытка,
Чтобы слезы не пролил раненный тяжело боец.
Сам Фаларид разрешил вопить в Перилловой меди,
Чтобы мычаньем звучал вопль этот в пасти быка.
- 55 Не рассердился Ахилл, увидев слезы Приама, —
Ты ж мне рыдать не велишь, жестокосердней врага.
Сделали дети Лето одинокой и сирой Ниобу,
Но, чтобы слез не лила, ей приказать не могли.

- Жалоба Прокны вовек и стон Альционы не смолкнут —
 60 Значит, не зря мы хотим горе словами излить.
 Вот почему Филоктет в холодной лемносской пещере
 Скалы тревожил не раз, сетуя вслух на судьбу.
 Душит стесненная боль, все больше в груди раскаляясь,
 Силой ее подавив, множим мы силу ее.
- 65 Так что ко мне снисходителен будь —иль оставь мои книжки.
 Если, читатель, тебе то, что мне в пользу, претит.
 Но почему бы они могли претить хоть кому-то?
 Разве от них пострадал кто-нибудь, кроме меня?
 Плохи, согласен, стихи; но кто их читать заставляет?
- 70 Брось их, если они разочаруют тебя.
 Я их не правлю; но ты не забудь, где они создавались,—
 Право, они не грубей родины дикой своей.
 Рим не должен равнять меня со своими певцами,
 А меж сарматов, поверь, буду и я даровит!
- 75 Слава к тому же меня не прельщает, меж тем как нередко
 Громкой молвы похвала шпоры таланту дает.
 Я не хочу, чтобы дух мой зачах меж тревог постоянных,
 Что, несмотря на запрет, одолевают его.
 Вот для чего я пишу. А зачем посылаю, ты спросишь,
 80 Эти стихи? Хоть так с вами побыть я хочу.

2.

- Все ли еще, когда с Понта письмо принесут, ты бледнеешь,
 Все ли вскрываешь его слабой, дрожащей рукой?
 Зря ты боишься: теперь я здоров, и тщедушное прежде
 Тело, которому труд был непосилен любой,
- 5 Здесь не сдает: укрепила его привычка к лишениям,—
 Или на бóльшую хворь в ссылке досуга мне нет?
 Только душа больна, ей время сил не вернуло,
 Все еще мучит ее та же, что прежде, тоска.
 Думал я: длительный срок затянуться поможет рубцами
- 10 Ранам — а раны болят, будто я ранен вчера.
 Значит, давность целить одни лишь царапины может,
 Язва чуть глубже — ее лишь растравляю года.
 Чуть ли не десять лет Пеанта сын от ужала
 Шею раздувшей змеи раной зловонной страдал.
- 15 Телеф бы вовсе погиб, безысходным источен недугом,
 Если б нанесшей удар не был рукою спасен.
 Я о том же молю: если нет на мне преступленья,
 Ранивший пусть облегчить раны захочет мой.
 Пусть бы, довольствуясь мук моих неполною мерой,
- 20 Он из пучины отвел малую долю воды.
 Сколько бы горечи он ни убавил, останется много,

- Каре будет любой часть моей кары равна.
Сколько роз в цветниках, сколько раковин есть у прибрежий,
Сколько зерен таит сон навевающий мак,
25 Сколько зверей по лесам и плавучих рыб под водою,
Сколько режут крылом воздух податливый птиц,
Столько я тягот терплю; пытаться все их исчислить —
Все равно что вести счет икарийским волнам.
Пусть умолчу о бедах в пути, об опасностях в море
30 И о поднявших мечи мне на погибель руках —
Варварский край, у границ необъятного мира лежащий,
Держит меня средь врагов, плотно сжимающих круг.
Место сменили бы мне — ведь ни в чьей неповинен я крови,—
Если б твой долг предо мной выполнен был до конца.
35 Бог, на котором все могущество держится Рима,
Часто, врагов победив, к ним милосерден бывал.
Что же колеблешься ты? Попроси — опасности нету:
В мире бескрайнем всех кротостью Цезарь затмил.
Что же мне делать, увы? Отступаются те, кто всех ближе!
40 С шеи хочешь и ты сломанный сбросить ярем?
Где утешенье найти среди бед? Куда мне податься?
Якоря нет, чтоб в отлив лодку мою удержать!
Сам припаду к алтарю враждебного бога, увидишь!
Ведь обнимающих рук не отвергает алтарь.
45 К дальним издали я божествам взываю с мольбою,
Если с Юпитером нам, смертным, дано говорить.
Ты, о державы судья! Храня тебя, боги являют
Нам попеченье свое об Авзонийской земле!
Истинный образ, краса с тобой расцветшего Рима,
50 Муж, чье величье равно миру под властью твоей!
Дольше живи на земле, хоть эфир по тебе и тоскует,
И не спеши вознестись к звездам, сужденным тебе!
Лишь об одном я молю: убавь хоть на малую долю
Молнию! Чтобы карать, хватит остатка ее.
55 Был умерен твой гнев: ты оставил мне жизнь, сохранил мне
Все гражданина права, имени я не лишен,
Не перешло достоянье к другим, и слово указа
Не позволяет мою участь изгнанием звать.
Этих страшился я кар, полагая, что все заслужил я,
60 Но оказался твой гнев легче проступков моих.
Ты удалиться велел, к припонтийским направиться пашням,
Мчащейся в ссылку кормой скифскую резать волну.
Этот приказ и привел меня в край, безотрадный для взгляда,
Где под морозной звездой берег Евксинский лежит.
65 Мучит меня здесь больше всего не всегдашняя стужа,
Не обожженный седым холодом степи простор,
Даже не то, что латынь устам дикарей незнакома

И что над греческим верх выговор гетов берет,—
 Но что плотным кольцом меня окружают сраженья,
 70 Что и за тесной стеной трудно спастись от врагов.
 Есть перемирья порой — не бывает надежного мира:
 То нападают на нас, то нападения мы ждем.
 Только отсюда бы прочь — пусть хотя бы в Занклейском
 проливе
 Воды Харибды меня к водам стигийским умчат,
 75 Пусть хоть на Этне в огне я буду сгорать терпеливо,
 Пусть хоть левкадский бог в море потопит меня.
 Кары прошу — но другой! Я страдать и дальше согласен,
 Но безопаснее край мне для страданья назначь!

3.

Нынче — тот день, когда (если в днях я со счета не сбился)
 Правят поэты, о Вакх, твой ежегодный обряд:
 В праздничных свежих венках из душистых цветов осушают
 Чаши с напитком твоим и величают тебя.
 5 Помню, случалось и мне, покуда судьба позволяла,
 Гостем, угодным тебе, с ними бывать на пирах.
 Ну а теперь берега, где сармат соседствует с гетом,
 Держат меня вдалеке под киносурской звездой.
 Жизнь, которую я проводил без забот и без тягот,
 10 Зная лишь сладостный труд в хоре сестер Пиэрид,
 Ныне средь гетских мечей влачу на далекой чужбине,
 Вынесши много невзгод на море и на земле.
 Случай сгубил ли меня иль богов разгневанных воля,
 Иль при рожденье ко мне Парка сурова была,
 15 Должен ты был все равно своей божественной силой
 Помощь поэту подать, чтущему свято твой плющ,
 Или же что изрекут над судьбою властные сестры,
 То недоступно уже воле богов остальных?
 Сам по заслугам ты был вознесен к твердыням эфира,
 20 Но и тебе этот путь стоил немалых трудов.
 В городе ты не остался родном, но в край заснеженный
 К марсолубивым проник гетам, к стримонским струям,
 Через Персиду прошел, через Ганг широкотекущий,
 Вплоть до рек, что поят смуглый индийцев народ.
 25 Дважды такое тебе, рожденному дважды, судили
 Парки, которые нам нить роковую прядут.
 Вот и меня, коль не грех себя уподобить бессмертным,
 Жребий железный гнетет и отягчает мне жизнь.
 Пал я не легче, чем тот полководец хвастливый, который
 30 Был Громовержца огнем сброшен с фиванской стены.
 Ты, услышав, что певец повержен молнией быстрой,

Мог бы его пожалеть, вспомнив Семелы судьбу,
 Мог бы сказать, оглядев вокруг твоей святыни поэтов:
 «Что-то меж наших жрецов недостает одного».
³⁵ Добрый Либер, спаси — и пусть лоза отягчает
 Вязы, пусть будет гроздь пьяного сока полна,
 Пусть под немолчный удар тимпана вслед за тобою
 Вместе с вакханками мчит резвый сатиров народ,
 Пусть тяжелей придавит земля останки Ликурга,
⁴⁰ Пусть и за гробом Пенфей кару несет поделом,
 Пусть мерцает вовек и все затмевает созвездья
 В небе горящий венец критской супруги твоей.
 К нам, прекрасный, сойди, облегчи невзгоды и беды,
 Вспомни о том, что всегда был я в числе твоих слуг!
⁴⁵ Связаны все божества меж собою общеньем. Попробуй
 Волей своей изменить Цезаря волю, о Вакх!
 Также и вы, о трудов сотоварищи наших, поэты,
 Благочестиво подняв чаши, молитесь за нас!
 Пусть из вас хоть один, назвавши имя Назона,
⁵⁰ Слезы смешает с вином, кубок поставит на стол,
 Ваши ряды оглядит, о ссыльном вспомнит и скажет:
 «Где он, тот, без кого хор наш неполон,— Назон?»
 Сделайте так, коль от вас заслужил я любви добротой,
 Если мой суд не бывал вашим в обиду стихам,
⁵⁵ Если, должную дань воздавая творениям древних,
 Я не ниже ценил Музу новейших времен.
 Пусть, если можно, всегда среди вас мое имя пребудет,
 И да поможет вам всем песни создать Аполлон!

4.

Я, Назона письмо, с берегов явилось Евксинских,
 Как устало я плыть, как я устало идти!
 Мне он, плача, сказал: «Тебе дозволено видеть
 Рим; о, насколько твоя доля счастливей моей!»
⁵ С плачем меня он писал, а когда запечатывал, перстень
 С камнем резным не к устам — к мокрым щекам подносил.
 Кто захочет спросить о причине тоски, тот, наверно,
 Солнце попросит себе в солнечный день показать,
 Тот не увидит листвы в дубовом лесу, не заметит
¹⁰ Мягкой травы на лугу, в полном потоке — воды,
 Тот удивится, о чем Приам над Гектором плачет,
 Стонет о чем Филоктет, раненный жалом змеи.
 Дай-то бог, чтоб Назон не оплакивал больше причину
 Скорби своей, чтоб его переменялся удел!
¹⁵ Сносит он между тем невзгоды с должным терпеньем,
 С силой не рвется с узды, как необъезженный конь,

- И уповает, что гнев божества бесконечным не будет,
 Ибо вину за собой знает, не умысел злой.
 Он вспоминает о том, каково милосердие бога,—
 20 Ведь милосердье свое бог и на нем показал:
 Если имущество он сохранил, гражданином остался,
 Если он жив до сих пор — все это бога дары.
 Ну а в сердце его, если мне хоть немного ты веришь,
 Ты живешь, из друзей самый ему дорогой.
 25 Он Эгидом тебя и спутником странствий Ореста,
 Менетиадам зовет и Евриалом своим,
 И по отчизне своей, по всему, что утратил с отчизной,
 Хоть и немало утрат, друг твой тоскует не так,
 Как по тебе, по твоём лице и взоре, который
 30 Слаще меда ему в сотах аттических пчел.
 Часто он и сейчас злосчастные дни вспоминает,
 Жалуясь горько, что смерть раньше тех дней не пришла:
 Все, заразиться боясь бедой внезапной, бежали,
 В дом под ударом никто даже войти не хотел,
 35 Ты же, он помнит, при нем средь немногих верных остался,
 Если немногими звать можно двоих иль троих.
 Он, хоть и был оглушен, не утратил чувств и заметил,
 Что о несчастье его с ним ты скорбишь наравне.
 Он вспоминает всегда твой взгляд, слова и стенанья,
 40 Слезы, которые ты лил у него на груди:
 Так и его ты утешить сумел, и нашел облегченье
 Сам (в утешениях ты так же нуждался, как он).
 Друг твой за это тебе обещает и память, и верность,
 Будет ли видеть свет, будет ли в землю зарыт.
 45 Жизнью твоей, как своей, он с тех пор постоянно клянётся,
 Ибо твоя для него стала дорожке своей.
 Чувствует он благодарность сполна за все, что ты сделал,
 Так что не пашут твои берег песчаный быки.
 Только о ссыльном всегда ты заботься! Он сам не попросит,
 50 Зная тебя хорошо,— я же могу попросить.

.5.

- День рожденья моей госпожи привычного дара
 Требуется — так приступи к жертве священной, рука!
 Может быть, так проводил когда-то и отпрыск Лаэрта
 День рожденья жены где-то у края земли.
 5 Все наши беды забыв, пусть во благо язык мой вещает,
 Хоть разучился, боюсь, молвить благие слова.
 Плащ надену, какой лишь раз в году надеваю,
 Пусть его белизна с долей моей не в ладу.
 Надо зеленый алтарь сложить из свежего дерна,

- ³⁴ Тихо горящий огонь пусть опояшет цветы.
Ладан подай мне, слуга, чтобы стало пламя пышнее,
И возлияний вино пусть на огне зашипит.
Славный рождения день, хоть я от нее и далеко,
Светлым сюда приходи, будь непохожим на мой!
- ³⁵ Если моей госпоже суждена была горькая рана,
Пусть злоключений моих хватит с нее навсегда.
Пусть корабль, выше сил настрадавшийся в качках жестоких,
Ныне свой путь остальной морем спокойным пройдет.
Пусть веселится она на дом свой, на дочь, на отчизну —
- ²⁰ Хватит того, что один радостей этих лишен.
Если любимый муж принес ей только несчастье,
Пусть у нее в остальном будет безоблачна жизнь.
Жить продолжай и люби — поневоле издали — мужа,
И да бегут чередой долгие годы твои,
- ²⁵ Я бы к твоим прибавил свои, но боюсь, что при этом
Участь твою заразит, словно недугом, мой рок.
В жизни неверно ничто. Кто мог бы подумать, что ныне
Этот священный обряд буду меж гетов творить?
Но посмотри, как дымок, которым ладан курится,
- ³⁰ Вдаль, к италийским краям, вправо отсюда летит.
Чувство, стало быть, есть в облачках, огнем порожденных,—
Мчатся недаром они от берегов твоих, Понт.
Так же недаром, когда всенародно жертвы приносят
Братьям, друг друга в бою братской сразившим рукой,
- ³⁵ Сам с собой во вражде, как будто по их завещанью,
Черный на две струи делится дым над огнем.
Помню, я раньше считал невозможным подобное диво,
Баттов казался внук лживым свидетелем мне;
Ныне я верю всему: я вижу, как от Медведиц
- ⁴⁰ Ты, разумный дымок, правишь к Авзонии путь.
Вот он, сияющий день! Когда б не настал он когда-то,
Я бы в горе моем праздника век не видал.
Доблесть в тот день родилась — героинь достойная доблесть:
Той, чей Этион, той, чей Икарий отец.
- ⁴⁵ Честность явилась с тобой, благонравье, стыдливость и верность,
Только радость одна не родилась в этот день.
Вместо нее — и заботы, и труд, и удел, недостойный
Нравов таких, и тоска вдовья при муже живом.
Так, но доблесть души, закаленная опытом бедствий,
- ⁵⁰ Случай снискать хвалу видит в несчастье любом.
Если бы храбрый Улисс не столько страдал, Пенелопа,
Женское счастье познав, славною стать не могла б.
Если бы муж с победой вошел в Эхионову крепость,
Вряд ли Евадну могли даже на родине знать.
- ⁵⁵ И почему лишь одну из рожденных Пелием славят?

Только у этой одной был несчастливцем супруг.
 Если бы первым другой ступил на берег троянский,
 Про Лаодамию что повествовать бы могли?
 Так же — но лучше бы так! — и твоя не узналась бы верность,
 60 Если бы парус мой мчал ветер попутный всегда.
 Вечные боги! И ты, чье место меж ними, о Цезарь,—
 Но лишь когда превзойдешь старца пилосского век,—
 Не за себя я молю; винюся, пострадал я за дело —
 Сжальтесь над горем ее, нет за невинной вины.

6.

Значит, и ты, кто раньше моей был в мире надеждой,
 Кто мне убежищем был, пристанью был среди бурь,
 Значит, от прежних забот о друге и ты отступился,
 Сбросить и ты поспешил долга и верности груз?
 5 Ношей тяжелой я стал, признаю,— так не надобно было
 Брать ее с тем, чтобы с плеч в трудное время свалить.
 Как же ты, Палинур, среди волн корабль покидаешь?
 Стой! Пусть верность твоя будет искусству равна.
 Вспомни: в жестоких боях легкомыслием Автомедонта,
 10 Возжи бросавшего вдруг, был ли обманут Ахилл?
 Взвисься лечить, уж не мог Подалирий оставить больного
 И, посулив, не подать помощь искусством своим.
 Лучше в дом не пустить, чем выгнать из дому гостя;
 Пусть принявший меня будет алтарь нерушим.
 15 Взял ты сперва меня одного под охрану — и должен
 Верность отныне хранить мне и решеньям своим,
 Если я вновь не успел провиниться и новым проступком,
 Сам не знаю каким, веру твою обмануть.
 Пусть с этих губ, уставших дышать сарматским морозом,
 20 Вдох последний слетит в час, вожделенный давно,
 Прежде чем сердце твое от обиды заставлю я сжаться,
 Чем по своей вине стану недорог тебе.
 Нет, жестокость судьбы не настолько меня притесняет,
 Чтобы от долгих невзгод я повредился в уме;
 25 Ну, а представь, что сошел я с ума: так не часто ль Пилада
 Сын Агамемнона мог словом обидеть дурным?
 Мог и ударить его — и это похоже на правду,—
 Но оставался Пилад с другом, чтоб долг выполнять.
 Общее только одно у счастливых и у несчастных:
 30 То, что и тем и другим люди хотят угодить.
 Путь уступают слепцу и тому, кто внушает почтенье
 Тогой с пурпурной каймой, свитой, пучками лозы.
 Ты не жалеешь меня — так над участью сжался моею:
 Право же, больше ничей в ней не поместится гнев.

- ³⁵ Самую малость возьми от невзгод моих, самую малость —
 То, что мне ставишь в вину, будет ничтожно пред ней.
 Сколько стеблей камыша украшает рвы на болотах,
 Сколько на Гибле цветов, сколько там пчел по цветам,
 Сколько по узким ходам в подземные житницы сносят
⁴⁰ Зерен впрок муравьи, рыща за ними везде,—
 Столько несчастий меня обступает тесной толпою:
 Верь мне, что в жалобах я все и назвать не смогу.
 Если же кто-то сочтет, что мало их — пусть подливает
 Воду в пучину морей, на берег сыплет песок.
⁴⁵ Так что обиду сдержи, самолюбие нынче не в пору,
 Лодку мою, я прошу, не покидай среди волн.

7.

- Перед тобою письмо, из мест пришедшее дальних,
 Области, где широко в море вливается Истр.
 Если приятно живешь и при этом в добром здоровье,
 Значит, и в жизни моей все-таки радости есть.
⁵ Если же ты про меня, как обычно, спросишь, мой милый,—
 Так догадаешься сам, если я даже смолчу.
 Я несчастлив, вот весь и отчет о моих злоключениях.
 То же случится с любым, вызвавшим Цезаря гнев.
 Что за народ проживает в краю Томитанском, какие
¹⁰ Нравы людские кругом, верно, захочешь узнать.
 Хоть в население страны перемешаны греки и геты,
 Незамиренные все ж геты приметней в быту.
 Много сарматского здесь и гетского люда увидишь —
 Знай по просторам степным скачут туда и сюда.
¹⁵ Нет среди них никого, кто с собой не имел бы колчана,
 Лука и стрел с острием, смоченным ядом змеи.
 Голос свиреп, угрюмо лицо — настоящие Марсы!
 Ни бороды, ни волос не подстригает рука.
 Долго ли рану нанести? Постоянно их нож наготове —
²⁰ Сбоку привесив, ножи каждый тут носит дикарь.
 Вот где поэт твой живет, об утехах любви позабывший,
 Вот что он видит, мой друг, вот что он слышит, увя!
 Пусть обитает он здесь, но хоть не до смертного часа,
 Пусть не витает и тень в этих проклятых местах!
²⁵ Пишешь, мой друг, что у вас исполняют при полных театрах
 Пляски под песни мои и аплодируют им.
 Я, как известно тебе, никогда не писал для театра,
 К рукоплесканьям толпы Муза моя не рвалась.
 Все же отрадно, что там позабыть об изгнаннике вовсе
³⁰ Что-то мешает и с уст имя слетает мое.
 Вспомню, сколько мне бед принесли злополучные песни,—

- Их и самих Пиэрид я проклиная порой;
 Лишь проклянута — и пойму, что жить без них я не в силах,
 И за стрелою бегу, красной от крови моей.
- ³⁵ Так от эвбейских пучин пострадавшие только что греки
 Смело решаются плыть по кифарейским волнам.
 Не для похвал я пишу, трудясь по ночам, не для долгой
 Славы — полезней теперь имя негромкое мне.
 Дух укрепляю трудом, от своих отвлекаюсь страданий
- ⁴⁰ И треволнения свои в слово пытаюсь облечь.
 Что же мне делать еще одинокому в этой пустыне?
 Что же еще среди мук мне облегчение даст?
 Как посмотрю я вокруг — унылая местность, навряд ли
 В мире найдется еще столь же безрадостный край.
- ⁴⁵ А на людей погляжу — людьми назовешь их едва ли.
 Злобны все как один, зверствуют хуже волков.
 Им не страшен закон, справедливость пограло насилье,
 И правосудье легло молча под воинский меч.
 В стужу им мало тепла от просторных штанин и овчины,
- ⁵⁰ Страшные лица у них волосом сплошь заросли.
 Лишь кое-кто сохранил остатки греческой речи,
 Но одичал ее звук в варварских гетских устах.
 Ни человека здесь нет, кто бы мог передать по-латыни
 Наипростейшую мысль в наипростейших словах.
- ⁵⁵ Сам я, римский поэт, нередко — простите, о Музы! —
 Употреблять принужден здешний сарматский язык.
 Совестно, все ж признаюсь: по причине долгой отвычки
 Слов латинских порой сам отыскать не могу.
 Верно, и в книжке моей оборотов немало порочных,
- ⁶⁰ Но отвечает за них не человек, а страна.
 Но, чтобы я, говоря, Авзонии речь не утратил,
 Чтобы для звуков родных не онемел мой язык,
 Сам с собой говорю, из забвенья слова извлекаю,
 Вновь повторяю и вновь этот зловеший урок.
- ⁶⁵ Так я влачу свою жизнь, развлекаю унылую душу,
 Так отрешаю себя от созерцания бед.
 В песнях стараюсь найти забвение бедствий, и если
 Этого труд мой достиг, то и довольно с меня.

8.

- Я не настолько пал и поверженный, чтоб оказаться
 Ниже тебя, ибо нет ниже тебя ничего.
 Из-за чего на меня ты злобствуешь, подлый, глумишься?
 Гнусно над тем, что и сам мог бы, как я, испытать?
- ⁵ И не смягчили тебя ни крушение мое, ни страданья,
 Хоть обо мне и зверь хищный заплакать бы мог?
 Или тебя не страшит ни спесь, ни зависть Фортуны,

- Что на своем колесе вечно подвижном стоит?
 Мшенье Рамнусии всех, кто его заслужил, настигает —
 10 Что ж ты, коленом на грудь, жизнь попираешь мою?
 Некто смеялся при мне над крушениями — тут же и канул,
 Я же сказал: «Никогда не были волны умней!»
 Тот, кто привык беднякам в пропитанье отказывать жалком,
 Часто впоследствии сам на подаянья живет.
 15 Бродит богиня судьбы, то туда, то сюда поспешая,
 На ногу легкой нельзя долго на месте стоять.
 Часто она весела, а часто лицо ее кисло,
 И постоянна она в непостоянстве одном.
 Цвел в свое время и я, но цветок оказался непрочен,
 20 То лишь соломы сухой краткая вспышка была.
 Но, чтоб не всей душой ты испытывал зверскую радость,
 Знай, что смягчить божество я не утратил надежд,
 Ибо провинность моя не дошла до границ злодеянья
 И навлекла на меня только позор — не вражду,
 25 Ибо в простершемся вширь от востока до запада мире
 Тот, кто властвует им, всех милосердьем затмил.
 Пусть у него ничего не достичь, уповая на силу,—
 Мягкое сердце его скромным внимает мольбам.
 Он по примеру богов, к которым впредь приобщится,
 30 Даст отпущенье вины, даст и о большем просить.
 Если ты за год сочтешь погожие дни и ненастья,
 То убедишься, что дней солнечных больше в году.
 Так погоди моему веселиться чрезмерно крушенью,
 Лучше подумай, что я тоже воспрянуть могу,
 35 Лучше подумай, что ты, когда принцепса взоры смягчатся,
 Будешь с досадой встречать в Граде веселый мой взор
 Или что встречу тебя я за худшее сосланным делом,—
 Это вторая моя, следом за главной, мольба.

9.

- Если бы ты допустил, чтобы имя твое я поставил,
 Как бы стояло оно часто в стихах у меня!
 Помня, как ты мне помог, лишь тебя бы я пел и страницы
 К книжкам моим без тебя не прибавлял ни одной.
 5 Чем я обязан тебе, узнал бы скоро весь Город,
 Если утраченный мной Город читает меня.
 Как ты кроток и добр, и наш, и будущий знал бы
 Век, если нашим стихам древними стать суждено,
 Не перестал бы хвалить тебя ученый читатель:
 10 Тем, что поэта хранил, ты заслужил бы почет.
 Первый от Цезаря дар — что еще живу и дышу я;
 После великих богов вся благодарность — тебе.
 Бог подарил мне жизнь, а ты мне жизнь сберегаешь;

- Лишь попеченьем твоим дар не напрасен его.
- ¹⁵ В дни, когда многих вокруг или наша беда распугала,
Или они предпочли сделать испуганный вид,
Все с вершины холма на тонувшую лодку глядели,
Вплыв я спасался — но мне не протянули руки.
- ²⁰ Полуживого лишь ты из бурливого вызволил Стикса:
Если б не ты, не пришлось мне бы теперь вспоминать.
Пусть дружелюбны к тебе всегда будут боги и Цезарь;
Большей мольбы за тебя я не могу вознести.
Если бы ты разрешил, то труд мой в книжках искусных
В ярком бы свете явил все, что ты сделал для нас.
- ²⁵ Да и сейчас, хоть велено ей помалкивать, Муза
Еле сдержалась моя, чтобы тебя не назвать.
Пес, потерянный след увидев трепетной лани,
Радостно лает и рвет с силой тугой поводок,
Резвый норовистый конь, до того как решетку откроют,
³⁰ Бьет копытом по ней, бьется в нее головой —
Так же и Музе моей невтерпеж имена твои громко
Произнести, хоть ее строгий указ и связал.
Но, чтоб тебе не вредить, благодарности долг возвращая,
Буду я — страх позабуди! — воле послушен твоей.
- ³⁵ Вот если б счел ты, что мною забыт, я ослушаться мог бы,
А благодарным всегда быть не препятствуешь ты.
Так что пока животворный свет (о, скорей бы угас он!)
Вижу я, буду служить каждым дыханьем тебе.

10.

- Трижды на Истре был лед с тех пор, как живу я у Понта,
Трижды была тверда моря Евксинского гладь —
Мне же всё кажется: я в разлуке с любимой отчизной
Столько же лет, сколько брань с греками Троя вела.
- ⁵ Словно на месте стоит, так неспешно движется время,
Будто свершает свой путь шагом замедленным год.
Солицеворот мне уже не сулит убавления ночи,
Мне уже длинного дня не сокращает зима —
Видно, в ущерб мне сама природа вещей изменилась:
- ¹⁰ Все удлиняет она в меру несчастий моих.
Времени ход для людей одинаков ли ныне, как прежде,
Только ли к жизни моей стало жестоким оно
Здесь, где у моря живу, что прозвано живо Евксинским,
Скифским побережьем пленен, истинно мрачной землей?
- ¹⁵ Дикие тут племена — не счесть их! — войной угрожают,
Мнят позорным они жить не одним грабежом.
Небезопасно вне стен, да и холм защищен ненадежно
Низкой непрочной стеной и крутизною своей.

- Ты и не ждал, а враги налетают хищною стаей,
20 Мы не успеем взглянуть — мчатся с добычею прочь.
Часто в стенах крепостных, хоть ворота всегда на запоре,
Стрелы, сулящие смерть, мы подбираем с дорог.
Редко решается кто обрабатывать землю; несчастный
Пашет одною рукой, держит оружие другою.
- 25 В шлеме играет пастух на скрепленной смолою цевнице,
Не перед волком дрожат овцы — боятся войны.
Нас укрепленья едва защищают, и даже внутри их,
Смешаны с греками, нас скопища диких страшат.
Ибо живут среди нас, безо всякого с нами различья,
- 30 Варвары: ими домов большая часть занята.
Пусть в них опасности нет, но они отвратительны с виду
В шкурах звериных своих, с космами длинных волос.
Даже и те, кто себя от греков считает длинным,
Платье отцов позабыв, носят, как персы, штаны.
- 35 Между собою они говорят на здешнем наречье,
Я же движеньями рук мысль выражаю для них.
Сам я за варвара здесь: понять меня люди не могут,
Речи латинской слова глупого гета смешат.
- Верно, дурное при мне обо мне говорить не боятся,
40 Может быть, смеют меня ссылкой моей попрекать.
Если качну головой, соглашаясь иль не соглашаясь,
Мнение мое все равно против меня обратят.
Суд здесь неправый, прибавь, — он жестоким вершится оружием,
И на судилищах меч тут же расправу чинит.
- 45 Что же, Лахесида, мне, с моей суровой судьбою,
Жестокосердая, ты нить не могла оборвать?
Я лицемерья лишен друзей и милой отчизны,
Сетую горько, что здесь, в скифской земле, заточен.
Тяжких две кары терплю. По заслугам лишился я Града,
- 50 В эту, быть может, страну не по заслугам попал.
Что я, безумец, сказал? Я казни смертной достоин,
Ежели мной оскорблен Цезарь божественный сам!

11.

- Сетует горько письмо на то, что кто-то, с тобою
Ссорясь, посмел сказать: «Помни — изгнанник твой муж».
Горько и мне, но не то, что судьба моя — повод к злословью
Я-то окреп и привык стойко злосчастью терпеть,
- 5 А что тебя, пусть и нехотя, я стыдиться заставил,
Что за несчастного ты, верно, краснела не раз.
Сердце скрепи и терпи! Ведь было еще тяжелее
В дни, когда Цезаря гнев отнял меня у тебя.
Но ошибается тот, кто и счел, и сказал, что я изгнан:

- ¹⁰ Легче постигла меня кара, хоть я виноват.
 Самая худшая казнь — что ему я нанес оскорбленье.
 Лучше бы прежде того смертный мой час наступил!
 Мой расшатался корабль, но ко дну не пошел, не разбился:
 Пусть и не в пристани он — держится все ж на воде.
- ¹⁵ Не был я жизни лишен, ни богатства, ни прав гражданина,
 Хоть за пороки мои все потерять заслужил.
 Зная, однако, что чужд мой проступок умысла злого,
 Цезарь одно мне велел: отчий покинуть очаг.
 Как и к другим, которых число и счесть невозможно,
- ²⁰ Высшая власть божества кроткой явилась ко мне.
 Сам наказанье мое он зовет не изгнанием, а ссылкой:
 Если таков судья, дело надежно мое.
 Значит, недаром тебя непрестанно, сколько есть силы,
 Славят, Цезарь, мои — плохи ли, нет ли — стихи.
- ²⁵ Молят не зря, чтобы в небо тебя не пускали подольше
 Боги, позволив быть богом далеко от них.
 Молит о том же народ; но как в море сбегают потоки,
 Так же стремится к нему и мелководный ручей.
 Ты же, который меня опорочил словом «изгнанник»,
- ³⁰ Участь мою отягчать именем ложным не смей!

12.

- Ты советуешь мне развеять печаль стихотворством,
 Чтобы постыдная лень дух не могла одолеть.
 Трудно исполнить совет, ведь стихи — забава счастливых,
 Мир и душевный покой нежным стихам подавай.
- ⁵ Гонят мою судьбу порывы враждебного ветра,
 Долю, горше моей, трудно представить себе.
 Ты бы хотел, чтоб Приам танцевал на сыновних могилах,
 Чтобы Ниоба, смеясь, пела над прахом детей?
- Думаешь, мне ничего не стоит от скорби отвлечься,
¹⁰ Мне, осужденному жить в ссылке у гетов тупых?
 Даже если мой дух укрепить недюжинной силой,
 Как у того, кто погиб, злобой Анита гоним,
 Пал бы ум все равно, испытав такое крушение;
 Силы лишен человек вынести гнев божества.
- ¹⁵ Старец, кого мудрецом назвал дельфийский оракул,
 Вряд ли смог бы писать, будь он на месте моем.
 Если б я мог забыть отчизну и лица родные,
 Если б я вытравить мог горечь утрат из ума,
 Страх бы остался и страх помешал бы стихам предаваться:
- ²⁰ Всюду, куда ни пойдешь, рыщет бесчисленный враг.
 Кроме того, мой ум, изъеденный ржавчиной долгой,
 Смолк и едва ли теперь годен для новых трудов.

- Если усердный плуг не рыхлит плодородное поле,
Почва не даст ничего, кроме сухих сорняков.
- ²⁵ Если в стойле коня слишком долго держать, он зачахнет
И на ристанье придет к мете последним из всех.
Если на суше стоит к воде привыкшая лодка,
Гниль и трещины ей уничтоженьем грозят.
Так не надейся, что я, кто и прежде немногого стоил,
³⁰ Стать без усилий смогу равным себе самому.
Долготерпенье мое до конца уничтожило силы
И без остатка сожгло прежнюю бодрость ума.
Если в руки беру табличку — хоть эту, к примеру, —
Чтобы расставить слова в четкие строчки стиха,
³⁵ Выжать могу из себя только то, что сейчас ты читаешь,
То, что достойно вполне места, в котором живи.
Надо добавить, что дух укрепляет громкая слава
И плодовитость душа черпает в жажде похвал.
Слава и имени блеск и меня когда-то прельщали,
⁴⁰ В пору, когда моих мачт буря еще не трясла.
Не до того мне теперь, не слава меня занимает,
Много бы я заплатил, чтобы в безвестности жить.
Если мне прежде стихи удавались, неужто прикажешь
Снова писать и велишь гнаться за славой былой?
- ⁴⁵ Девять сестер, за упрек мои слова не сочтите —
Были вы для меня главной причиной беды.
Как поплатился Перилл, быка отливавший из бронзы,
Так и «Наука» моя мне обернулась бедой.
Лучше мне было б совсем разучиться стихосложению —
⁵⁰ Тот, кто в море тонул, да убойтся воды!
Если сдурю опять я займусь этим гибельным делом.
Здесь, уж конечно, легко все, что мне нужно, найду, —
Здесь, где не водится книг, где никто меня слушать не станет,
Где не понять никому даже значения слов.
- ⁵⁵ Всюду чужая речь, звериные, дикие звуки,
Возгласы ужаса здесь слышишь на каждом шагу.
Кажется, сам я уже вконец разучился латыни:
Знаю сарматский язык, с гетом могу говорить.
Но не могу утаить: воздержанью суровому в ссылке
⁶⁰ Не научилась еще тихая Муза моя.
Часто пишу я стихи, но их, прочитавши, сжигаю.
Стынет кучкой золы плод упражнений моих.
Больше стихов не хочу но пишу против собственной воли
И потому предаю все сочиненья огню.
- ⁶⁵ Крошечной доле стихов, которые хитрость иль случай
Уберегли от огня, к вам удается идти.
О, если б был поумней беззаботный учитель и прежде
И догадался сжечь строчки «Науки» своей!

13.

С гетских Назон берегов тебе желает здоровья,
Если, что сам потерял, можно другому желать.
Дух мой больной заразил ослабелое тело недугом,
Чтобы и плоть не была в ссылке свободна от мук.
⁵ Много уж дней меня боли в боку жестоко терзают —
Или, быть может, зима лютой мне стужей вредит?
Но если ты здоров, то и мне прибывает здоровья,
Ибо крушенье мое ты лишь плечом подпирал.
Ты, кто дружбы залог мне великий дал, охраняя
¹⁰ Жизнь мою и права, как только мог и умел,
Ты обижаешь меня тем, что редко письмом утешаешь.
Делом готовый помочь, в слове откажешь ли мне?
Этот, молю, недостаток исправь — и больше не будет
Ни одного на твоём теле прекрасном пятна.
¹⁵ Я бы тебя и сильнее корил, когда б не случилось,
Что, хоть и послано мне, не доходило письмо.
Дай-то бог, чтобы пени мои оказались напрасны,
И чтобы думал я зря, будто меня ты забыл.
Нет, конечно, все так, как молю я! Грешно и подумать,
²⁰ Что непреклонный твой дух может себе изменить.
Раньше седая полынь в степях у холодного Понта,
Раньше на Гибле тимьян вдруг перестанет расти,
Чем убедят меня в том, что о друге ты больше не помнишь:
Нити моей судьбы ведь не настолько черны!
²⁵ Все же скажу: берегись не таким, как есть, показаться,
Чтобы отвергнуть ты мог с легкостью ложный упрек.
Так же, как прежде всегда, проводили мы время в беседах,
Долгих таких, что и дня нам не хватало для них.
Письма пускай теперь понесут безмолвные речи,
³⁰ Чтобы рука и перо были заменой устам.
Так все и будет у нас, не сочти, что утратил я веру:
Хватит и нескольких строк, чтобы напомнить тебе...
Так что поставь пора то, чем все кончаются письма,
Чтобы несхожей у нас участь была: будь здоров!

14.

Ты, жена моя, ты, кто меня самого мне дороже,
Видишь: тебе я воздвиг памятник в книжках моих.
Многое пусть отнимет судьба у того, кто их создал,—
Но уж тебя мой талант сделает славной навек.
⁵ Будут читать о тебе, пока мои книги читают,
И на печальном костре вся ты не сможешь сгореть.
Могут несчастною счесть и тебя, если муж твой несчастен,

- Но и на месте твоём многие быть захотят,
Будут, завидуя, звать тебя многие жены счастливой,
10 Хоть и на долю твою часть моих бедствий прихлась.
Больше я дать бы не мог, даже если бы дал и богатство:
К манам богатства с собой тень богача не возьмет.
Вечной славы плоды — вот мой дар, из всех величайший:
Этот дар от меня ты получила сполна.
- 15 Вспомни: то, что лишь ты и защита моя, и опора,
Множа твои труды, множит стократно почет,
Ибо мои не молчат уста об этом ни часа,
Так что должна быть горда мужа свидетельством ты.
Стойкою будь, чтоб его никто не мог опровергнуть,
- 20 Свято мне верность храни, свято храни и меня.
Был невредим я — тогда нареканий постыдных не знала
И безупречна была честь твоя — только лишь честь.
Ныне же все приложи добродетели к славному делу,
Благо открыли для них поприще беды мои.
- 25 Праведной быть легко, покуда ничто не мешает,
Долг, если нет преград, может жена выполнять.
Зот если бог прогремел, а ты от грозы не бежала,
Это и есть любовь, это и верность и долг.
Та добродетель редка, которой не правит Фортуна,
- 30 Та, что при бегстве её так же тверда на ногах.
Но, коль к награде другой добродетель может стремиться,
Кроме себя самой, в пору несчастий и бед,
Время измерь: ведь о ней молва веками не молкнет;
Мир обойди: на неё всюду с восторгом глядят.
- 35 Зидишь, такую хвалу Пенелопе верность снискала,
Что уже много веков имя не меркнет её;
Вспомни: поныне поют об Адмета и Гектора женах,
Об Ифиаде, со скал прянувшей в пламя костра;
Слава поныне жива филакийской жены, чей отважный
- 40 Муж ступить поспешил на илионский песок.
Ты за меня не должна умирать, чтобы славы добиться,
Более легок твой путь: будь лишь верна и любя.
Так я твержу не затем, что ты неверна и не любишь:
Парус я ставлю, хотя плыл и на веслах корабль.
- 45 Если «делай» твердят тому, кто делает, этим
Хвалят, ободрить хотят и одобряют его.

ПИСЬМА С ПОНТА

КНИГА I

1. Бруту

- Публий Назон, давно в отдаленных Томах осевший,
С гетских глухих берегов шлет тебе эти стихи.
Если удастся тебе, приюти эти пришлые книжки,
Где-нибудь в доме твоём место для них отыщи.
- ⁵ Склованы страхом, они сторонятся общественных зданий,
Воображая, что я им этот путь преградил.
Сколько я им ни твержу: «Ваше слово нечестью не учит,
Ваш целомудренный стих вам отворит эту дверь!»
Слушать они не хотят и к тебе с надеждой стремятся:
- ¹⁰ Ларов домашних покой им безопасней всего.
Спросишь: «Куда их деть, чтоб никто не остался в обиде?»
Пусть эти книги займут место забытых «Наук».
«Что им здесь делать?» — вопрос твой растерянный явственно слышу.
- Их без вопросов прими — слово их чуждо любви.
- ¹⁵ Сразу тебе скажу: хоть нет в их названии скорби,
Не веселее они книг, что я прежде писал.
Ново название одно, а суть неизменной осталась,
Но не скрываю имен тех, кому это пишу.
Вас испугают стихи, но от них никуда не укрыться,
- ²⁰ И на порог ваш придет робкая Муза моя.
К прежним стихам приложи и эти: изгнанника детям
В город вход не закрыт, если закон соблюден.
Страхи напрасны: ведь Рим Антония книги читает,
И под рукою у всех Брута ученнейший труд.
- ²⁵ Я не глупец, чтоб себя ставить в ряд с именами такими,
И никогда на богов не поднимал я меча.
Нет ни в одной из книг дурного о Цезаре слова,

- Лишь восхваленья одни — хоть не просили меня.
Если не веришь певцу, то верь прославляющей песне,
30 Имя создателя скрой, только стихи не гони.
Пусть преграждает войне мироносная ветка оливы.
Имя несущего мир даст ли спасение мне?
Перед Энеем, отца на плечах из пожара несущим,
Как преданья гласят, сам расступился огонь.
35 Имя потомка его стихам да послужит порукой!
Ибо отчизны отец больше, чем просто отец.
Кто так бесчувствен и зол, что осмелится выгнать с порога
Пляшущего певца с вешей трещоткой в руке?
Кто подаянья лишит флейтиста, когда пред богиней —
40 Матерью вечных богов — дует он в рог извитой?
И не сидят без куса прорицатели вешей Дианы:
Могут они всегда на пропитанье добыть.
Воля бессмертных богов наши души огнем наполняет.
Разве хоть кто-то дерзнет к ней оставаться глухим?
45 Я не египетский систр, не фригийскую полуую флейту —
Ряд высочайших имен Юлиев рода несущу.
Я призываю: толпа, расступись пред несущим святыни,
Не предо мной — перед ним, богом-владыкой, склонись!
Пусть повелителя гнев был заслуженно мною изведен —
50 Это не значит, что он слушать не станет меня.
Помню, скорбно сидел пред Исидой, в лен облаченной,
Мучась сознанием вины, тот, кто глумился над ней.
Помню, как человек, ослепленный за святотатство,
В голос кричал, что он кары такой заслужил.
55 Сладко богам лицезреть, как замысел их торжествует,
Видеть, как сотни людей славят могущество их.
Часто смягчают они наказание и свет возвращают
Тем, кто свою вину понял во всей полноте.
Я раскаялся. Мне не откажут, быть может, в доверье.
60 Я раскаялся. Боль вечно терзает меня.
Мучит сознание вины сильнее, чем горечь изгнания.
Муки такие терпеть лучше, чем их заслужить.
Если бы сжалились боги — и он, всемогущий и зримый, —
Сняли бы кару с меня, вечной оставив вину.
65 Смерть вольна оборвать бесконечное это изгнание,
Но совершенное мной смерть не вольна зачеркнуть.
Вот почему мой ум крушится и твердость теряет,
Будто весенний снег, талой бегущий водой.
Как изгрызает корабль невидимый червь-древоточец,
70 Как океанская соль камни утесов крошит,
Как изъязвляет вода зеркальную гладкость железа,
Как превращает в труху книги прожорливый жук —
Так беспрепятственно грызет нутро мое червь беспокойства.

- И до конца моих дней мне эти муки терпеть.
 75 Боль не покинет меня, пока меня жизнь не покинет.
 Тот, кто страданием томим, раньше страдания умрет.
 Помощи — если ее я достойным могу оказать —
 Мне приходится ждать лишь от всемогущих богов.
 Если от скифских стрел мне судьба разрешит удалиться,
 80 Я ни о чем никогда больше не стану просить.

2. Фабью Максиму

- Максим, славой своей родовую возвысивший славу
 И благородством ума множащий имени блеск!
 Чтобы родиться тебе, дано было Фабиев роду
 Выжить в веках, вопреки доблестной смерти трехсот.
 5 Спросишь, наверное, кто написал тебе это посланье,
 Сразу захочешь узнать, кто обратился к тебе.
 Как мне, несчастному, быть? Опасаюсь, что, имя услышав,
 Все остальное прочтешь с ожесточением глухим.
 Но не хочу скрывать, что письмо написано мною,
 10 . . . . .
 Знаю, что я заслужил наказание еще тяжелее,
 Но тяжелей, чем мое, вынести я бы не смог.
 Здесь я отдан врагам, постоянным опасностям отдан,
 Вместе с отчизной навек отнят покой у меня.
 15 Жала вражеских стрел пропитаны ядом гадючьим,
 Чтобы двоякую смерть каждая рана несла.
 Всадники, вооружась, у стен испуганных рыщут —
 Так же крадется волк к запертым овцам в хлеву.
 Здесь, если лук тугой изогнут и жилою стянут,
 20 Принято никогда не ослаблять тетиву.
 В кровли вонзившись, торчат частоколом на хижинах стрелы,
 И на воротах засов в прочность не верит свою.
 Этого мало: нигде ни деревца нет, ни травинки,
 И за ленивой зимой вновь наступает зима.
 25 В схватке с моей судьбой, с холодами и стрелами в схватке
 Здесь я вступил на порог вот уж четвертой зимы.
 Плачу и плачу, пока мертвящее оцепененье
 Грудь мою льдом не скует и не прервет моих слез.
 Участь Ниобы легка: она хоть и видела ужас,
 30 Но, превратившись в скалу, боли была лишена.
 Легок и ваш, Гелиады, удел: вы оплакали брата,
 Но молодую корой тополь печаль залечил.
 Я бы хотел, да стать растением нет изволения,
 Я бы хотел, да нельзя стать равнодушной скалой.
 35 Даже Медуза — явись она сейчас предо мною, —
 Так и ушла бы ни с чем даже Медуза сама.

Должен я жить, чтобы вкус беды ощущать ежечасно,
Чтобы времени ход только усиливал боль.
Так никогда до конца не гибнет у Тития печень,
40 Но вырастает опять, чтобы опять погибать.
Может быть, ночь принесет покой, облегчение чувствам —
Всех погружает она в сон, исцеляющий боль?
Нет: мучительны сны повтореньем действительных бедствий,
Бодрствуют чувства мои, участь мою вороша.
45 То я вижу себя от стрел сарматских бегущим,
То для тяжелых оков руки дающим врагу.
Манит меня иногда сновидения сладкого образ:
Вижу крыши домов дальней отчизны моей,
Долго беседу веду с любезными сердцу друзьями
50 И с дорогою женой тихий веду разговор.
Но, получив этот миг короткого, ложного счастья,
Вспомнив о лучших днях, с новою силой казнюсь.
День ли глядит на меня, живущего в горькой печали,
Ночь ли гонит своих заиндевелых коней,
55 Тают от мрачных забот мои оскудевшие силы,
Как поднесенный к огню новый податливый воск.
Часто зову я смерть, и часто у смерти прошу я,
Чтоб не достался мой прах чуждой сарматской земле.
Думая, сколь велика снисходительность Цезаря, верю:
60 Некогда ступит нога на́ берег мягче, чем здесь.
Но, сознавая, что мне нигде от судьбы не укрыться,
Падаю духом, и страх гасит надежду опять:
Я об одном лишь молю, на одно лишь надеяться смею:
Что разрешат мне терпеть бедствия в месте ином.
65 В этой просьбе моей от тебя содействия жду я;
Может быть, ты для меня скромность забудешь свою.
Максим, вступишь за меня, красноречия римского мастер,
И под защиту прими трудное дело мое.
70 Выиграть мало надежд — но ты его выиграть можешь,
Если тронешь сердца речью о ссылке моей.
Знает Цезарь едва ль — хоть все божеству и открыто, —
Как тут все обстоит в этом унылом краю.
Дух высочайший его делами великими занят,
Не подобает ему в каждую мелочь вникать.
75 Времени нет у него и спросить, где находятся Томы
(Здесьние геты и те знают едва ли о них),
Как живут племена язигов и диких сарматов,
Тавров, которые встарь чтили кровавый кумир,
Что за народы идут и гонят коней быstroногих
80 По отвердевшей спине Истра, одетого льдом.
Многих, многих людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.

Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
 Годный для долгих дорог, сильный, выносливый конь,
 85 Навык в походах терпеть изнурительный голод и жажду,
 Если в безводную степь враг оттеснит храбрецов.
 Добрый властитель меня даже в гневе сюда не послал бы,
 Если б достаточно знал этот заброшенный край,
 Вряд ли он был бы рад плененью любого из римлян,
 90 Меньше всего — моему: сам он мне жизнь даровал.
 Взмахом державной руки он мог бы предать меня смерти —
 Чтобы меня погубить, геты ему не нужны.
 Если моя вина и тогда не грозила мне смертью,
 Может быть, будет теперь он милосердней ко мне?
 95 Он исполнил лишь то, к чему его сам я принудил,
 Слабым был его гнев — большего я заслужил.
 Я молю богов (справедливейший он между ними),
 Чтобы на нашей земле Цезарь бессменно царил.
 Власть его велика, и быть ей навеки великой,
 100 Пусть переходит она к отпрыскам славным его!
 Пред милосердным судьей (милосердье его мне знакомо)
 Ты красноречьем своим просьбы мои поддержи.
 Снять вины не проси — проси безопасное места,
 Где бы я жил, не страшась ловких, коварных врагов,
 105 Чтобы нечесаный гет мечом кровавым не отнял
 Жизнь, которую мне видимый бог сохранил,
 Чтобы, когда я умру, сошел я с миром в могилу,
 Чтоб не давил меня гнет варварской скифской земли,
 Чтобы кости мои — изгнанника жалкие кости —
 110 Конь фракийский не мог тяжким копытом топтать,
 Чтобы — если смерть всех чувств не уносит бесследно —
 Тень не пугала мою гета коварного тень.
 Максим, такие слова могут доброго Цезаря тронуть,
 Если сейчас они трогают сердце тебе.
 115 Августа слух преклонить да заставит голос твой, Максим,
 Ведь подсудимых не раз помощь спасала твоя,
 Тронет искусная речь, исполненная сладкозвучья,
 Сердце и ясный ум мужа, кто равен богам.
 Ведь не Атрея тебе просить, не Феромедонта
 120 И не того, кто людей в корм лошадям отдавал.
 Наш повелитель скуп на кары и щедр на награды,
 Горько ему, если вдруг нужно суровость явить.
 Он побеждал для того, чтоб потом пощадить побежденных,
 Двери закрыл навсегда междоусобной войне.
 125 Страхом расплаты он карает, а не расплатой,
 Редко виновных разит молний палящим огнем.
 Так попроси же его, посредником став между нами,
 Чтоб разрешили мне жить ближе к родимой земле.

- Я ли тебя не чтил, я ли не был гостем желанным
¹³⁰ И за одним столом я ли с тобой не сидел,
 Я ль не привел Гименея к сердцам пламенеющим вашим,
 Я ли песнь не слагал, слава ваш брачный союз?
 Ты ли книги мои не хвалил, меня поощряя
 (Я не имею в виду книг, погубивших меня)?
¹³⁵ Мне ли ты сам не читал своих искусных писаний,
 Мне ли ваш род не дал в дом дорогую жену?
 Марция ценит ее и с самого раннего детства,
 Знаю, ввела ее в круг близких наперсниц своих,
 Как ее прежде к себе приблизила Цезаря тетка:
¹⁴⁰ Коль они ценят ее, значит, достойна она.
 Клавдии, если б ее хвалили они, не пришлось бы
 Знаменья ждать от богов, чтобы молву заглушить.
 И о себе я бы мог сказать, что жил безупречно.
 Только последних лет лучше бы не вспоминать.
¹⁴⁵ Но о себе промолчу — о жене моей лишь позаботься,
 Ибо отвергнуть ее — значит забыть о родстве.
 К вам припадает она и ваш алтарь обнимает —
 По сердцу ведь божество каждый находит себе, —
¹⁵⁰ Молит, чтоб речью своей ты доброго Цезаря тронула
 Прах ее мужа тогда к ней бы поближе лежал.

3. Руфину

- Этот привет, о Руфин, твой Назон тебе посылает,
 Коль я, несчастный, могу быть для кого-то «своим».
 Мне утешенья слова, обращенные к скорбному духу,
 Стали подмогой в беде, в душу надежду вселив.
⁸ Славный Пеагтов сын, когда Махаон искушенный
 Жжение в ране унял, силу целенья постиг —
 Я же, душой сокрушен и ранен жестоким ударом,
 Силы почуял в себе от наставлений твоих.
 Мой изнемогший ум слова твои к жизни вернули.
¹⁰ Как возвращает вино крови усталой напор.
 Все ж красноречье твое оказалось не столь всемогущим,
 Чтобы совсем исцелить душу больную мою.
 Хоть из пучины забот удалось тебе вычерпать много,
 Право, не меньше ничуть черпать оттуда еще.
¹⁴ Долго придется ждать, чтобы рана моя затянулась:
 Свежую рану страшит прикосновенье руки.
 К жизни больного вернуть врачу не всегда удается:
 Часто болезни сильнее всех изощренных искусств.
 Кровь, как ты знаешь сам, что течет из чахоточных легких,

- 20 Нас, не сбиваясь с пути, к стиковым водам ведет.
Пусть хоть сам Эскулап принесет эпидаврские травы,
Но не поможет и он, если до сердца удар.
У врачеванья нет средств с узловатой подагрой сладить
Или больному помочь в схватке с водянюкою злой.
- 25 Часто печаль на душе исцелению не поддается —
А поддается, так ждать долго придется нам.
Хоть предписанья твои поверженный ум укрепили,
Хоть и оружие твое с радостью дух мой схватил,
К милой отчизне любовь во мне сильнее рассуждений
- 30 И повергает во прах зданье писаний твоих.
Верность мужская во мне говорит иль чувствительность бабья? —
Знаю сам, у меня мягкой стала душа.
Вне сомнений, Улисс был разумен, но даже Улисса
Стало с чужбины тянуть к дыму родных очагов.
- 35 Всех нас родная земля непонятною сладостью манит
И никогда не дает связь нашу с нею забыть.
Что есть Рима милей? Что страшнее сарматских морозов?
Но ведь из Рима сюда варвар, тоскуя, бежит.
Хоть Пандионова дочь себя чувствует в клетке неплохо,
- 40 Тянет ее все равно к лесу родному под кров.
Рвутся к привычным лугам быки, к привычным пещерам —
Львы, сколь ни дики они в ярости страшной своей.
Что же надеешься ты своим облегчающим средством
Горечь изгнанья унять в сердце печальном моем?
- 45 Сделай уж лучше, чтоб я не любил вас и дальше так сильно —
Стало бы легче мне нашу разлуку сносить.
Почвы родимой лишен, где мне выпала доля родиться,
Я не мечтать не могу о дружелюбных краях —
Маюсь в бесплодных песках отдаленнейшей области света,
- 50 Где беспрерывно земля снегом укрыта от глаз,
Где не найдешь нигде ни плодов, ни сладостных гроздей,
Ив лишены берега, горные склоны — дубов.
Море такой же хвалы, что и почва, достойно: валами,
Темное, вечно бурлит под бушевание бурь.
- 55 Сколько видно вокруг, поля лишены землепашцев,
И без хозяев лежит сонной пустыней земля.
Слева и справа враги, которые ужас внушают,
Близко подкравшийся страх с разных сторон обступил.
Метит с одной стороны копьё бистонийской закалки,
- 60 Злого сармата стрела метит с другой стороны.
Что же, давай приводи мне примеры мужей знаменитых,
Что и судьбу тяжелей стойко умели сносить,
И восхищайся скорей благородством Рутилия стойким:
Звали вернуться его — он возвращаться не стал.
- 65 Только ведь в Смирне он жил, не во вражьем краю, не у Понта.

- В Смирне — не хуже ничуть всех притягательных мест.
 Страшной совсем не была для синопского киника ссылка,
 Ибо прибежищем ты, Аттика, стала ему.
- 70 Сыну Неокла, в войне победившего воинство персов,
 Край арголидский дал в первом изгнание приют.
 В Спарту бежал Аристид, когда был с родины изгнан,—
 Трудно сказать, какой город был лучше из двух.
 Отроком кровь пролив, бежал Патрокл из Опунта —
 И в фессалийском краю друга в Ахилле нашел.
- 75 А из Фессалии шел изгнанником к водам пиренским
 Тот, кто священный корабль к морю колхидскому вел.
 Сын Агенора Кадм сидонские стены покинул,
 Чтобы на лучшей земле новые стены возвесть.
 К трону Адраста пришел Тидей, с Калидоном простившись;
- 80 Край, что Венере был мил, Тевкру прибежищем стал.
 Что уж тогда говорить о древних из римского рода —
 В ссылке из них ведь никто Тибура дальше не жил.
 Всех до едина сочти — никого никогда не ссылали
 Так далеко, как меня, в место страшней, чем мое.
- 85 Так что мудрость твоя должна простить мне, страдальцу,
 Что из советов, увы, мало я проку извлек.
 Все-таки должен признать: если могут раны закрыться,
 То ведь закрыться-то им речи помогут твои.
 Но опасуюсь, что ты понапрасну помочь мне стремишься.
- 90 Помощь придет — а меж тем стал безнадежным больной.
 Так говорю не затем, что себя умнее считаю,
 Но лишь затем, что себя знаю я лучше, чем врач.
 Впрочем, хоть это и так, но сама твоя добрая воля
 Щедрым подарком была — это я мог оценить.

4. Жене

- Вот уж несут седину нашей жизни худшие лета,
 Вот уж лицо бороздит сеть стариковских морщин,
 Вот уже силы напор слабеет в разрушенном теле,
 Вот уж не в радость игра, в младости влекшая нас.
- 5 Вдруг увидавши меня, ты легко бы могла обознаться:
 Столь разрушительна власть нас разделяющих лет.
 Годы, конечно, виной, но есть и другая причина:
 Скорбь беспокойной души и неизбывная боль.
 Если на годы делить все беды, которые ведал,
- 10 Возрастом я бы тогда Нестора мог превзойти.
 Крепкие мышцы быков — а бывает ли что-нибудь крепче? —
 Ослабевают и те, с твердою почвой борясь.

- Даже земля, которую плуг бороздит ежегодно,
 Коль беспрерывно родит, стариться обречена.
- ¹⁵ Конь, обессилев, падет, когда в бесконечных ристаньях
 Вздумает кто-то его к мете без отдыха гнать.
 Не избежать кораблю, сколь бы ни был крепок, крушенья,
 Если на суше ему отдых от влаги не дать.
- ²⁰ Ну а меня извела чередая бесконечных страданий,
 Старцем заставила стать прежде положенных лет.
 Праздность — отрада для тел, да и души она услаждает,
 Труд непомерный таит гибель для душ и для тел.
 Знаешь сама, что герой, который рожден от Эсона,
 Славу в потомстве снискал тем, что до Понта дошел.
- ²⁵ Только ведь подвиг его — моего легковесней и мельче,
 Если от гнета имен истину можно спасти.
 Он ведь до Понта доплыл, ибо так приказал ему Пелий,
 Перед которым дрожал разве что малый Иолк.
 В путь меня Цезарь послал, пред которым от солнца восхода
- ³⁰ И до закатных земель в страхе все страны дрожат.
 Да и, пожалуй, Иолк ближе к Понту, чем Рим, расположен,
 И по сравненью с моим короток путь его был.
 Сопровождали его славнейшие мужи Ахейи —
 Мне в изгнание моем спутником не был никто.
- ³⁵ Утлое судно меня везло по огромному морю —
 Сыну Эсона корабль мощный и крепкий служил.
 Кормчим не Тифий мне был, не сказал мне сын Агенора,
 Где мне плыть напрямик, где отклониться с пути.
 Были защитой ему Паллада с царицей Юноной —
- ⁴⁰ Мне ни одно божество не пожелало помочь.
 Были на пользу ему хитреца Купидона искусства.
 Я бы хотел, чтоб Амур им не учился у нас!
 Он возвратился домой — а мне умирать на чужбине,
 Если разгневанный бог будет по-прежнему тверд.
- ⁴⁵ Стало быть, тяжелей, вернейшая в мире супруга,
 Труд мой в сравнении с тем, что совершил Эсонид.
 Ты молодою была, когда уходил я в изгнание, —
 Но и тебе постареть, верно, от горя пришлось.
- ⁵⁰ О, если б свидеться вдруг нам дали великие боги,
 Если б я мог целовать просесть любимых волос,
 И обнимать без конца твое похудевшее тело,
 И говорить: «Печаль сделала это с тобой!»
 Плачущей, плача, тебе о несчастьях рассказывать долго
 И наслаждаться в слезах встрече нежданной с тобой!
- ⁵⁵ Цезарю, дому его и его достойной супруге —
 Истинным этим богам — я б фимиами воскурил!
 О, если б Цезарь простил! Пусть мать Мемнона скорее
 Краскою розовых уст нам возвестит этот день!

5. Котте Максиму

- Если память жива о том, что мы были друзьями,
Максима просит Назон это письмо прочитать.
В этих строках не ищи примет моего дарованья,
Дела вид, будто ты бедствий не знаешь моих.
- ⁵ Праздность лишает сил, истощает ленивое тело,
В толще стоячей воды быстро заводится гниль.
Навык стихи сочинять мне был присущ, не скрываю,
Но от бездействия он дряхлым и немощным стал.
Верь мне, Максим, пишу то, что видишь сейчас пред собою,
- ¹⁰ Руку заставив писать только усильем ума.
Но для чего мне терять мои оскудевшие силы —
Муза — зови не зови — к гетам тупые не идет.
Сам ты видишь, стихи с большим трудом мне даются:
Гладкости столько же в них, сколько в судьбе у меня.
- ¹⁵ Стоит мне их перечесть — самому становится стыдно,
Требует собственный суд многие строчки стереть.
Но исправлять не могу: этот труд тяжелей, чем писанье,
Силы мои уж не те, чтобы его одолеть.
Впору ли будет теперь мне браться за жесткий напильник
- ²⁰ Или на суд вызывать каждое слово в строке?
Разве изменишь судьбу? Ведь с Гебром Ликс не сольется,
Альпы не прорастут темной Афонской листвою.
Душу нужно щадить, если в ней открытая рана;
Не запрягают вола, если он шею натер.
- ²⁵ Думаешь, верю, что мне есть ради чего постараться,
Верю, что этот посев жатву сторицей отдаст?
Нет, ни один мой труд до сих пор не служил мне на пользу.
Не был бы он мне во вред — вот чего надо желать!
Так для чего я пишу? Ни мне, ни тебе непонятно,
- ³⁰ Вместе с тобою ишу смысла в посланье моем.
«Что ни поэт — то безумец», — твердит народ не напрасно.
Разве я сам не служу лучшим примером тому?
Всходам моим на корню столько раз погибать приходилось —
Я, не жалея сил, сею в бесплодный песок.
- ³⁵ Видно, охота сильна предаваться привычным занятиям,
Тем, в чем искусна рука, время свое заполнять.
Даст гладиатор зарок никогда не вступать в поединок —
Но устремляется в бой, старые раны забыв.
Спасшийся чудом гребец клянется, что с морем расстался, —
- ⁴⁰ Глядь, его лодка плывет там, где он прежде Тонул.
Так постоянен и я в пристрастии к делу пустому
И, не желая того, прежним богиням служу.
Что мне делать? Нельзя предаваться медлительной лени:

- Праздность нашим умам тленом и смертью грозит.
⁴⁵ Мне не по вкусу всю ночь проводить в безудержном пьянстве
 И не возьму ни за что в руки игральную кость.
 Если я сну отдам, сколько нужно для отдыха телу,
 Чем я заполнить смогу долгое время без сна?
 Предков обычай забыть, стрелять из сарматского лука
⁵⁰ И научиться тому, в чем здесь искусен любой?
 Но недостаток сил не дает мне и этим развлечься:
 Дух мой бодрей и сильней, чем ослабевшая плоть.
 Сам рассуди, чем себя мне занять? Ведь дело полезней
 Дел бесполезных моих вряд ли ты мне назовешь.
⁵⁵ Но, предаваясь им, я несчастья свои забываю —
 Даже такой урожай стоит затраты труда.
 Славы ищете вы; все вниманье вы отдали Музам,
 Чтобы хвалу знатоков вашим твореньям снискать.
 Мне же довольно того, что само собой написалось,
⁶⁰ Нет причин у меня для кропотливых трудов.
 Что за выгода мне оттачивать стих со стараньем?
 Разве приходится ждать, чтоб похвалил его гет?
 Смело могу сказать, не боясь показаться хвастливым:
 Здесь, где волнуется Истр, я даровитее всех.
⁶⁵ Там, где мне выпало жить, я довольствуюсь тем, что поэтом
 Мне оставаться дано в непросвещенной толпе.
 Славе моей для чего домогаться далекого Рима?
 Римом да будет моим край, где теперь я живу.
 Здешних подмостков моей опечаленной музе довольно —
⁷⁰ Это угодно богам, этого я заслужил.
 Я надеждой не лыщусь, что книги мои одолеют
 Путь, который не прост даже могучим ветрам.
 Звезды иные у нас; небеса не такие, как в Риме,—
 Смотрит Медведица здесь на неотесанный люд.
⁷⁵ Верится мне с трудом, что эти земли и воды
 Смогут в пути одолеть плод упражнений моих.
 Если стихи прочтет, паче чаянья, Рим и похвалит,
 Ясно, что эта хвала выгоды не принесет.
 Были б на пользу тебе одобрение в жаркой Сиене
⁸⁰ Или хвала с берегов теплых индийских морей?
 Или — выше того — пусть далекие в небе Плеяды
 Станут тебя восхвалять — много ль хвала эта даст?
 Знаю, до вас не дойдут стихов посредственных строчки,
 Слава покинула Рим вслед за увечанным ей.
⁸⁵ Вместе со славой и я погиб для вас безвозвратно.
 Знаю: когда я умру, слова не скажете вы.

6. Грецину

- Грусть завладела ль тобой, когда ты впервые услышал,
Издали возвратясь, весть о несчастье моем?
Хоть ты об этом, Грецин, молчишь и боишься открыться,
Ты не грустить не мог, если я знаю тебя.
- ⁵ Не было в нраве твоём никогда равнодушья и злости:
Всем занятиям твоим противоречат они.
От благородных искусств, о которых ты лишь и печешься,
Грубость бежит из души, мягкость вступает в права.
Нет никого, кто с тобой мог бы в страсти к искусствам сравниться,
- ¹⁰ Хоть и несешь ты свой долг, службы военной ярмо.
Знай: едва увидел я, очнувшись, что стало со мною
(У потрясенного ум долго в бездействии был),
Волю судьбы усмотрел и в том, что тебя не хватало,—
Ты бы на помощь пришел, ты защитил бы меня.
- ¹⁵ Не было рядом тебя, и я был лишен утешенья,
Большой части души, мужества был я лишен.
Ныне ты можешь помочь мне одним-единственным делом:
Слово участия послав, сердце мое оживить,
Сердце, которое лучше — коль верить нелживому другу,—
- ²⁰ Может быть, глупым назвать, но не преступным никак.
Вряд ли смогу написать о причине провинности вкратце,
Да и не след: страшит рану касанье руки.
Что бы я ни свершил, что бы ни было, лучше вопросом
Не докучай: не тревожь, пусть заживает она.
- ²⁵ Было свершенное мной ошибкой, а не злодеяньем —
Тот, кто ошибся, ужель перед богами злодей?
Вот почему уповать, Грецин, на смягчение кары
Я перестать не могу и лишь надеждой живу.
Здесь, в этом скверном краю, на земле, божествам ненавистной,
- ³⁰ Брошенной ими, одна эта богиня царит
И заставляет жить рудокопа в тяжких оковах
С верой, что вечно для ног грузом железу не быть,
И заставляет того, чей корабль разбился, чье зренье
Суши не видит нигде, в море без усталости плыть.
- ³⁵ Ловкие руки врача, и те иногда отступают,
А для надежды конца нет и на смертном одре.
Узник в темнице глухой на спасенье надеждо льстится;
Тот, кто заспят на кресте, богу приносит обет.
Многим, обвившим уже веревочной петлею шею,
- ⁴⁰ Эта богиня идти страшным путем не дала.
Я бесконечную скорбь пресечь острием попытался,
Но удержала она мягкой рукою клинок,
«Что замышляешь? — сказала, — дай волю слезам, а не крови:
Им удавалось не раз гнев государя смягчить».

- ⁴⁵ И потому, хоть я по заслугам ее недостоин,
 Буду надеяться впредь на доброту божества.
 Так моли же, Грецин, чтобы стал он ко мне милосерден,
 Слово свое прибавь к долгим молениям моим.
 Знай, что в гетских песках я буду лежать погребенный,
⁵⁰ Если ты мне обещать помощь не можешь свою.
 Нет, скорей голубям станет башни венец нежеланен,
 Логово — волку, нырку — воды и травы — скоту,
 Чем пожелает Грецин отказаться от старого друга:
 Даже моей судьбе этого не изменить.

7. Мессалину

- Вместо речей письма, которые ныне читаешь,
 Мчали к тебе, Мессалин, с гетского берега привет.
 Ясно ли, кто их послал? Иль, если не названо имя,
 Ты не поймешь, что Назон это письмо написал?
⁵ Разве, кроме меня, у тебя на окраинах мира
 Есть друзья — коль могу зваться я другом твоим?
 Боги да уберегут всех, кому ты дорог и близок,
 И не дадут увидеть варваров здешних вблизи!
 Хватит того, что я между льдами и стрелами скифов
¹⁰ Жить обречен (коли жизнь есть умирания род),
 Что и войною грозит мне земля и стужею — небо,
 Гетская ярость — копьем, градом — ненастье зимы.
 Что прозябать мне в стране, и плодов и гроздей лишенной,
 Где не найти уголка, чтобы спастись от врага.
¹⁵ Пусть невредимо живет твоих почитателей свита —
 В ней, как и в римской толпе, был ведь когда-то и я.
 Горе мне, если от слов подобных ты оскорбишься,
 Если объявишь, что я не был в друзьях у тебя.
 Будь это правдой — простить и тогда ты обманщика должен:
²⁰ Славе твоей повредит вряд ли мое хвастовство.
 Кто, с кем Цезарь знаком, не считал себя Цезаря другом?
 Я утверждать берусь: ты моим Цезарем был.
 Я не вторгаюсь туда, куда не положено: хватит,
 Если признаешь, что твой атрий меня принимал.
²⁵ Пусть и не было больше, но все же в толпе, что желает
 Доброго утра тебе, меньше на голос один.
 Вспомни: от дружбы со мной не отрекся твой славный родитель —
 Песен хвалитель моих, светоч и двигатель их, —
 Слезы лил я по нем, последнюю дань отдавая,
³⁰ Песню сложил, что была долго у всех на устах.
 Сам признай — ведь твой брат, с кем не меньшей ты связан
 любовью,

- Чем Танталида сыны и Тиндарея сыны,
 Не утверждал, что ему я ни спутником не был, ни другом —
 Сам признай, коль во вред это не будет ему.
- ³⁵ Если во вред, то пускай и в этом лжецом я предстану —
 Я предпочту, чтоб ваш дом был бы закрыт для меня.
 Впрочем, зачем его запирасть? Уберечь от ошибок
 Он, сколь бы ни был могущ, всех не способен друзей.
 Сколь я о праве мечтаю вину опровергнуть открыто,
- ⁴⁰ Столь очевидно для всех: злоумышлять я не мог.
 Ведь не будь ничего, что достойно прощенья, в проступке,
 Только в изгнание сослать — кара была бы мала.
 Ясно увидел он сам, всеблагой, всепровидящий Цезарь,
 Что провинность мою глупостью можно назвать.
- ⁴⁵ Сколь позволяли вина и виновный, столь милостив был он;
 Добрый, умерил удар молнии грозной своей.
 Жизнь он мне сохранил, состоянье, надежду вернуться,
 Коли смягчат его гнев ваши мольбы обо мне.
 Было тяжелым паденье. Так надо ль дивиться, что раны
- ⁵⁰ Столь глубоки у того, кто от Юпитера пал?
 Хоть и тщился Ахилл сдержатъ беспредельную силу,
 Все ж Пелионским копьем насмерть врагов поражал.
 Раз уж меня пощадил приговор карающей длани,
 Незачем двери твоей лгать, что не знает меня.
- ⁵⁵ Да, признаюсь, она мной не чтилась бывало, как должно,
 Хоть и, наверное, был жребий мой в том виноват.
 Дому другому ведь я не служил с таким постоянством —
 С вашими Ларами был — там или здесь — я всегда.
 Брата любишь ты так, что пусть не тебя почитал я,
- ⁶⁰ Все ж на тебя как друг брата имею права.
 Принято делать добро в благодарность за чью-то услугу —
 Но не пристало ль тебе делать добро наперед?
 Если позволишь, совет тебе дам я: моли у бессмертных
 Дар — чтобы больше давать, чем воздавать за труды.
- ⁶⁵ Ты ведь таков и есть — я помню, как часто давал ты
 Повод, чтоб сами за то мы воздавали тебе.
 Так что, прошу, Мессалин — кем угодно прими меня снова,
 Дай мне не быть чужаком в доме знакомом твоём!
 Если не плачешь над тем, что Назон по заслугам страдает,
- ⁷⁰ Плачь хоть над тем, что Назон все это сам заслужил!

8. Северу

Слово привета Назон, любезный тебе, посылает —
 Слово прими, о Север, лучший, любимейший друг!
 Спрашивать, как я живу, не тщись: расскажу — так заплачешь;

- Будет достаточно знать главное в бедах моих.
- ⁵ Мира не зная, живу, постоянно ношу я оружие:
Гетские стрелы и лук вечно войною грозят,
Сколько ссыльных ни есть, я один — и ссыльный, и воин:
Тихо живетса другим — но не завидую им.
- ¹⁰ Чтобы к писаньям моим снисходительней быть, ты запомни:
То, что читаешь, поэт в полном оружьи писал.
Город старый вблизи берегов двуименного Истра
Грозной стеной защищен и положеньем своим.
Каспий Эгис, коль верить рассказам, тот город построил
И, по преданию, дал детищу имя свое.
- ¹⁵ Гетов свирепых орда, истребив нежданно одрисов,
Приступом город взяла, против царя ополчася.
Помнь о роде своем, чью мощь он доблестью множит,
Тотчас владыка пришел с войском несметным своим,
Не отступился, пока бесстрашное племя злодеев
- ²⁰ Наголову не разбил в кровопролитном бою.
Дай тебе боги, о царь отважнейший нашего века,
Скипетр державный в руке славной всегда предержать!
Пусть, как ты заслужил, — чего пожелать тебе больше? —
Цезарь и Марсов Рим хвалят деянья твои!
- ²⁵ Мыслями в Рим не пора ль мне вернуться? Друг мой любимый,
Видишь: здесь, ко всему, лютые войны терплю.
Здесь, где я вас лишен, заброшен в стигийские земли,
С неба Плеяда вела осень четырежды к нам.
Хоть и поверишь с трудом, что по римскому благополучью
- ³⁰ Может Назон тосковать — все же тоскую по нем.
Ум мой то вас вспомнит, мои дорогие собратья,
То привидится мне с дочерью вместе жена.
Снова из дома иду по дорогам прекрасного града;
Зрячему духу опять все увидеть невтерпез.
- ³⁵ К рынкам и храмам идет, во мрамор одетым театрам,
К портикам с ровной землей, где не споткнется нога,
К травам на зелень садов глядящего Марсова поля,
К струям каналов, к прудам, к водам источника Дев.
Раз уж я, бедный, лишен всех отрад великого Града,
- ⁴⁰ Хоть бы потешить мой взор полем зеленым любим!
Нет, не тоскует совсем мой ум по утраченным пашням,
Взгляд веселящим полям на пелигнийской земле,
Ни по садам на холмах, откуда сосны взирают
Сверху на Клодиев путь и на Фламиниев путь.
- ⁴⁵ О, для кого те сады я растил, поливал их водою
Сам — не стыжусь рассказать, — чтоб от засухья спасти?
Коль не засохли, дадут и плоды, что моею рукою
Вращены, но рукой сорваны будут другой.
Если б, изгнаннику, мне даровали за все, что утратил,

- 50 Малую радость взамен: почвы возделать клочок!
 Сам бы я пас, коли мне разрешили б, о посох опершись,
 Льнущих к отвесным скалам коз и спокойных овец;
 Сам бы, чтоб сбросить груз разъедающих душу страданий,
 Зел под кривым ярмом пашущих землю быков;
- 55 Я научился б словам, что гетской скотине понятны,
 И понукал бы волов окриком, принятым здесь;
 Сам бы на плуг налегал, направляя податливый лемех,
 И во взрыхленную новь сеял бы сам семена;
- 60 Сам бы я всходы полол, не помедливши, длинной мотыгой,
 Сам бы я воду носил жаждущим влаги садам.
 Только где все это взять, коль меж мной и врагом промежутков
 Равен глухой стене и запертым воротам?
 Знаю: с рожденья тебе — и этому рад я без меры —
 Руки богинь судьбы крепкие нити прядут.
- 65 Марсово поле тебя зазывает и тень колоннады,
 Форум зовет, где тебя видит нечасто толпа,
 Умбрия манит, а коль по Альбанским холмам заскучаешь —
 Аппиев путь задрожит под колесницей твоей.
 Там ты мечтаешь — как знать? — о том, чтобы гнев справедливый
 Цезарь умерил, чтоб мне дом твой приближенным стал.
- 70 О, слишком многого хочешь, мой друг, — будь умерен в желаньях,
 Наших надежд паруса лучше, пожалуй, убрать!
 Коли мне жить разрешат ближе к Риму в краю, не платящем
 Подать войне, от меня многие беды уйдут.

9. Котте Максиму

- Чуть дошло до меня о кончине Цельса посланье,
 Тотчас же стало оно влажным от пеней моих.
 Страшно такое сказать, невозможным такое казалось:
 Строки письма твоего я против воли читал.
- 5 Не было горше вестей, что ушам доводилось услышать
 В долгом изгнанье моем — и да не будет вовек!
 Образ его предо мной — живой, как если бы смерти
 Не было: тем, кто почил, жизнь продлевает любовь.
 В памяти часто встает, как шутить он умел и смеяться,
- 10 Часто встает, как в делах важных шутить не любил.
 Но неотступней других предстают предо мною мгновенья —
 Много б я дал, чтоб на них жизнь моя оборвалась! —
 Те мгновенья, когда на дом мой обрушилась буря
 И на голову мне рухнул поверженный кров.
- 15 Он оставался со мной, когда я был многими брошен,
 Максим, он прочь не ушел в свите Фортуны слепой.
 В горестный час он рыдал — я помню все — не иначе,

- Как если б в скорбном огне прах его брата пылал,
 И, обнимая меня, утешал осужденного долго,
 20 Горькие слезы свои, плача, с моими мешал.
 О, сколько раз он, как страж ненавистный мучительной жизни,
 Сдерживал руки мои, муку им не дал прервать,
 О, сколько раз говорил: «Божества умеряема ярость,
 Надо надежд не терять, верить в прощенье — и жить!»
 25 Но только чаще всего повторял он: «Подумай, какую
 Службу сослужит тебе Максим в несчастье твоём.
 Максим старанье приложит, любую ценою добьётся,
 Чтобы властителя гнев не бесконечно был тверд;
 30 Силу свою укрепит, опираясь на брата, и средство
 Будет любое пытаться, участь смягчая твою».
 Эти слова во мне отвращение к жизни гасили —
 Максим, черед за тобой, чтоб им пустыми не быть.
 Клятвы хотел он принести, что меня навестит на чужбине,
 Если ему разрешишь ты этот путь совершить,
 35 Ибо он чтит твой дом с меньшим усердием и рвением,
 Чем почитаешь ты сам правящих миром богов.
 Верь мне: хоть многих друзей ты достоин иметь от рожденья,
 Не был он сколько-нибудь хуже любого из них,
 Если только не власть, не богатство, не предков заслуги,
 40 А благородство и ум лучшими делают нас.
 Значит, по праву ему мои причитаются слезы —
 Цельсу, который их лил перед изгнанием моим,
 Значит, по праву стихи о его достоинствах редких,
 Чтобы в грядущих веках, Цельс, твоя слава жила.
 Вот что могу я послать тебе из равнин этих дальних,
 45 Это ведь все, что своим здесь я могу называть.
 Мне в похоронной толпе не идти, не умащивать тело,
 От погребальных пламен даль отделяет меня.
 Тот, кто рядом с тобой, кого почитал ты как бога,—
 Максим исполнил все, что причиталось тебе.
 50 Мертвого он проводил, и обряд погребенья с почетом,
 Скорбный, свершил, и твое тело бальзамом натер,
 С мазями, плача, смешал обильные слезы печали,
 И родною землей, плача, засыпал твой прах.
 55 Тот, кто умершим друзьям усердно и ревностно служит,
 Может считать и меня другом умершим своим.

10. Флакку

Флакк, изгнанник Назон тебе желает здоровья,
 Если мы вправе желать то, чего нам не дано.
 Горечью долгих тягот вконец сокрушенному телу

- Сильным, как прежде, стать изнеможенье не даст.
- ⁵ Боль не изводит меня, лихорадки удушье не мучит,
Мерным, привычным путем влага по жилам течет.
Только противна еда, и накрытый стол ненавистен:
Пищу завидев едва, вздоха сдержатъ не могу.
Нет ничего из того, что нам на потребу взрастили
- ¹⁰ Воздух, земля и вода, что бы прельстило меня.
Нектар, напиток богов, и амброзию, пищу всевышних,
Дай мне хоть Геба сама щедрой рукою своею —
Вкуса божественных яств не понять онемевшему нѣбу,
Тяжести не избыть долгой в желудке моем.
- ¹⁵ Я б не решился, хоть все это правда, признаться другому,
Дабы кто-то не счел беды мои баловством.
Верно, мне только и дел в моем положении блестящем,
Что баловству и игре время свое посвящать!
Вот бы такого хлебнуть баловства тому, кто боится,
- ²⁰ Что повелителя гнев вдруг да смягчится ко мне.
То, что служит едой вконец истощенному телу —
Сон — не желает мое хилое тело кормить;
Я не смыкаю глаз — и печаль моя глаз не смыкает:
Повод — из многих один: место, в котором живу.
- ²⁵ Вот почему едва ли меня ты узнал бы при встрече
И непременно б спросил, где мой румянец быллой.
Дряблым стало мое давно одряхлевшее тело,
Кожа, румянца лишась, свежего воска бледней.
Этот ущерб нанесли не чрезмерно обильные вина:
- ³⁰ Знаешь ты сам, что всегда воду я только и пил.
Не на пирах я увял: если б даже я был до них падох,
Здесь, среди гетов нельзя ход этой прихоти дать.
Силы мои унесли не Венеры зловредной забавы:
Нету привычки у ней к ложу печали сходить.
- ³⁵ Море и местность виной, но ущерб наиболее сильный
Болью души причинен, не покидавшей меня.
Если бы ты и твой брат, твоя ровня, ее не смягчали,
Я бы снести не мог груза печали моей.
- Вы — не скалистый берег для моей уничтоженной лодки,
- ⁴⁰ Все равнодушны ко мне — вы мне на помощь пришли.
Помощи вашей и впредь я молю, ибо буду нуждаться
В ней, пока гнев на меня Цезарь божественный длит.
Пусть этот гнев не умрет, но умерится, хоть и заслужен,—
О повсвороте таком ваших молитв богов!

КНИГА II

1. Германику Цезарю

- В край, куда лишь с трудом доносятся южные ветры,
 Ныне молва донеслась: Цезарь справляет триумф.
 Скифия мне никогда не казалась отродной землею —
 Все же немного милей стала и Скифия мне.
- ⁵ В туче досадных забот голубое забрезжилось небо —
 И благодарную речь я обращаю к судьбе.
 Цезарь меня пожелал лишить всех радостей жизни —
 Эту, однако, отнять радость не в силах и он.
- ¹⁰ Даже и боги хотят, чтобы люди их чтли весельем,—
 В праздник велят нам они мысли от грусти отвлечь.
 Пусть безумно признание, но я не могу не признаться:
 Будь на веселье запрет, я бы попрал и запрет.
- Сколько ни сеет Юпитер дождей на полезные злаки,
 А меж посевов, упрямя, тянется к солнцу сорняк.
- ¹⁵ Я — бесполезный сорняк, но и я животворную чую
 Влагу и пользуюсь ей, воле его вопреки.
 Радости Цезаря нам, как свои: в душе мы их делим;
 Чуждого нам ничего в доме у Цезаря нет.
- ²⁰ Благодаренье тебе, о молва: от окраины гетской
 Вижу я шестивенный блеск, вижу я праздничный чин.
 Благодаренье тебе: я узнал, сколь много народов
 В римские стены стеклось для лицезренья вождя.
 Рим, в просторных стенах уж объяввший, казалось, все земли,
 Еле место нашел, чтобы гостей приютить.
- ²⁵ Ты рассказала, молва, что южный облачный ветер
 Вот уже многие дни сеял дождями на Рим,
 Но уступил, по воле небес, перед солнечным светом,
 Чтоб небосвод просветлел, как просветлела душа.
- ³⁰ Ты рассказала о том, как раздал победитель награды
 И похвалу произнес тем, кто достоин наград.
 Прежде чем тело облечь в одежды, достойные славы,
 Он на святых очагах сладкий возжег финиам,
 Благочестивую дань тебе принося, Справедливость,
 Коей незыблемый храм в сердце воздвигнут отца.
- ²⁵ Ты рассказала, молва, что куда бы он путь ни направил,
 Плеск раздавался толпы, камни краснели от роз.
 Из серебра перед ним литые несли изваянья
 Взятых им городов и побежденных врагов,
 Изображения рек, и гор, и лесов, где гремели
- ⁴⁰ Битвы, и груды щитов, дротиков, копий, мечей;

- Золотом солнце горит на золоте этой добычи,
 И от него по всему форуму — блеск золотой.
 Столько он вел мятежных вождей в оковах на шее,
 Что представлялось, идет вся их несчетная рать.
- ⁴⁵ Большею частью они получили и жизнь и прощенье —
 Даже виновник войны, главный меж главных, Батон.
 Так неужели я сам оставлю мечту о пощаде,
 Глядя, как божество милует даже врагов?
- ⁵⁰ В шествии этом твою знаменуя, Германик, победу,
 Павшие перед тобой целые шли города;
 Их от тебя не сумели спасти ни мечи осажденных,
 Ни неприступность их мест, ни необорность их стен.
 Да ниспосллют тебе долгую жизнь благосклонные боги —
 Все остальное ты сам в доблести явишь своей.
- ⁵⁵ Сбудется слово мое: не праздно вещанья поэтов —
 Мне, молящему, бог доброе знаменье дал.
 Скоро ликующий Рим приветит тебя на священном
 Выходе Тарпейской скалы, в блеске венчаных побед.
- ⁶⁰ Радостен будет отец, любуясь на почести сына,
 Видя наследье свое, в зрелый пошедшее рост.
 Помни же эти мои слова пророка-поэта,
 Юноша, лучший из всех в бранных и мирных делах.
 Сам я, быть может, сложу стихи и об этом триумфе,
 Ежели выживу я в бедственной доле моей,
- ⁶⁵ Ежели кровью моей не упьются скифские стрелы,
 Ежели голову мне гетский не срубит клинок.
 Если же я доживу до лавров твоих невредимо —
 Сам согласишься, что я — дважды правдивый пророк.

2. Мессалину

- Тот, кто в вашем доме всегда был почтительным гостем,
 Тот, кто ныне живет в ссылке, где плещет Евксин,
 Я, Овидий Назон, из гетской земли непокорной
 Шлю Мессалину привет — вместо прямого, в письме.
- ⁵ Ах, как боюсь я, что ты, прочитав мое бедное имя
 И посуровев лицом, дальше не станешь читать!
 Но дочитай: ведь стихи не сосланы вместе с поэтом,
 Рим, закрытый для нас, нашим писаньям открыт.
- ¹⁰ Я ведь совсем не хотел, громоздя Пелионы на Оссы,
 Ясных небесных светил дерзкой коснуться рукой.
 Я не пытался идти по безумным стопам Энкелада
 И подниматься войной на всемогущих богов.
 Я не хотел подражать Тидееву буйному сыну,

- Не угрожал божествам медным ударом копья.
¹⁵ Я виноват, тяжело виноват, но вины моей бремя
 Губит только меня, не задевая других.
 Можно меня называть неразумным, а можно и робким —
 Но остальные слова вряд ли ко мне подойдут.
 Я понимаю, что ты, увидев, что Цезарь разгневан,
²⁰ Был к моим жалким мольбам по справедливости глух.
 Верность твоя такова великому Юлову роду,
 Что, обижая его, я обижаю тебя.
 Но, и оружие взяв, и ударами мне угрожая,
 Все не заставишь меня чувствовать страх пред тобой.
²⁵ Эллина Ахеменίδα спасли, проезжая, троянцы,
 И пелионским копьем спасся миснец Телеф.
 Даже бывало и так, что ограбивший храм святотатец
 В этом же храме искал помощи у алтаря.
 Скажут: это опасно. Не спору: это опасно,
³⁰ Но от опасных путей нам никуда не уйти.
 Пусть безопасности ищет другой. Безопасна лишь бедность:
 Там, где некуда пасть, страха падения нет.
 Кто утопает в волнах, тот руки свои простирает
 К острым прибежным камням, ранит себя не боясь.
³⁵ Ястреба птица страшась, летит на трепещущих крыльях
 И в человечесьих руках ищет желанный приют.
 Лань, убегая от хищных собак, в последнем испуге
 Мчится к людскому двору, под обитаемый кров.
 Будь же приютом моим, пожалей мои горькие слезы,
⁴⁰ Не затворяй пред мольбой эту суровую дверь.
 Новым римским богам передай послание наше,
 Чтимым не меньше самих капитолийских богов.
 Будь заступником мне, поддержи мою малую просьбу,
 Хоть нелегко поддержать просьбу, что писана мной.
⁴⁵ Чувствуя хладный недуг, уже приготовившись к смерти,
 Если я буду спасен — буду спасен лишь тобой.
 Милость твоя подкрепит мои усталые силы,
 Милость, которой исток — Цезарь, наш бог и твой друг.
 Тут-то и должен блеснуть твой наследственный дар красноречья —
⁵⁰ Всем подзащитным твоим сила знакома его.
 В брате твоём и в тебе живет красноречье Мессалы,
 В вас обретает оно истых его сыновей.
 Я обращаюсь к тебе не с тем, чтоб молить о защите —
 Это без пользы тому, кто уж признался в вине, —
⁵⁵ Я об одном лишь прошу: реши, оправдать ли проступок
 Напоминаям причин или о них промолчать?
 Рана моя такова, что ежели нет ей целенья,
 То безопасней всего вовсе не трогать ее.
 Больше ни слова! нельзя доверить перу остальное:

- 60 Лучше я сам соберу в урну останки мои.
Цезарь мне жизнь даровал; чтобы дар этот был мне на благо,
Ты за меня перед ним вот как замолви слова.
Если спокойно лицо и черты его властные ясны
Те, что движеньем одним движут и город и мир,—
- 65 То умоли его: пусть не останусь я гетам в добычу,
Пусть для скорби моей мягче отыщется край.
Благоприятное время сейчас для просьбы подобной —
Благополучен он сам, благополучен и Рим.
Мирно супруга его блюдет высочайшее ложе,
- 70 Сын раздвигает вдали римских владений предел,
Зрел у Германика дух и в самые юные годы,
Брат его в силе своей славит свой доблестный род;
Сколько невесток еще и сколько внучатых племянниц
И правнучатых сынов в доме державном цветет!
- 75 Сколько племен пеонийских пред ним преклонились в триумфе,
Сколько в далматских горах стало покорных племен!
Вся иллирийская рать признала себя побежденной,
Порабощенным челом к римским припавши стопам.
Цезарь, обвинивши виски листвою Фебовой девы,
80 Ясным сияет лицом над колесницей своей.
Следом шагают за ним, меж тобой вступаая и братом,
Двое его сыновей, славной достойных семьи,
Схожие с теми двумя, которых божественный Юлий
Видит, взглянув с высоты на прилегающий храм.
- 85 Цезарю с домом его уступишь ты первую радость
(Ты не один, Мессалин: все уступают ему!) —
Но остальное — ни в чем, никому! Меж тобою и всеми
Будет согласно вестись соревнованье в любви.
О, как радостен день, когда заслуженным лавром,
90 Следуя воле людской, Цезарь венчает чело!
О, как счастливы те, кто волен смотреть на триумфы
И богоравных вождей видеть божественный лик!
Этого мне не дано: вместо Цезаря вижу я гета,
Землю, где вечная брань, море, где вечный мороз.
- 95 Если, однако, ты слышишь меня и вземлешь мой голос —
Будь милосерд: помоги край мой сменить на иной.
Это — завет отца твоего, столь чтимого мною:
Верю, что помнит меня красноречивая тень!
Этого просит и брат, хотя и боится, наверно,
100 Что, заступаясь за меня, можешь себе повредить.
Этого просит весь дом — и ты ведь не можешь отречься,
Что приходилось и мне в доме являться твоим,
И дарованье мое, пошедшее мне не на пользу,
Часто ты сам одобрял — кроме «Науки» мойей.
- 105 Да ведь и вся моя жизнь, не считая последней ошибки,

Право, была такова, что не срамила тебя.
 Пусть же в роду у тебя незыблемы будут святыни,
 Боги и Цезари пусть благоволят над тобой,
 Ты же моли прогневленного мной милосердного бога,
¹¹⁰ Чтобы исторг он меня из-под Евксинских небес.
 Просьба моя нелегка, но на трудности крепнет и доблесть,
 И благодарность растет в меру растущих заслуг.
 И ведь услышит тебя не злодей Антифат лестригонский
 И не киклоп Полифем в Этне пещерной своей,—
¹¹⁵ Нет — это добрый отец, заранее склонный к прощению,
 Предпочитающий гром, а не разящий огонь,
 Сам горюющий горько, решаясь на горькую кару,
 Словно себя он казнит, а не казнимого им:
 Лишь оттого, что провинность моя превзошла его кротость,
¹²⁰ Гнев принужденный его в полную силу вскипел.
 Я, от родимой земли отделенный и морем и сушей,
 Сам припасть не могу к чтимым стопам божества —
 Будь же моим жрецом, вознеси к нему эти моленья,
 К этим моим словам в меру добавь и своих.
¹²⁵ Только уверься сперва, что удобное выбрано время:
 Я, потеряв свой челнок, всякого моря боюсь.

3. Котте Максиму

Максим, имя твое сияет не меньше, чем доблесть,
 И дарованье твое знатности рода подстать.
 Я тебя почитал до последнего дня моей жизни
 (Ибо разве не смерть — здешняя доля моя?).
⁵ Ты не покинул меня и в беде — а такая услуга
 Даже между друзей редкостью стала в наш век.
 Стыдно даже сказать, но правду молчаньем не скроешь:
 Нынче в обычай вошло дружбу по пользе ценить.
¹⁰ «Выгода — прежде, а честь — потом», — толпа рассуждает;
 Счастье, сменяясь бедой, дружбу сменяет враждой.
 Трудно найти одного из тысячи, кто бы признался,
 Что добродетель сама служит наградой себе.
 Добрая слава — и та без приплаты людей не волнует:
 Стыдно честными быть, ежели нечего взять.
¹⁵ Все, что прибыльно, — мило: отнимешь надежду на прибыль —
 Разом поймешь: никому дружба твоя не нужна.
 Нужен только доход — тут никто ничего не упустит,
 Каждый считает свое, жадные пальцы загнув.
 Дружба, которая прежде божественным чтилась почетом,
²⁰ Нынче пошла с торгов, словно продажная тварь.
 Вот потому-то и кажется мне восхищенья достойно,

- Что не коснулся тебя этот всеобщий порок.
Обыкновенно бывает любим лишь тот, кто удачлив,—
А прогреми только гром — все от беды науток.
- ²⁵ Так вот и я: немало имел я друзей, помогавших
В дни, как попутный мой ветер вздувал паруса;
А как сгустились дожди и вздыбились волны под ветром,
Я оказался один в море на зыбком челне.
Все притворились друзья, что даже со мной не знакомы,
- ³⁰ Только два или три друга остались при мне.
Ты был первым из них: не товарищем был, а ведущим,
Ты не брал с них пример, а подавал им пример.
Ты, понимая, что я виноват лишь единым проступком,
Делал то, что велят честность и дружеский долг.
- ³⁵ Ты полагал, что сама по себе добродетель желанна,
Даже если при ней внешних не видится благ.
Ты недостойным считал покинуть в несчастье друга,
Ты в злополучье моем дружбы меня не лишил.
Кто утонул, тому ты рукой поддержал подбородок,
- ⁴⁰ Чтобы прозрачной волной не захлестнулось лицо.
Вспомни, как Эакид посмертно почествовал друга,—
А у меня ли не жизнь хуже, чем бранная смерть?
За Пирифоем Тесей сошел к ахеронскому берегу —
Разве я дальше, чем он, от преисподней реки?
- ⁴⁵ Был фокейский Пилад безумному в помощь Оресту —
Меньше ль безумен я сам, сделав, что сделано мной?
Будь же таким, как всегда: сравняйся со славными славой,
А оступившемуся доброю помощью стань.
Если ты точно таков, каким тебя знал я и знаю,
- ⁵⁰ Если твердость души все такова, как была,
Встанешь и выступишь ты против натиска бурной Фортуны,
И не сломить ей тебя, сколько она ни бушуй.
Чем она бьется сильнее, тем сильнее твое противленье:
Так и губит судьба и выручает меня.
- ⁵⁵ Милый юный мой друг, я тебя хорошо понимаю:
Стыдно вослед колесу легкой богини бежать.
Духом ты тверд, и правишь ты сам рулем и ветрилом,
Хоть и расшатан корабль и не на тех парусах.
Так расшатан корабль, что кажется, ждет его гибель:
- ⁶⁰ Только силой твоей держится он на плаву.
Был твой праведный гнев поначалу не менее грозен,
Нежели вызванный мной в том, кого я оскорбил,—
Ибо ты сам говорил, скрепляя слова свои клятвой:
Вышнего Цезаря боль — это ведь боль и твоя.
- ⁶⁵ Но, говорят, когда ты узнал о причинах несчастья,
Сам о поступке моем горько посетовал ты.
Тут-то и стало твое письмо для меня ободреньем —

- Знаком, что может простить даже обиженный бог.
 Так смягчила тебя моя давняя, верная дружба,
 70 Ибо она началась раньше, чем был ты рожден,
 Ибо не стал ты мне другом, а был ты мне другом с рожденья —
 Я ведь тебя целовал и в колыбельные дни.
 Смолоду был я привержен к достойному вашему дому,
 И оттого на тебе — бремя приязни моей.
 75 Сам отец твой, краса латинской витийственной речи,
 Знатный родом своим, знатный и словом своим,
 Первый меня побудил доверить молве мои песни —
 Так дарованье мое в нем обрело жоака.
 Брата спроси твоего — и он не сумеет припомнить,
 80 Как и с чего началась преданность наша ему.
 Ты мне, однако, всех ближе, и, что бы со мной ни случилось,
 Дружба твоя мне была вечным источником сил.
 Нас с тобою вдвоем видел остров Эталня-Ильва
 В час расставанья, когда слезы текли по щекам.
 85 Ты меня спрашивал, точно ли прав принесший известье
 О злополучье моем, злою твердимом молвой.
 Я колебался в ответ, меж двух обретаясь сомнений,
 В явном страхе не знал, «да» отвечать или «нет».
 И, как растаявший снег под дыханием влажного Австра,
 90 Капля за каплей текли слезы по скорбной щеке.
 В памяти это храня и видя: простивши причину,
 Можно и следственный грех тоже забвенью предать,
 Ты благосклонно глядишь на старого друга в несчастье
 И заживляешь мои раны заботой своей.
 95 Если мне будет дано излить пред богами желанья,
 Я за услуги твои тысячу раз помолюсь;
 Если же будет дано твоим лишь молениям вторить,
 Вспомню за Цезарем вслед я твою добрую мать,
 Ибо я знаю: всегда, бросая на жертвенник ладан,
 100 Прежде всего ты богов молишь о нем и о ней.

4. Аттику

- Это посланье к тебе с побережий холодного Истра
 Ты благосклонно прими, Аттик, мой ведомый друг.
 Все ли по-прежнему ты не забыл обо мне, злополучном,
 Или устала любовь и отошла от забот?
 5 Нет, я не верю: не столь беспощадны небесные боги,
 Чтобы в тебе истребить память о дружбе моей.
 А у меня твой образ всегда перед умственным взором —
 Кажется, видят глаза милые сердцу черты.
 Мне никогда не забыть разумных твоих разговоров,

- ¹⁰ Как никогда не забыть наших веселых забав.
 Часто в беседах часы пролетали у нас незаметно,
 Часто бывало речам мало и целого дня.
 Новорожденная песнь доверялась надежному слуху,
 И подчинялась моя Муза суду твоему.
- ¹⁵ Слыша твою похвалу, я верил, что общую слышу,—
 В этом награда была зоркой заботе твоей.
 Если напильщик друзей прикасался к неровной работе —
 Много шершавостей в ней стерто твоею рукой.
 Рядом видели нас в столице и площадь и портик,
- ²⁰ Улицы видели нас, вогнутый видел театр:
 Ибо как в оные дни любил Эакид Несторида,
 Так неразлучны и мы были с тобою, мой друг.
 Если бы даже ты пил струю отрезвляющей Леты —
 Верю, такая любовь в сердце осталась бы жить.
- ²⁵ Раньше растянутся дни под холодною зимней звездю,
 Раньше июньская ночь станет декабрьской длинней,
 Холод придет в Вавилон и зной на понтийские льдины,
 Лилия запах издаст слаще, чем роза в цвету,—
 Нежели ты позабудешь о том, как были мы вместе:
- ³⁰ Нет, не настолько черна черная доля моя.
 Но берегись, чтобы я надеждою не был обманут,
 Чтоб не случилось, что я просто доверчив и глуп,—
 Твердой и верной будь опорой старому другу,
 И да не станет тебе тягостью бремя мое.

5. Салану

- В этих неравных стихах Назон посылает Салану
 Слово приветное: будь в добром здоровье, Салан!
 Верь, я и вправду хочу, чтобы стало по этому слову,
 Чтобы, читая меня, был ты и жив и здоров.
- ⁵ Блеск таких благородств в наш век едва ли не вымер —
 Как же мне о тебе вышних богов не молить?
 Ибо хотя никогда мы особенно не были близки,
 Ты, говорят, обо мне в доле моей пожалел
 И благосклонно читал недостойные, может быть, строки,
- ¹⁰ Из приевксинских земель в дальний пришедшие Рим.
 Ты за меня пожелал, чтобы Цезарь не гневался долго,—
 Цезарь рад бы и сам слышать желанье твое.
 Знаю, что это в тебе говорила природная кротость —
 Но благодарность моя из-за того не слабей.
- ¹⁵ Тронули сердце твое, ученый ценитель поэтов,
 Трудные эти края нынешней жизни моей.
 Впрямь едва ли найдешь по целому кругу земному

Место, где меньше цветет радостный Августов мир.
Все же и в этой земле меж битв сочиняю я строки,
20 Ты же читаешь, склоняясь, и улыбаешься им;
А одобренье твое моему оскудевшему дару
Новых сил придает: льется рекою родник.
Ты понимаешь, как трудно в беде вновь увериться в силах,
И благодарен тебе мой ободряемый дух.
25 Долгое время стихи мои были о мелких предметах,
И доставало мне сил, чтобы описывать их;
Ныне, заслышав молву о справляемом славном триумфе,
Дух мой дерзнул посягнуть даже на этот предмет.
Смелость мою подавил и блеск и важность событий —
30 Необорим для меня был предприемлемый труд.
Только одно в нем достойно хвалы — благое желанье,
А остальное во прах пало, не снесши труда.
Если дойдет до тебя и это мое сочиненье —
Не откажи и ему в доброй опеке твоей.
35 Знаю, ты сделаешь это и сам, без особенной просьбы,
И благодарность моя лишней была бы тебе —
Не потому, чтобы я заслуживал доброго слова,—
Просто сам ты душой чист, как нехоженный снег,
Сам достойней похвал, чем те, которых ты хвалишь,
40 И красноречьем твоим славен у всех на виду.
Цезарь, юношей вождь, которому имя — Германик,
Рад с тобою делить время ученых трудов:
С давних ребяческих лет ты был ему верный товарищ,
Ибо ценил он в тебе и дарованье и нрав.
45 Ты красноречьем твоим и в нем разбудил красноречье —
Ты ему нужен бывал так, как огниво огню.
Вот твой голос умолк, не движутся смертные губы,
Скованы быстрым перстом павшей на них тишины,
И поднимается он, достойнейший отпрыск Иула,
50 Как зарева звезда над заревою волной.
Он еще молча стоит, но лицо, но осанка, но платье
Предвосхищают уже звук изощренных речей.
А как расступится тишь и раздастся божественный голос —
Верь, что так говорят боги с высокоих небес,
55 И восклицай: «достойная речь державного мужа!» —
Так благородства полны каждое слово и звук.
Вот чьею дружбой ты горд, до небес головой досягая,
Но не гнушаешься нас в нашем изгнанье хвалить.
Видно, и вправду меж родственных душ есть некая близость,
60 Каждый по общим делам друга находит себе:
Пахарь крестьянину верен, солдат своему полководцу,
И на неверной ладье кормчему верен моряк.
Ты же — служитель Камен. и нет служенья усердней,

- И дарованьям моим ты, одареннейший, рад.
 65 Наши различны труды, но один их питает источник:
 Оба привыкли мы жить для благородных искусств.
 Тирс в руках у тебя, а лавр у меня над висками,
 Но у обоих в сердцах жив одинаковый жар:
 70 Стопы моих стихов у речей твоих учатся силе,
 Речи твои у стихов учатся блеску словес.
 Прав ты, когда говоришь, что одни нам священны знамена
 И что заботы у нас общий смежает рубеж.
 Вот потому и молю я, чтоб дружба высокого друга
 Честью твоею была всю твою долгую жизнь
 75 И чтобы принял он в срок бразды всемирного блага,—
 Эту со мною мольбу делит весь римский народ.

6. Грецину

- Тот, кто когда-то тебя живую приветствовал речью,
 Ныне слагает в стихах другу Грецину привет.
 Только такой ведь и дан заевксинскому голос Назону —
 Если б не грифель в руках, я бы совсем онемел.
 5 Ты упрекаешь меня за мой неразумный проступок,
 Ты говоришь: я терплю меньше, чем я заслужил.
 Знаю, ты прав, но слишком твои запоздали упреки:
 Я повинился давно — будь же терпимей ко мне.
 10 Лучше бы ты остерег пловца от подводных утесов
 В пору, как челн еще плыл меж Керавнийских валов.
 Ныне, когда он разбит и в обломках, какая мне польза
 Слышать, как и куда мне надлежало бы плыть?
 Право, уместней подать истомленному руку спасенья
 И поддержать над водой изнемогающий рот.
 15 Это и делаешь ты, и делай, и будь благоденствен
 Дом твой, братья твои, чтимые мать и жена;
 И да свершатся желанья твои, да будет угодно
 Цезарям, нашим отцам, все, что ни делаешь ты.
 Было бы стыдно в беде позабыть старинного друга
 20 И отказать ему в том, в чем еще можно помочь;
 Стыдно отдернуть стопу, по тропе боязливо ступая,
 Стыдно покинуть корабль, мучимый бурной волной;
 Стыдно поддаться судьбе и предать на горькую участь
 Друга, так заявив: «Мне несчастливец — не друг».
 25 Нет, дружили не так сын Строфия с сыном Атрида,
 Был Пирифою не так верен его Эгеид —
 Предки дивились на них, и будут дивиться потомки,
 Рукоплесканья в их честь вечно в театрах звучат.
 Вправе и ты свое имя с такими связать именами,

- ⁸⁰ В час подступившей беды друга сумев поддержать.
 Вправе, я говорю, и моей благодарности голос
 Не перестанет тебя славить достойной хвалой.
 Верь, что если мои стихи приобщатся бессмертью —
 Будет имя твое вечно у всех на устах.
- ³⁵ Только останься, Грецин, и впредь изменошему верен
 Другу, и дружбы твоей будь неизменен порыв!
 Ты и без просьбы таков — а все-таки просьба — подспорье,
 Словно весло парусам или же шпора коню.

7. Аттику

- Первым делом — привет передаст тебе это посланье,
 Аттик, из гетской земли, незамиренной досель;
 А во-вторых, разузнает о том, как жив ты, чем занят,
 И меж занятий своих помнишь ли, друг, обо мне?
- ⁵ Не сомневаюсь, что помнишь, но знаешь ведь сам, опасенье
 Часто наводит на нас и неоправданный страх.
 Так извини же меня, что я через меру опаслив,—
 После крушенья пловец робок и в тихой воде;
 Рыба, крючком рыбака хоть раз уязвленная скрытым,
- ¹⁰ В каждом съедобном куске станет страшиться крючка;
 Часто овца далекого пса принимает за волка
 И убегает сама из-под защиты своей;
 Раненым нашим телам и мягкое страшно касанье —
 Так и страдальческий дух страхам подвержен пустым.
- ¹⁵ Вот потому-то и я, не в меру гонимый судьбою,
 Сердцем, истерзанным в кровь, властен лишь чувствовать боль.
 Ясно уже для меня, что судьба не собьется с дороги,
 Будет ее колесо той же катить колеей;
 Боги сами следят, чтоб не выпало мне послабленья,
- ²⁰ И не помогут слова, как я судьбу ни моли.
 Хочет она меня погубить и, упорствуя в злобе,
 Своей позабыла она прежний изменчивый нрав.
 Трудно моим поверить словам о моих злоключениях,
 Но умоляю, поверь молвящим правду устам:
- ²⁵ Ты перечислишь скорей колосья в степи кинифийской
 Или в гиблейских горах стебля тимьяновых куп,
 Скажешь, сколько в выси крылатых крыльями машет,
 А в океанских волнах скрыто чешуйчатых рыб,
 Нежели сможешь назвать все муки, какие изведал
- ³⁰ Я и на твердой земле, и над морской глубиной!
 Нет на круге земном народа грубее, чем геты,
 Но и они над моей погоревали судьбой.

- Если бы я захотел излить тебе всю мою память —
Долог был бы рассказ, как илионская песнь,
35 Вот откуда мой страх. Не ты, конечно, мне страшен,
Тысячекратно свою мне доказавший любовь,—
Просто всегда боязлив, кто много изведал несчастий,
А для меня уж давно счастье захлопнуло дверь.
Горе мое в привычку вошло. Как падают капли,
40 Твердый камень долбя частым паденьем своим,
Так и мне за ударом удар наносит Фортуна,
Не оставляя уже свежего места для ран.
Меньше изъезжен плитняк на дороге, что вымостил Аппий,
Меньше тупится сошник, в жесткой влачась борозде,
45 Нежели сердце мое истоптано бегом несчастий,
Ибо ни в ком и ни в чем не было помощи мне.
Дар благородных искусств, столь многих возвысивший к славе,
Только мне одному бедственной пагубой стал.
Вся моя прежняя жизнь была прожита непорочно,
50 Но оправданьем моим это служить не могло.
Многим прощалась вина, когда появлялся заступник,—
Но для меня одного голос защиты молчал.
Многие легче справлялись с бедой, представ перед нею,—
Я же был далеко в час, когда встала гроза.
55 Страшен Цезаря гнев, когда он безмолвствует даже,—
Мне же суровая речь тягостней делала казнь.
Время для бегства бывает сносней — а мне из пучины
Бурный грозился Арктур после заката Плеяд.
Даже зимой кораблям порой выпадает затишье —
60 Я же средь злобных зыбей горше страдал, чем Улисс.
Верность достойных друзей могла облегчить бы несчастье —
Нет: их коварной толпе сам я добычею стал.
Мягче изгнанье в иных краях — но этого края
Хуже не видывал мир ни под какою звездой.
65 Близость к отчим местам бывает порой утешеньем —
Я же томлюсь вдалеке, там, где кончается свет.
Даже изгнанники в мире живут под цезарским лавром —
Здесь же, в понтийской земле, смежный свирепствует враг.
Благо тому, кто может свое возделывать поле,—
70 Здесь же, пред вражьим лицом, празден над почвою плуг.
Теплый воздух порой ласкает нам тело и душу —
А на сарматских берегах царствует вечный мороз.
Пресная даже вода для нас — завидная сладость:
Здесь мы болотную пьем с солью морской пополам.
75 Нет у меня ничего. Но способна душа к одолению,
Даже и телу она силы умеет придать,
Чтоб не склонить головы под бременем давящей доли,
Ибо расслабить себя — значит согнуться и пасть.

- А у меня еще есть надежда, что время поможет
 80 Цезарю гнев свой смягчить: это спасает мне жизнь.
 И в ожиданье моем немалое мне утешенье —
 Вы, моя горстка друзей, верных и в тяжелой беде.
 Будь же таков, как ты есть, не покинь пловца среди моря
 И, сохраняя меня, веру свою сохрани.

8. Котте Максиму

- Были получены мной недавно с Цезарем Цезарь —
 Боги, которых мне ты, Котта, из Рима послал,
 И, чтобы в должном числе на твоём они были подарке,
 Есть меж любимым своих Цезарей Ливия там.
 5 Счастливо ты, серебро, ты блаженнее всякого злата:
 Прежде лишь ценный металл, стало святыней теперь.
 Дай ты сокровища мне, твой дар не стал бы дороже
 Тех, что сейчас у меня перед глазами, богов.
 Радость немалая — видеть богов, в их присутствие верить,
 10 Словно с живым божеством, с ними порой говорить.
 Ты мне от края земли помог домой возвратиться:
 В Городе вновь я живу, словно и не было бед,
 Цезаря вижу в лицо, как видывал в прежнее время,—
 А ведь на это надежд я уж почти не имел,—
 15 Как приветствовал встарь, божество приветствую снова:
 Сможешь ли больше мне дать, если я даже вернусь?
 Лишь Палатина мои глаза не видят отныне —
 Впрочем, что Палатин, если там Цезаря нет?
 Вот я гляжу на него и, кажется, Рим предо мною,
 20 Ибо в себе воплотил облик отчества он.
 Чудится ль мне или вправду глядит на меня он во гневе,
 Вправду ль суровость видна в изображенье его?
 Сжался же, доблестью всех превышающий в мире огромном,
 Не опускай на меня мщенья законного плеть!
 25 Сжался, молю, надо мной, украшенье нашего века,
 Ты, кто весь мир подчинил мудрой заботой о нем!
 Ради отчизны — ее ты ценишь более жизни,—
 Ради богов, что к твоим не были глухи мольбам,
 Ради супруги твоей, тебе единственно равной,
 30 Время величья с тобой не устающей нести,
 Ради того, кто тебе подобен доблестью вящей,
 В ком по уму и делам виден твой подлинный сын,
 Ради внуков твоих, отца и деда достойных,
 Что, повиняясь тебе, шествуют быстро вперед,—
 35 Ты хоть немного смягчи и уменьши мое наказание,
 Дальше от скифских врагов место изгнания назначь.

- Если возможно, и ты, ближайший к Цезарю Цезарь,
К просьбам, что я приношу, недружелюбен не будь;
Пусть в триумфе твоём Германия дикая скоро
40 Пусть перед упряжкой коней робкой рабыней пройдет;
Пусть до пилосских отец, до кумских — мать невредимо
Лет доживут, чтобы ты был ещё долго их сын.
Также и ты, что одна под стать могучему мужу,
Слух свой, прошу, не замкни перед смиренной мольбой.
45 Здрав да будет твой муж, здоровы дети и внуки,
Здравы невестки и все, кто народится от них;
Друз, что был у тебя похищен Германией лютой,
Пусть изо всех твоих чад будет потерян один;
Пусть поскорее тебе предстанет мстителем братним,
50 Белой упряжкой влеком, в пурпур одетый твой сын.
К робким склонитесь мольбам, о вы, милосердные боги,
Пусть принесет мне добро ваше присутствие здесь!
Если сам Цезарь глядит на борьбу, гладиатор уходит
Целым с арены, спасен Цезаря взором одним.
55 Также во благо и мне то, что ваши лица я вижу,
Что из всевышних тремя сразу мой дом посещен.
Счастливы те, кто богов, а не только их образы видят,
Те, кто их во плоти могут самих созерцать.
Этой возможности я лишен завистливым роком,
60 Я лишь подобиям лиц, дару искусства, молюсь.
Людам так ведомы боги, сокрытые горним эфиром,
Вместо Юпитера все образ Юпитера чтут.
Кстати, коль скоро со мной есть и будут образы ваши,
Вы потревожьтесь, чтоб им здесь под угрозой не быть.
65 Ибо раньше моя голова расстанется с телом,
Раньше глаза у меня вырвут из полых глазниц,
Чем я грабителям вас отдам, всенародные боги,—
В ссылке вы будете мне пристанью и алтарем.
Вас обниму я с мольбой, окруженный ордами гетов,
70 Вы для меня и орлы, вы и знамена мои.
Или я тешу себя, обманутый пылким желаньем,
Или надежда не лжет, ссылку терпимей суля,
Ибо чеканенных лиц все светлей и светлей выраженье,
Ибо мне боги в ответ, кажется, могут кивнуть...
75 Пусть не обманут, молю, предчувствия робкого сердца,
И да смягчится скорей праведный гнев божества.

9. Царю Котису

Котис, потомок царей, чьей знатности корень восходит
 Вплоть до Евмолпа и в нем происхождение берет,
 Если болтливой молвой до твоих ушей донесен был
 Слух, что в соседней с тобой я обитаю земле,
⁵ Выслушай эти мольбы изгнанника, юноша добрый,
 И чем ты можешь (а ты — можешь!) ему помоги.
 Был я судьбою в твои — на что не жалуясь — руки
 Передан: в этом одном мне не враждебна она.
 Пусть же твой берег меня, разбитого бурей, приветит,
²⁰ Чтобы надежней земли не оказалась вода.
 Верь мне, достойно царей помочь тому, кто ошибся,
 Это пристало таким доблестным людям, как ты,
 Это и доле твоей подобает — высокой, но все же
 Вровень которой не стать с духом высоким твоим.
¹⁵ Мощь никогда и ни в чем не бывает столь очевидной,
 Чем когда нашим мольбам тщетными быть не дает.
 Этого требует блеск твоего старинного рода,
 В этом — знатности долг, вспять восходящей к богам,
 Это тебе и Евмолп, основатель прославленного рода,
²⁰ И Эрихтоний, что жил прежде него, завещал.
 Это ведь общее с богом у вас, что в ответ на молитвы
 Оба вы тем, кто молил, можете помощь подать.
 Ради чего божествам воздавать обычную почесть,
 Если они не хотят тем, кто их чтит, помогать?
²⁵ Если Юпитер к тому, кто молит, глух остается,
 То для чего на алтарь жертвы ложатся к нему?
 Если бы волны в пути не оставили судно в покое,
 Разве Нептуну я стал зря бы курить фимиам?
 Если б усердных крестьян мольбы обманула Церера,
³⁰ Кто супоросой свињи ей бы принес потроха?
 И не подставит козел гортань кудрявому Вакху,
 Если под гнетом ноги сока не даст виноград.
 Молим мы, чтобы бразды в руках удерживал Цезарь,
 Ибо на благо всем нам правит отчизною он.
³⁵ Значит, богов и людей великими делает польза,
 Как и готовность прийти нашей на помощь нужде.
 Будь же опорой тому, кто попал в твое укрепленье,
 Котис, отца своего отпрыск достойный во всем.
 Чем человека спасти, человечнее радости нету,
⁴⁰ Нету надежней пути расположение снискать.
 Кто из людей не клянет Антифата, царя лестригонов?
 Может ли вызвать хулу щедростью царь Алкиной?
 Не из Кассандрии был твой отец, не из Фер, не оттуда,
 Где изобретший быка сам от быка и погиб!

- ⁴⁵ Нет, как ты пылок в бою, как не ведаешь в нем пораженья,
 Так же, мир заключив, крови не жаждешь ничьей.
 Кроме того, прилежать душой к благородным искусствам
 Разве не значит смягчить грубый и дикий свой нрав?
 Нет никого из царей, кто был бы в них более сведущ,
⁶⁰ Кто бы мирным трудам больше часов отдавал.
 Песни поруюю в том: ведь, скрой ты от нас твое имя,
 Я б не поверил, что их юный фракиец сложил.
 Значит, Орфей не один был этих мест песнопевцем:
 Твой поэтический дар — гордость Бистонской земли.
⁵⁵ Так же, как хватит тебе присутствия духа, коль надо,
 Взять оружие и меч кровью врагов обагрить,
 Как ты умеешь метнуть копье простертой рукою
 Или коню на скаку поводом шею согнуть,
 Так, положенный срок отдав наследным занятиям,
⁶⁰ С плеч привычных свалив тяжесть достойных трудов,
 Ты и досугу не дашь увядать во сне бесполезном:
 Путь по сиянию звезд держишь в Пизэрию ты.
 Это занятие твое укрепляет союз между нами:
 Оба мы — словно жрецы перед одним алтарем.
⁶⁵ Я как певец к певцу простираю молящие руки,
 Чтобы в изгнание меня дружески принял твой край.
 Я не за чью-нибудь кровь был сослан к берегу Понта,
 Яда смертельного я ни для кого не смешал,
 В том, чтобы перстнем моим на шнурах подложных табличек
⁷⁰ Лживо оттиснуть печать, я не бывал уличен,
 Я ничего не свершил из того, что закон запрещает,
 Но за собою вину большую должен признать.
 Спросишь ты, в чем она? Я — неразумной создатель «Науки»:
 Это препятствует мне чистыми руки считать.
⁷⁵ В чем я еще согрешил, искать ответа не нужно,
 Пусть за «Наукой» моей спрятана будет вина.
 Что там ни будь, но судья проявил умеренность в гневе:
 Им, кроме почвы родной, я не лишен ничего.
⁸⁰ Ныне, ее потеряв, твоим да буду соседством
 Я защищен и спасен в этой опасной стране.

10. Макру

- Сможешь ли ты угадать, увидев отпечаток на воске,
 Макр, что эти слова пишет далекий Назон?
 Если же перстень тебе ничего не сказал о владельце,
 Руку узнал ли мою ты в начертании букв?
⁵ Или память о них у тебя похитило время,
 И не припомнят глаза прежде знакомых примет?

Пусть бы равно ты забыл мою печать и мой почерк,
Лишь бы забота жила в сердце твоём обо мне.
К ней призывает тебя, во-первых, давняя дружба,
10 То, что моей жене ты не чужой, во-вторых,
В-третьих, общность трудов, в которых ты был осторожней
И вредоносным, как я из-за «Науки», не стал.
Ты ведь поешь обо всем, что пропущено вечным Гомером,
Чтоб довести до конца песни Троянской войны,—
15 Глупый Назон между тем науке любви обучает
И за науку свою горькую плату берет.
Общие все же для всех святости есть у поэтов,
Как бы различны порой ни были наши пути.
Кажется мне, что о том, хоть я теперь и далеко,
20 Ты не забыл и что мне хочешь судьбу облегчить.
Видел Тринакрию я, путешествуя вместе с тобою,
В Азии вместе с тобой видел я блеск городов.
Видел я небеса, озаренные пламенем Этны,
Что изрыгает из уст, лежа под нею, гигант,
25 Энну с водами озер и болота зловонной Палики,
Дол, где сливает Анап струи с Кианской струей,
Нимфу от них невдали, что в Элиде спаслась от потока,
Скрывшись под гладью морской; здесь она льется ручьем.
Там я большую часть провел быстротечного года.
30 Как это место, увы, с гетской несхоже землей!
Это лишь малая часть того, что мы видели вместе.
Рядом с тобой для меня радостным делался путь.
Темные волны морей расписное ли резало судно,
Мчалось ли нас колесо резвой двуколки вперед,
35 Часто нам короток путь в непрерывных казалах беседах:
В нем ведь вмещалось — сочти! — более слов, чем шагов.
Часто бывал разговор длиннее, чем дань, и в беседе
Нам не хватало часов долгого летнего дня.
Значит немало — вдвоем морских бояться напастей,
40 Вместе обеты давать грозным морским божествам,
Делом заняться вдвоем, а потом, по его окончаньи,
Скромною шуткой в речах вместе его помянуть.
Вспомнишь едва обо всем — и я, как прежде бывало,
Встану опять пред тобой, как бы я ни был далек.
45 Что до меня, то и здесь, под звездой, вокруг которой вертится
Мир и которой нельзя к зыбким спуститься волнам,
Часто я вижу тебя, пускай одним только сердцем,
И под студеным с тобой небом беседы веду.
Здесь ты со мной, не зная о том, что из Города к гетам
50 Гостем желанным сюда часто приходишь ко мне.
Так же в ответ поступи и, поскольку край твой счастливей,
Памятью сердца меня там навсегда удержи.

11. Руфу

- Эти стихи тебе, Руф, что были написаны в спешке,
Шлет злополучный Назон, автор «Науки любви».
Знай же: хоть нас теперь и целый мир разделяет,
Я, несмотря ни на что, память храню о тебе.
- ⁵ Прежде имя мое от меня же скроет забвенье,
Чем из сердца уйдет память о дружбе твоей,
Или скорее верну я пустому воздуху душу,
Чем за услуги тебе неблагодарность явлю.
- ¹⁰ Важной услугой зову я пролитые слезы, меж тем как
Важной услугой зову твои утешенья в печали,
Ибо тогда утешал ты и меня и себя.
Хоть и сама по себе жена моя славы достойна,
Как ей лучше не стать от ободрений твоих?
- ¹⁵ Кем Гермione был Кастор, а Гектор — младенцу Иулу,
Тем супруге моей, к счастью, приходишься ты.
Твердостью правил с тобой она сравниться желает,
Жизнью стремится всей ваше родство подтвердить —
Стало быть, все, что она по своей бы сделала воле,
- ²⁰ Будет готовней она делать, смотря на тебя.
Конь ретивый и сам стремится к пальме победной,
Если ж его подстегнуть, бег его станет резвей.
Кроме того, выполнять порученья далекого друга
Ты без отказа готов, их не считая за труд.
- ²⁵ О, воздадут тебе пусть, твое благочестие видя,
Боги все, что воздать сам я тебе не могу.
Твердости нравов твоих пусть равняется крепостью тело
Долгие годы, о Руф, слава фунданской земли.

КНИГА III

1. Жене

- Море, чьи воды взмутил гребец Ясонов впервые,
Край, что доступен всегда снегу и диким врагам,
Будет ли время, когда в не столь опасное место,
В ссылку другую от вас сможет уехать Назон?
⁵ Или меж варваров мне суждено навеки остаться,
Здесь умереть и в тебя, почва понтийская, лечь?
Сказано будь не во зло — довольно зла доставляет
Дикий сосед, что тебя топчет ретивым конем,—
Сказано будь не во зло, но ты в жестоком изгнание
¹⁰ Самая худшая часть, злейшее бремя в беде.
Здесь не бывает весны, венком цветочным увитой,
Здесь не увидишь в полях голые плечи жнецов,
Осень в этих местах не приносит кистей винограда —
Холод безмерный всегда держится в этой земле.
¹⁵ Море оковано льдом, и в глубинах живущая рыба
Часто ходит в воде словно под крышей глухой.
Даже источники здесь дают соленую влагу —
Сколько ни пей, от нее жажда сильнее томит.
Чахлахь деревьев стволы возвышаются в поле открытом
²⁰ Редко, и видом своим морю подобна земля.
Птиц голоса не слышны. Залетев из далекого леса,
Разве что в море одна пробует горло смочить.
Только печально полынь в степи топорщится голой,
Горькая жатва ее этому месту под стать.
²⁵ Тут же и страх, и враги, городским грозящие стенам,
И от летучей стрелы, ядом пропитанной, смерть.
Эта страна далеко лежит от всякой дороги,
Так что опасен сюда путь по воде и пешком.
Значит, не странно, что я мечтаю с этим покончить,
³⁰ Что беспрестанно прошу ссылки в другую страну.
Более странно, что ты не подавлена этим, супруга,
И что несчастья мои ты переносишь без слез.
«Что же мне делать?» — твердишь. У меня ли спрашивать это?
Тотчас отыщешь ответ, если захочешь сама.
³⁵ Мало просто хотеть — пожелай всем сердцем успеха,
Пусть попеченье о нем сон у тебя отобьет,
Многие, верно, хотят; ведь не так уж меня ненавидят,
Чтобы желать мне и здесь, в ссылке, покоя не знать.
Нужно всей грудью налечь, напрячься каждой жилкой,
⁴⁰ День и ночь хлопотать нужно тебе за меня.
Пусть помогают друзья — но ты превзойди их заботой,

- Первой за дело всегда браться должна ты, жена.
В стихотвореньях моих о тебе говорится немало:
Верной жены образцом ты прослывешь из-за них.
- 45 Бойся его исказить, оправдай мои восхваленья,
Помни о том, что творишь дело свое для молвы.
Пусть я даже смолчу — молва будет сетовать громко,
Если заботой своей ты не поддержишь меня.
Участь моя на меня обратила вниманье народа,
- 50 Больше известности мне, чем до изгнания, дала.
Тем знаменит Капаней, что спален был молнией бога,
Амфиарай — что землей был поглощен с лошадьми.
Если б Улисс не блуждал, он был бы меньше известен,
Громкой обязан молвой ране своей Филоктет.
- 85 Если средь этих имен и для скромного место найдется,
То и меня от других вдруг отличила беда.
Эти страницы тебе не дадут остаться безвестной:
С Косской Биттидой на них вровень прославлена ты.
Что бы ни делала ты, на тебя направлены взоры,
- 60 Верность твою подтвердит много известных людей.
Верь мне, когда я в стихах тебе похвалы расточаю,
Чем заслужила их ты, хочет читатель узнать.
Правда, людей большинство готово ценить добродетель.
Все же придраться к тебе многим захочется, верь!
- 65 Повода им не давай, чтобы зависть сказать не посмела:
«Выручить мужа в беде эта жена не спешит».
Раз уж я ослабел и тащить не в силах повозку,
Ты управляйся сама с нашим увечным ярмом.
Как на врача я смотрю на тебя, больной и бессильный,
- 70 Все еще тлеет во мне искрою жизнь — помоги.
То, что я дал бы тебе, если б я из двоих был сильнейшим,
Ты, по сравненью со мной, сильною став, возврати.
Этого требует брак, освященный взаимной любовью,
Этого требует твой дух благородный, жена!
- 75 Дому ты это должна, за которым числишься ныне,
Чтобы украсить его женскою честью своей.
Если примерной женой ты не будешь, то, как ни старайся,
Кто поверит, что ты с Марцией в дружбе была?
Я не дурной человек; благодарности я хоть немного,
- 80 Но заслужил от тебя, если по правде сказать.
Правда, за все, что я сделал тебе, ты мне платишь с лихвою,
Даже пристрастной молве не в чем тебя упрекнуть.
Только одно приложи к тому, что делала прежде,
Все прилежанье свое в пользу мою обрати:
- 85 Ты добивайся, чтоб я в этой страшной стране не остался,
И предо мною ни в чем долг твой не будет хромать.
Знаю, что много прошу, — но просить за меня безопасно,

- Пусть и откажут тебе — ты не рискуешь ничем.
 И не сердись на меня, если я в стихах умоляю
- 90 Верность мне сохранить, что начала — не бросать.
 Храбрым полезен трубач. Словами вождь побуждает
 Смело сражаться в бою самых отважных солдат.
 Славишься верностью ты и прославлена будешь навеки,
 Пусть же и доблесть твоя ей не уступит ни в чем.
- 95 Ты не должна за меня поднимать амазонок секиру,
 Щит вырезной не должна слабой рукою держать.
 Нужно молить божество не о том, чтобы стало мне другом,
 Но лишь о том, чтобы свой гнев укротило оно.
 Если же милости нет, то вызови милость слезами,
- 100 Этим скорей, чем другим, можно растрогать богов.
 Хватит слез у тебя — тому мои беды залогом:
 Неиссякаемым стал брак мой источником слез.
 Дело мое таково, что ты не можешь не плакать,—
 Пусть это средство тебе наша судьба ниспошлет.
- 105 Если б тебе за спасенье мое надлежало погибнуть —
 След проложила тебе в этом Адмета жена.
 Стала бы ровнею ты Пенелопе, стыдливым обманом
 Остановить пожелай грубый напор женихов.
 Если бы мужу во след из жизни уйти захотела,
- 110 Тут Лаодамии тень путь указала б тебе.
 Взять с Ифиады пример ты могла бы, когда бы решила
 Тело живое свое ввергнуть в горящий костер.
 Ты умирать не должна, не нужна тебе ткань Пенелопы —
 Просто с мольбою к жене Цезаря ты обратись,
- 115 К той, что блистает своей добродетелью, так что седая
 Древность не может при ней славою век наш затмить.
 К той, что Юноне равна чистотой, красотой — Венере,
 К той, что одна из всех в браке под стать божеству.
 Что же дрожишь и поодаль стоишь? Не безбожную Прокну
- 120 И не Этову дочь нужно растрогать мольбой,
 Не Данаиду смягчить, не жену Атрида, не Сциллу,
 Что в сицилийских водах чревом страшит морячков,
 Не Телегону мату, что мужей изменяет обличья,
 И не Медузу в узлах змееподобных волос —
- 125 Женщину, выше всех жен, на которой судьба показала
 Зрячей себя и сняла ложный упрек в слепоте,
 Ту, которой светлей, исключая Цезаря только,
 Нет никого на земле с края до края ее.
 Выбери время для просьб подходящее, пусть не выходит
- 130 Твой осторожный корабль в плаванье против волны.
 Нам прорицанья дает не во всякое время оракул,
 Даже во храмы для нас доступ открыт не всегда.
 Знаю: в пору, когда благоденствует город, как ныне,

- И никакая беда не омрачает людей,
135 В пору как Августов дом, наравне с Капитолием чтимый,
Радостный ныне и впредь в счастье вкушает покой,—
До тех пор для тебя возможным сделают боги
Доступ, и тщетны твои, верь мне, не будут слова.
Если она занята, отложи свое начинанье,
140 Бойся надежду мою спешкою вовсе сгубить.
Но и не мешкай, не жди, чтоб нашлось у ней лишнее время:
Времени нет у нее даже себя умастить.
Как соберутся отцы досточтимые в зданье сената,
Ты постарайся пройти к ней через множество дел.
145 Если удастся тебе приблизиться к лику Юноны,
Помни о том, за кого ты начала хлопотать.
Трудно меня оправдать: обойди обвиненье молчаньем,
Речи свои ограничь проникновенной мольбой.
Тут промедленья слезам не давай и, к земле преклоняясь,
150 Руки свои протяни прямо к ногам божества.
Лишь об одном умолай: от врагов чтобы дали уйти мне,
Хватит того, что судьба стала мне злейшим врагом.
Многое можно сказать, но ты, объятая страхом,
Разве что это одно сможешь, дрожа, прошептать.
155 Знаю, не будет вреда для тебя. Она угадает,
Что лишь величье ее так испугало тебя.
Будет неплохо и то, что слова прервутся слезами.
Слезы, бывает порой, значат не менее слов.
Пусть для того, что начнешь, окажется день благосклонным,
160 Час подходящим и все знаменья будут добры.
Только сначала в огонь, на святом алтаре разведенный,
Ладан великим богам с чистым вином принеси.
К Августу прежде других богов обращайся с молитвой,
К благочестивым его детям и верной жене.
165 Если бы только они отнесли к тебе благосклонно,
Верны своей доброте, глядя на слезы твои!

2. Котте Максиму

- Пусть пожеланья добра, которые я посылаю,
Котта, дойдя до тебя, вправду добро принесут,
Ибо сознание того, что ты здоров, облегчает
Муки мои, будто я сам становлюсь здоровей.
5 Многие, слабы душой, покидают изодранный парус,
Ты, словно якорь, один держишь разбитый корабль.
Преданность славы твою, готов забыть я о людях,
Что повернулись спиной вместе с Фортуной ко мне.

- Молния бьет одного, а страх нагоняет на многих,
 10 Кто поражен, от того вся отшатнется толпа.
 Лишь начинает стена грозить возможным паденьем,
 Вмиг очищают вокруг место тревога и страх.
 Кто из пугливых с больным не стремится избегнуть общенья,
 Чтобы самим от него близкий недуг не схватить?
- 15 Вот почему и к друзьям, что скорей поспешили покинуть
 В страхе чрезмерном меня, нет неприязни в душе.
 Нет, не то чтобы в них и верность, и добрая воля
 Вовсе исчезли — богов грозных боялись они.
 Были, пожалуй, они чересчур осторожны и робки,
 20 Злыми, однако, назвать я их никак не могу.
 Искренне милых друзей прощает чистое сердце,
 С радостью их от любой освобождая вины.
 Пусть же свободно вздохнут, и пусть им будет порукой
 Верное слово мое: эту вину им простят.
- 25 Вы же, немногие, вы — всех лучше. В трудную пору
 Вы не считали за стыд всячески мне помогать.
 Только тогда и умрет благодарность за ваши услуги,
 Как погребальный огонь в пепел меня обратит.
 Нет, я ошибся: она с моей не кончится жизнью,
 30 Если творенья мои будет потомство читать.
 Тело бескровное — дань печальному месту сожженья,
 Имя и честь не умрут в пламени сложенных дров.
 Знаю: погиб и Тесей, и верный спутник Ореста,
 В славе своей между тем живы и тот и другой.
- 35 Часто и вас восхвалять отдаленные станут потомки,
 Будете в песнях моих яркою славой сиять.
 Знают уже и теперь о вас савроматы и геты,
 Ибо величье души здешние варвары чтут.
 Преданность вашу на днях я стал хвалить перед ними
 40 (Знаю и гетский теперь я, и сарматский язык).
 Вдруг отозвался старик, стоявший с прочими рядом,
 И, обратившись ко мне, молвил такие слова:
 «Очень знакомо и нам, чужеземец, понятие о дружбе,
 Здесь, где, далеко от вас, в Понт изливается Истр.
- 45 Место в Скифии есть, что зовется издревле Тавридой
 И отстоит от страны гетов не так далеко.
 В этой земле — не стыжусь отчизны — я и родился;
 Феба родную сестру там почитает народ.
 Там и по нынешний день есть храм, и четырежды десять
 50 К мощным колоннам его в гору ступеней ведут.
 Здесь, повествует молва, небесный кумир находился;
 Цело подножье его, хоть и пустое, стоит.
 Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
 Красным от крови людей сделался, цвет изменив.

- ⁸⁵ Женщина правит обряд, не знаящая факелов брачных;
Выше скифских подруг знатностью рода она.
Нашими предками был такой установлен обычай:
Должен был каждый пришлец пасть под девичьим ножом.
Правил в те годы Фоант, и у вод Евксинского Понта,
- ⁸⁰ Близ Меотиды никто не был, как он, знаменит.
Это при нем, говорят, Ифигения к нам совершила
Долгий, неведомо как, прямо по воздуху путь.
Будто бы силой ветров сокрытую тучей Диана
За море перенесла и поселила у нас.
- ⁶⁵ Долгие годы потом верховною жрицею храма
Против воли она правила мрачный обряд.
Вдруг принесли паруса ладью, и два чужеземца
Юные на берег наш вместе ступили ногой,
Сверстники и друзья; имена сохранило преданье:
- ⁷⁰ Звался Орестом один, звали другого Пилад.
Тотчас же их отвели к алтарю жестокой Дианы,
Руки обоим связав крепким ремнем за спиной.
Жрица гречанка водой очистительной их окропила,
Ленту обвила вокруг их белокурых голов.
- ⁷⁵ И, готовя обряд, виски украшая повязкой,
Повод стараясь во всем для промедленья найти,
«Юноши, — им говорит, — не я жестока, простите!
Варварский край мне велит варварский править обряд!
Так установлено здесь. Но куда вы путь свой держали,
- ⁸⁰ К таврам откуда приплыл ваш злополучный корабль?»
Так им сказала она, и, родины имя услышав,
С радостью в них узнает дева своих земляков.
«Пусть один, — говорит, — будет заклан в жертву богине,
С вестью в родные места пусть возвратится другой».
- ⁸⁵ К смерти готовый Пилад торопит Ореста в дорогу,
Спорит Орест. Умереть каждый за друга готов,
Только в этом друзья прийти не могут к согласью —
Прежде всегда и во всем были они заодно.
Юноши спорят еще, продолжая в любви состязаться,
- ⁹⁰ Брату спешит между тем дева письмо начертать.
Брату писала она, а тот, кто ждал порученья, —
Вот что бывает с людьми! — был ее собственный брат.
Часа не медля, они кумир похищают из храма,
Тайно уводят корабль вдаль по безбрежным волнам.
- ⁹⁵ Крепкая память о них, об их удивительной дружбе
В Скифии даже теперь, через столетья, жива»,
Только закончил старик давно известную сказку,
Сразу одобрили все доблесть и верность друзей.
Значит, и в этих местах, которых нету жесточе,
- ¹⁰⁰ Истинной дружбы пример гетам волнует сердца.

Что же должны совершить друзья, рожденные в Риме,
 Если такие дела трогают варваров злых?
 Ты добротой души и всегда отличался к тому же,
 И благородство твое чистый твой нрав подтверждал.
¹⁰⁵ Это признал бы Волез, твоего отца прародитель,
 Нума бы это признал, матери предок твоей.
 Им не пришлось бы краснеть, что прибавилось прозвище Котты
 К их родовым именам: пал бы их дом без тебя,
 Славных мужей череду продолжая достойно, ты вспомни,
¹¹⁰ Что завещали они падшим друзьям помогать.

3. Фабью Максиму

Если ты можешь хоть час уделить опальному другу,
 Фабиев рода звезда, Максим, побудь у меня.
 Я рассказать бы хотел о том, что нынче увидел,
 Что померещилось мне или приснилось во сне.
⁵ Ночь наступила уже; сквозь двойные оконные створки
 В комнату свет проникал полной почти что луны.
 Сон сошел на меня — от забот наш единственный отдых.
 Я утомленное днем тело на ложе простер.
 Вдруг задрожал надо мной потревоженный крыльями воздух,
¹⁰ И заскрипело слегка, тихо качнувшись, окно.
 В страхе на левом локте приподнялся я на постели,
 Дрогнуло сердце, и вмиг прогнанный сон улетел.
 Встал предо мною Амур с лицом, искаженным печалью,
 Ложа кленового он левой касался рукой.
¹⁵ Не было больше на нем ожерелья и яркой повязки,
 Не были даже слегка прибраны кудри его.
 Мягкие пряди волос, растрепавшись, лицо прикрывали,
 Перья растрепанных крыл видел воочию я.
²⁰ Так же они торчат на спинке воздушной голубки,
 Если в руках у людей долго пробудет она.
 Сразу его я узнал — ведь никто не известен мне лучше! —
 И, не стеснясь ничуть, так обратился к нему:
 «Мальчик, воспитанник мой, моего изгнания причина,
 Лучше бы вовсе тебя я в обучение не брал!
²⁵ Ты и сюда залетел, где люди мира не знают,
 Где покрывается льдом на зиму варварский Истр?
 Что тебя привело? Наши бедствия хочешь увидеть?
 Знай же, ты сам из-за них стал ненавиден для всех.
³⁰ В юности я от тебя записал шуточные строки,
 Где шестистопному вслед стих пятистопный идет.
 Ты не хотел, чтобы я меонийской прославился песней,

Не поощрял воспевать подвиги славных вождей.
Факел горящий и лук ослабили силу таланта,
Если он, пусть небольшой, все-таки был у меня.
35 Ибо, пока твою власть и власть твоей матери пел я,
К более важным трудам был не способен мой ум.
Мало того: на беду я глупую создал поэму,
Чтобы искуснее ты стал от науки моей.
Было несчастному мне за нее наградой изгнание
40 В самый далекий из всех, мира не знающий край.
Разве Эвмоп Хионид такое сделал Орфею?
Разве когда-то Олимп с Марсием так поступил?
Разве Хирон получил от Ахилла такую награду?
Разве от Нумы ущерб в чем-нибудь знал Пифагор?
45 Перечислять имена по столетиям долгим не стану —
Только меня одного мой ученик погубил.
Я ли тебе не давал наставленья и стрелы, проказник?
И за науку мою так ты меня одарил!
Сам ты ведь знаешь и всем подтвердит под клятвою мог бы,
50 Что не хотел я стихом брачному ложу вредить.
Я сочинял не для тех, у кого касаются ленты,
Скромности знак, волос, длинные платья — ступней.
Разве тому я учил, как замужних обманывать женщин,
Чтобы не знали они, кто их ребенку отец?
55 Я ли не сам возбранял касаться этих книжонок
Тем, которым закон тайно любить не велит?
Впрочем, к чему это все, если верят, что я подстрекаю
К блуду людей, хоть его строгий закон запретил?
Все же — и пусть у тебя не знают промаха стрелы,
60 Пусть не угаснет твоих факелов быстрый огонь,
Правит державою пусть и страну за страной покоряет
Цезарь, который тебе через Энея родня,—
Все же добейся, чтоб он не остался ко мне непреклонным,
Чтобы для ссылки моей сносное место отвел».
65 Вот что, привиделось мне, я крылатому мальчику молвил,
Он же, привиделось мне, речью такой отвечал:
«Стрелы — оружие мое, мое оружие — факел,
Цезарь и милая мать будут порукою мне
В том, что запретному я у тебя никогда не учился
70 И что в «Науке» твоей нет никакого вреда.
Если бы так же легко ты мог и в другом оправдаться —
В том, что тебе нанесло больший, ты знаешь, ущерб.
Что бы то ни было, нам беречь эту рану не стоит,
Ты ведь не можешь сказать, что не виновен ни в чем.
75 Может, ошибкою ты называешь тяжкий проступок,
Так что заслуженный гнев был не тяжеле вины.
Все же на крыльях сюда я путь огромный проделал,

- Чтобы тебя увидеть и чтоб утешить тебя.
 Был я в эти места когда-то матерью послан
 80 Деве фасийской пронзить сердце моею стрелой,
 Ныне, столетия спустя, вторично здесь появиться
 Ты заставляешь меня, друг мой и верный солдат.
 Слушай: страх позабудь, смягчится Цезаря сердце,
 И по мольбам твоим доброе время придет.
- 85 Пусть промедленье тебя не страшит: уж близок желанный
 Миг, и радость триумф всем без изъятья несет.
 В день, когда счастлив весь дом, когда дети и Ливия рады,
 В день, когда счастлив ты сам, нашей отчизны отец,
 90 В день, когда счастья полны, поздравляют люди друг друга,
 В день, когда шлют к небесам жертвенный дым алтари,
 В день, когда доступ для всех открыт в святейший из храмов.
 В этот, надеюсь я, день сбудутся наши мольбы».
- Молвил — и то ли он сам растаял в воздухе легком,
 То ли начали вновь бодрствовать чувства мои.
- 95 Думать могу ли, что ты плохо примешь слова мои, Максим?
 Легче крылам лебедей черными стать, как Мемнон.
 Но не окрасится в цвет смоляной молочная влага,
 Не заблестит теревинф так, как слонова кость.
 Дух твой роду подстать. Ты недаром восходишь к Алкиду
 100 И чередую отцов, и прямою души.
 Зависть, бесплодный порок, несовместна с нравом высоким,
 Низкой ползучей змеей вьется она по земле.
 Твой же возвышенный дух поднимается даже над родом,
 Славное имя твое все же не выше души.
- 105 Пусть другие вредят несчастным и страх им внушают,
 Пусть им грудь острем, смоченным в желчи, язвят.
 Дом твой привычен для всех, кто в беде о помощи молит,—
 В их число, я прошу, ты и меня допусти!

4. Руфину

- В этом своем письме из понтийской крепости Томы
 Шлет Руфину Назон чистосердечный привет
 С дружеской просьбой принять благосклонно стихи о триумфе,
 Если книжка моя в Город уже добрела.
- 5 Скромный это труд, недостойный ваших стараний,
 Все же дерзну просить: будь покровитель ему!
 Крепкий и так здоров, что нужды ему в Махаоне —
 Ищет в искусстве врача помощи тяжко больной.
- 10 Так и поэты: большой не нуждается в мягком судействе,
 Он и придирчивый слух песней легко покорит.

- Я же, чей дар давно захирел в неизбывных страданиях
(Или, возможно, и встарь был он совсем не силен?),
Слишком слабый, увы, я нуждаюсь в доброй поддержке —
В ней откажи — и все прахом пошло для меня!
- ¹⁵ Книги мои всегда невзыскательной просят оценки,
Этой же все права на снисхождение даны.
Трудно ль триумф описать, если ты его видел воочью?
Что рисовать и как, память подскажет руке.
- ²⁰ Я же в стихах только то закрепил, что жадное ухо
Выхватило из молвы, мне заменявшей глаза.
Можно разве равнять рассказом рожденное чувство
С жарким порывом, какой зрелище в нас возбудит?
Золота блеск, серебра и пурпура — все, что пленяло
Взоры, а я не видал... мне не об этом тужить!
- ²⁵ Образы стран и племен, многолюдные сцены сражений —
Вот что видом своим песню питало б мою.
Лица пленных царей, зеркала их дум затаенных,
Мне помогли бы сложить лучше об этом стихи;
А всенародный восторг, упоенье, рукоплесканья
³⁰ Самый косный дух воспламенить бы могли.
Я бы воспрянул к труду при этом ликующем клике,
Как на призыв трубы к битве солдат-новичок.
Пусть холодна душа, как снег и лед, холоднее
Этой студеной страны, где истомился Назон,—
- ³⁵ Сразу б моя оттаяла грудь, как только, сияя
На колеснице своей, взору явился бы вождь.
Стих мой не память глаз, только смутные слухи питали —
Значит, законно прошу милости я у друзей.
Я ни вождей, ни стран не мог назвать поименно,
⁴⁰ Просит работы рука — не с чем работать руке.
Много ль молва донесла о свершенном? Ничтожную долю!
Много ль поведать мог в письмах к изгнаннику друг?
С правом бесспорным прошу: не взъищи, справедливый читатель,
Если ошибся я в чем, что-то совсем пропустил.
- ⁴⁵ Лире, настроенной в лад хозяина жалобам долгим,
Трудно было, добавь, в радостном строе запеть.
Трудно счастливые шли слова на смену печальным —
Радоваться для меня стало в новинку, Руфин.
Как с непривычки глаз избегает яркого солнца,
⁵⁰ Так веселью давно помыслы чужды мои.
Кроме того, во всем дорога новизна; за услугу,
Если ты с ней опоздал, благодаренья не жди!
Надо бы думать, стихов о великом триумфе немало
Ходит из уст в уста, читано наперебой.
- ⁵⁵ Свежею их струей утолил свою жажду читатель,
Что ему чаша моя с теплой, застойной водой!

- Я не ленился творить, не леность причиной задержки —
 Не отпускает меня берег предельный морей.
 Весть пока доплелась до нас, да пока сочинял я
 60 Спешно стихи, и к вам шли они — год миновал!
 Немаловажно и то, подобрался ли к розам ты первый
 Иль запоздалой рукой грабишь обобранный куст.
 Диво ли, если в саду, где лучшим другой поживился,
 Ты на достойный венок вдоволь цветов не нарвешь?
 65 Просьба к поэтам: вкривь не толкуйте! Не с вами тягаться
 Ищет Муза моя — лишь оправдаться самой.
 Общая служба у нас, нам равно святая, поэты,
 Если несчастных певцов ваш не чурается хор!
 Были вы частью моей души, друзья, и сегодня
 70 Я и в разлуке к вам думой привычной тянусь.
 Так разрешите вручить стихи мои вашей защите —
 Сам за них говорить я не могу на суде.
 После кончины придет признание — а на живого
 Черная злоба тайком точит завистливый зуб.
 75 Если убогая жизнь подобна смерти — меня вам
 Впору земле предать, чтоб завершилась судьба.
 Что ж! Пускай этот плод трудов моих каждый осудит —
 Станет ли кто хулить самую ревность мою?
 Пусть недостало сил — похвалы достойно усердьё;
 80 Истая ревность моя, верю, угодна богам!
 Благочестивый бедняк придет к алтарю — и приятен
 Богу ягненок его с тучным быком наравне.
 Столь велик предмет, что даже творец «Энеиды»
 Еле мог бы поднять тяжесть его на плечо.
 85 А эгегический стих, кренясь на неровных колесах,
 Разве снесет этот груз — гордых побед торжество?
 Как подобрать мне размер для новых стихов — ибо знаю:
 Близок второй триумф — будешь ты, Рейн, покорен!
 Если не агут слова вдохновенных поэтов, готовьте
 90 Новый Юпитеру лавр, старым не дав почернеть.
 Это не я говорю с берегов реки, из которой
 Воду недобрую пьет незамиренный сармат.
 Это божий глас, это бог моим сердцем владеет,
 Повелевает вещать, речь мою тайно ведет.
 95 Ливия, медлишь зачем? Колесницу готовь для триумфа —
 Установила тебе срок непреложный война.
 Мечет Германия в нас вероломно бессильные копья —
 Это тем больший вес слову пророка дает.
 Сбудется скоро оно, поверь: в колеснице почета
 100 Сын повторный триумф справит со славой двойной.
 Ты багряницу готовь — облачить победителя плечи,
 Сам изберет чело, не обознавшись, венец.

Шлемы пусть и щиты самоцветами, золотом рдеют,
 Пусть вознесется трофей над побежденным врагом.
 105 С башнями пусть города и твердыни из кости слоновой
 Наш обольщают взор яви подобьем живым.
 В рубище пусть, в камышовом венке на спутанных космах
 Воду Рейн понесет, кровью ее замутив.
 110 Дайте пленным царям отличья их и уборы —
 Пишностью тканей укрыть новой судьбы нищету.
 Все к торжеству готовь, что твоих соратников доблесть
 Завоевала тебе — и завоюет еще!
 Боги, не зря внушившие мне возвестить о грядущем,
 Дайте свершиться скорей верным поэта словам!

5. Котте Максиму

Спросишь, откуда пришло письмо, что теперь ты читаешь?
 Издалека, где с морской синью мешается Истр.
 Если страна названа, то припомниться должен писавший:
 Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
 5 Как бы хотел он тебе не с берега гетов косматых,
 Котта, привет передать, но повстречаться с тобой.
 Юноша, отчее в ком возрождается вновь красноречье,
 Я прочитал твою речь, людный пленившую суд.
 10 Мой торопливый язык читал ее более часа,
 Но и такая она слишком была коротка.
 Я ее вздумал продлить, читая снова и снова, —
 С каждым разом она нравилась мне все сильней.
 Прелести не отнимает у ней повторное чтение —
 Значит, пленяет она силою, не новизной.
 15 Счастливы те, кто ее от тебя на форуме слышал:
 Им насладиться пришлось уст красноречьем таких.
 Ибо, хотя хороша на вкус вода и в сосуде,
 Много приятнее пить из самого родника.
 20 Яблоки нам приятней срывать с ветвей наклоненных,
 Чем из чаши резной брать за обильным столом.
 Не провинись я, не будь моя муза причиной изгнания,
 То, что прочитано мной, слышал бы я от тебя,
 Может быть, вновь в суде ста мужей заседаая привычно,
 Речи твоей бы внимал, прежнюю должность заняв,
 25 Чувствовал, как наслажденьем мое наполняется сердце,
 И, увлеченный, с тобой был бы согласен во всем.
 Но, коль судьба отняла у меня и вас, и отчизну
 И захотела, чтоб я с дикими гетами жил,
 30 Чаше, прошу я тебя, плоды твоего прилежанья —
 Чтобы казалось, что мы свиделись, — мне присылай.

Так же, как делаю я,— если ты не сочтешь недостойным
 Мой пример, ибо сам лучший мне мог бы подать.
 Я ведь, хотя и давно для вас, мой Максим, потерял,
 Свой напрягаю талант, чтобы не сгинуть совсем.
³⁵ Тем же и мне ответить, чтобы чаще плоды твоих бдений
 Впредь и сосланный друг брал благодарной рукой.
 Юноша милый, кому больше всех посвящал я усилья,
 Не ради них ли, скажи, ты вспоминаешь меня?
⁴⁰ Кажется ль мне, что, друзьям читая новую песню
 Или, как делать привык, их заставляя читать,
 Чувствуешь ты иногда, забыв душой об утрате,
 Вдруг, что чего-то тебе близкого недостает?
 И как, бывало, при мне ты привык говорить о Назоне,
 Все ль у тебя на устах имя его и теперь?
⁴⁵ Пусть мне смерть принесет стрела из гетского лука
 (Видишь, за лживую здесь клятву расплата близка!),
 Если и в ссылке тебя не вижу я постоянно,
 Благо свободен идти дух мой, куда захочу.
 Так, не зримый никем и духом Рима достигнув,
⁵⁰ То я внимаю тебе, то я с тобою говорю.
 Как мне бывает тогда хорошо, передать я не в силах;
 Самыми светлыми мне кажутся эти часы.
 Веришь ли, мнится тогда, что я очутился на небе,
 Что получил я удел в сонме блаженных богов.
⁵⁵ Но возвращаюсь сюда, небеса и богов покидаю...
 Как недалеко течет Стикс от Понтийской земли!
 Если ж из этой земли мне вернуться препятствуют судьбы,
 Тщетной надежды меня, Максим, скорее лиши!

6. Неизвестному

С моря Евксинского шлет Назон приятелю (имя
 Чуть было я не назвал) краткие эти стихи.
 Если бы, кто ты такой, рука написала оплошно,
 Эта учтивость твой вызвать могла бы упрек.
⁵ Но почему не как все, кто опасности в этом не видит,
 Просишь ты имя твое в наших стихах утаить?
 Если не ведаешь ты, сколь милостив даже во гневе
 Цезарь, то в этом бы мог ты убедиться на мне.
 Кару, что ныне терплю, ни на сколько я не смягчил бы,
¹⁰ Если бы вынужден был сам свой проступок судить.
 Помнить далеких друзей никому не препятствует Цезарь,
 Не запрещает писать письма ни мне, ни тебе.
 Нет преступления в том, чтобы другу подать утешенье,
 Тяжкую участь его ласковым словом смягчить.

- ¹⁵ Что же напрасный твой страх обращает простое участие
В нечто дурное в глазах наших высоких богов?
Видим же мы иногда, что сраженные молнией — живы
И что Юпитер восстать им не мешает ничуть.
Было Нептуном в куски разбито судно Улисса,
²⁰ Но Левкофея пловцу не отказалась помочь.
Верь мне, боги щадят небожители смертных несчастных
И сокрушенных гнетут бедами не до конца.
Нет никого из богов снисходительней принцепса нравом,
Силы свои умерять он правосудьем привык.
- ²⁵ Цезарь недавно почтил Правосудье мраморным храмом,
Прежде во храме души с честью его водворив.
Многих Юпитер разит по прихоти молнией жгучей,
Кем по размеру вины не был заслужен удар,
Многих пловцов владыка морей схоронил под волнами —
³⁰ Многими ль вправду была эта заслужена смерть?
Если гибнут в бою храбрейшие, Марс этот выбор
Будет и сам принужден несправедливым признать.
Только меж нас если ты любого спросить пожелаешь,
Вряд ли кто скажет, что казнь терпит без всякой вины.
- ³⁵ И ведь того, кто убит водой, огнем или Марсом,
Не возвратит ни один вновь наступающий день —
Многих зато возвратит и многим смягчит наказанье
Цезарь... Молю, чтобы мне быть среди них он велел!
Ты же в то время, когда подобный принцепс над нами,
⁴⁰ Ссылному слово послав, сам себя видишь в беде?
Был бы, наверно, ты прав, будь у нас Бусирид господином
Или правитель, что жег запертых в меди мужей.
Доброй души не порочь перед всеми измышленным страхом.
Что ты опасных камней в мирных боишься водах?
- ⁴⁵ Даже и то, что не начал я сам письмо с обращенья,
Кажется мне, извинить можно с великим трудом.
Но пораженного страх лишил способности мыслить,
В нем рассудок угас перед нашествием бед,
И уж не гнева судьи, а судьбы своей опасаясь,
⁵⁰ Собственной подписи я начал бояться и сам.
После упреков таких благодарному сердцем поэту
В книгах позволь называть милых друзей имена.
Стыд на обоих падет, если, близостью долгой со мною
Связанный, в этих стихах назван не будешь ты мной.
- ⁵⁵ Все-таки я, чтобы сна тебя не лишила тревога,
Буду, насколько ты сам хочешь, с тобою учтив
И умолчу, кто ты есть, пока ты не дашь разрешения:
Я не стремлюсь никому силой свой дар навязать.
Ты же того, кого мог бы любить без опаски открыто,
Если опасность тебе мнится, люби хоть тайком.

7. Друзьям

- Больше нет слов у меня просить все о том и том же,
 Стыдно пустые мольбы мне повторять без конца.
 Однообразье стихов внушает вам отвращенье,
 Кажется, просьбы мои помните вы наизусть.
- ⁵ Что бы я вам ни писал, вы всё, конечно, заранее
 Знаете сами, не сняв воска с завязок письма.
 Пусть поэтому смысл изменит мое сочиненье,
 Чтобы мне в тысячный раз против течения не плыть.
 Что уповал я на вас, за это, друзья, извините:
- ¹⁰ Грешен пред вами впредь этим не будет Назон.
 Пусть не корят меня тем, что я в тягость жене, у которой
 Верность и робость равны, рвения же нет и следа.
 Это снесешь ты, Назон, потому что худшее вынес:
 Груз для тебя никакой больше не будет тяжел.
- ¹⁵ Взятому в стаде быку привыкать не хочется к плугу
 И нелегко подставлять вольную шею ярму.
 Я же, с которым судьба обходиться привыкла жестоко,
 Не новобранцем теперь встречу любую беду.
 В землю гетов попав, я, верно, умру среди гетов:
- ²⁰ Парка, что начала, пусть доведет до конца.
 Легче с надеждою жить, если только она не бесплодна,
 Если ты хочешь чего, думай, что этому быть.
 Далее следует шаг — в спасенье больше не верить
 И убедиться, что ты бесповоротно погиб.
- ²⁵ Видим же мы, что порой от леченья становятся шире
 Раны, и лучше бы их было не трогать совсем.
 Легче погибнет пловец, поглощенный внезапной волною,
 Чем утомивший свои руки в борьбе против волн.
 Что это вздумалось, мне, что могу я от скифских пределов
- ³⁰ Быть удаленным и жить в более мирной стране?
 Что это вздумалось мне какого-то ждать облегченья —
 Или была мне моя так непонятна судьба?
 Вот я и мучусь сильней, и мне обновляет изгнание,
 Вновь пробуждая печаль, вид опостылевших мест.
- ³⁵ Все-таки лучше по мне, что медлит рвение близких,
 Чем если б хлопоты их встретили полный отказ.
 Дело так трудно, друзья, что у вас не хватает отваги —
 Но лишь просящий того, кто даровал бы, найдет.
 Только бы Цезаря гнев запрета мне не поставил —
- ⁴⁰ Я бы бестрепетно смерть в водах Евксинских нашел.

8. Фабия Максиму

- Что за подарок из Том, ломал я голову часто,
 Можно было б тебе, Максим, на память послать?
 Золото я бы послал, серебро послал бы охотно,
 Но ты им рад, лишь когда сам одаряешь других.
⁵ Да и земля здесь совсем не богата ценным металлом,
 И земледельцам его враг не дает добывать.
 Часто одежды твои украшал сверкающий пурпур,
 Но не сармата рука яркими сделала их.
 Шерсть у овец тут груба, и доньне искусством Паллады
¹⁰ Женщинам этой страны не удалось овладеть.
 Здесь они не прядут, но дары Церерыны мелют,
 Тяжкие на голове носят кувшины с водой.
 Здесь с виноградной лозой не дружат статные вязы,
 Осенью ветви не гнет тяжесть созревших плодов.
¹⁵ Скорбную только польнь родит невзрачное поле —
 Горечь ее отдает горечью этой земли.
 Так что, по мне, ничего в суровой области Понта
 Не было, что подарить близкому я бы хотел.
 Я посылаю тебе в колчане скифские стрелы —
²⁰ Пусть обагрятся они кровью врага твоего.
 Вот какими здесь тростниками пишутся книжки,
 Вот какая из Муз здесь процветает у нас!
 Совестно мне посылать такой ничтожный подарок
 Другу, но все же его ты благосклонно прими.

9. Бруту

- Из-за того, что во всех этих книжках смысл одинаков,
 Пишешь ты, Брут, что мои кто-то поносит стихи.
 Я, мол, все только прошу поселить меня где-нибудь ближе,
 Я лишь твержу, что меня здесь обступают враги.
⁵ О, сколь из многих грехов в вину вменяют единый!
 Если лишь в этом порок музыки моей — не беда.
 Сам я в книгах моих погрешности вижу отлично,
 Хоть и сверх меры свои нравятся людям стихи.
 Хвалит создатель свой труд: так, может быть, Агрый когда-то
¹⁰ Всех уверял, что Терсит очень собою хорош.
 Нет, мой вкус не впадет никогда в такую ошибку:
 Все, что создал, не могу я без разбора любить.
 Что ж я, ты спросишь, грешу, если сам погрешности вижу,
 И недостатки зачем я в сочиненьях терплю?
¹⁵ Но ведь совсем не одно — болеть и лечить от болезней:

- Боль ощущает любой, может унять ее врач.
 Слово желая порой изменить, я его оставляю:
 Вкусу, как видно, теперь силы мои не равны.
 Часто претит мне (зачем мне в том пред тобой отпираться?)
 20 Все исправлять и нести бремя трудов без конца.
 Труд сочинителю в радость и трудности сам облегчает,
 Вместе с душою творца дело растет и кипит.
 Править бывает всегда настолько ж труднее, насколько
 Более, чем Аристарх, был Меониец велик.
 25 Так порыву вредит медлительный холод усилий,
 Так остановлен уздой может быть скачущий конь.
 Пусть же Цезаря гнев не смягчат благосклонные боги,
 Пусть не укроет земля мирная кости мои,
 Если, когда я порой пытаюсь удвоить старанья,
 30 Передо мной не встает участь преградой моя.
 Чуть не безумным себе я кажусь, стихи сочиняя
 И среди гетов еще пробуя их исправлять.
 Значит, нет ничего простительней в наших писаньях,
 Нежели то, что смысл всюду почти что один.
 35 Радостно в радости пел, пою печально в печали:
 Та и другая пора в созданном мною звучит.
 Как было мне не писать о тревогах сурового края?
 Как не твердить, что хочу в мирной земле умереть?
 Но, повторяя одно, едва ль я буду услышан,
 40 Если ж не внемлют словам, то бесполезны они.
 Кроме того, об одном я писал, обращаясь ко многим,
 Голос один призывал многих на помощь прийти.
 Ради того, чтоб у нас не нашел повторений читатель,
 Стоило ль, Брут, мне просить лишь одного из друзей?
 45 Слишком цена дорога! Знатоки, за признание простите:
 Я спасенье ценил выше, чем славу стихов.
 Далее, что бы поэт для себя ни выбрал предметом,
 Может он волей своей многое в нем изменить.
 Муза моя между тем — лишь правдивый свидетель несчастий,
 50 И неподкупностью лишь речи весомы ее.
 Я ведь не книгу писал, я о том заботился только,
 Чтоб от меня получил каждый из близких письмо.
 После, собрав кое-как, я их разместил без порядка —
 Так что не думай, что плод выбора — этот мой труд.
 55 Милостив будь же к стихам, не желаньем славы рожденным:
 Их породили на свет польза и дружеский долг.

КНИГА IV

1. Сексту Помпею

- Стихотворенье прими, Помпей, сочиненное в горе
Тем, кто обязан тебе жизни спасением, Секст,
Кто, если имя твое ты в стихах мне поставишь дозволишь,
Это тебе зачет высшей из добрых заслуг.
- ⁵ А покривишь лицо, я покаюсь: виновен, конечно,
Но оправданье мое в самой причине вины.
Неудержим мой сердечный порыв. Когда выполняю
Свой благодарственный долг, гневом меня не казни.
- Часто, бывало, корил я себя, что нигде в этих книгах
¹⁰ Имени я твоему места в строке не нашел.
Часто, бывало, хочу другому писать, а выводит
Имя на воске твое произвольно рука.
Так оплошаю, а сам невольной утешен ошибкой,
И через силу рука, что начертала, затрет.
- ¹⁵ «Пусть поглядит! — скажу. — И поймет. Он и сетовать вправе;
Мне тем стыдней, что упрек раньше я не заслужил».
Дайте из Леты испить, если есть она, если и вправду
Грудь леденит, — все равно друга забыть не смогу!
- Так разреши мой дар принести, не отвергни с презреньем
²⁰ Слово и дерзкого в нем не усмотри ты греха.
Не возбрани хоть малым воздать за большие заслуги,
Или я долг уплачу воле твоей вопреки.
Благодееяние мне оказать никогда ты не медлил,
Щедро мне помощь дарил твой безотказный ларец.
- ²⁵ Даже внезапной моей бедой ничуть не отпуган,
Жизнь мою поддержать — ныне и впредь — ты готов.
Спросишь: но почему говорю и о будущем смело?
Произведение свое мастер всегда бережет.
- Как Киферея стоит Апеллеса твореньем и славой,
³⁰ Та, что спешит отжать влагу морскую из кос;
Как над актейским кремлем, из бронзы и кости слоновой
Фидием сотворена, встала богиня войны;
Как и себя и коней Каламид, изваяв их, прославил,
Иль как теплицу Мирон создал живою для глаз —
- ³⁵ Так вот и я стою, тобою, Секст, сотворенный:
Миру я в дар принесен доброй заботой твоей.

2. Северу

- Славных царей преславный певец, письмо ты читаешь
 Из неприветной страны гетов лохматых, Север!
 Имя твое досель обходил я в книгах молчаньем,
 В чем, по правде сказать, я сознаюсь со стыдом.
- ⁵ Но, хотя не в стихах, каждый раз ответные письма
 Я на письма твои неукоснительно слал.
 Только стихов не дарил за твою заботу и память —
 Много ли смысла дарить то, чем даримый богат?
 Кто ж Аристею мед, кто Вакху фалерн предлагает?
¹⁰ Злак Триптолему зачем? Иль Алкиною плоды?
 Грудь плодоносна твоя — по нивам всего Геликона
 Труженик ни один жатвы богаче не снял.
 Слать к такому стихи, как в лес наваливать листья,
 Вот почему до поры с этим я медлил, Север.
- ¹⁵ Впрочем, и дар мой на зов не ответит уже, как бывало,—
 Пашет прибрежный песок плугом бесплодным Назон.
 Тина, бывает, забьет русло, придушит источник,
 И, обессилев, никак не просочится вода.
 Так заложил я тебе грудь непробойная тина лишений,
²⁰ И не полюбят стихи прежней обильной струей.
 Если б на этой земле самого поселили Гомера,
 Он превратился бы тут в дикого гета, поверь.
 Ты уж прости, я и сам признаю: опустил я поводья,
 Дело забросил свое, пальцы писать не хотят.
- ²⁵ Тот святой порыв, что возносит мысли поэта,—
 Был он мне так знаком, ныне забыл он меня.
 Нехотя выну подчас дощечку, нехотя Муза,
 Словно неволят ее, руку приложит к труду.
 Мало, а то и совсем никакой мне утехи в писанье,
³⁰ Радости нет вязать в стройном размере слова:
 То ли затем, что в стихах никогда мне не было пользы,—
 И что, напротив, от них все мои беды пошли,
 Или затем, что слагать стихи, никому не читая,—
 То же, что миму плясать мерную пляску во тьме.
- ³⁵ Слушатель рвенья придаст, от похвал возрастет дарованье,
 Слава, шпоры вонзив, к мете ускорит твой бег.
 Кто нас прослушает здесь? Желтогривые разве кораллы
 Или кого там еще Истр полудикий вспоил?
 Но в одиночестве что мне начать? Чем досуг мой печальный
⁴⁰ Стану я тешить и как долгие дни коротать?
 Я не привержен вину, ни игре обманчивой в кости —
 То, в чем обычно дают времени тихо уйти.
 И не влечет меня (а влекло бы — так лютые войны

- Вечной помехой тому) новь поднимать сошником.
45 Вот и осталась одна холодная эта услада,
Дар Пиэрид — богинь, мне услуживших во зло.
Ты же, кого счастливей поил Аонийский источник,
Преданно труд люби, пользу дающий тебе,
Свято музам служи и что-нибудь из сочинений
Самых недавних твоих нам на прочтенье пришли.

3. Непостоянному другу

- Жаловаться ль? Умолчать? Обвинить, не назвав твое имя,
Иль без зазренья открыть каждому, кто ты такой?
Нет, обойдусь без имени здесь — или песней моею
Я, и ославив, создам прочную славу тебе.
5 В крепком пока я плыл корабле, с устойчивым килем,
Первым ты был готов в море пуститься со мной.
Ныне ж, едва судьба нахмурилась, ты на попятный —
Видно, боишься, что друг помощи станет просить!
Даже делаешь вид, что со мной никогда и не знался,
10 Имя заслышав «Назон», спросишь: «Да кто он такой?»
А ведь Назон — это я, и нас, хоть забыть предпочел ты,
Чуть ли не с детских лет связывал дружбы союз.
Я тот самый, кому поверять спешил ты заботу,
Кто и в забавах тебе первым товарищем был.
15 Тот я, с кем тесно ты в домашнем дружил обиходе,
Тот я, чью Музу, хвала, ты бесподобной назвал.
Тот я, о ком теперь, вероломный, не знаешь ты, жив ли,
Да и не спросишь. Зачем? Ты-де с таким не знаком!
Если меня в те дни не любил — значит, ты притворялся,
20 Если же искренним был — ты легковесней коры.
Спорь! За какую, открой, изменил нам обиду? Но если
Жалобы ложны твои, тем справедливей моя.
Наша какая вина не велит тебе прежним остаться?
Или вменяешь ты нам наше несчастье в вину?
25 Если ты мне ничем не помог — ни советом, ни делом,
Хоть бы прислал письмо, два бы словечка черкнул!
Где там! Верю с трудом, но ходит молва, что и словом
Только чернишь ты меня, падшего злобно клеймишь.
Что, безумный, творишь! А вдруг отвернется Фортуна?
30 Сам ты себя лишил права на слезы друзей!
Непостоянство свое скрывать не хочет богиня;
Глянь — на вертящийся круг встала нетвердой ногой.
Легкая, словно листок, она ненадежна, как ветер,
Равен, бесчестный, с ней легкостью ты лишь один.

- 35 Все, что людям дано, как на тонкой подвешено нити:
Случай неожиданный, глядишь, мощную силу сломил.
Кто на земле не слышал о богатствах и роскоши Креза?
Но, как подачку, жизнь принял он в дар от врага.
- 40 Тот, кто в страхе держал под всеильной рукой Сиракузы,
Низким кормясь ремеслом, впроголодь, сверженный, жил.
Кто Великого был сильней? Но голосом тихим
Помощи, робкий беглец, он у клиента просил.
Муж, пред которым вчера склонялись, покорствуя, земли,
В тесном жилье бедняка нищим из нищих стоял.
- 45 Славный триумфом двойным — над кимврами и над Югуртой —
Тот, в чье консульство Рим праздновал столько побед,
Марий лежал в грязи, укрывая в болотной осоке
Мужу такому никак не подобавший позор.
Все начинанья людей — игрушка божественной власти;
- 50 Час течет — но от нас скрыто, чем кончится он.
Если бы кто мне сказал: «Жить ты будешь на водах Евксина,
Вечно страшась, что гет ранит стрелою тебя», —
«Что ты! Испей, — ответил бы я, — очистительных соков,
Сколько их могут родить всей Антикиры луга!»
- 55 Все же я здесь, и, хотя б остерегся стрел ядовитых,
Пущенных смертной рукой, — стрел божества не уйти.
Ты же в страхе живи и радостью не похваляйся:
Только сказал — и она вмиг обернулась бедой.

4. Сексту Помпею

- Столько южных туч не накопит день ни единый,
Чтоб непрерывным вода с неба потоком лилась.
Места нет, бесплодного столь, чтобы с чертополохом
Не произрос на нем и благодатный побег,
- 5 Зло никогда не создаст судьба таким беспросветным,
Чтобы и радость порой горе смягчить не могла.
Вот я отчизны лишен и родных, обломок крушенья,
Пригнанный волей волн к берегу гетской земли, —
Но довелось и мне на челе расправить морщины
- 10 И позабыть хоть на час неблагосклонность судьбы.
Было: когда, одинок, я по желтому брел лукоморью,
Слышен стал за спиной словно бы шорох крыла.
Я оглянулся: глаз ничего не видит живого,
Но уловило в тиши ухо такие слова:
- 15 «Вот я, Молва, прихожу, одолев воздушной стезею
Неизмеримую даль, с радостной вестью к тебе.
Счастьем чреват наступающий год, ибо консулом станет

- Секст Помпей — из друзей самый тебе дорогой». Молвила и унеслась богиня — веселье и радость,
 20 Как и Понтийской земле, всем подарить племенам.
 Мне же, едва печаль отступила пред светом надежды,
 Стал этот гиблый край словно не так уж суров.
 Только, Двуликий, дверь распахнешь ты для долгого года —
 И пред твоим январем хмурый отступит декабрь,—
 25 Зысшей чести знак, багряница оденет Помпея,
 Чтобы почетный долг был им уплачен сполна.
 Я словно вижу: толпой переполнен дом до отказа,
 Тесно в прихожей; иным в давке намяли бока;
 Первым долгом путь ты держишь в Тарпейские храмы —
 30 И преклонили слух боги к обетам твоим.
 Вижу, как снег, белы, фалерийского луга питомцы,
 Клонят послушно быки выю под верный топор.
 Всех ты равно почитаешь богов, но Юпитер и Цезарь —
 Милости этих двоих молишь ты прежде всего.
 35 В куриюходишь. Сенат по обычаю созван, и ловят
 Каждое слово твое с жадным вниманьем отцы.
 Речью когда ты их слух ублажил, когда увенчался,
 Как подобает, благим предуказанием день
 И благодарствие ты вознес всевышним, а с ними
 40 Цезарю (он и впредь это заслужит не раз),—
 Тут, во главе отцов, к своему ты прошествуешь дому —
 Только вместит ли дом всех, кто спешит на поклон?
 Горе! И в этой толпе меня в тот час не увидят —
 Мне не дано усладить зрелищем этим глаза.
 45 Что ж! Не зеницами глаз, очами души наглажусь я:
 Консула лик своего как не увидеть душе!
 Боги бы дали, чтоб ты наше имя хоть мельком припомнил
 И проронил: «Увы! как ему там, бедняку?»
 А уж дойдут до меня такие слова, я признаю:
 50 Менее тяжким теперь стало изгнание нам.

5. Сексту Помпею

- В путь, двустийся, в путь! На суд изошренного слуха
 Наши несите слова — будет им консул внимать.
 Долог путь, и шагать по нему не на равных стопах вам,
 Зимнее время стоит, в снежном покрове земля.
 5 Фракию вам пересечь студеную, в тучи ушедший
 Гем, да еще одолеть вод ионических ширь.
 Все ж на десятый день, не поздней, вы в Город державный
 Вступите, даже когда б странствовали не спеша.

- В Рим войдя, направьтесь тотчас к Помпееву дому —
 10 К форуму Августа он ближе всех прочих стоит.
 Спросит ли кто в толпе, как ведется, откуда и кто вы,
 Лучше назваться бы вам именем ложным в ответ.
 Пусть, как думать хочу, и открыться ничуть не опасно,
 Только надежней обман убережет от беды.
- 15 Вот вы дошли наконец до порога — но просто ли будет
 С консулом свидеться вам с глазу на глаз без помех?
 Или он, в кресле воссев узорном, кости слоновой,
 Правит, блюдя закон, между квиритами суд,
 Или под сенью копья с торгов откупа раздает он,
 20 Зорко следя, чтоб ущерб Городу не потерпеть.
 Или дела, какие решать только консул достоин,
 Он вершит среди отцов, созданных в Юлиев храм.
 Или с приветом спешит он к Августу с сыном и просит
 Их наставленья в делах, мало знакомых пока.
- 25 Если останется час — он Германику Цезарю отдан,
 Чтимому выше всех после великих богов.
 Только на отдых склонясь после стольких дел, дружелюбно
 Руку протянет он вам, спросит, быть может, о том,
 Как я на свете живу, родитель ваш, и на это
 30 Я вам такие слова препоручаю сказать:
 «Жив он и помнит всегда, что жизнью, которую кроткий
 Цезарь ему подарил, ныне обязан тебе.
 Он неустанно твердит, что к месту изгнания дорогу
 В варварских ты краях обезопасил ему:
 35 Теплой крови его если меч не отведаль бистонский,
 Статься тому не дала только забота твоя;
 Что одарил ты его всем потребным для пропитанья,
 Чтобы в пути своего он не растратил добра.
 А в благодарность за все, чем одолжен тобой, он клянется
 40 Быть твоим рабом до истечения дней.
 Прежде сени дерев лишатся горные склоны,
 Морем не станут летать на парусах корабли,
 Или к истокам вспять побегут многоводные реки,
 Чем истощится, поверь, в нем благодарность тебе».
- 45 Молвив, просите его, чтоб берег он данный однажды
 Дар. Эта просьба моя — вашего странствия цель.

6. Бруту

Брут, читай письмо, из такого пришедшее места,
 Где бы Назону никак ты не желал проживать.
 Ты не желал, но желала судьба на горе поэту:
 Воля ее, увы, весче молений твоих.

- ⁵ В Скифии мной прожита пятилетняя олимпиада,
Новым пяти годам время отсчет повело.
Все на своем Фортуна стоит в упрямом коварстве,
Нам, отвергая обет, вечно препоны чинит.
Был ты, Максим, готов, рода Фабиев гордость и слава,
¹⁰ К Августу богу воззвать в истой мольбе обо мне:
Умер ты, слов не сказав, и, все мне кажется, Мáксим
Умер ты из-за меня (точно я стою того!)
О вызволенье просить никого теперь не посмею,
Самая помощь, увы, смертью твоей сражена.
- ¹⁵ Август клонился уже простить вину заблужденья:
Мир он покинул земной, с ним и надежда ушла.
Издалека, мой Брут, я о нем, небожителе новым,
Песнь, какую сумел, вам ꙗ прочтенье послал.
Благочестивый порыв да послужит ко благу: положит
²⁰ Бедам предел и смягчит дома священного гнев.
Брут, поклясться могу, что небо ты молишь о том же,
Но безошибочным мной признакам узанный друг!
С искренней пусть ты и раньше ко мне любовью тянулся,
Но в мой превратный час эта окрепла любовь.
- ²⁵ Видел бы кто, как с моими твои сливаются слезы,
Верно решил бы, что нас кара постигла двоих.
Ты по природе, Брут, сострадателен, и ни единый
Сердцем, добрей твоего, не наделен человек,
Кто речей твоих мощь не узнал, едва ли поверит,
³⁰ Как смертоносно разишь в битвах на форуме ты.
Чудом в одной груди ужились два враждующих свойства:
Мягкость перед мольбой и нетерпимость к вине.
Если ты взял на себя защиту строгого права,
Каждое слово твое словно бы яд напитал.
- ³⁵ Пусть на себе изведает враг твой яростный натиск,
Всю остроту языка, меткость язвительных стрел.
Так умеешь ты их отточить — никто не представит,
Что по природе души кроток ты и незлобив.
А разглядишь, что судьбой человек обижен безвинно,
⁴⁰ Всякую женщину тут ты превзойдешь добротой.
Это особенно я ощутил, когда близкие стали
Даже знакомство со мной наперебой отрицать.
Тех я забыл, но вас, дорогие, вовек не забуду,
Вас, кто заботой своей бедствие мне облегчил.
- ⁴⁵ Раньше Истр (слишком близкий к нам) от Евксинского моря
Бег направит назад к дальним истокам своим;
Раньше, словно узрев Фиестово пиршество, Солнце
Вспять колесницу свою к водам Зари повернет,
Нежели кто-то из вас, о моем горевавших изгнанье,
⁵⁰ Скажет, что я друзей, неблагодарный, забыл.

7. Весталису

Присланный ныне к нам, на берег Евксина, Весталис,
Здесь, под Полярной звездой, римский закон утвердить,
Сам ты узнал, каков этот край, где меня поселили,
И справедливость моих жалоб везде подтвердишь.
5 Юный внук альпийских царей! Если ты мой свидетель,
Веру скорей обретет наша неложная речь.
Видел и ты, как в лед застывает Понт на морозе,
Как без кувшина вино форму кувшина хранит.
10 Видел, как груженный воз с воловьею упряжкой по Истру —
Посуху стрежем реки гонит отважный язиг.
Знаешь и то: в кривом острие здесь яд посылают,
Чтобы, вонзаясь, стрела смертью грозила вдвойне.
(Только об этой беде ты издали знай: самолично
Не довелось бы тебе с нею спознаться в бою!)
15 «Первый метатель копья манипула первого» — этим
Званьем недавно тебя воинский труд увенчал.
И означает оно немалый почет — но достойна
Трижды славнейших наград ратная доблесть твоя.
Помнит Дунай, как сильной рукой ты в пурпур недавно
20 Воды окрасил его, с гетскою кровью смешав.
Помнит мятежный Эгисс, как его усмирил ты, — и ложен
Был тот смелый расчет на неприступность горы:
За облака вознесен, не так в оружии город
Видел надежный оплот, как в положенье своем.
25 Дерзкий враг отобрал Эгисс у царя ситонийцев
И, отобрав, держал взятое в цепких руках;
Но по реке на судах пришел Вителлий и грозно
Против гетских рядов выстроил свой легион.
И у тебя, достойнейший внук благородного Донна,
30 Жажда зажглась в груди ринуться в сечу мужей.
Издали приметный для глаз сверканьем доспехов,
Не пожелал ты скрыть храбрость свою хоть на миг;
Шел напролом, одолев и булат, и гордую кручу,
Шел сквозь частый град падавших с выси камней.
35 И не явились тебе помехой дротиков стаи,
Черные тучи стрел с кровью змеи в остриях.
В шлеме тростинки торчат, многоцветными перьями вея,
Негде в разбитый щит новой вонзиться стреле.
Он и от прежних тебя не укрыл. Но с думой о славе
40 Боль пламенеющих ран ты не хотел замечать.
Так, мы помним, Аякс против Гектора бешено бился,
Факелосцев разил — и отстоял корабль!
Грудь на грудь пошли. Скрестили мечи в рукопашной.

- Время железу решить яростной битвы исход.
 45 Что ты в бою тогда совершил, обо всем не поведать,
 Скольких убил врагов, как и кого одолел:
 Ты бы считал и не счел те груди порубленных гетов,
 Всех, кого попирали в битве победной стопой.
 Младшие брали пример со старшего: в сечу кидались,
 50 Много приняли ран, подвигов много свершив.
 Ты же настолько всех превзошел отвагой, насколько
 Самых ретивых коней в беге обгонит Пегас.
 Вновь покорен Эгисс, и, подвига верный свидетель,
 Стих мой векам передаст славу, Весталис, твою.

8. Суиллию

- Долго, ученнейший муж, не слал ты мне вести, Суиллий,
 Но запоздалому все ж рад я письму твоему:
 В чем обещаешь ты нам, что помощь подашь, если вышних
 Благочестивой мольбой к милости можно склонить.
 5 Пусть не успеешь ни в чем, я в долгу у душевного друга,
 Ибо в заслугу зачу эту готовность помочь.
 Только б на долгий срок твоего достало порыва,
 Не охладили б его вечные беды мои.
 Тесная связь родства (да продлится она нерушимо!)
 10 Мне как будто дает право на дружбу твою.
 Та, что тебе женой, для меня как дочка родная,
 Та, что женою мне, зятем тебя назвала.
 Горе! Ужель, прочитав эти строки, лицо покривишь ты
 И устыдишься признать наше с тобою родство?
 15 Только в толк не возьму, чего здесь можно стыдиться,—
 Разве того, что на нас счастье не хочет смотреть?
 Станешь ли ты выверять родословную нашу, увидишь:
 Всадниками искони прадеды были мои.
 Ну а захочешь узнать о нравах моих, убедишься:
 20 Нет на мне пятна, кроме оплошности той.
 Если надеешься впрямь что-то выпросить нам у бессмертных,
 Ты обратись к божеству голосом истой мольбы.
 Юноша Цезарь — твой бог! Его склони к милосердью!
 Этот алтарь ты чтишь, знаю, превыше других.
 25 Цезарь молящим не даст возносить напрасно молитву
 Пред алтарем. Ищи помощи здесь для меня.
 Благоприятное пусть оттуда дойдет дуновенье,
 И затонувший челн вмиг из пучины всплывет.
 Я на высокоом огне воскурю торжественный ладан,
 30 Буду свидетелем я силы всевластных богов.

- Камня паросского храм я тебе не воздвигну, Германик,—
 Средства мои подточил горький судьбы поворот.
 Пусть тебе города, процветая, храмы возводят —
 Благодарит Назон тем, что имеет,— стихом.
- ³⁵ Знаю, скуден мой дар, я малым плачу за большое,
 За возрожденную жизнь только слова приношу.
 Но кто лучшее дал, что мог, свою благодарность
 Этим сполна изъявил — тщетной не будет она.
- ⁴⁰ Ладан, в горсти бедняком принесенный, не меньше угоден,
 Нежели тот, что богач чашами сыплет в огонь.
 Агнец молочный и бык, растучневший на травах Фалерий,
 Оба Тарпейский алтарь кровью своей оросят,
 Впрочем, властитель порой из услуг наиболее ценит
 Ту, что окажет ему, песни слагая, поэт.
- ⁴⁵ Песня деянья твои широко прославит по свету,
 Песня в смене веков славе померкнуть не даст.
 Песнями доблесть жива; через них далеким потомкам,
 Тленья избегнув, она весть о себе подает.
 Старость все сокрушит, растлит и железо и камень,
- ⁵⁰ Сила не может ничья времени силу сломить.
 Но письма живут. По ним Агамемнона знаем,
 Знаем и тех, кто пошел с ним или против него.
 Кто бы без песни знал о дерзких семи ратоборцах —
 Как они в Фивы пришли, что их постигло потом?
- ⁵⁵ Да и богов творит, если молвить дозволено, песня:
 Все их величье мертво без воспевающих уст.
 Знаем: Хаос был, изначальной природы громада,—
 Был, и распался, и стал сонмом своих же частей.
 Знаем: дерзнувших достичь небесной державы гигантов
- ⁶⁰ В Стикс каратель низверг, грянув из тучи огнем.
 Знаем: бессмертье дала победа над индами Вакху;
 Знаем: Эхалию взяв, стал олимпийцем Алкид.
 Если, о Цезарь, твой дед вознесен за свою добродетель
 В небо звездой, то и здесь праздною песнь не была.
- ⁶⁵ Пусть же, если есть в нашем гении жизни толика,
 Пусть, Германик, тебе отдана будет она.
 Сам поэт, отвергать ты не станешь услуги поэта
 И по достоинству их можешь ты сам оценить.
 Если бы имя тебя не призвало к делам высочайшим,
- ⁷⁰ Стал бы ты, как обещал, славой и гордостью муз.
 Ты нам не песню давать предпочел — но предметы для песни:
 Вовсе расстаться с ней разве ты можешь, поэт?
 То сраженье ведешь, то слова под размер подбираешь,
 Что для другого труд, стало досугом твоим.
- ⁷⁵ И, как привержен равно Аполлон кифаре и луку —
 Ту ли, другую ль струну тут же готов натянуть,—

Так и в поэзии ты преуспел, и в искусстве правленья,
 С Музой в сердце твоём рядом Юпитер живет.
 Но коль скоро и нам испить дозволено влаги
⁸⁰ Той, что забила ключом из-под копыта коня,—
 Пусть мне поможет она предаться единому делу,
 Вместе святыне служить, общей и мне и тебе.
 Край покинуть пора, слишком близкий к диким кораллам,
 В шкуры одетым, от вас, лютые геты, уйти!
⁸⁵ Если нельзя в отчизну вернуть, пусть изгнаннику место
 Ближе к Риму дадут и к авзонийским лугам —
 Место, откуда б Назон героя подвигам новым
 Незапоздалую мог песнями дань приносить.
⁹⁰ А чтоб моя молитва дошла, ты тоже, Суиллий,
 Бога проси за того, кто тебе чуть ли не тесть.

9. Грецину

Не откуда бы рад — откуда позволено, с Понта
 Ныне Грецину Назон слово приветствия шлет.
 Волей богов дошло бы оно в то первое утро,
 Как понесут пред тобой фасции — дважды по шесть!
⁵ Раз уж взойдешь без меня ты консулом на Капитолий,
 Раз в толпе друзей я не предстану тебе,
 Пусть в положенный день от лица своего господина
 Выскажут эти стихи все, что он хочет сказать.
 Если бы я родился под счастливой звездой и если б
¹⁰ Шло мое колесо не на разбитой оси,—
 Делал приветствия, тот, что сейчас письмо выполняет,
 Сам я мог бы тогда выполнить словом живым;
 И, поздравляя, к словам добавил бы я поцелуй,
 Видя в почете твоём равный почет для себя.
¹⁵ Так, наверно, в тот день загордился бы я, что едва ли
 Дом бы нашелся вместить чванную радость мою.
 Шествуешь ты, окружен священным сонмом сената,
 Я же, всадник, иду, консула опередив!
 Но, хоть и рад бы стоять к тебе поближе, я счастлив,
²⁰ Что бок о бок с тобой места для всадника нет.
 В давке пускай оттеснили б меня — я и тут не жалел бы:
 Что многолюдна толпа, был бы доволен вдвойне.
 С радостью я бы смотрел, как все прибывает народу,
 Как далеко идти этим бесчисленным рядам.
²⁵ Жадно, как зритель простой, я все пожирал бы глазами,
 Вплоть до одежды, поверь, до багряницы твоей.
 Стал бы разгадывать я рисунки на крыле курильном,

- Знаки, что вывел резец по нумидийской кости.
 А уж когда возвели бы тебя к Гарпейским высотам
 30 И пролилась бы кровь жертвы твоей на алтарь,
 Вместе тогда б и моей благодарственной тайной молитве
 Внял обитающий там — в сердце святилища — бог!
 Я бы не на алтаре возжег ему ладан, а в сердце,
 Трижды, четырежды рад власти почетной твоей.
 35 Там бы стоял и я средь твоих приверженцев верных,
 Если бы милость судеб в Рим возвратила меня,
 Зрелище то, которым теперь я мысленно тешусь,
 Было б тогда для меня зримой усладой очей.
 Иначе суд божества решил — справедливый, наверно:
 40 Кару приняв, к чему нашу вину отрицать?
 Дух, однако, избег изгнанья — я взором духовным
 Праздничный твой наряд, фасции вижу твои.
 Вижу мысленно я, как вершишь ты суд всенародно,
 В тайных советах твоих мысленно рядом сижу.
 45 Вижу, доходы сдаешь с торгов на все пятилетье —
 Их наперед оценив честно и правильно сам.
 Вот, единственно лишь о народной пользе ревнуя,
 Речь искусной своей ты покоряешь сенат.
 Вот, воздавая богам от Цезарей благодаренье,
 50 Жертвенных тучных быков белые выи разишь.
 А завершив мольбы о важнейшем, попросишь, быть может,
 Чтобы гнев положил Цезарь на милость ко мне.
 Пусть разгорится огонь под жертвой высоко и ярко
 В добрый знак, что твой принят богами призыв.
 55 Хватит сетовать нам! В одиночестве, как лишь возможно,
 Консульства я твоего славу отпраздную здесь.
 Ждет нас радость к тому ж и вторая, первой не меньше:
 В почестях этих тебе станет преемником брат.
 Пусть полномочья твои, Грецин, с декабрем истекают,
 60 В первый январский день примет правление Флакк.
 В преданной вашей любви обоудно вы будете рады:
 Братним фасциям ты, он же взаимно твоим.
 Дважды консулом брат и сам ты консулом дважды
 Будешь — так осенит слава двойная ваш дом.
 65 Но, хоть безмерна она и хотя воскормленник Марса
 Власти не знает Рим выше, чем консула власть,
 Эту умножит честь величье подателя чести:
 Ценен дар стократ, если даритель велик.
 А потому процветать всегда вам — Грецину и Флакку, —
 70 Вам, кого так отличил Цезарь высоким судом.
 В час же, когда божество от важнейших забот отдыхает,
 Ваши с моими мольбы соедините, друзья!
 И, если ветром дохнет другим, ослабьте канаты,

- Чтоб из стигийских вод выплыла наша ладья.
75 В этом году здесь начальствовал Флакк, и в его управленьс
Берег истрийский забыл грозы и беды свои.
В мире держал он, Грецин, племена беспокойных мисийцев,
Гетский лук устроил верным двуострым мечом.
80 Тресмий, взятый врагом, возвратил он доблестью быстрой,
В русло Дуная пролив варварской крови поток.
Ты у брата спроси, каково оно, скифское небо,
И почему, узнай, страшен немирный сосед,
Правда ль, что желчью змеи пернатые смазаны стрелы,
Что человечью кровь мерзостно льют на алтарь.
85 Лгу ли я или впрямь застывает Понт на морозе,
И одеваает зима море на югеры льдом.
Скажет — и ты спроси, какова моя слава в народе,
Как провожу, узнай, бедствия горькие дни.
Тут неприязни ко мне не питают — да и за что бы?
90 Пусть изменила судьба, не изменил я себе.
Тот же душевный покой, который во мне одобрял ты,
Ту же стыдливость мои запечатлели черты.
Да, таков я и здесь, в стране, где силу оружия
Учит варвар-сосед выше закона ценить.
95 Женщину, мужа ль, дитя — никого за все эти годы
Я никогда и ничем здесь не обидел, Грецин.
Вот потому и пригрели меня в несчастье томиты
(В чем поклянусь, увы, этой чужою землей).
Видя желанье мое, и они мне желают уехать,
100 А для себя не хотят близкой разлуки со мной.
Верь иль не верь, но издан указ — и на воске начертан! —
Коим, воздав нам хвалу, сняли налоги с меня!
И хоть не очень к лицу несчастному слава такая,
Все города окрест тем же почтили меня.
105 Как благочестен я, знает город, меня приютивший:
Видит, что в доме алтарь Цезарю я посвятил.
Рядом и сын стоит, и супруга, верховная жрица, —
Новому божеству равные два божества.
Чтобы единой семью сохранить, я поставил и внуков:
110 Рядом с отцом один, с бабкою рядом другой.
Им в рассветный час, только день на востоке забрезжит,
Я со словами мольбы ладан обильный курю.
Рвенью весь моему Понтийский берег свидетель:
Всех опроси — ничего здесь я не присочинил.
115 Знают на Понте и то: день рожденья нового бога
Щедро, насколько могу, праздную играми я.
Всем заезжим гостям известно мое благочестье,
Кто бы ни прибыл к нам из Пропонтиды сюда.
Верно, наслышан о нем и Флакк, под чьим управленьем

- 120   Западная сторона Понта недавно была.
 Больше б хотелось давать, да богатство мое оскудело —
 Но и от скудного дар радостно я приношу.
 Рим отсюда далек — это делаю не напоказ я,—
 Благочестивый мой долг рад исполнять в тишине.
- 125   Все ж и до Цезаря слух дойдет: по широкому свету
 Что бы ни делалось, все ведомо будет ему.
 Ты же, к богам вознесшийся бог, ты знаешь и видишь,
 Цезарь! Отныне земля взорам открыта твоим.
 Там, под сводом крутым, среди созвездий ты слышишь
- 130   Эти мольбы, что к тебе робко возносит поэт.
 Может быть, наши стихи о святом небожителе новом,
 Те, что послал я в Рим, тоже дошли до тебя.
 Верю: твое божество они преклонят к милосердию —
 Ведь не напрасно тебя в Риме отцом нарекли.

10. Альбиновану

- Вот и шестую весну среди гетов, в шкуры одетых,
 У киммерийских границ выпало мне отбывать...
 Разве сравнится камень, сравнится разве железо
 С твердым закалом моим, Альбинован дорогой?
- 5   Капля камень долбит, кольцо истончится на пальце,
 Сточит свое лезвие, в землю врезаясь, лемех.
 Только со мной одним не расправилось жадное время,
 Твердостью вынудил я самую смерть отступить.
 Ставят Улисса в пример: как стойко носил он страданья,
- 10   Прихотью бурь по морям два пятилетия гоним.
 Все же не сплошь донимал его рок чередою лишений,
 Видел скиталец порой даже и светлые дни.
 Был ли тяжел шестилетний плен у прекрасной Калипсо,
 Смертному плохо ль делить ложе с богиней морской?
- 15   Он, отгостив, получил от Эола ветры в подарок —
 Чтобы ему в паруса только попутный дышал.
 Худо ли было внимать чудесному девичью пенюю,
 И, полагаю, ничуть лотос на вкус не горчил.
 Мне предложите сок, дающий забвенья отчизны,
- 20   Жизни несколько лет отдал бы я за него!
 И лестригонов нельзя с лихими сравнить племенами,
 Чью изгибами Истр пересекает страну.
 Лютый едва ли Циклоп превзошел бы зверством Пиакха,
 Нам же один ли Пиакх дикой расправой грозит!
- 25   Воют неистово псы у чресел чудовищной Скиллы —
 Но гениохский пират для морехода страшней.

- Трижды воду хлебнет и трижды извергнет Харибда,
Но не равняйте ее с грозной ахейской ордой.
Хоть и вольготней ордам по правому рыскать поморью,
30 Все же и Левый Понт не безопасен от них.
Здесь бестравная степь, а стрелы отравлены ядом,
Здесь пешеходный путь по морю стелет зима,
И, где вчера весло дорогу в волнах пролагало,
Завтра, лодку презрев, посуху путник пройдет.
- 35 Кто приезжал от вас, говорил нам: «В Риме не верят!» —
Как же такое сносить, что и представить нельзя?
Все-таки верь, и я разъясню, почему на морозе
Затвердевает зимой моря Сарматского гладь.
Ближе других от нас то созвездие, что колесницей
40 В небе стоит, и оно сильную стужу несет.
В путь отсель вылетает Борей: для него этот берег —
Дом, и в окрестных краях он набирается сил.
Нот же дышит теплом от противного полюса: к нам он
Если порой долетит, то ослабев по пути.
- 45 Замкнут вдобавок Понт, а рек принимает немало,
И разжижают они крепость соленой воды.
Лик впадает в него, Гипанис, Калес и Сангарий,
Пений и Галис — река в водоворотах сплосшных.
Рвутся Парфений к нему и Кинапс, грохочущий камнем,
50 И никому быстротой не уступающий Тир;
Рвешься и ты, Фермодонт, облюбленный воинством женщин,
Фасис, куда поход в древности грек устремил;
Ты, Дирапс, ясноструйный поток, вдвоем с Борисфеном,
И молчаливый Меланф, тихо вершащий свой путь;
- 55 Дале река, что две разделив земли — Азиатский
Край и Кадма сестру, — мирно меж ними течет;
Всех потоков не счесть, и в этом ряду величайший
Ты, что и с Нилом самим мог бы поспорить — Дунай!
Прибыль чрезмерная вод развращает избытком стихию,
60 Морю она не дает прежнюю силу сберець;
Даже и с виду оно, как лужа, как сонная заводь, —
Синий размытый цвет еле на нем углядишь.
Пресная сверху плывет вода, морской она легче.
Примесь соли дала той дополнительный вес.
- 65 Спросят меня: к чему растолковывать это Педону,
Сведенья наши зачем в мерах стиха излагать?
«Время, — скажу, — я тем обманул, утешил заботу,
Значит, последний час не бесполезно протек.
Меньше, покуда писал, томился я болью привычной,
70 Кажется, вовсе забыл, что среди гетов живу».
Ты же, звучным стихом прославляя денья Тесея, —
Не сомневаюсь я — свой этим возвысив предмет,

Сам с героя берешь пример: ведь и в ясность, и в бурю
 Он, одинаково тверд, преданность другу хранил.
 75 В подвигах пусть он велик и пусть великим предстал он
 В песне, которую ты создал достойной его,—
 Все же было и в нем подражанию доступное свойство.
 В верности каждый бы мог новым Тесеем предстать.
 Вас не зовут крушить мечом и дубиной злодеев,
 80 Из-за которых не мог путник по Истму пройти.
 Щедро дарить любовь при желанье не трудное дело:
 Подвиг ли это, скажи, верность сберечь в чистоте?
 Но не подумай, Педон,— ты-то дружбу хранишь неизменно —
 Будто тебе в укор сказаны эти слова.

11. Галлиону

Эта бы нам не простилась вина, когда бы ни разу
 Не помянул я в стихах имя твое, Галлион!
 Я не забыл, как небесным копьем нанесенные раны
 Ты безбоязненно мне влагою слез омывал.
 5 О, когда бы тебе, узнавшему горечь разлуки
 С отнятым другом, не знать больше ни слез, ни утрат!
 Не пожелали того жестокие боги и мужа
 Не посчитали грехом с верной женой разлучить.
 С вестью о горе твоем письмо получил я недавно
 10 И безудержные лил слезы, читая, на воск.
 Но не решусь утешать того, кто меня превосходит
 Мудростью, и повторять, что говорилось не раз.
 Верится, скорбь твоя улеглась: когда не рассудок,
 Время успело ее, тихо скользя, приглушить.
 15 Письма, откуда несли и весть и ответ, пересекли
 Столько земель и морей — смотришь, и год пролетел.
 Вовремя нам утешенья нужны, когда неумемно
 Горе в груди кипит, молит о помощи боль;
 Если же в беге дней залечилась душевная рана,
 20 Тронув не в пору, ее только лишь разбередишь.
 Да и, возможно (и пусть пророческой станет догадка),
 Счастье давно ты нашел в новом супружестве, друг!

12. Тутикану

Что на страницах моих ни разу ты не упомянут,
 В этом, друг, вини трудное имя свое:
 Первым бы ты среди всех такой удостоился чести —
 Если и вправду честь в нашем стихе прозвучать.

- ⁵ Строгий закон стопы и твое злополучное имя
Доступ закрыли тебе в мой элегический лад.
Стыдно мне имя делить и одним обрубок закончить
Длинный стих, а вторым стих усеченный начать;
¹⁰ Стидно имя твое, долгий слог заменивши коротким,
В меру стиха уложить: стал бы Туттиканом ты.
Или же слог сократить не первый, а третий: насильно
В Туттиканá превратив, дать тебе место в стихе;
Или же краткий второй удлинить: три долгие кряду
Могут лечь в строку, не нарушая размер.
- ¹⁵ Имя осмелся я так исказить, заслуженно на смех
Поднят я был бы людьми и полоумным прослыл.
Вот оправданье, зачем тебя не спешил я отметить,
Но возместить с лихвой долг мой готова любовь:
Песню тебе я пошлю, означив ясной приметой,
²⁰ Другу, которого знал чуть не с мальчишеских лет
И через всю череду годов, прожитых бок о бок,
Я, как брата брат, преданным сердцем любил.
Сверстник мой, поощрял ты меня, как добрый вожатай.
Только я робкой рукой новые взял повода.
- ²⁵ Часто свои выправлял я стихи по твоим наставленьям,
Часто и ты у себя черкал, доверясь моим,
В дни, когда, ученик Пиэрид, ты слагал «Феакиду»,
Песнь, достойную стать хоть с меонийскою в ряд.
Это согласие и лад мы с юности нашей кудрявой
³⁰ И до седых волос, не расшатав, пронесли.
Все еще ты не растроган ничуть? Значит, грудь оковал ты
В стойкий булет, в адамант несокрушимый одел.
Только скорее мороз да война в этих землях иссякнут
(То, чем гостя Понт не устает привечать),
- ³⁵ Зноем дохнет Борей или Нот леденящею стужей,
И милосердней ко мне станет скорее судьба,
Нежели ты охладешь душой к усталому другу,
Круг его тяжких бед этой тягчайшей замкнув.
- К нам преклони богов, на того всех верней положившись,
⁴⁰ Чьим попеченьем всегда твой возрастает почет,
И не оставив забот о сосланном, ветру надежды
Утлый мой корабль не позволяй покидать.
Спросишь: а что поручу? Хоть умри, сказать не умею
(Если тому, кто мертв, можно еще умереть).
- ⁴⁵ Не приложу ума... Что начать, чего пожелать бы?
Что, гадаю, пойдет в пользу, а что навредит?
В горе прежде всего изменяет нам ясность рассудка:
Счастье ушло, а вослед благоразумье бежит.
- Сам разведай, прошу, чем хоть сколько-то можно помочь мне,
⁵⁰ Брод любой отыщи, только сбылась бы мольба.

13. Кару

- Кар! Привет мой тебе, кого я к друзьям причисляю
 Без колебання и кто назван не зря Дорогим!
 Чей и откуда привет, тебе приметною будет
 Строй моего стиха, песни звучанье моей.
- ⁵ Пусть не слишком она поражает, зато необычна,
 Лучше ли, хуже ль иных, а не сокроешь: моя!
 Так и с тобой: убери заголовок страницы, ужели
 Я не смогу распознать произведение твое?
- Сколько угодно стихов разложи — накопил я немало
¹⁰ Разных примет и по ним сразу твои отличу.
 Выдаст создателя мощь, достойная впрямь Геркулеса,—
 Пел ты героя и стал силой подобен ему.
 Ну, а Муза моя, если чем особенно приметна,
 То отличают, боюсь, только изъяны ее.
- ¹⁵ Столь же укрыться от глаз мешало Терситу уродство,
 Сколь красотою всегда взоры Нирей привлекал.
 Но не дивись, что стихи с изъянами: пишет их ныне,
 Чуть ли не гетом став, сосланный римский поэт.
 Даже я — стыдно сказать! — написал посланье по-гетски,
²⁰ В наш уложив размер варвара трудную речь.
 Можешь поздравить, стихи понравились; дикие геты
 Стали поэтом меня с этой поры величать.
 Спросишь, каков предмет? Похвали: я Цезаря славил.
 В новом деле меня сам он, наш бог, поддержал.
- ²⁵ Август-отец, я учил, был смертен телом, но жив он
 Как божество и от нас в дом свой небесный ушел.
 Доблестью равен отцу, я учил, кто, послушен призыву,
 Принял власти бразды, им отклоненной не раз;
 Вестой чистых матрон я Ливию нашу восславил:
³⁰ Мужу ли духом она, сыну ль равна — кто решит?
 Пел и юношей двух, родителю ставших опорой,
 Дать успевших в бою доблести верный залог.
 Только прочел я стихи, не родной напетые Музой,
 Только нижний конец свитка рукою зажал —
- ³⁵ Каждый, гляжу, закачал головой и полным колчаном,
 В гетских устах вскипел ропот и долго не молк.
 Кто-то в толпе сказал: «Если так ты о Цезаре пишешь,
 Должен бы Цезарь тебя властью своей воротить».
 Кто-то сказал, но меня, мой Кар, изгнанником видит
⁴⁰ Вот и шестая зима возле оси ледяной.
 Проку нет в стихах. Стихи навредили когда-то,
 Ссылки горькой моей первопричиной они!
 Общим для нас двоих заклинаю делом священным,

- Дружбой, которую ты не оскорбил никогда,—
 45 Да закует врага в латинские цепи Германик,
 Для вдохновений твоих новый доставив предмет,
 Да расцветут его сыновья, надежда народа,
 Да удостоишься ты, их воспитатель, хвалы —
 Только сил не щади, моему помогай вызволению:
 50 Я обречен, если мне места не переменить!

14. Тутикану

- Снова пишу я тебе, кому пенял уже в песне,
 Что невозможно в размер имя твое уложить.
 Но ничего письмом приятного я не открою,
 Разве что все еще жив, хворь кое-как одолев.
 5 Только здоровье тому не в утеху, кто молит последней
 Милости: дайте скорей эти покинуть места!
 Мне безразлично, куда, в какие направиться земли,—
 Будет любая милей той, что простерлась вокруг.
 Прямо в Сирты ладью или прямо в Харибду гоните —
 10 Лишь бы в глаза не видать этой немиллой страны.
 Я бы с радостью Истр хоть на Стикс обменял, если есть он,
 В глубях под Стиксом найди реки — сменяю на них.
 Хуже, чем ниве сорняк, ненавистней, чем ласточке стужа,
 Мне этот край, где гет марсолюбивый живет.
 15 Через такие слова на меня в обиде томиты,
 Снова народный гнев я навлекаю стихом.
 Так вот и буду всегда попадать в беду из-за песен,
 Будет всегда мне во вред неосмотрительный дар?
 Пальцы б отсеч, чтобы бросить писать, но медлю зачем-то,
 20 Снова, безумный, иду грудью на то же копьё,
 К тем же снова плыву берегам, в то гиблое море,
 Где на подводный утес днище ладьи посадил?
 Я не виновен ни в чем и чист перед вами, томиты,
 Мне ваш край опостыл, вас же я, право, люблю.
 25 Сколько ни разбирай мои многотрудные песни,
 В них не найдешь строки с жалобой на горожан!
 Жалуюсь на холода, на то, что набегов должны мы
 Ждать отовсюду, что враг вечно в ворота стучит.
 Ваши места, не людей справедливым стихом осудил я —
 30 Вы же и сами подчас землю браните свою.
 Вот же посмел тот пахарь-старик стихами поведать,
 Что навлекла на себя ненависть Аскра не зря.
 А ведь поэт говорил о стране, что его породила,
 Аскра ж не стала в ответ гневом поэта казнить.

- ³⁵ Родину кто сильнее любил, чем Улисс? А не он ли
 Скучность родной земли в повести запечатлел?
 Едим словом своим не край — авзонийские нравы
 Скепсий клеймил и Рим требовал равню к суду.
 Ярый этот навет народ пропустил равнодушно,
⁴⁰ Не повредил истцу неугомонный язык.
 А на меня навлекли всенародный гнев кривотолки,
 Новою наши стихи отяготили виной.
 Столько бы счастья мне, насколько чист я душою!
 Я никого никогда словом одним не задел.
- ⁴⁵ Впрочем, будь я и впрямь черней иллирийского дегтя,
 Преданных мне друзей кстати ли было б хулить?
 В горькой моей судьбе вы меня обласкали, томиты,
 Видно, у вас в крови эллинская доброта.
 Даже родной Сульмон, родное племя пелигнов,
⁵⁰ Не проявили б ко мне столько участия в беде.
 Мне недавно у вас оказана честь, на какую
 Благополучный гость вряд ли б рассчитывать мог.
 Сняты налоги с меня! Кроме тех, кого по закону
 Не облагают у вас, этим я взыскан один.
- ⁵⁵ Сам не искал я, но в знак всенародного благоволенья
 Мне на седые виски вы возложили венки.
 Знайте: как Делос был гонимой угоден Латоне,
 Остров единственный тот, давший скиталице сень,—
 Так Томида для нас дорогá: в далеком изгнанье
⁶⁰ Нам неизменно была доброй хозяйкой она.
 Только дали бы ей небожители мирную долю,
 Да от оси ледяной перенесли бы к теплу!

15. Сексту Помпею

- Ежели кто на земле доселе об изгнанном помнит
 И пожелает узнать, как поживает Назон,
 Вот мой ответ: от Цезарей — жизнь, а от Секста Помпея
 Счастье даруется мне: первый за ними он вслед.
- ⁵ Если решусь я обнять все мгновения горестной жизни,
 То ни в едином из них я без него не живу.
 Столько он добрых услуг оказал мне, сколько в пунийском
 Яблоке под кожурой красных таятся семян,
 Сколько зерна в африканских полях, винограда — под Тмоллом,
¹⁰ В Гибле — пчелиных даров, а в Сикионе — оливок;
 Вот признание мое! скрепите печатью, квириты:
 Где заявление есть, там и закон ни к чему.
 Секст, считай и меня частицею отчих имений —

- Малой частицею, пусть, но неизменно твоей.
- ¹⁵ Как тринакрийские нивы, как земли Филиппова царства,
 Как прилегающий дом к храму, где царствует Марс,
 Как в кампанийских полях имения, услада для взора,
 Все, что наследовал ты, все, что за деньги купил,—
 Так же принадлежу и я к твоему достойному:
- ²⁰ Можешь отныне сказать: «Мой и на Понте удел!»
 Ах, как я бы хотел, чтоб этот удел злополучный
 Было владельцу дано к лучшим полям перенести!
 Это — во власти богов, но и боги способны на милость,
 Если почтишь их мольбой, как благочестием чтишь.
- ²⁵ Ибо ведь трудно сказать, чему ты способствуешь боле —
 Мой ли проступок раскрыть, мне ли в несчастье помочь?
 Не потому я прошу, что в тебе сомневаюсь; но часто
 И по теченью реки весла ускорят ладью.
 Я и стыжусь и страшусь, что, припав к тебе снова и снова,
³⁰ Все докучаю тебе однообразием просьб.
 Только как же мне быть? Так властвует сердцем желанье,
 Что извинишь ты меня, мой снисходительный друг.
 Часто хотел я писать о другом, а сбивался на то же:
 Каждая буква моя в строй становилась сама.
- ³⁵ Впрочем, добьешься ли ты благодарности, добрый ходатай,
 Или же злая судьба здесь мне велит умереть,
 Вечно услуги твои пребудут для нас незабвенны,
 Вечно я буду твоим слыть в припонтийской земле.
 Если же Муза моя из гетского вырвется края —
⁴⁰ То разнесется моя в целой подсолнечной весть:
 Ты мне — податель всех благ, блюститель всякого счастья,
 Я — достоянье твое больше, чем купленный раб.

16. Завистнику

- Злобный завистник, зачем ты терзаешь изгнанничьи песни?
 Даже и смерть не страшна для вдохновенных певцов,
 Тихая слава — и та за могилой становится громче,
 А обо мне и живом не промолчала она —
- ⁵ В дни, когда жили и Марс и велеречивый Рабирий,
 Звездный Альбинован и гомерический Макр;
 Кар, который воспел Геркулеса в обиду Юноне,
 Но не обиделась та, зятя в героя признав;
 Нума с тонким умом, два Приска, достойные оба;
- ¹⁰ Лацию царскую песнь в дар преподнесший Север;
 В равном стихе и неравном стихе одинаково сильный
 И одинаково в них славу стяжавший Монтан:

И стихотворец, внушивший Улиссу ответ Пенелопе,
 Плывшему в бурных волнах десять скитальческих лет;
 15 Тот, чье имя Сабин, кто похищен был раннею смертью
 От недописанных «Трезм», детища долгих трудов;
 Ларг, в чьем имени ширь, подстать широте его дара,
 К галльским следивший полям старца фригийского путь;
 И с Камерином, певцом утратившей Гектора Трои,
 20 Туск, Филлиды певец, славой обязанный ей;
 Тот воспеватель морей многопарусных, коему, мнится,
 Синие боги пучин сами измерили стих;
 Тот, кто вещал про ливийскую брань и римские битвы,
 Тот, кого Марием звать, легким в любых словесах;
 25 Луп, воспевший возврат с Танталидом его Тиндариды,
 И «Персеиду» свою с честью сложивший Тринакр;
 И преложитель для нас меонийских стихов «Феакиды»,
 И пиндарических струн лирик единственный, Руф;
 И на высоком котурне Турраний с трагической Музой,
 30 И в легкомысленный сокк Музу обувший Мелисс;
 Варий и Гракх заставляли греметь жестоких тиранов,
 Прокул ровной тропой шел Калимаху вослед,
 Пассер вернулся к лугам, где Титира давняя пажить,
 Граттий ловчую снасть в руки охотнику дал;
 35 Пел Фонтан о том, как наяд любили сатиры,
 Вел Капелла слова в неравностоящих стихах;
 Было и много других, чьи песни ведомы миру,—
 Долго было бы мне все называть имена,
 А об иных говорить и права законного нету,
 40 Ежели юный поэт не выступал еще в свет;
 Лишь о тебе не могу промолчать, достойнейший Максим,
 Римского форума страж, светоч парнасских богинь,—
 Предки твои по отцу — Мессалы, по матери — Котты,
 И сочетанием их дважды твой род именит.
 45 Вот меж скольких певцов считался и я не последним:
 Люди, читая меня, славили Музу мою.
 Так перестань же терзать изгнанника, низкая Зависть,
 Пепел костра моего черной рукой не тревожь!
 Все потерял я, что в жизни имел, и только осталось
 50 То, в чем муки мои, то, в чем чувствительнице мук.
 Нужно ли мертвую острую сталь вонзать в уже мертвое тело?
 Право, и места в нем нет новую рану принять.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИБИС

НАУКА РЫБОЛОВСТВА

ОРЕШНИК

ПРИТИРАНЬЯ ДЛЯ ЛИЦА

ИБИС

В жизни моей доселе я счел дважды пять пятилетий —
А безоружна была добрая Муза моя.
Многие тысячи букв перо мое вывело в строки,
Но ни в единой из них не окровавился цвет.
8 Кроме создателя их, никому от них не было худа —
Я лишь, «Науки» певец, вместе с «Наукой» погиб.
Но отыскался такой человек, которому ныне
Хочется дерзко отнять славу моей доброты.
10 Кто бы он ни был — а я не хочу называть его имя,—
Сам он влагает копьё мне в неискусную длань.
В дальнем краю, откуда мороз аквилонами дышит,
Не позволяет он мне в ссылке таяться моей.
Он неумно мои бередит незажившие раны,
Он площадным языкам имя мое предает;
15 Он не дает и жене живого оплакивать мужа
Ради связующих нас вечных супружеских уз;
Он запрещает и мне из обломков разбитого челна
Дар мой обетный нести спасшим от смерти богам;
Он, который бы мог умерить пожар полыхнувший,
20 Нынче поживы себе ищет урвать из огня.
Он отнимает последний кусок у ссыльного старца —
Ах, не достоин ли сам этой он кары моей?
Боги меня да хранят, а более всех — величайший,
Тот, кто дороги мои от нищеты бережет,
25 И благодарность ему за кротость высокого сердца
Я не устану вовек, сколько есть силы, гласить.
Целый Понт услышит меня! а быть может, быть может,
По изволенью его станет и ближе мой край.
Только тебе, кто лежачего бьет беспощадным копытом,
30 Только тебе я по гроб буду заклятым врагом.
Раньше вода и огонь прекратят свою вечную распря,
Раньше сольются в выси лунный и солнечный свет,
Раньше один небосклон и Зефиром повеет, и Евром,
Раньше с полярных небес дунет разымчивый Нот,

- 35 Раньше новая дружба родится из братского дыма,
Вставшего с смертных костров, древней зажженных враждой,
Раньше с летом зима и осень совьется с весною,
Раньше с одной стороны вспыхнут восход и закат,
Нежели я положу оружие, поднятое ныне,
- 40 Нежели вновь утвержу мир, оскверненный тобой,
Нежели дальность пространств загладит такую обиду,
Нежели давность времен ненависть в сердце смягчит!
Мир между нами таков — вся жизнь моя в этом залогом! —
Как у свирепых волков и беззащитных овец.
- 45 Я выступаю на бой, не сменив стихотворного строя,
Хоть непривычна к борьбе поступь подобной стопы.
Как при начале борьбы, не размявшись еще перед битвой,
Воин ударом копыя бьет в золотистый песок,
Так же и я на тебя не мечу еще острого дрота
- 50 И в ненавистную грудь сразу копьем не тянусь.
Кто ты такой, как имя твое, и чем ты ославлен —
Даже об этом пока прямо сказать не спешу.
Ежели будешь упрям — то, Ликамбовой кровью окрашен,
Станет оружием моим вольный язвительный ямб.
- 55 Ныне же, как Баттиад нарекал ненавистника «Ибис»,
Так и мои о тебе будут проклятья звучать,
Так и мои облекутся стихи туманом намеков,
Хоть непривычны для нас этот обычай и слог.
В «Ибисе» «Ибиса» я повторю околичные речи
- 60 И позабуду на час собственный путь мой и вкус.
Ибис — имя тебе до поры в моей маленькой книге,
А настоящее я скрою пока от людей.
Как нависает ночной туман над моими стихами,
Так и вся твоя жизнь будь непроглядно черна!
- 65 В день рожденья и в день подарков к январским календам
Пусть тебе вещей язык вымолвит этот привет!
Боги земель и боги морей и вы, что блюдете
Вместе с Юпитером власть над куполами небес,
Вас умоляю: ко мне, ко мне преклоните вниманье,
- 70 Вас умоляю: мольбам силы придайте моим.
Ты, святая земля, вы, пенные волны морские,
Ты, высочайший эфир, эти моленья прими!
Звезды небес и солнечный лик в лучистом сиянье,
Месяц, которого круг с каждою ночью новей,
- 75 Ночь сама, ужасная нам в отененном обличье,
Вы, три сестры, в три перста вьющие срочную нить,
Ты, преисподнюю глубь оглашающий ропотом грозным
Водный поток, чья волна клятвопреступным страшна,
Вы, что в народной молве перед черной воссели темницей,
- 80 Кудри перевенчав вьющимся туловом змей,

- Вы, наконец, бессмертная чернь, сатиры и фавны,
Доги речные и нимф полубожественный род,
Все, и от древнего хаоса вставшие древние боги,
И молодые доднесь, — встаньте в назначенный час,
⁸⁵ В час, как запелось мое проклятие над вероломным,
В час, как обида и гнев правят погибельный чин!
Будьте к моим благосклонны мольбам — и последним, и первым,
Чтобы ни слово, ни звук не прозвучали вотще!
Все, о чем я молю, да сбудется так, как сбывалось
⁹⁰ Все, о чем умолял критской владычицы зять!
Если какую-нибудь и забуду я казнь, проклиная,
Вы не забудьте о ней: пусть он страдает больней!
Пусть не убавит ему наказания и божьего гнева
Мнимое имя его, вставшее в этих стихах!
⁹⁵ Ибис — в проклятьях моих, но кто этот Ибис — я знаю,
Знает и сам он, за что эти проклятья на нем.
Я приступаю к мольбам, как жрец приступает к обрядам, —
Благоговейте со мной вы, что стоите вокруг!
Вы, что стоите вокруг, изрекайте зловещие речи,
¹⁰⁰ Лейте слезы из глаз — к Ибису, к Ибису путь!
С левой ноги повстречайтесь ему, с нехорошей приметы,
Видом черных одежд раньте опасливый глаз!
Что же ты медлишь, мой враг? Прими погребальную повязь,
Видишь: уже для тебя смертный воздвигнут алтарь,
¹⁰⁵ Шествие ждет: пусть ничто не задержит последних обетов —
Ты, обреченный, подставь горло ножу и жрецу.
Пусть не даст тебе суша наесться и влага напитаться,
Пусть надыхаться не даст веяньем ветер своим,
Солнце не станет греть, светить не станет Диана,
¹¹⁰ Звезды свои отведут взоры от взоров твоих!
Пусть от тебя отшатнется огонь, пусть воздух отхлынет,
В тропях откажет земля, в броне откажет вода!
Нищим изгнанником стань, обивай чужие пороги,
С дрожью в робких устах скудный выпрашивай кус,
¹¹⁵ Пусть ни тело, ни ум не избудут стеноящей боли,
Ночь будь тягостней дня, ночи будь тягостней день!
Жальче жалкого будь, но никто пусть о том не жалеет:
Встречной и встречному — всем в радость страданья твои!
Жалок? мало того, ненавистен будь по заслугам!
¹²⁰ Много зла претерпел? Больше и больше терпи!
Редкой будь участь твоя: Фортуна, забыв о приязни,
Век да не сводит с тебя свой ненавидящий взор!
Много будь к смерти причин, но мало возможностей к смерти:
Встретить смерть не сумеет, против желанья живи!
¹²⁵ Долгой да будет борьба, пока от истерзанной плоти
Не отлетит, наконец, долго терзавшийся дух.

Сбудется слово мое! Сам Феб являет мне знаки —
Видю: от левой руки птица печали летит.
Истинно так: обеты мои небожителей тронут,
130 Чаюнье смерти твоей пищею будет душе.
Раньше пусть душу мою, которую столько ты травмишь,
Смертный день унесет, мой долгожданнейший день,
Нежели дальность пространств загладит такую обиду,
Нежели давность времен ненависть в сердце смягчит!
135 Нет, пока луком фракиец разит, а копьем язигиец,
Нет, пока теплым течет Ганг, а холодным — Дунай,
Дуб растет на горе, а трава зеленеет в долине,
А из этрусской земли Тибр свои волны несет,—
Быть нам врагами с тобой! Даже смерть вражде не помеха:
140 И у бессильных теней тоже оружие есть;
Даже тогда, когда растворюсь я в воздушном потоке,
Тень моя, мертвая тень будет с тобой враждовать;
Даже тогда не смогу я забыть о твоих злодеяньях,
Даже костяк мой, и тот встанет тебя ужасать!
145 Как бы я ни погиб — изнурит ли постылая старость,
Или от вражьей руки скорая встретится смерть,
Или в бескрайних морях окажусь я на утлом обломке,
И на чужой стороне рыбы мне тело пожрут,
Или заморские птицы вонзят в меня хищные клювы,
150 Или же кровью моей волк обагрит свою пасть,
Или, быть может, меня не откажут предать погребенью
И на плебейском костре тело бессильное сжечь,—
Что бы ни случилось со мной, но я вырвусь из пропастей Стикса,
Я дотянусь до тебя мстительной хладной рукой,
155 Днем я предстану тебе, и в сумраке ночи безмолвной
Вдруг ты увидишь меня, и уж тебе не уснуть;
Где бы ты ни был, куда бы ни шел, полечу пред тобою,
И от стенаний моих ты не укроешься, нет,
Выгнувшись, бич зазвучит, зашипят перевитые змеи,
160 Факелы дымом дохнут в твой застыдившийся взгляд,
Фурии будут живого терзать и мертвого будут,
Будет недолгою жизнь, но бесконечною казнь!
Да, погребенье твое не оплакано будет от ближних,
Неупокоенной в прах рухнет твоя голова:
165 Ты под рукой палача повлечешься на радость народу,
В мертвое тело твое крепко вонзится багор,
Всепожирающий огонь отшатнется от мерзостной плоти,
В праведном гневе своем труп твой отвергнет земля —
Когтем и клювом кишки твои медленный вытянет коршун,
170 Зубы вопьются собак в лживое сердце твое,
Станут о теле твоём враждовать ненасытные волки —
Вот твоя доля: гордись славой, достойной тебя!

Не к Элисейским полям — к иным воззовут твою душу,
В пагубном сонме и злом будет обитель твоя —
175 Там, где Сизиф взогнать и нагнать неволится глыбу,
Там, где распятый простер члены вдоль спиц колеса,
Там, где кровавой толпой, приневестившись к роду Египта,
Носят Белиды не в прок воду на вечных плечах,
Там, где Пелопов отец и может схватить, и не может
180 С веток нависших плоды или напиток воды,
Там, где в урочную снедь предает себя хищнице-птице
Тот, кто от пят до чела девять покрыл десятин,—
Там и настигнет бичом тебя старшая в троице фурий,
Ребра твои охлестнув в счет злодеяний твоих,
185 Адскими змеями к ранам твоим приникнет вторая,
Третья вожжется в лицо жарко дымящим огнем;
Тысячу тысячей мук для мучения пагубной тени
Вымыслит ради тебя мерящий казни Эак:
Он на тебя перепишет былых преступников кары —
190 Всем, кто казнился в веках, дашь ты желанный покой:
Ныне есть кому стать под катящимся грузом Сизифа,
Новое тело помчат спицы в колесном бегу,
Вот кто будет ловить напрасные ветви и волны,
Вот кто будет питать вечных утробу птиц!
195 Смертной муке конца вторичная смерть не положит,
В стольких казнящих часах часа последнего нет.
Я лишь немного молвлю о том — унесу ли я много
Листьев с Идейских высот, вод из Ливийских морей?
Ибо сколько цветов в сицилийской рождается Гибле,
200 Сколько шафрана — в полях под киликийской горой,
Сколько суровой зимой несут аквилоновы крылья
Градин, чтоб горный Афон белой покрыть сединой,—
Этого мне не исчесть, и твоих не исчесть злодеяний,
Даже если бы мне в сто языков говорить.
205 Столько познаешь ты бед, в таких захлебнешься крушеньях,
Что уж не мне ль самому впору разлиться в слезах?
Слезы такие меня наградят беспредельным блаженством,
Этот утешнее плач, нежели радостный смех!
Ты несчастливцем рожден: такова небожителей воля!
210 Над колыбелью твоей добрых не видано звезд:
Не проблестала Венера в тот час, не явился Юпитер,
В неблагоприятных домах Солнце стояло с Луной;
Тот, кого родила Юпитеру светлая Майя,
В месте недобром зажег свой над тобою огонь;
215 А занесли над тобой гнетущую звездную злобу
Марс, не сулящий добра, и серпоносный старик.
Черные тучи сошлись в небесах над тобой в день рожденья,
Чтобы вовеки тебе светлого в жизни не знать.

- В календаре этот день названьем «аллийского» проклят —
 220 Ибис в этот же день в пагубу Риму рожден.
 Только скользнувши на свет из нечистого чрева родившей,
 Ты к кинифийской земле мерзостным телом припал.
 Филин ночной, напротив тебя воссев на вершине,
 Мрачным криком кричал, смертный разинувши клюв.
 225 Новорожденному тело омыли втроем Евмениды
 Влагой, которую Стикс высочил в поры болот;
 Трижды они над тобой заломили кровавые руки,
 Змеи Эреба тебе ядом обрызгали грудь,
 Млеком от сучьих сосцов упились сосущие губы,
 230 И не напрасно оно в детскую глотку влилось —
 В корме выкормыш впил звериную ярость питавшей,
 Лаем собачьим привык речи людские встречать.
 Члены твои повились пеленой темно-ржавого цвета,
 Взятою вором ночным на погребальном костре.
 235 Чтоб не на голой земле нетвердой лежать головою,
 Жесткий булыжный голыш стал изголовьем тебе.
 И наконец, отходя уже прочь, под самые очи
 Трое сестер поднесли факел на свежем суку,
 Слезы твои потекли в ответ горячему дыму,
 240 И обратилась к тебе вот как одна из сестер:
 «Эти слезы твои мы вызвали впрок и надолго —
 Сколько ни будешь ты жить, будут причины для слез!»
 Так провещала она. И Клото не спорила с нею:
 Нить на веретене правя враждебной рукой,
 245 Так повелела она прорицанию сбыться, добавив:
 «Явится некий поэт петь о судьбине твоей».
 Я — тот самый поэт! От меня и услышь свои беды;
 Боги! Силу свою в эти вложите слова.
 А за моими словами тебя и дела не минуют —
 250 Горькие слезы пролив, сам ты узнаешь о них.
 Мукам этим твоим старинные будут примеры:
 Что претерпел Илион, то же претерпишь и ты.
 Сам Пеантид, наследник героя, что палицей славец,
 Столько отравленных ран в трудной ноге не носил;
 255 Будешь страдать, как тот, кому лань сосцы подставляла,
 Рану оружейный нанес, а безоружный помог;
 Или как тот, кто рухнул с коня средь Алейского поля,
 Сам своей красотой гибель стяжавши себе;
 Аминторида судьбу разделяя, лишись ты света,
 260 Будешь по робкой тропе палкой выщупывать путь;
 Будешь незрячим, как тот, кто на дочь опирался в дороге,
 Матери кто и отца черным коснулся грехом;
 Или как тот, кто был избран судьей в затейливом споре
 И получил за ущерб аполлинический дар;

- 265 Или как тот, по чьему наставлению птичка-голубка
Путь проложила ладье — делу Палладиных рук;
Или как тот, кто лишился очей, до золота жадных, —
Сыну их в жертвенный дар сирая мать принесла;
Или как тот овцевод этнейский, которому участь,
270 В будущность взоры вперя, Телем пророк Евримид;
Или как Демодок, как Фамир, как два Финейда,
Коим как дал, так и взял зренье несчастный отец.
Так тебя рассекут, как тот, кто рожден был Ураном,
Сам Урану отсек то, от чего порожден.
- 275 Будет во вздутых волнах Нептун к тебе не добрее,
Чем к тому, у кого птицы — супруга и брат;
Или к тому, кого Семелы сестра пожалела
И из обломков ладьи, морем разбитой, спасла;
Или же кони тебя по рукам и ногам четвертуют,
280 Чтоб не единственный был этою казнию казнен;
Или же примешь ты смерть, как тот, что в плену у пунийцев
Не пожелал за себя выкупа в Риме просить;
Бог тебе будет не в помощь, как не был Юпитер троянцу
В час, когда тот обнимал тщетно Ретейский алтарь;
285 Как фессалиец когда-то с возвышенной бросился Оссы,
Ты с каменной горы бросишься вниз головой;
Или, как тот Еврилох, что его унаследовал скипетр,
Ты свое тело отдашь змеям прожорливым в снедь;
Или же смерть постигнет тебя, как постигла Миноса,
290 Ливнем горячей воды прямо на голову пав;
Или же, как Прометей, за незлое наказанный сердце,
Будешь пернатую тварь собственной кровью питать;
Или, как Эхекратид, трижды пятый по мощном Геракле,
Силы лишаешь под ножом, канешь в пучину морей;
- 295 Или, как Аминтиад, любовнику став ненавистен,
Примешь в грудь от него больно отточенный меч;
В кубках будет твоих такое вино, как когда-то
Пил прославленный сын Зевса с рогатым челом;
Или же примешь ты смерть, подобную смерти Ахея,
300 Что, пригвожденный, повис над златоструйной рекой;
Или, как тот, что был именем горд Ахиллова рода,
Под черепичный удар вдруг попадешь головой;
И, как его соименник, чей прах по Эпиру рассеян,
Так же и ты не найдешь места останкам своим;
- 305 Как Эакидова дочь, ты умрешь под ударами дротов,
И не поможет тебе святость Церериных мест;
Или, как внук Эакида-царя, что был только что назван,
Ты из родительских рук примешь отравленный сок;
Или, зарезав тебя, вернет себе доброе имя
310 Женщина — именно так был ведь зарезан Левкон;

Или с собой на костер взведешь ты любимейших ближних —
 Именно так свою жизнь кончил и Сарданапал;
 Или, как тех, кто шел на разгром ливийского Зевса,
 Южный ветер тебя знойным засыплет песком;
³¹⁵ Как на коварную смерть обреченные Дарием Охом,
 Будешь насыпанный прах пастью разинутой грызть;
 Или от голода или от холода встретишь кончину,
 Как ее встретил беглец от сикионских маслин;
 Или, как вождь Атарнейский, обшитый воловьєю кожей,
³²⁰ Будешь повергнут к стопам пред господином своим;
 В опочивальне своей ты умрешь, как ферейский владыка,
 Тот, над которым жена гибельный меч занесла;
 Тех, кого верными мнил, роковую познаешь неверность,
 Смертную рану прияв, как ларисейский Алев;
³²⁵ Словно Милон, писейский тиран, тиранивший Пису,
 Брошен вниз головой, в тайные воды скользнешь;
 Как Адиманта, царя филесийского, вышний Юпитер
 Сжег перуном своим, так же сожжет и тебя;
 Или же, как амастрийский Леней, покинув отчизну,
³³⁰ Голый, голодный умрешь там, где владычит Ахилл;
 Или, как Евридамант вокруг Фрасиллова праха,
 Трижды будешь влеком вслед ларисейским коням;
 Или даже как тот, кто им защищенные стены,
 Павши, объехал не раз — в знак, что недолге им пасть;
³³⁵ Или как тот, кому новую казнь Гиппомен предназначил,—
 Прелюбодея влача по эрехтейской земле;
 Чтобы и после того, как жизнь покинула тело,
 Кони, мстя, волокли грязью испятнанный труп.
 Так твой потроха прилипнут к морскому утесу,
³⁴⁰ Как под евбейской скалой давних останки пловцов,
 И, как насильник погиб от молнии и от пучины,
 Так и тебя сокрушат сразу вода и огонь.
 Фурии душу твою помутят, как душу того, кто
 Телом израненным был ране подобен сплошной;
³⁴⁵ Будешь, как Дриантид, владетель Родопского царства,
 Парой ступать по земле неодинаковых ног;
 Будешь, как зять двух змей, как смертник Этейской вершины,
 Как Тисамена отец, как Каллирои супруг!
 Будет супруга твоя ничем не стыдливей невестки
³⁵⁰ Той, за которую встарь краской покрылся Тидей,
 Или же той, что в любви сочеталася с мужниным братом,
 Хитростью вместо себя выдав служанку на казнь.
 Боги тебе да пошлют такую же верность супруги,
 Как Тиндарей и Талай в дар завещали зятям!
³⁵⁵ Так, принешие смерть своим двоюродным братьям,
 Ныне Белиды бредут с вечною ношей воды.

Будет сестра у тебя — как Библида и как Эолида,
Только ради того, чтоб преступленье свершить;
Будет и дочь — но будет любить она, как Пелопея,
360 Как Никтимена и как Мирра любили отцов:
Жизнь отцовская ей дорога не более будет,
Чем Птерелаева жизнь или чем Нисова жизнь,
Или чем жизнь того, кого дочь, колесницей поправши,
Память об этом грехе улице передала.
365 Сам же погибни, как те женихи, черепами которых
Был изукрашен вход в доме писейских царей,
Или, напротив, как тот женихов неустанный гонитель,
Что обагрил, наконец, собственной кровью песок;
Или как тот колесничий, который, сгубив господина,
370 Морю Миртойскому дал новое имя носить;
Или как те, что хотели нагнать быстроногую деву —
Тщетно, пока не легло яблоко под ноги ей;
Или как те, что входили в безвыходный дом Минотавра,
Чтобы вслепую искать с диким чудовищем встреч;
375 Или как те четырежды три троянца, которых
На погребальный костер властно послал Эакид;
Или как те, кого завлекал двусмысленной речью
Сфинкс, чтобы после обречь на несказанную смерть;
Или как те, что погибли во храме бистонской Минервы,
380 Из-за чего и досель лик у богини закрыт;
Или как те, кто в старинные дни кровавою снедью
Были фракийским коням в стойле у злого царя;
Или как те, что Фоантом заколоты в жертву богине
Или питали собой Феродамантовых львов;
385 Или как те, кого сорвала с корабля дулихийцев
Жадная Скилла, и те, коих Харибда впила;
Или кого Полифем в огромном сокрыл своем чреве,
Или кого Антифат съел в лестригонском дому;
Или кого пунический вождь в колодезной глуби
390 В воду велел погрузить и схоронить под песком;
Или же как женихи Икариды и с ними служанки,
И на хозяйскую жизнь давший оружие гостям;
Или как дальний Антей, аонийским борцом побежденный,
Тот, что, касаясь земли, вмиг становился сильней,
395 Или как те, кого дальний Антей побеждал своеручно,
Или как все, кто погиб в женском лемносском грехе,
Или как тот, кто, подав недобрый совет властелину,
Первою жертвой стал, павшей во имя дождя;
Иль как Антеев же брат, что окрасил свой жертвенник кровью
400 И научил убивать, сам показавши пример;
Или как тот нечестивец, который коням своим страшным
Вместо сена с овсом мясо людское давал;

- Или как двое погибших от рук одного и того же,
 Но от несхожих ран — зять Дексамена и Несс;
- 405 Или как правнук Сатурна, которого гибнущим видел
 Сын Корониды, чей храм — на эпидаврской земле;
 Или как Синид, Скирон и тот, чей отец — Полипемон,
 Или получеловек, получудовищный бык;
 Или же тот, кто сосны сгибал и опять отгускал их,
- 410 Глядя с двуморья в моря с той и другой стороны;
 Или же тот, которого смерть наблюдала Церера,
 Радуясь, что Керкион пал от Тесеевых рук,—
 Все эти беды, моим заслуженно званные гневом,
 Или не меньшие их — да не минуют тебя!
- 415 Будь, как Ахеменид, у подножья оставленный Этны
 В час, когда увидал парус троянской ладьи!
 Будь, как Ир двуименный, всегда подаяняя просивший,
 Будь и хуже, чем Ир, в нищей толпе на мосту!
 К сыну Цереры любовь да будет твоя безответна,
- 420 Пусть на просьбы твои он не дает, а берет!
 Как на побережье морском то приходит волна, то уходит,
 И исчезает с песка оттиск ступавшей ноги,
 Так достоянье твое да будет таять и таять,
 Между пальцев твоих вновь ускользая и вновь!
- 425 Словно родитель, чья дочь вновь и вновь изменяла обличья,
 Мучься голодной тоской, не угасимой ничем!
 Чтобы гнущаться тебе не пришлось человеческим мясом,
 Чтобы явился в тебе нынешний, новый Тидей,
 Чтобы за черное дело твое от заката к востоку
- 430 Солнце направило вспять бег колесничных коней!
 Ликоонидову снедь вкушай на гнусных застолах,
 Тщись коварной едой вышних богов обмануть!
 Пусть и тобою самим пытаются всеведенье божье —
 Жди Танталидовых мук и Телендовых мук!
- 435 Тело твое, изрубив, по полям размыкают дальним —
 Словно дорогам отцов было помехой оно.
 Ты из Перилловой меди skleпашешь подобие бычье —
 Видом и звуком оно будет, как вылитый бык;
 И как злодей Фаларид, язык под мечом потерявший,
- 440 Бычьим мычанием сам будешь из меди стеньять.
 Если захочешь вернуть себя в свои лучшие годы —
 Будешь наказан, как царь, взявший Адмета в зятя.
 Если, как конный герой, ты бросишься в топкий колодец —
 Имя его промолчит о дерзновенье твоём.
- 445 Гибель такую прими, как драконы приняли севы,
 Тирским поражены камнем средь эллинских нив.
 Как у Пенфида сбилось проклятье над братом Медузы,
 Так над твоей головой пусть оно сбудется вновь!

- Будь, как пернатая тварь, предмет заклинаний поэта,
450 Та, что сама себе срам моет прыскучей водой.
Столько ран получи, сколько тот, говорят, получивший,
Коему в жертвенный дар не допускается нож.
Так себя изувечь, как те, которых Кибела
Учит увечить себя пенью фригийскому в лад.
- 455 Стань ни мужчиной, ни женщиной, стань холощеным, как Аттис,
Мягкой рукой ударяй в резко звучащий тимпан,
Зверем внезапно явись к Великой Матери в стадо,
Как победитель-бегун и побежденная с ним;
Пусть не одна эту казнь на себе испытает Лимона,
460 Пусть и твои потроха конский размыкает зуб!
Ты, как тот некроткий тиран, что в Кассандрии правил,
Раненый, будешь лежать под насыпной землей;
Или как Абантиад или Кикна лирнесский потомок,
Ты, заточенный в ларец, в волны морские скользнешь;
- 465 Или как жертва падешь на святом алтаре Аполлона —
Жертва, которою встарь пал от врага Феодот;
Или в положенный день принесет тебя в жертву Абдера,
Градом казнящих камней на обреченного пав;
Или падешь, поражен, под триострым копьем громовержца,
470 Как Гиппоныя дитя, как Дексионны отец,
Как Автоноя сестра, как Майи лукавый племянник,
Как неумелый ездок на поднебесных конях,
Как обезумевший царь Эолид, как кровный сородич
Той, что в ночных небесах незаходяще блестит,
- 475 Как Макело, пораженная вмиг и вместе с супругом, —
Так я молю небеса сжечь тебя мстящим огнем!
Стань добычею тех, кого не пускают на Делос
После того, как погиб ими растерзанный Фас,
Тех, кем не пощажен увидавший купанье Дианы
480 И от кого не ушел отпрыск Кротопия — Лин.
Ты не минуй и змеи, ядовитое жало которой
В царство теней низвело старца Эагра сноху,
Или которой убит Архемор, иль которой задушен
Тот, кто ударил копьём в полое чрево коня.
- 485 Ты на крутой высоте, под бременем винного хмеля,
Так потеряешь себя, как потерял Эльпенор,
Так, укрощенный, падешь, как некогда пали дриопы,
Фриодаманту помочь вставши на битвенный зов,
Или неистовый Как, мычанием выданный бычьим,
490 Пал, в пещере своей той же рукой умерщвлен,
Или как тот, кто за дар, окрашенный Нессовой кровью,
Собственной кровью своей водную зыбь обаграл,
Или как тот, кто с отвесной скалы низвергнулся в Тартар,
Из сократических книг выучив речи про смерть,

- 495 Или как тот, кто неверный узрел над сыновней ладьею
 Парус, иль как юнец, павший с пергамской стены,
 Или как та, чьи сосцы вскормили племянника-Вакха,
 Иль как накликавший смерть изобретением пилы;
 Линдская дева, чья брань оскорбила могучего бога,
 500 Так низверглась со скал, как разобьешься и ты!
 Пусть тебе в отчих полях повстречается плодная львица,
 Чтобы Фалекова смерть не миновала тебя!
 Вепрь, от которого пал сын дерева, пал нестрашимый
 Идмон, пал Ликургид, — пусть и тебя поразит!
 505 Пусть он тебя поразит даже мертвый, как ловчего мужа —
 Та голова кабана, что пригвоздил он к стволу!
 Или сама тебе станет сосна причиною смерти,
 Как берекинфскому встарь стала фригийцу-ловцу!
 Если твои якоря упадут в минойскую отмель —
 510 Пусть о тебе зашумят: «Это — коркирский пришлец!»
 В дом ли войдешь — пусть обрушится дом, как над тем Алевадом
 В Леопропидову честь звездный обрушил близнец!
 Как Тиберин и Эвен, речным поглощенный потоком,
 Имя свое завещай быстро бегущей воде!
 515 Как Астакид, ты свою отсеченную голову выдай
 На растерзанье зубам, диких достойным зверей!
 Как пресловутый Бротей, обуянный желанием смерти,
 Тело повергни свое на погребальный огонь.
 Злую гибель прими, заточенный в железную клетку,
 520 Как летописец, чей труд не был вовек завершен.
 Стань тебе твой же лукавый язык причиною казни,
 Как для того, кем открыт дерзкий ямбический стих!
 Всем ненавистный, от голода сгинь, как тот стихотворец,
 Чей неустойчивый стих плел на Афины хулу!
 525 В раненой правой руке обрети себе смертную участь,
 Как песнопевец, что вел важную лирную песнь!
 Как Агамемнонов сын, уязвленный змеиным укусом,
 Рухни, губительный яд впивши из острых зубов.
 Первая брачная ночь да будет твоею последней —
 530 Так с молодою женой вместе погиб Евполид.
 В чрево твое да вонзится копьё и останется в ране —
 Так, обутый в котурн, встретил конец Ликофрон.
 Да растерзают тебя в горной роще родимые руки,
 Словно фиванца, кому дедом был кольчатый змей;
 535 Бык да помчит тебя в быстром бегу по острым утесам,
 Как своевластную мчал Посидонида жену;
 Твой отсеченный язык да падет пред твоими стопами,
 Как у сестры, что сестре брачную смяла постель!
 Как запоздало признавший отец безымянную Мирру,
 540 Будешь бродить без конца с краю до краю земли;

- Словно ахейский певец, и ты вредоносному жалу
Трудолюбивой пчелы дашь погрузиться в глаза;
Словно имевший женой своей Пирру, рожденную братом,
Ты в каменистых горах дашь себе чрево терзать;
- 545 Словно Гарпагово чадо на новом Фiestовом пире,
Ты, изрубленный в снeдь, ляжешь в утробу отца;
Будут жестоким мечом разъяты убогие члены,
Чтобы припомнил народ, как поплатился Мамерт;
Будет захлестнуто тесной петлей дыхание в горле,
- 550 Чтобы окончил ты жизнь, как сиракузский поэт.
Голое мясо твое обнажишь из-под вспоротой кожи,
Словно фригийский сатир, давший название реке.
Взвидишь перед собой каменящие очи Медузы
И с эфиопской толпой примешь единую казнь.
- 555 Словно потнический Главк, погибнешь в зубах лошадиных,
Как соименник его, прянешь в морскую волну,
Или как младший из трех, именуемых именем этим,
Изнемогающий дух в кносском испустишь меду.
Трепетно выпьешь питье, какое бестрепетно выпил
- 560 Старец, дававший суду перед Анитом ответ.
Будешь во всякой любви несчастен, как отпрыск Крeонта,
А в обладаньи таков, как Эолид Макарей.
Землю родную свою увидишь объятаю пожаром,
Как с илионской стены Гекторов Астианакс.
- 565 Словно охотник, рожденный на свет от сестры и от деда,
Кровью омоешь своей кровосмесительный грех.
Будешь таким же копьем поражен, каким пораженный
В самую плоть и кость умер Икарнев зять.
Словно тому, кто в кленовом коне нарушил молчанье,
- 570 Голос твой пресечен будет чужою рукой.
Как Анаксарха, тебя истолкут, ударяя пестами:
В ступе вместо зерна кости твои загремят.
Феб во гневе своем заточит тебя в глубь преисподней,
Словно Псамафы отца, так поступившего с ней!
- 275 На домочадцев твоих такая обрушится кара,
Из-под какой аргивян спас в свое время Кореб.
Как Ипполит, обреченный на смерть Венериним гневом,
Будешь, отверженный, смят бегом взбешенных коней.
Как ради многих богатств погубил опекатель питомца,
- 580 Так да погубит тебя ради немногих богатств!
Словно Дамасихтон, погибнувший с братьями вместе,
Ты низведи за собой в Тартар все племя твое;
И, как под прахом сынов изнемог песнопевец фиванский,
Так и тебе поделом жизнь твоя бременем будь.
- 585 Камнем оцепеней, как сестра каменела Пелoпа
Или как Батт, языком сам погубивший себя.

- Ежели воздух пустой ты разрежешь метаемым диском —
 Пусть тебя он убьет, как Эбалида убил!
- Ежели руки твои поборются с пенною влагой —
 590 Будь тебе эта волна злей абидосской волны!
 Как комедийный поэт нашел свою гибель в пучине,
 Так захлебнешься и ты черной стигийской водой;
 Если же выплывешь ты из хлябей, бичуемых ветром,—
 Встретишь, как Палинур, смерть на прибрежной земле.
- 595 Или же станешь добычею псов, берегущих Диану,
 Как сочинитель стихов, в строгий обутый котурн;
 Или как тот тринакийский мудрец, в сиканскую Этну
 Прянешь, которой жерло вечным пылает огнем.
 Тело твое на куски разорвут безумные ногти
- 600 Тех, кто на гебрских берегах рвали Орфееву плоть.
 Как на огне сгорел без огня каледонский охотник,
 Так от меня да сгорит твой погребальный костер;
 Как фасианский венец погубил молодую супругу,
 Испепелив и отца, и эфирейский дворец,
- 605 Как ядовитая кровь растеклась в Геркулесовом теле,
 Так да изложет тебя сок смертоносных отрав.
 Как Пенфилеев Ликург, ты почувствуешь раненым телом
 Нового жало клинка в мстящей сыновней руке.
 Словно Милон, в дубовую щель погрузишь свои руки —
- 610 И уж из этой щели больше не вызволишь рук.
 Людям дары понесешь — и погибнешь от них, как когда-то
 Щедрый Икарий погиб от опьяненной толпы;
 И, как его неутешная дочь над отцовою могилой,
 Сам себе петлю сплети, сам в нее горло продень.
- 615 Пусть тебя замкнутый вход обречет голодать и во храме —
 Эту назначила казнь сыну казнимому мать.
 Сам похитителем стань святого кумира Минервы,
 Как разрешитель пути сонму авлидских пловцов.
 Смертью своей искупи преступленье, в котором невинен,
- 620 Как искупил Навплиад ложно взведенный навет.
 Как у Исиды в дому умертвил домодержец пришельца,
 Коего прочь от святынь гонит Инахова дочь,
 Или как тот, что таился во тьме от оружий Меланфа,
 Но при очажном огне матерью был уличен,
- 625 Так же и ты упади под копьями, бьющими в чрево,
 Так и тебе никто пусть не протянет руки!
 Ночи такой же дождись, как дождался фригиец, который,
 Робкий, льстился стяжать мирмидонийских коней;
 Сном забудься таким, как когда-то товарищи Реса,
 630 С ним разделявшие путь, с ним разделявшие смерть;
 Или как те, кого Гиртакид и друг Гиртакида
 В жертву мечу обрекли в свите царя-вещуна.

Словно Клиниев сын, из полусожженного тела
 Душу сквозь черный огонь выдохни в смертную сень;
 635 Или, как древний близнец, новозданную стену поправший,
 Казнь прими под копьем, пущенным грубой рукой;
 Или живи и умри вот здесь, меж сарматов и гетов,
 Здесь, под градом их стрел,— боги, услышьте меня!
 Вот пожеланья мои. Неси их, поспешная книжка,—
 640 Пусть не печалится враг, будто о нем я забыл!
 Мало сказано здесь; но вашею милостью, боги,
 Да совершится втройне все, что я здесь посулил!
 Близок и большему срок — и твое настоящее имя
 Скоро ударит в твой слух в беге воинственных стоп.

НАУКА РЫБОЛОВСТВА

[...после мирного царства Сатурна Юпитер]
 Принял мир; закон даровал оружие любому
 И научил им владеть. Так боднуть угрожает теленок,
 Хоть у него, малыша, еще не прорезались рожки;
 Бегством спасается лань; лев грозен отвагою сердца;
 5 В зубе — сила собак; в ударе хвоста — скорпионов;
 Взмахи крыльев несут к спасенью летучую птицу.
 Всех страшит неизвестная смерть. И чувствует каждый,
 Где его враг, и как от врага защититься, и много ль
 Силы в защите такой. Подводный губан, понимает,
 10 Если, [польстясь на приман, заплывет в рыболовные сети,]
 Остерегаться коварств, обещаемых этой поживой,
 И не бросаться, оставивши лоб, на плетеные снасти,—
 Нет, он хвостом обращается к ним, чтобы частым ударом
 Щели ячей расширить в сетях и выйти на волю.
 15 Если же, видя, как в тесной щели он гнется и бьется,
 Друг-губан пожалеет его, то, подплыв к нему сзади,
 Он уязвит его в хвост, чтобы стали удары сильнее
 [И чтобы легче добыча ушла из опутавшей сети.]
 А каракатица, ежели к ней на ходу неспешном
 20 Вдруг протянуть под прозрачную воду опасную руку,
 Черную кровь изрыгнет, отемнит ею светлую влагу
 И отведет настаигающий взгляд от верной дороги.
 Даже морской судак, при всей своей лютости нрава,
 В сеть попадая, ложится на дно, песок разгребают

- ²⁵ [И, лишь заметив, что сеть миновала,] выходит наружу,
 Этой уловкой своей одолев рыболовную хитрость.
 Хищный *угорь морской* со своей бесчешуйной спиной
 Ищет нарочно в сети, какая дыра покрупнее
 И, выгибаясь опять и опять поворотливым телом,
- ³⁰ Прочь ускользает и всем пример подает вредоносный.
 А *осьминог*, напротив того, сетей избегает
 Тем, что к подводным камням головастое тулово лепит,
 Кожею цвет принимая такой, как окружное место,
 Ибо умеет окраску менять. И когда ему спустят
- ³⁵ Леску с приманкой на ней, он и тут исхитряется, жадный:
 Быстро вцепившись в нее, он с удою возносится в воздух
 И, обглодавши крючок, отпускает его и уходит.
 Так же *голавль* с крючка хвостом сбивает приманку,
 Чтобы потом ухватить. А *морской судак* разъяренный
- ⁴⁰ Мечется взад и вперед по теченью и против течения,
 Так трясая головой, что засевший крючок в его пасти
 Рану раздвинет и выпадет вон, вернув ему волю.
 Так же и *угорь морской* не щадит свою злобную силу
 И в рукопашную бьется, кусаясь оскаленным зубом.
- ⁴⁵ Даже попав на уду, он строптивой души не смиряет,
^{45a} [Тянется челюстью выше крючка и вгрызается в леску.]
 Так и *морской звездочет*, хоть очей на спине не имеет,
 Знает силу своих плавников и, нацелившись ими,
 Перерезает лесу и с крючком в челюстях уплывает.
- Не таковы в дремучих лесах живущие звери —
- ⁵⁰ То понапрасну дрожать заставляют их вечные страхи,
 То необузданный дух влечет их, свирепствуя, на смерть;
 А кому в бег, кому в бой — сама указала природа.
 Вот напрягшийся лев идет на охотничьи рати,
 Всех готовый разить, и грудь подставляет под копыя;
- ⁵⁵ С каждым шагом все тверже душа, все неистовой ярость,
 Грива сотрясена и силы умножены гневом;
 Вот он рванулся в прыжок — и с мощью летит на погибель.
 А безобразный медведь, из луканской ползущий берлоги, —
 Что он такое? лишь вес без лица, отупелая злоба!
- ⁶⁰ Вздрыбив шетину, травимый кабан весь яростью пышет,
 И устремляется встретить в упор удары железа,
 И окружен, и с пикой в боку испускает дыханье.
 Вот другие — они, полагаясь на резвые ноги,
 В бегство бросаются перед врагом, как робкие зайцы,
- ⁶⁵ Лани с рыжей спиной и олени, объятые страхом.
 Тут-то великая слава и честь коням благородным!
 Ищет душа их побед, им по сердцу радость триумфа
 Или венков, на кругу беговом завоеванных в цирке.
 О, посмотри, как скакун-победитель надменно закинул

- 70 Гордую голову, как он внимает народному плеску!
 Если же впрямь у него на спине красуется тело
 Павшего льва — как он важно идет, напоказ выступая,
 Как величаво разит с размаху копытом тугую
 Землю, неся на себе добычу славнейшей охоты!
- 75 А у собак — какое прославить первым?
 Чуткий ли нюх, неотступный ли бег, отважную ль хватку?
 Вот она, вскинувши нос, застыла и нюхает воздух,
 Вот, пригнувшись к земле, по следу звериному рыщет,
 Вот раздающийся лай созывает охотников к зверю;
- 80 Если же тот ускользнет от ударов, в него устремленных,
 Вновь собаки за ним летят по холмам и долинам.
 Наши дела — иные, для нас вся надежда в науке.
 Не предлагаю тебе забираться в открытое море,
 Чтобы оттуда пытаться глубину пространной пучины:
- 85 Лучший путь — это средний путь меж берегом и далью.
 . . . . .
 Не каменисты ли там берега — ибо скалы и камни
 Гибкую любят уду, а песчаные отмели — невод;
 Нет ли высокой горы, чья тень ложится на море,—
 Тень эта многих из рыб страшит, а иных привлекает;
- 90 Не зеленеет ли дно сквозь глубоководную толщу
 Травами, радостью рыб, и порослью водных растений?
 Распределила природа места в подводных глубинах
 Так, что по-разному их населяют разные рыбы.
 Любят открытое море *макрель* и *морская корова*,
- 95 И *золотой конехвост*, и с черною спинкой *летучка*,
 И неизвестная в наших морях драгоценная *стерлядь*;
Рыба-меч, чей удар и впрямь мечу не уступит,
 Робкий *тунец*, сквозь волну бегущий огромною стаей;
 И *прилипала-малютка*, великая судну помеха;
- 100 *Рыба-вожак*, при ладьях, бороздящих широкое море,
 Правящий путь за кормой по пенному светлому следу;
Пес морской, кровожадная тварь, под скалою живущий;
Пражна-дракон, чей сок ядовит, и с ней одноцветный
Многоколючник, и в синей воде красноперый *багряник*;
- 105 В пятнах и полосах *сарг*, и *радужник*, тоже пятнистый,
 Маленький *кольчатый спар*, золотистой сияющий шеей,
 Красный *пагр*, и рыжий *зубарь*, и писанный *окунь*,
 Сам от себя родящий мальков, как самец и как самка;
Солнечник, житель камней, зеленый, с некрупною пастью
- 110 Редкая рыба; и *мраморник* с пышно расписанным боком;
 И *златобровка* в богатом уборе; и *умбрица* — рыба
 Цвета свинца; и хищный *судак*, и *окунь*, и *козлик*,
 И *меланур*, за черный свой хвост повсюду хвалимый,
 Зеленоватый *губан* и *угри*: один — златолобый,

- 115 И чернобокий — другой, из-за ран не щадящий и ближних;
Ерш морской, что из сети разит вредоносным ударом;
 И неприметная летней порой *морская гиена*.
 А травянистое дно иной облюбвано рыбой:
 Это *губан*, что умеет один пережевывать жвачку,
 120 *Окунь морской*, и *ламир*, и *мена*, плодущая рыба;
 Бурая *рыба-орел*, ото всех презираемый *ильник*,
 Рыбка-*колюшка*, как птицы, подводные вьющая гнезда;
 Краснобородый *барбун* с чешуею, окрашенной кровью,
 И *косорот* белобокий, и *камбала*, схожая цветом,
 125 И удивленья достойнейший *адриатический палтус*,
 Плоский *заяц морской* и *лягва* со скользкой спиною,
 . . . . .
 130 Голый *колбень*, спинным плавником никому не вредящий,
 Черный таящие яд в прозрачнейшем теле *кальмары*,
 Жесткая *рыба-свинья*, *карида* с извилистым телом,
 И *водяной осел*, не ослиного званья достойный,
 И в отдаленных морях известная миру *севрюга*...

ОРЕШНИК

- Я — орешина, я близ дороги расту неповинно,
 Но проходящий народ камни бросает в меня.
 Казню такую казнят одних несомненных злодеев,
 Если общественный гнев дольше не в силах терпеть!
- 5 Я же чиста от греха, в едином мое преступленье:
 Груз ежегодных плодов я земледельцу несю.
 Но ведь в далекие лучшие дни и другие деревья
 Спорили только о том, кто изобильней родит;
 10 Благочестивый тогда соблюдали крестьяне обычай —
 От урожая нести долю бессмертным богам:
 Часто Минерва сама дивилась олив изобилью,
 Часто, Либер, и ты гроздьям дивился своим,
 И материнская ветвь страдала от тяжкого груза,
 Если опорой ей не был раздвоенный шест.
- 15 С нас, деревьев, пример и люди тогдашние брали:
 Не было в оные дни женщины с чревом пустым.
 Только после того, как платаны с их тенью бесплодной
 Более братьев своих взысканы были судьбой,
 Стали и мы, деревья плодоносные, я и другие,

- 20 Пышно раскидывать сень лиственных наших ветвей.
Ну, а теперь по множеству лет плоды не родятся,
Или гниет виноград рядом с маслиной гнилой;
Женщина чрево калечит, стараясь казаться красивой —
Редкой в нынешний век хочется матерью стать.
- 25 Да ведь и мне бы жилось безопаснее, будь я бездетна:
Как Клитемнестра права в жалобах горьких своих!
Знала бы это лоза — она иссушила бы гроздь,
Знала б масличная ветвь — не родила бы маслин!
Пусть это слово мое дойдет и до груш, и до яблонь,
- 30 Пусть не будет в садах яблок румяных и груш!
Пусть меня вишня услышит и вишен на ветках лишится,
Ты, смоковница, стань воткнутым в землю столбом!
Я не завистлива, нет! Но кто пребудет в покое,
Если почетный удел — лишь для бесплодных ветвей?
- 35 Гляньте, вот дерева, у которых стволы невредимы:
Нечего с них получить — вот и не трогают их.
А у меня болят на ветвах изувеченных раны,
Содрана кожа с меня, страждущий ствол обнажен.
Этим мученьям виной не враг, а искатель поживы:
- 40 Всякий, кто плодовит, так же стонал бы, как я.
Так осудить богача спешат корыстные судьи;
Если, ответчик, ты нищ — этим и будешь спасен.
Так грабежа боится лишь тот, кого можно ограбить,—
Тот, кто идет налегке, страха не знает в пути.
- 45 Так и сама я причиной тому, что меня обирают,
А остальные цветут, и не задеты никем.
Чем же, однако, богат меня окруживший кустарник,
Сломанным телом своим ныне приникший к земле?
Камни, что мимо меня пролетали, ему доставались —
- 50 Только соседство со мной гибель ему принесло.
Будет свидетелем мне тот куст, что растет в отдаленье:
Зелены ветви его неповрежденной красой.
Если бы поняли это растущие рядом со мною —
Самую тень от меня им бы пришлось проклинать!
- 55 Ах, как тягостно знать, что даже соседство со мною
Так ненавистно! К моим бедам — и эта беда!
Много ль зато от меня хлопот поселянам усердным?
Пусть лишь дадут мне земли — больших забот не прошу.
Необработанной почвой довольствуюсь непринхотливо,
- 60 И не пугает меня близость проезжих дорог.
Чтобы посев побережь (ведь твердят, что вружу я посевам!),
Я приютиться могу и на далекой меже.
Ради меня серпом соседних ветвей не срезают,
Заступом ради меня землю не станут рыллить;
- 65 Хоть бы от солнца и жажды мои погибали побеги,

- Не подведут бороздой воду к иссохшим корням.
Но наступает пора, мои поспевают орехи —
Тут-то меня и начнут палкой жестокой казнить.
Палка обильным ветвям наносит нещадные раны,
70 Чтоб не могла я пенять лишь на удары камней.
Наземь плоды упадут, соберет их скупая хозяйка —
Так орехи мои скромный украсят обед.
Рад и мальчишка орех расколоть умелым ударом
Или щелчком покатить раз и другой по столу.
75 Нужно для этой игры всего четыре ореха:
Три пониже кладут и добавляют один.
Или же можно орех пустить по дощечке наклонной,
Чтобы меж многих других он отыскал себе цель;
Или еще есть игра — догадаться, чет или нечет:
80 Ловкий угадчик возьмет, сколько сумел угадать.
Или же чертится мелом рисунок, подобный созвездию,
Схожему видом своим с дельтой, четвертой из букв.
Этот чертеж разделен чертами внутри на ступени:
Скольких коснешься полос, столько орехов возьмешь.
85 Есть и еще для меткой руки испытанье такое —
В горло пустого горшка нужно орехом попасть.
О, как прекрасно расти под защитою крепкой ограды
И вместо многих господ дань приносить одному!
Пыль соседней дороги на листья там не ложится,
90 Крика не слышно людей, стука не слышно колес.
Сколько ни будет плодов, соберет их один земледелец
И без труда разочтет, был ли богат урожай.
А моему урожаю дозреть никогда не случалось,
Ибо до срока плоды сбиты бывали с ветвей.
95 Полны еще молоком орехов незрелые ядра,
И от страданий моих пользы мучителю нет —
Но уже вновь окружают меня и камнями метят,
И торопливой рукой тщетную ловят корысть.
Ежели взять и расчесть, сколько взял ты, пришлец, и оставил,
100 Большой будет твоя, меньшей — хозяйская часть.
Кто-нибудь скажет, взглянув на мои оголенные ветви,
Что разозленный Борей — этой виновник беды;
Кто-нибудь скажет, что зной, а кто-нибудь скажет, что холод,
Или во всем обвинит листьям губительный град.
105 Нет, повредил мне не град, ненавистный суровым крестьянам,
Ветер меня миновал, солнце и стужа щадят —
Зло для меня — лишь плоды, которые я же рождаю:
Мне, как и многим другим, прибыль приносит лишь вред.
Прибыль сгубила тебя, Полидор, и прибыль виною
110 В том, что оружие взял муж нечестивой жены;
И у царя Гесперийского были бы яблони целы,

- Если б не та, что несла бремя плодов золотых.
Вот ежевика и терн — они лишь колоться умеют,
И потому-то для них жизнь безопасна вполне;
- 115 А у меня и густых колючек нет для защиты,
Я не могу повредить жадным и дерзким рукам.
Разве тени моей не ищут, чтоб солнца избегнуть,
Если расплавлено все жарким Икаровым псом?
Разве я — не прибежище тех, кто, завидевши тучи,
120 Здесь ожидает, пока ливень неожиданный пройдет?
Рада я всем услужить, в усердьи других обгоняя,
А благодарностью мне — только удары камней.
Мало того: я терплю и упрек от хозяина поля —
Из-за меня в борозду камни с дороги летят.
- 125 Вновь очищает он землю и камни, собравши, уносит,
Но на дороге других хватит камней для меня.
Вот почему ненавистный другим мороз мне на пользу —
Мне вождеденный покой зимнее время сулит:
Зимней порой бесполезны мои обнаженные ветви,
130 И, по счастью, врагам нечего взять у меня.
Но едва на ветвях появится новая завязь,
Камни градом летят, к новым орехам стремясь.
Кто-нибудь может сказать: «По смежности с общим владеньем
Все позволяется брать: право дорог таково».
- 135 Что ж! коль позволено — рвите маслины, топчите посевы,
С ближней хватайте гряды все, чем богат огород!
Дерзость такая пускай и в столичные вступит ворота,
«Право дороги» в твоих, Ромул, да будет стенах:
Всякий, кто хочет, пусть деньги с прилавка трактирного тащит,
140 Кубки точеные пусть всякий, кто хочет, берет;
Этому золото мило, тому — заморские камни,—
Сколько сможешь схватить, столько с собой и бери!
Но ведь никто не берет. И куда властвует Цезарь,
Вору при страже таком жизни спокойной не знать.
- 145 Цезарь однако же мир утвердил не только в столице —
Помощь свою он простер всюду по кругу земли.
Так почему же среди белого дня летят в меня камни,
И для меня лишь одной благополучия нет?
Значит, гнезда в листве на сучьях моих не повиснут,
150 Птицам на ветках моих не доведется присесть —
Вместо этого камень застрял в расколотой ветви —
Так победитель стоит, вражеский город заняв.
Часто пытается скрыть преступник свое преступленье,
Часто виновный свою опровергает вину;
- 155 Но, обижая меня, кто еле ко мне прикоснется,—
Темным соком коры пальцы пятнает свои.
Сок этот — кровь, и тому, кто кровью запятнан такую,

Пятна с хищной руки чистой водой не отмыть.
 О, как часто мне жизнь настолько бывает постыла,
 160 Что призываю я смерть: пусть иссушит на корню!
 О, как часто хочу быть смятой слепым ураганом
 Или навлечь на себя молнии мощный огонь!
 Хоть бы внезапная буря плоды мои сбросила наземь,
 Хоть бы сама я могла с веток орехи стряхнуть!
 165 Так ведь понтийский бобер, опасной лишив себя части,
 Тем, что осталось при нем, может спокойно владеть.
 Можно ль иного желать, когда вот уже поднял прохожий
 Камень, вот уже взгляд место удару нашел,—
 И не уйти стволу моему от ранищей боли:
 170 Держат его под землей корни, подобно цепям.
 Тело ударам мое подставлено, как гладиатор,
 Если ему присудил драться в оковах народ,
 Или как белая телка, которая видит у горла
 Нож или тяжкий топор над головою своей.
 175 Думают, будто мои трепещут листья от ветра,—
 Нет, поистине, их страх заставляет дрожать!
 Если я чем провинилась — предайте огню мои члены:
 Пусть истлеют они в чадном дыму очагов!
 Если я в чем провинилась — мой ствол разрубите железом,
 180 Дайте мне муку мою раз навсегда отстрадать!
 Если же не за что жечь и не за что сечь, то почувствуй,
 Путник, жалость ко мне — и проходи стороной!

ПРИТИРАНЬЯ ДЛЯ ЛИЦА

Женщины! Вот вам урок: учитесь, как можно заботой
 Сделать прекрасней лицо и сохранить красоту.
 Только уход, изведя ежевичник колючий, заставил
 Почву бесплодных полей злаки Цереры дарить;
 5 Только уход избавляет плоды от горького сока,
 Яблоне усыновить чуждый велит урожай.
 То, что ухожено, всем по душе. Раззолочены кровли,
 Мрамором штучных полов черная скрыта земля,
 Индия шлет для утех слоновую кость вырезную,
 10 Лучше становится шерсть, выйдя из тирских котлов.
 Может, при Татии встарь и любили сабинянки больше
 Не за собою ходить, а за отцовской землей.
 Радостно было сидеть на высокой скамье краснолицым

- Женам и толстую нить грубой рукою сучить,
15 Вечером в хлев запирают ягнят, которых пригнала
С пастбища дочь, и в очаг хворост кидать и дрова.
Матери наши теперь народили дочек нежнее:
Хочется всем вам ходить в платье с шитьем золотым,
Хочется так и сяк уложить надушенные кудри,
21 Хочется, чтоб самоцвет ярче на пальце сверкал;
Камни с востока везут, чтобы вы их носили на шее,
Чтобы их груз оттянул мочки обеих ушей...
Впрочем, нельзя укорять за старанье понравиться женщинам,
Если мужчины, и те стали лощены в наш век.
25 Холят себя мужья, перенявшие женский обычай,
Так что нельзя и жене больше следить за собой.
Как украсить себя, как ловить любовь на приманку,
Знать не пустяк. А в упрек ставить опрятность нельзя.
Сидя в деревне, и то любая кудри уложит,
30 Скрой на Афоне ее — прибрана будет и там.
Нравиться хоть и себе — даже это каждой приятно,
Каждой своя красота и по душе, и мила.
Любит Юнонин павлин распускать хваленые перья
Перед людьми: красотой даже и птица горда.
35 Так-то верхней сожжет нас любовь, чем от силы безвестной
Трав, искушенной в волшебстве срезанных тайно рукою.
Зельям верить вельзя, и незачем смешивать соки
Или зловердный пытаться яд от влюбленных кобыл.
Змеи в дальних полях от марсийских не лопнут заклятий,
40 И не погонит река воды к истокам своим.
Если в темесскую медь кто-нибудь иногда и ударит,
Все ж с колесницы ночной кони не сбросят луну.
Женщины! Прежде всего и всегда добронравье блюдите!
Внешность пленяет, когда с нравом в согласье она.
45 Любят надежно — за нрав! Красота уходит с годами,
Сетка покроет морщин милое прежде лицо.
Время придет, когда вам будет в зеркало горько глядеться,
И огорченье еще к прежним добавит морщин.
Лишь добронравье одно устоит и годам не уступит,
50 Только оно привязать может надолго любовь.
Женщины! Вот вам урок: когда томные члены покинет
Сон, учитесь лицо белым и свежим хранить.
От шелухи и мякины очисть ячменные зерна,
Те, что из Ливии к нам шлют на судах грузовых,
55 Выбей десяток яиц на горох журавлиный, по весу
Взяв, сколько чистый ячмень весил — два фунта сполна.
После того как смесь на ветру просохнет, ослица
Пусть перемелет ее, жернов шершавый вертя.
Рог разотри, что олень годовалый сбросил впервые,

- 60 Фунт порошка разделив, долю шестую возьми,
И, когда с мелкой мукой будет он у тебя перемешан,
Сразу ее над ларем ты через сито просей.
Дюжину после очисти нарцисса луковиц, в гладком
Мраморе их разотри неутомимой рукой,
- 65 Унцию тускских смешай семян с аравийской камедью,
Более в девять раз меду к составу добавь.
Кто притиранием таким лицо смягчает усердно,
Будет кожа у той глаже лощеных зеркал.
Смело бобы прокали, животы от которых вздувает,
- 70 И на огне засуши бледных волчана плодов,
Тех и других, весы уравнив, бери по шесть фунтов,
Те и другие дай черным дробить жерновам.
Надо вложить и белил, и красной щелочной пены,
Яркий косатник добавь из иллирийской земли.
- 75 Пусть это все перетрут молодые сильные руки;
Взявши стертую смесь, унцию ровно отвесь.
Гнезда плаксивых птиц раздобудь (потому «зимородным»
Снадобье это зовут). Пятна сгоняет оно.
Если ты спросишь, каким я довольствуюсь весом, ответчу:
- 80 Унцию ты разделить надвое ровно должна.
Все это соединить, чтобы смесью смазывать кожу,
Можно, добавив из сот желтый аттический меду.
Ладан, хоть он угоден богам и гнев их смиряет,
Все-таки ты не спеши бросить в огонь на алтарь:
- 85 С щелоком ладан смешай, если ищешь от прыщиков средство,
Ровно по трети возьми фунта для смеси такой.
Меньше трех унций отвесь с коры добытой камеди,
С кубик игральный всего жирного мирра добавь,
Все это вместе стерев, пропусти через тонкое сито,
- 90 Чтобы скрепить порошок, меду густого налей.
Будет полезно укроп в благовонное мирро подсыпать,
На девять скрупулов взяв мирра — укропа лишь пять.
Розы сухих лепестков набери, сколько схватишь в пригоршню,
Ладан мужской подмешай к ним и Аммонову соль.
- 85 Также и слизистый сок, выделенье зерен ячменных;
Соли и ладана вес с весом сравняй лепестков.
Снадобьем этим намажь ненадолго гладкую кожу —
Цвет лица у тебя станет надолго хорош.
Видал я женщин, что мак в холодной воде растирают
И лекарством таким нежное мажут лицо...

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Л. Гаспаров

ОВИДИЙ В ИЗГНАНИИ

1

В старых учебниках истории римской литературы непременно имелся раздел «Век Августа» или «Золотой век римской поэзии» с датами: 43 г. до н. э.— 14 г. н. э. Героями этого раздела были три поэта: Вергилий, Гораций, Овидий. Все они издавна были признаны величайшими, все представлялись порождениями благодатного века, способствовавшего процветанию словесности. Правда, отмечалось, что Овидий не совсем похож на двух других поэтов: те умели быть важными и строгими, а Овидий был изящным и легкомысленным, те умерли почти что в звании придворных певцов, а Овидий — опальным изгнанником. Но этому были частные причины: во-первых, Овидий был моложе, во-вторых, у него был другой характер, в-третьих (так заявляли наиболее смелые), он, наверное, примыкал к оппозиции «режиму Августа».

Всякая периодизация условна, и эта — не более, чем другая. Но понять Овидия она не помогала. Ни одна из трех причин его своеобразия не оказывалась удовлетворительной. Возраст Овидия, когда он писал легкомысленную «Науку любви», был такой же, как возраст Вергилия, когда он писал «Энеиду». По характеру Овидий вряд ли был более влюбчивым и увлекающимся, чем Гораций. А оппозиция «режиму Августа» хотя и существовала, но тосковала она о старореспубликанской суровости и строгости, и легкомысленным поэтам было с ней не по пути.

На Овидия обрушились опала, ссылка, десять лет жизни на поселении, смерть на чужбине. Но не потому, что он был в оппозиции «режиму Августа» — скорее наоборот, потому что он был прямым порождением этого режима, сознавал это, был ему благодарен, любил его и воспевал его. А режим хотел, чтобы его воспевали не за то, чем он был, а за то, чем он желал быть — или по крайней мере желал казаться. Трагической жертвой этого взаимонепонимания и оказался Овидий.

«Режим Августа», вошедший в историю под названием «принципат», — своеобразное явление в античности. Советский историк пишет о нем так:

«Принципат Августа — едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии, да еще возведенном в принцип. Это — государственная система (с течением времени довольно четко сложившаяся и выраженная), которая совершенно сознательно и цинично выдавалась официальной пропагандой не за то, чем она была на самом деле»*. Официальной формулой режима были слова «восстановленная республика» (*respublica restituta*). Действительную сущность режима затруднялись определить не только современники, но и позднейшие историки; однако, что он нисколько не походил на старинный уклад суровых Катонов и Сципионов, видел каждый.

Слова «восстановленная республика» не были бессмысленны. Они отражали вполне определенные и во многом отрадные явления. Славословия Августу сплошь и рядом были благодарными и искренними. Кончилось столетие непрерывных политических смут, установились порядок и мир. Италия за это столетие была сценой пяти гражданских войн, двух народных восстаний, двух массовых репрессий, город Рим пережил два вооруженных мятежа, а уличные беспорядки с кровопролитиями стали в нем заурядным делом. Теперь, наконец, общество смогло вздохнуть спокойно. Новые заморские завоевания и новая организация старых завоеваний обеспечили приток богатств в Италию и Рим. Август с гордостью говорил, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным. В переводе на современный прозаический язык это означало резкое повышение жизненного уровня. А повышение жизненного уровня — это прежде всего наличие денег и возможность их тратить. Такая возможность, появляясь, всякий раз легко изыскивает для траты денег новые способы, непривычные старшему поколению; и старшее поколение осуждающе определяет эти новые способы как «падение нравов». Такое «падение нравов» — неизбежный спутник всякого быстрого подъема вещественного благосостояния; не миновала его и эпоха Августа.

Не следует преувеличивать ужасов этого «падения нравов», как преувеличивали их моралисты всех веков. По существу это было лишь развитие того образа жизни, который давно сложился в Греции и Риме и хорошо знаком культурам многих веков и народов. Молодым людям, вступающим в жизнь, давали время лет до тридцати, чтобы «перебеситься», а потом они женились, остепенялись и добропорядочно продолжали дела своих отцов. Комедии Менандра и Плавта со вкусом изображали беспорядочный быт этих молодых гуляк, устранивших кутежи и гонявшихся за гетерами. Ко времени Августа этот мир стал изящнее и культурнее: женщины в нем не были бессловесными рабынями сводников и сводниц, а сами свободно распоряжались собой и своими желаниями, мужчины из кабацких забудыг превратились в салонных любезников, вместо буйных вспышек похоти мы видим здесь настоящие гражданские браки по любви, ничуть не менее прочные, чем в высшем обществе, где

* Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики М., «Наука», 1965, с. 267—268; Он же. Древний Рим: события, люди, идеи. М., «Наука», 1969, с. 240.

издавна брачные союзы определялись не любовью, а хозяйственным и политическим расчетом. «Падение нравов», возмущавшее моралистов, заключалось, во-первых, в том, что такой образ жизни захватывал все больше молодых людей, в том числе и из правящего сословия; во-вторых, в том, что у молодых людей этот период юношеской вольности стал затягиваться и они оставались на всю жизнь холостыми и бездетными; в-третьих, в том, что некоторые переносили привычки брачной жизни в брачную и предоставляли в семье друг другу полную свободу сторонних связей. Все эти перемены заметны были лишь в узком кругу состоятельной верхушки общества, главным образом в столице; широкая масса италийского и провинциального населения жила по-прежнему, здесь женились рано, детей рождали много и хозяйничали деловито и упорно. Но этого не замечали, а столичные перемены были у всех на виду и привлекали внимание правительства. И внимание это было неблагоприятным.

Дело было в том, что слово «нравы» при Августе имело отчетливый политический смысл. «Восстановленная республика» восстанавливалась не потому, что ее кто-то когда-то ниспроверг,— все знали, что этого не было,— а потому, что ее древние уставы потеряли силу из-за порочности новых поколений. Порочность эта сводилась к трем пагубам: алчности, тщеславию, похоти. Искоренить эти пороки, оздоровить общество, возродить былую святость и семейных и гражданственных уз,— такова была официальная программа «восстановления республики». Сама власть Августа мотивировалась не политическими, а нравственными основаниями, была не «могуществом», а «авторитетом»: «авторитетом превосходил я всех, власти же имел не более, чем мои товарищи по должностям»,— гласило знаменитое определение самого Августа; «попечение о законах и нравах» — называлось одно из самых характерных его полномочий. Закон об обязательном браке (для высших сословий), закон против прелюбодеяния, законы против роскоши в еде и одежде были приняты по инициативе Августа и поданы его пропагандой как важнейшие государственные акты. Это было в 18 г. до н. э. Законы нового режима восставали, таким образом, против нравов, порождаемых этим же режимом. Разумеется, законы оказывались бессильны: образ жизни столичного общества нимало не изменился, разве что стал прикровеннее. Может быть, этим дело и ограничилось бы: режим лицемерия обогатился бы лишним аспектом, и только. Но неожиданно случилось так, что через двадцать с лишним лет после издания этих законов вопрос о нравственности вообще и семейной нравственности в частности вдруг снова встал с необычайной остротой. Причиной была борьба за то, кому быть преемником Августа.

2

Вопрос о преемственности власти был очень деликатным. Преемственность была необходима для упрочения нового режима. Но режим назывался «восстановленная республика». Август не был ни царем, ни диктатором, свою политическую власть он не мог передать ни по наследству, ни по назначению: он мог передать лишь свою моральную власть, рекомендовав сенату и народу человека, достойного пользоваться тем «авторитетом», каким пользовался он, Август. Человек этот, конечно, должен был быть известен как услуги отечеству, так и (хотя бы для видимости) чистотой личной жизни. Такого человека и искал Август в кругу своей родни.

На рубеже нашей эры Августу было шестьдесят три года, жене его Ливии пятьдесят восемь. Долгий брак их был бездетен. От предыдущего своего брака Август имел только дочь Юлию; Ливия от предыдущего брака имела сына Тиберия Клавдия. Ливия твердо хотела, чтобы власть перешла к Тиберию. Но Август не менее твердо хотел передать ее не пасынку, а прямому своему потомку — не из рода Клавдиев, а из рода Юлиев. Сына у него не было — значит, нужен был внук; внука должна была родить Юлия, а блюсти власть во время его малолетства — муж Юлии. Чтобы скорее осуществить свой расчет, Август выдал Юлию замуж в четырнадцать лет за своего племянника Марцелла; но через два года Марцелл умер, так и не оставив Августу потомка. Тогда Август выдал Юлию за ближайшего своего помощника — Випсания Агриппу, годившегося ей в отцы; брак этот длился девять лет, Юлия родила Агриппе трех сыновей и двух дочерей, но, когда Агриппа неожиданно умер, старшим мальчиком, Гаю и Луцию Цезарям, было только восемь и пять лет. Чтобы обезпечить долгожданных внуков опекуном, Август выдал Юлию замуж в третий раз — за Тиберия. Юлия и Тиберий друг друга ненавидели, а роль временного опекуна была для гордого Тиберия унижительна. Как только стало ясно, что Август тверд в своем намерении передать власть не пасынку, а внукам, Тиберий покинул Рим и удалился в добровольное изгнание.

Вот здесь обвинение в безнравственности и становится впервые орудием в придворной борьбе. Это не значит, что такие обвинения не имели почвы раньше. Сам Август в давней юности слыл развратником, а в зрелом возрасте жил с молодыми наложницами, которых ему предоставляла сама Ливия; а на поведение Юлии, по общему мнению, имел основания жаловаться еще Агриппа. Но это были дела домашние, из семейного круга не выходившие. Теперь же в опытных руках Ливии подобные факты и сплетни стали орудием громкого скандала. Во 2 г. до н. э. Августу были предъявлены доказательства любовной связи Юлии с несколькими молодыми людьми из знатнейших сенатских родов — Сципионов, Клавдиев, Гракхов, — в том числе с Юлом Антонием, сыном старого противника Августа в гражданской войне: это уже позволяло подозре-

вать и политический заговор. А в народ были пущены слухи еще более красочные, что Юлия с любовниками устраивала ночные оргии прямо на форуме, что она переодевалась проституткой и могла принадлежать первому встречному. Дочери Августа, матери его наследников, грозил скандальный процесс по Августову закону о прелюбодеяниях. Чтобы избежать этого, Август был вынужден сделать трагический жест: властью отца семейства он сам осудил родную дочь, развел ее с Тиберием и сослал на островок в Тирренском море — такая ссылка на острова была обычной по закону о прелюбодеяниях. Любовники Юлии были осуждены и тоже сосланы, Юл Антоний покончил жизнь самоубийством. Честь Августа была спасена, но честь его потомков Юлиев опасно запятнана. Ливия добилась своей цели: через три года Тиберий вернулся из изгнания в Рим. А затем произошло неожиданное: во 2 г. н. э. вдруг скончался Луций Цезарь, а в 4 г. н. э. — Гай Цезарь. (Конечно, уверяли, будто их отравила Ливия, но доказать это было невозможно.) Путь Тиберию к власти был открыт.

Однако борьба еще не кончилась. Права Тиберия стать преемником Августа были несомненны: он был отличным и заслуженным полководцем, и нравственность его была безупречна. Но Август упорно не хотел отказаться от надежды на свое прямое потомство — Юлиев. Из детей Юлии и Агриппы еще оставалось в живых трое: две дочери, Юлия Младшая (уже выданная за молодого знатного сенатора Эмилия Павла) и Агриппина, и младший сын, пятнадцатилетний Агриппа Постум. Август усыновил Тиберия, но вместе с ним усыновил и Агриппу Постума, а Агриппину выдал замуж за племянника Тиберия, молодого и популярного Германика, и приказал Тиберию, в свою очередь, усыновить Германика. Расчет был прежний — на то, что хотя бы после Тиберия к власти придут молодые Юлии. Ливии пришлось возобновить борьбу. Оружие ее было прежнее — обвинения в безнравственности и намеки на заговор; но оснований для таких обвинений было явно недостаточно, и поэтому новая схватка в императорском доме известна нам гораздо хуже, чем первая. В 6 г. н. э. был обвинен в заговоре и погиб Эмилий Павел, муж Юлии Младшей. В 7 г. Агриппа Постум «за тяжкий и строптивый нрав» — что под этим подразумевалось, мы не знаем — был выслан Августом из Рима. В 8 г. Юлия Младшая, уже вдова, была обвинена в любовной связи с юным аристократом Децимом Силаном; это был далеко не такой громкий скандал, как с ее матерью, Силан вообще остался ненаказанным и лишь из осторожности покинул Рим, но с Юлией расправа была предопределена — как десять лет назад Август родительской властью сослал свою дочь, так теперь он должен был сослать свою внучку. Юлия отправилась в пожизненное изгнание на маленький островок в Адриатике. И в том же году Рим облетела еще одна новость: тоже в изгнание, только неизмеримо более дальнее и суровое, был сослан лучший римский поэт Публий Овидий Назон.

В этом неожиданном эпилоге придворной распри была своя отчетливая логика. Ливия победила, Клавдии одержали верх над Юлиями, но

победа эта была достигнута дорогой ценой: два скандала, погубившие двух Юлий, легли пятном на всю императорскую семью. Нужно было смягчить столь неприятное впечатление. Для этого представлялась одна удобная возможность: сделать вид, что дело идет не о конкретном случае, а о всеобщем нравственном упадке, наперекор заботам Августа все более открыто губящем римское общество. Воплощением этой пагубы безопаснее всего было изобразить известного писателя, сделав его козлом отпущения, чтобы этой примерной расправой с ним отвлечь внимание от происшествия в императорском доме. Таким писателем и оказался Овидий.

3

Овидию в это время было пятьдесят лет, и все эти пятьдесят лет он прожил на редкость мирно и счастливо. Он родился в 43 г. до н. э., в том самом году, когда молодой Август впервые выступил на политическую сцену: об ужасах гражданских войн он знал лишь по рассказам старших да по смутным детским воспоминаниям, а вокруг себя видел лишь умиротворенную «восстановленную республику». Он был родом из апеннинского городка Сульмона, из всаднической семьи, не знатной, но богатой и уважаемой. Он получил отличное образование в римских риторических школах — товарищи помнили о его успехах еще много лет спустя, — а затем совершил образовательную поездку в Сицилию, Грецию и Малую Азию: о ней он вспомнит потом в одном из писем с Понта (П. II, 10) *. Он провел молодость в том самом полусвете развлекающейся римской молодежи, который так раздражал стариков, и сохранил свое имя незапятнанным: «сердце мое вспыхивало от малейшей искры, но дурной молвы обо мне не ходило никогда» (С. IV, 10, 67—68). Ему покровительствовал Валерий Мессала, один из первых людей в Риме при Августе, и он мог бы сделать благополучную политическую карьеру, но сошел с этой дороги, ступив по ней лишь два шага — сперва «триумвиром по уголовным делам», а потом судьей-центумвиром: общественным заботам и гражданской славе он предпочел свободную жизнь и писательскую славу. Он был трижды женат и в третьем браке нашел прочное счастье, в своих стихах из ссылки он скажет о своей жене много хороших и теплых слов; у него росла дочь, которую он любил; дом его стоял в центре Рима, близ Капитолия (С. I, 3, 29—30), а сад, где он любил писать стихи, — на северной окраине Рима, недалеко от Тибра (С. I, 11, 37); жил он открыто и хлебосольно, за добрый нрав пользовался общей любовью

* В статье и комментариях при ссылках буквой С. обозначаются «Скорбные элегии», буквой П. — «Письма с Понта», римской цифрой — номер книги, арабской — номер элегии. Цитаты из стихов Овидия в статье ради точности в некоторых случаях даются в прозаическом переводе.

и всегда был окружен друзьями; память об этих друзьях осталась в «Письмах с Понта».

Смыслом жизни для него была поэзия. Влечение к стихотворству с детства было у Овидия непреодолимым: «что ни старался я сказать прозою, выходили стихи» (С. IV, 10, 26). Впервые он выступил со стихами лет в восемнадцать, «раз или два лишь побрившись» (С. IV, 10, 58), и сразу имел шумный успех. Это были любовные элегии, самый популярный в Риме жанр; большой сборник элегий о любви к красавице Коринне (по-видимому, выдуманной) вышел около 18 г. до н. э. За ним последовала книга «Героид» — стихотворных посланий от мифологических героинь к мифологическим героям, затем трагедия «Медея», до нас не дошедшая, но в Риме знаменитая, затем проба пера в дидактическом жанре на легкомысленном материале — поэма «Притирания для лица», сохранившаяся лишь в отрывке, и, наконец, около 1 г. до н. э. — самое знаменитое из его произведений, «Наука любви», а около 1 г. н. э. — эпилог к ней, «Лекарство от любви». После этого наступила пауза: Овидий влезая за две большие эпопеи, которые должны были стать венцом его творчества, — «Метаморфозы», стихотворный свод почти всей греческой мифологии, и «Фасты», стихотворные вариации на темы полного римского религиозного календаря. Но слава лучшего римского поэта уже была им завоевана легко и бесспорно. Великие поэты старшего поколения, Вергилий и Гораций, сошли со сцены; поэты промежуточного поколения, Тибулл и Проперций, наставники Овидия в жанре любовной элегии, умерли рано; а среди сверстников Овидия, выросших уже в правление Августа, с ним никто не мог равняться. «Как я снизу вверх смотрел на старших поэтов, так на меня смотрели младшие» (С. IV, 10, 55), — со сдержанной гордостью вспоминал он в ссылке. Стихотворство было модным занятием светской молодежи, в «Письмах с Понта» (IV, 16) Овидий перечисляет не меньше тридцати поэтов своего времени и о каждом старается сказать доброе слово, но все они были забыты следующим же столетием, а Овидий остался навсегда.

Чем достиг Овидий такой популярности? Прежде всего — прямою и широтою, с которой он выразил настроение молодого общества новой эпохи. Минуло время гражданских войн, когда всюду царил вражда, — настало долгожданное время мира, чтобы всюду могла царить любовь. Минуло время старинной простоты и скудости, когда любовь ценила силу и богатство, — настало время разборчивого приволья, когда любовь научилась ценить изящество, обходительность и вкус. Это прекрасно: «пусть другие радуются древности, а я поздравляю себя с тем, что рожден лишь теперь» («Наука любви», III, 121—122). Люди любят друг друга; добрый Август дает им к этому возможность и поэтому встречает в них искреннейшую ответную любовь; благодушные боги «Фастов» о них заботятся; любвеобильные боги «Метаморфоз» подают им пример. Конечно, эта всемирная гармония не означает скучного однообразия: как всякая гармония, она слагается из разногласящих нот, но разногласия эти не страшны и не трагичны. Не всегда любовь мужчины встречает в

женщине ответную любовь — что ж, на такой случай, кроме «Науки любви», всегда есть и «Лекарство от любви». Не всегда сам Август понимает, чего хочет его любящий народ: например, он издает закон об обязательных браках (на который ропщет в одной из своих элегий Проперций), но и это не разлучит любовников с их внебрачными подругами. Не всегда, угрожая одному богу или одному мировому закону, умеет человек не задеть и не нарушить других, но и за такое нарушение карой служит не гибель, а метаморфоза, и поток жизни, прихотливо преобразаясь, продолжает катиться вечно. Мир — игра действий и противодействий, бесконечно сложная и стройная, но в этой игре никто не проигрывает, надо только знать правила игры и уметь ими пользоваться.

Образцом таких правил и является знаменитая Овидиева «Наука любви». Заглавие этой поэмы не должно вводить в заблуждение: непристойного в ней нет ничего, речь идет исключительно о законах любовного ухаживания, любовного «да» и «нет». Система выигрышных и проигрышных ходов представлена здесь с вызывающей обстоятельностью и последовательностью: сперва советы мужчине, где найти подругу, как ее привлечь, как ее удержать, потом советы женщинам, как отвечать на эти действия, и наконец, уже в «Лекарстве от любви», все те же советы еще раз выворачиваются наизнанку, объясняя, как избавиться от увлечения и выйти из игры. Все это превосходно мотивируется тонкими психологическими замечаниями: о том, как свойственно людям стремиться к запретному и недоступному, думать одно и говорить другое, желать и не делать первого шага, ревновать и оттого еще сильнее любить — целая серия парадоксов человеческой природы; и все это живописно изображается в веренице картин, редкостных по богатству бытовых подробностей: тут и отстроенные Августом храмы, и портик, и цирк, и театр, и день рождения, и болезнь, и застолье, и туалет, и покупка подарков. Оригинальная и яркая, легкая и афористичная, поэма сразу врезывалась в сознание читателей, вызывая восторг тех, кто разделял настроение поэта, и возмущение тех, кто его не разделял. Для успокоения последних Овидий с первых же слов предупреждает, что на святость семейного очага он не покушается, что героини его — не римские гражданки, а вольноотпущенницы и приезжие, которым закон предоставляет полную свободу поведения (эти строки он потом процитирует в свое оправдание в С. II, 247—250). Но это никого не успокаивало. Вдумчивые недоброжелатели должны были негодовать на то, с какою смелостью поэт выдает нравы молодых прожигателей жизни за нормы вселенской гармонии, поверхностные — на то, с какой откровенностью рассказывает он о любовных обманах, которым из его книги могут ведь научиться не только гетеры, а и законные жены.

Мы не знаем, был ли Август с его советниками вдумчивым или поверхностным читателем «Науки любви», но можем быть уверены, что он был читателем недоброжелательным. Он мог понимать или не понимать, что его общество именно таково, и он сам его сделал таким, но он знал, что быть или по крайней мере выглядеть оно должно совсем иным —

нравственным и гражданственным. Ради поддержания этой видимости он принес в жертву сперва дочь, а потом внучку; поэма, не ставившая эту видимость ни во что, могла быть ему лишь враждебна как политику и ненавистна как человеку. Овидий еще не был славен как автор «Фавстов» и «Метаморфоз», он был славен как автор «Науки любви» — за эту славу он и должен был поплатиться.

4

Осенью 8 г. н. э. Овидий гостил у своего друга Котты (сына своего покровителя Валерия Мессалы, скончавшегося незадолго перед тем) на острове Эльба. Там застал его гонец с приказанием явиться к ответу в Рим (П. II, 3, 85). Здесь, по-видимому, он был вызван лично к Августу, и тот сам «в горьких словах осыпал его обвинениями» (С. II, 134). Ни следствия, ни суда не было — ни обычного, ни чрезвычайного, какой назначался, например, для дел об оскорблении величества, — несомненно, «обвинения» против Овидия не подходили ни под какой действующий закон. Август сам, от собственного имени (в силу особых судебных полномочий, которыми он очень редко пользовался), издал эдикт, приговаривавший Овидия к ссылке (С. II, 131—135). Это была еще не самая строгая форма наказания: римский закон различал «изгнание» (*exilium*), когда человек лишался гражданских прав и имущества и должен был жить где угодно вне Рима и Италии, и «ссылку» (*relegatio*), когда права и имущество сохранялись, но место поселения назначалось точное и определенное. Овидию местом поселения был назначен город Тома (теперешняя Констанца в Румынии) — близ Дуная, на Черном море, на самой далекой окраине римского мира. Отправляться туда приказано было немедленно.

Здесь открывается одна из самых загадочных страниц во всей истории римской литературы. Какие, собственно, обвинения были предъявлены Августом Овидию в разговоре и объявлены народу в эдикте? Наказание было очень суровым (мы видели, что даже любовник Юлии Силан подвергся меньшему), разговоры о нем не смолкали в Риме несколько лет (П. III, 1, 47—60). Август достиг своей цели — внимание от дела Юлии было отвлечено. Но ни современники, ни ближайшие потомки (как Сенека), ни позднейшие историки (как Тацит) не оставили нам ни единого упоминания о ссылке Овидия, хотя порою, казалось бы, этот пример сам просился им под перо. Все, что мы знаем, мы знаем из упоминаний самого Овидия в «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта». А упоминания эти, хоть и многочисленны, удивительно неопределенны.

Пунктов обвинения было два: *carmen et error*, «стихи» и «проступок» («ошибка», «оплошность», «неверный шаг»), «Два преступленья сгубили меня, стихи и проступок» (С. II, 207). «Стихи» — это, разумеется,

«Наука любви», а «преступлением» они были потому, что подрывали устои семьи и учили читателей безнравственности: «моя распущенность заставила тебя ненавидеть меня за «Науку», которая, казалось тебе, посягает на запретные для нее ложа»,—обращается Овидий к Августу (С. II, 345—346). Здесь все более или менее ясно. Но что такое «проступок»?

Недоумения начинаются с самого начала. Проступок этот общеизвестен, и тем не менее о нем нельзя говорить: «Причина моего крушения всем слишком хорошо известна, но я не должен подкреплять ее своим свидетельством» (С. IV, 10, 99—100, ср. II, 208, I, 5, 51—52). И хотя Овидий пишет о нем снова и снова, но только обмолвками, только обиняками. Проступок этот задевал каким-то образом лично Августа («ты мстил за свои обиды», С. II, 134). Но никакого закона он не нарушал (II, 9, 71): это был не мятеж (С. II, 51), не заговор (С. III, 5, 45), не распускание слухов (С. III, 5, 47—48), не убийство, не отравление, не подлог (II, 9, 67—70). Поэт действовал непредумышленно (С. IV, 4, 43—44), не извлекал из своих действий никакой выгоды (С. III, 6, 34), наносил вред одному лишь себе (II, 15—16). Просто ему случилось нечаянно увидеть что-то, оказавшееся преступлением («Случай сделал глаза мои свидетелями гибельного зла» — С. I, 6, 28; «Зачем я что-то увидел? Зачем провинился глаза мои? Зачем, недогадливый, узнал я о чьей-то вине?» — С. II, 103—104; «Я за то наказан, что глаза мои, не ведая, видели преступление: грех мой в том, что были у меня глаза» — С. III, 5, 49—50). Это стало началом целой вереницы бедствий (С. IV, 4, 38), в которых поэт обнаружил и робость, и глупость (II, 2, 17, ср. С. I, 5, 42, IV, 4, 39), и даже безумие (II, 3, 46). Поэт настаивает на том, что проступок его — не «преступление» (*facinus, crimen*), а лишь «провинность», «оплошность», «погрешность» (*culpa, vitium, peccatum, delictum, poxa*: С. I, 2, 98—100, IV, 4, 37—44, III, 2, 5, III, 5, 51—52, IV, 1, 24). И в то же время он признает, что заслуживает наказания (II, III, 6, 9—10) и даже смерти («если я жив, то только милостью бога» — С. I, 1, 20).

Который из двух пунктов обвинения Овидий считает более важным, «стихи» или «проступок», — неясно: с одной стороны, он обращается к Музам: «это вы — главнейшая причина моего изгнания» (С. V, 12, 46, ср. III, 3, 74), с другой стороны, признает, что «стихи» — лишь предлог («не спрашивай, в чем я еще провинился: пусть одна «Наука любви» будет прикрытием моей вины» — II, 9, 75—76), а в «проступке» оправдаться труднее («Если бы мог я защититься в этом так, как в остальном! Но ты знаешь: та, другая нанесенная тебе обида важнее» — II, III, 3, 71—72). Можно заметить лишь одно. По обоим пунктам обвинения Овидий всякий раз полностью признает свою вину: это — линия поведения, принятая им раз и навсегда. Но по части «стихов» он все-таки позволяет себе оправдания — робкие, но весьма стройные и убедительные: во-первых, в его стихах не больше безнравственности, чем в огромном множестве других; во-вторых, если ее и больше, то виноват

в этом не поэт, а нечистое воображение читателей; в-третьих, если виноват в этом и поэт, то стихи — это одно, а жизнь — другое, личная же жизнь его, Овидия, безупречна (это — содержание его большого «открытого письма к Августу», С. II). По части же «проступка» оправданий у него нет, покаяние его громче и отчаянней, и сами его неустанные заклипания — «это не преступление, а проступок!» — откровенно голословны.

Зачем понадобилось обвинителям Овидия это упоминание о «проступке», догадаться несложно. Подвергать Овидия преследованию только за «Науку любви» было неудобно. Расправы с авторами за их книги (если, конечно, это были не политические памфлеты) еще не вошли в Риме в обычай; кроме того, «Наука любви» была уже лет восемь как издана, и гонение на нее выглядело бы запоздалым; кроме того, от такого обвинения Овидий мог защищаться (и защищался, как мы только что видели). Нужно было подкрепить его другим обвинением, более конкретным, более свежим и, главное, не поддающимся опровержению. Но каким?

Гипотез о том, в чем состоял «проступок» Овидия, за пять с лишним веков филологической науки накопилось столько, что недавний обзор их занял довольно толстую книгу, а приложенный к ней далеко не полный перечень насчитывает 111 аргументированных мнений*. При этом в разные эпохи любопытнейшим образом преобладали варианты разных гипотез. Первый период — средние века и Возрождение: комментаторы Овидия еще не располагают никаким материалом, кроме овидиевских текстов и собственной фантазии, а фантазия эта небогата. Всему виной — языческое распутство: если Овидий что-то совершил, то это было прелюбодеяние с женой или дочерью императора, если Овидий что-то увидел, то это был император, предающийся содомии или кровосмешению с родной дочерью, а может быть, императрица, выходящая из купальни. Второй период — к XVIII в. историки разбираются в лицах и датах, открывается одновременность ссылки Овидия и Юлии, является новая версия. Всему виной — любовная история: если Овидий виновен делом, то он был любовником Юлии Младшей, если виновен взглядом, то он был свидетелем, а может быть, и пособником любви Юлии и Силана. Третий период — трезвый XIX век смещает интерес с романического аспекта событий на политический: Овидий пострадал за то, что участвовал в заговоре (или хотя бы знал о нем), который будто бы организовали против Августа Юлия и Эмилий Павел с целью возвести на престол Агриппу Постума. Четвертый период — в конце XIX в. пробуждается внимание к темной, иррациональной стороне античного мира: неизреченная вина Овидия оказывается не политической, а религиозной, он то ли нарушил устав каких-то неразглашаемых таинств (в честь Иисиды, в честь элевсинской Деметры, в честь римской Добрай Богини), то ли участвовал в магических гаданиях о судьбе императора. Наконец, наступает пя-

* *Thibault J. C. The mystery of Ovid's exile. Berkeley, California UP, 1964.*

тый период — и XX век, переживший фашизм и немало военных диктатур, говорит: никакого проступка вообще не было названо, Овидию сказали: «ты виноват — тебя наказывают; а в чем виноват — ты сам должен понимать»; и все покаяния Овидия так невразумительны именно потому, что он сам не знает, в чем он виноват.

Все эти теории (кроме, разве, самых ранних) почти правдоподобны, но ни одна из них не убедительна до конца. Гипотезе о Юлии мешают слова Овидия, что он не нарушал никакого закона — стало быть, и закона о прелюбодеянии. Гипотезе об Агриппе — слова о том, что он не повинен ни в мятеже, ни в заговоре. Нарушение таинств государственной властью не наказывалось, а участие в гаданиях нельзя было назвать «случайным». Наконец, если даже Овидий «сам не знал» своей вины, то какие-то догадки («зачем я что-то видел?») у него, несомненно, были. Все гипотезы до сих пор имеют своих сторонников и противников, каждый волен выбирать любую из них. Думается, что все же наибольшего предпочтения заслуживает последняя. Ибо только она разрешает, по крайней мере психологическую, загадку: если вину Овидия нельзя назвать, то зачем так часто о ней упоминать, зачем берeditь обиду в императоре? Только затем, чтобы как-то самому догадаться об этой вине и проверить свои догадки. А направление догадок напрашивалось само собой: преступление, о котором люди чаще всего не думают, но которое тем не менее наказуется, — это недонесение; и Овидий ищет свою вину («что-то видел...») именно здесь.

Как бы то ни было, важно помнить одно. Настоящей причиной ссылки Овидия была необходимость отвлечь общественное внимание от скандала в императорском семействе; «Наука любви» была лишь предлогом; а таинственный «проступок» — лишь, так сказать, предлогом предлога. Поэтому напрасны недоумения, смущавшие юридически мыслявших филологов прошлого века: если Овидий был не так уж виноват, то почему он был так тяжело наказан? А если Овидий слишком много знал, то почему его сослали, а не убили, чтобы заставить замолчать? Наказание Овидия было предрешено заранее: не кара подыскивалась к вине, а к каре вина. А не убили Овидия потому, что Августу нужен был не молчаливый поэт, а говорящий, кающийся и славословящий. Этого он добился: десять книг, написанных Овидием в ссылке, — перед нами.

5

Суровое и непонятное наказание обрушилось на Овидия врасплох. Для счастливого поэта, баловня столичного общества, ссылка «на край земли» была катастрофой. Овидий считал себя погибшим. Он пытался покончить с собой — его с трудом удержали друзья. Он в отчаянии бросил в огонь почти законченные «Метаморфозы» (С. I, 7), и поэму удалось потом восстановить лишь по спискам, оставшимся у друзей. Книги его были изъяты из библиотек (С. III, 1), приятели отшатнулись (С. I, 5 и др.),

денежные дела запутались (С. I, 6), рабы были неверны (С. IV, 10, 101); свой отъезд из Рима он изображает в самых трагических красках (С. I, 3). Был декабрь 8 г. н. э., зимнее плавание по Средиземному морю было опасно, корабль чуть не погиб в буре (С. I, 2); Овидий переждал зиму в Греции, на новом корабле достиг Фракии (С. I, 10), по суше добрался до Черноморского побережья и весной 9 г. достиг места своей ссылки.

Томы были маленьким греческим городком, всего лишь лет тридцать назад окончательно принятым под римский протекторат (С. II, 199—200). Власть провинциальных наместников сюда еще не распространялась: город входил в состав фракийского царства одрисов, которым правили два царя, римские вассалы Реметалк и Котис (П. II, 9). По-латыни в городе не говорил никто: большинство горожан составляли геты и сарматы, буйные и драчливые, меньшинство — греки, давно перенявшие и варварский выговор и варварскую одежду (С. V, 7 и 10). Климат был суров — суровее, чем теперь: каждую зиму Дунай покрывался твердым льдом (С. III, 10). За Дунаем жили геты и сарматы, уже не подвластные фракийскому царству, кочевые и полукочевые; при каждом удобном случае они нападали, опустошали окрестность, подступали к самым стенам Томов, и стрелы их падали на городские улицы (С. III, 10, V, 10). Связь с остальным миром едва поддерживалась: только летом греческие корабли приносили слухи о том, что происходило в Риме и провинциях. Словом, трудно было найти большую противоположность тому миру светского изящества и обходительности, в котором Овидий прожил всю свою жизнь.

Еще по дороге в ссылку Овидию случилось пережить неожиданное: во время бури в Ионийском море, когда кораблю грозила гибель, он поймал себя на том, что в голове его опять складываются стихи (С. I, 11). Он был так уверен, что в разлуке с Римом поэзия для него совершенно невозможна, что это ощущение поразило его как чудо (С. III, 2, 15—16). С этих пор поэзия становится для него единственной душевной опорой. За считанные месяцы пути он пишет подряд десять элегий и, уже подплывая к Томам, торопливо дописывает двенадцатую, чтобы с тем же кораблем послать их в Рим, — это была его I книга «Скорбных элегий». Едва устроившись в Томах, он принимается писать длинное, до мелочей продуманное стихотворное послание к Августу с покаянием, самооправданием и мольбой о снисхождении — оно составило вторую книгу «Скорбных элегий». После этого он пишет по книге ежегодно, стараясь закончить работу к весне, чтобы с летней навигацией отправить сочинение в Рим: так в 10, 11 и 12 гг. н. э. были закончены III, IV и V книги «Скорбных элегий». Но в них входило еще не все, написанное Овидием за эти годы. Хотя эти элегии часто написаны в форме посланий, но адресаты в них не названы: поэт боялся навлечь на друзей неприятности (С. IV, 3). Послания с именными обращениями он не включал в книги и отправлял адресатам с отдельными оказиями. Лишь по окончании пяти книг «Скорбных элегий», уверясь в том, что друзья в безопас-

ности, в 13 г. Овидий собрал эти послания в трех книгах и опубликовал их как бы в виде приложения под заглавием «Письма с Понта» (IV книга «Писем» была собрана и издана уже посмертно). Наконец, одновременно с этими «книгами к друзьям» была сочинена, по-видимому, и «книга к врагу» — поэма-инвектива «Ибис». Так составились десять последних книг Овидия, результат его творчества в ссылке.

У филологов прошлого эти сочинения всегда были не в чести. Они считались хуже его ранних любовных стихов и тем более «Метаморфоз». Овидию-человеку вменялось в вину малодушие и лесть его молений о помиловании, Овидию-поэту — обилие общих мест и повторений. Оба упрека были несправедливы, оба рождены самоуверенностью кабинетного вкуса. Укорять ссыльного малодушием позволительно только тому, кто сам испытал страдания ссылки, — и недаром не кто иной, как Пушкин, сам живший ссылкой почти в тех же местах, счел своим долгом заступиться за Овидия. «Книга Tristium не заслуживала такого строгого осуждения... Героиды, элегии любовные и самая поэма *Agis amandi*, мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия... Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него»*. А укорять поэта в том, что стихи его — не крик растерзанной души, а продуманное художественное построение, — значит эгоцентрически требовать романтических вкусов XIX в. от всех времен и народов; и недаром эта наивность стала колебаться на рубеже XX в. с его новыми вкусами. «Ни о крае, ни о душе поэта мы многого из этих поэм не узнаем. Это — и не «Записки из Мертвого дома» и не «De profundis»: это — нечто чисто овидиевское. Современному читателю трудно вдуматься в эту психологию, но факт остается фактом: Овидий стал бы сам себя презирать, если бы он написал в изгнании нечто похожее на одно из обоих только что названных замечательных произведений»**.

Что побуждало ссыльного Овидия к поэтическому творчеству? Ближайшие, очевидные причины называет он сам: во-первых, это возможность забыться над привычным трудом (С. IV, 1 и др.); во-вторых, желание общения с оставшимися в Риме друзьями (П. III; 5 и др.); в-третьих, надежда умолить Августа о смягчении своей участи (мотив, присутствующий почти в каждом стихотворении). Но были и более глубокие причины, которых Овидий не называет именно потому, что они для него настолько органичны, что он их не чувствует. Это его отношение к миру и его отношение к слову.

* Пушкин А. С. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова (1836). — Полное собрание сочинений в 10-ти т., т. 7. М., Изд. АН СССР, 1949, с. 424.

** Зелинский Ф. Ф. П. Овидий Назон. — В кн.: Овидий. Баллады-послания. М., 1913, с. XXXV.

Отношение античного поэта к миру всегда было упорядочивающим, размеряющим, проясняющим. Это было не потому, что античный человек не чувствовал романтического хаоса стихий вокруг себя и хаоса страстей внутри себя. Напротив, они были гораздо ближе к нему и поэтому не пленяли его, а пугали: между ним и ними еще не было многих оград, воздвигнутых позднейшей цивилизацией, и поэтому искусство должно было не столько заигрывать с хаосом, сколько усмирять его. У каждого искусства был для этого свой набор средств; набор средств словесности назывался риторикой. Риторика учила человека расчленять словом окружающий мир, выделять в нем темы, подтемы, мотивы, развивать их по смежности и сходству, размещать и связывать их в гармонически стройные конструкции. Овидий был выхвачен из самого средоточия античного культурного мира и брошен на край света в добычу стихиям северной природы и страстям душевного смятения и отчаяния. Опыт словесности, опыт риторики был для него единственным средством преодолеть эту катастрофу, усмирить этот хаос, выжить — он должен был остаться поэтом, чтобы остаться человеком.

Отношение античного поэта к слову всегда было традиционалистическим, преемническим, продолжательским. Он был человеком одной культуры — Гомера, Софокла, Каллимаха, Энния, Вергилия; никакие другие культуры для него не существовали ни параллельно, ни контрастно, ни как соседние, ни как экзотические. Он мог опираться только на предков, создавать новое только на основе старого. Рядовым поэтам это облегчало творчество. Овидия это стесняло. По духу и вкусу он был любознательным экспериментатором. Начав с любовных элегий, самого свежего из традиционных жанров, он тотчас вырастил из него новый жанр «Героид», а потом скрестил его с жанром дидактической поэмы и получил «Науку любви». Теперь сама судьба предлагала ему еще один жанровый эксперимент: традиции стихов об изгнании до него не существовало, он мог создать ее впервые на основе жанров элегии и стихотворного письма. Собственно, такой опыт он уже сделал в молодости, сочинив «Героиды»; но там материал был старый, мифологический, а здесь материалом должна была стать его собственная жизнь — он должен был вынести муки как человек, чтобы сделать свое дело как поэт.

6

Создать новый жанр — это значит закрепить за определенными формами определенные темы и связать их между собой устойчивой совокупностью мыслей и чувств. Когда молодой Овидий писал свои любовные элегии, общим эмоциональным знаменателем этого жанра была любовь: все темы входили в жанр через причастность этому чувству. Когда ссыльный Овидий взялся за свои «Скорбные элегии», общим эмоциональным знаменателем нового жанра оказалось новое, еще не испробованное литературой чувство — одиночество. Открытие темы одиночества, изобре-

ние поэтических слов для ощущения одиночества — именно в этом заключается вечный вклад понтийских элегий Овидия в сокровищницу духовного мира Европы.

Овидий был не первым творцом и не первым героем стихов, оказавшимся на чужбине: Архилох и Феогнид были поэтами-изгнанниками, Одиссей Гомера и «Просительницы» Эсхила были героями-изгнанниками, и все они говорили об одиночестве. Но это было не то одиночество. В дробном мире полисной Греции человек, изгнанный из одного города, находил приют в другом, он жил в чужом доме, но не был бездомен, и Зевс, покровитель странников, бодрствовал над ним. С тех пор времена изменились, разрозненные общины срослись в единое общество, маленькие домики — в большой дом, образ Зевса-покровителя за ненадобностью отступил в неопределенную даль. И теперь быть выброшенным из этого общества, из этого дома в дикий мир под пустое небо стало трагедией, не в пример более страшной. Философ, привыкший и в толпе оставаться наедине с собственной мыслью, перенес бы это легче — через несколько десятилетий в этот же скифский край попал киник Дион Христомом, тоже изгнанник, и он чувствовал себя на Дунае и Днепре так же уверенно, как в Риме или родной Малой Азии. Но Овидий не был философом, а был поэтом: он жил не гордым отрицанием мира, а счастливым приятием его. Одиночество оторвало его от земной отчизны, не сблизив с небесной; и поэтому острота его чувства оказалась такова, что стихи его врезались в память поэтам позднейших веков, несших людям новые и новые уроки одиночества.

Овидий не просто испытывал в Томах одиночество — он утверждал его, настаивал на нем. Он ужасается при мысли, что его припонтийское жилье когда-нибудь станет для него «домом» (С. III, 12); он не учится местному языку, чтобы год за годом повторять, как никто его не понимает («здесь не они, а я варвар» — С. V, 10, 37); он верит, что даже после смерти его римская тень будет одинока среди гетских (С. III, 3, 63—64). Культ одиночества для него — средство самосохранения: примириться с изгнанием — значит отречься от всей тысячелетней культуры, в которой — весь смысл его жизни и вершина которой — его Рим и в нем добрая любовь, красивая поэзия и осеняющая власть Августа. Отделить культуру от Рима и Рим от Августа он не может: мир делится для него прежде всего на культуру и варварство, и в этом делении он и Август стоят по одну и ту же сторону рубежа; вообразить, что правитель культурного общества может оказать помощь в союзе с варварством против культуры, — это пока еще выше его сил. В своем одиночестве он чувствует себя частицей культурного мира, затерянной среди мира варварского, и взывает о воссоединении — не о прощении, не о возвращении в Рим, а лишь о перемещении в такой край, где люди умеют любить, владеют словом и покорны Августу. Это, как мы видим, еще очень далеко от одиночества романтика, который ощущает себя не частицей какого-то мира, а самостоятельным миром, одинаково отъединенным от своего ли, от чужого ли общества. Такой индивидуализм еще немислим для антич-

ности — той античности, которая отчеканила аристотелевское определение «человек — животное общественное». Потому и ужасало Овидия одиночество, что без общества он боялся остаться лишь животным.

Отсюда и своеобразие выражения овидиевского одиночества. Там, где поэт нового времени смотрит на мир сквозь свое одиночество, античный поэт смотрит на свое одиночество извне, из того мира, частицей которого он является. Для поэта нового времени главное — показать, как преобразуется мир под равнодушным взглядом одинокого человека; для античного поэта — показать, как возникает одиночество человека под гнетом обстоятельств равнодушного мира. Только что вышедший из-под власти хаоса природы и страстей, античный человек все время помнит, что внешний мир первичен, а внутренний вторичен; и, воплощая свои переживания в стихи, он не льстит себя мечтой, что душа с душою может говорить без посредников, а ищет для движений своей души соответствий в том внешнем мире, который един для писателя и для читателя. Это и есть та объективность древней поэзии в противоположность субъективности новой, о которой столько писала классическая эстетика.

Овидий страдает и смотрит на свои страдания со стороны, он не изливает свои муки, а регистрирует их — это не уменьшает его боли («осознанное горе тяжелей», — говорит он в С. IV, 6, 28), но это позволяет ему чувствовать себя человеком. Он не плачет на глазах у читателя, а говорит: «я плачу», не рисует картин утраченного счастья, неснящихся в его сознании, а только перечисляет их, не призывает смерть, а лишь повторяет, что хочет умереть (С. III, 2). Мало того: он не только регистрирует свои муки, он старается их классифицировать, хотя бы простейшим образом — муки духа, муки тела; в первое время, пишет он, тело его страдало, но дух поддерживал его неожиданною твердостью (С. III, 2, 13—14), а затем, наоборот, тело привыкло сносить невзгоды, а дух дрогнул, надломился, и изнеможение его теперь изнемождает и тело (С. III, 8, 25, V, 2, 3—8, V, 13, 3). Это позволяет ему изображать состояние духа, рисуя состояние тела: он спешит этим воспользоваться и трижды описывает свою болезнь, вернее, свою болезненность — бледность, худоба, бессонница, отвращение к пище (С. III, 3, 8; П. I, 10). Но что такое болезнь? Это смягченная смерть. И здесь, наконец, Овидий нащупывает тот образ, которым может обозначить все свои переживания и сделать их понятными для всякого, кому не довелось их испытать. Изгнание — это смерть, быть выброшенным из общества равносильно физической гибели, изгнанник есть живой мертвец; его отезд в ссылку — не что иное, как похороны (С. I, 3), горящие рукописи «Метаморфоз» — его собственный погребальный костер (С. I, 7), обижающий изгнанника желает мертвецу второй смерти (С. III, 11 и др.). Смерть заживо — это парадокс; и Овидий повторяет этот образ вновь и вновь, зная, что именно поэтому читатель его заметит и прочтет в нем всю повесть мук одиночества.

Упорядочить свои внутренние переживания и представить их через внешние признаки — вот средства, которыми пользуется Овидий, чтобы

справиться с самим собой. Подобных же средств ищет он и для того, чтобы справиться с окружающим миром: расчленив, классифицировать, представить через образы-знаки. Это для него задача не в пример более важная: он ведь помнит, что его одиночество — не естественное свойство человеческой природы, а противоестественное порождение внешних обстоятельств. Поэтому о своих переживаниях он говорит сравнительно так мало и мимоходом, а о своей судьбе так сосредоточенно и подробно, стремясь все к той же наглядности: «образ моей судьбы стоит перед очами, как зримое тело» (С. III, 8, 35—36). Всматриваясь в эти внешние факторы внутреннего одиночества, поэт различает в них сперва то, что на него обрушилось, потом то, чего он лишился, потом то, на что он надеется, и, наконец, то, чего у него нельзя отнять. Так выделяются в новом овидиевом жанре четыре главные темы: невзгоды изгнанника, память друзей, милость властей, сила поэзии. В поэтическом мире понтийских элегий эти темы соотносятся как настоящее, прошедшее, будущее и вечное.

7

Итак, первая и, конечно, самая характерная тема Овидия в ссылке — это невзгоды изгнанника. Невзгоды эти начинаются задолго до прибытия в ссылку: первая же (после пролога) элегия (С. I, 2) описывает бурю в Ионийском море, застигшую Овидия на пути в Грецию, и это описание уже в высшей степени характерно для поэтики Овидия.

Описание начинается подчеркнуто симметричными стихами (19—22): «волны встают горами — до самых звезд! и разверзаются ущельями — до самого тартара! внизу только море, вверху только небо, море вздуто волнами, небо грозно тучами». Вслед за вертикальным размахом — горизонтальный размах: «между морем и небом — только ветры: восточный против западного, северный против южного». Злые силы — со всех сторон, и вот они сшибаются в середине: «кормчий не знает, куда плыть, и смертная волна заливает мне рот». Конец первой картины: теперь для контраста поэт меняет точку зрения на дальнюю, чужую, не видящую: «как хорошо, что жена моя знает и плачет лишь о том, что я плыву в изгнание, а не о том, что меня уже настигли и море, и ветры, и смерть!» Конец перебивки, перед нами вторая картина — все то же, что и в первой, только страшнее: в небе — молния и гром (до сих пор света и звука не было!), в море — стенобойные удары волн (это тоже не описывалось!), и вот встает десятый вал (крупный план) и идет смерть (и о ней уже не четыре беглых стиха, а целых восемь). Так в 34 строках трижды, и всякий раз по-новому, разворачивается образ бури — по существу, лишь из четырех мотивов: море, небо, ветер, смерть. Но элегия этим далеко не исчерпывается. Картина бури окружена, как рамкой, двумя обращениями поэта к богам; в первом (ст. 1—17) — аналогия: «не преследуйте меня все сразу, ведь и в мифах обычно один бог губит героя, а другой

выручает»; во втором (ст. 59—106) — логика: «я ведь приговорен не к потоплению, а к изгнанию, я спасаюсь от смерти ради того, что хуже смерти». Так сцена бури, с одной стороны, включается и в общую связь элегий об изгнании, и в еще более общую связь мифологической картины мира, а с другой стороны, упирается в уже знакомый нам логический парадокс. Но и это еще не все: через несколько страниц перед нами оказывается новая элегия о буре (С. I, 4), она гораздо короче, но в ней мы узнаем, как в конспекте, все тот же набор мотивов: «волна встает и падает (вертикаль!) — судно гудит под ударами — кормчий растерян — смерть и изгнание противоборствуют, а я не знаю, чего мне желать».

Минимум элементов в максимуме сочетаний; сменяющиеся точки зрения; развитие с помощью аналогии и с помощью логики; заострение в парадокс, с одной стороны, и продуманное сцепление с остальными темами цикла — с другой; конспективное повторение мотивов одного стихотворения в других стихотворениях — вот те черты систематизирующей поэтики Овидия, которые сразу выступили перед нами в этом маленьком произведении. Теперь мы будем замечать их на каждом шагу.

Место и обстановку своего изгнания Овидий описывает много раз, то посвящая этому целые стихотворения, то касаясь этого мимоходом в связи с другими темами. Но круг мотивов, из которых составляются эти описания, предельно ограничен. Что тягостно Овидию в Томах? Во-первых, природа, во-вторых, быт. Чем раздражает его природа? Тем, что земля здесь — степь без садов и виноградников, пустая и ровная, как море, а вода здесь зимой становится твердой и крепкой, как земля (заострение в парадокс). Чем раздражает быт? Тем, что война здесь привычна, как мир, а мир суров и буен, как война (тоже заострение в парадокс). Что такое здешняя война? Набег, разорение, плен, смерть; враг страшен даже издали, потому что у него — стрелы, а на стрелах — яд. Что такое здешний мир? Вечная готовность к войне — и на пахоте, и на пастбище; чужие люди, непонятный язык, космы на голове, овчины на плечах, штаны на ногах, вместо закона — нож. Мы не перечислили и двадцати мотивов, а уже почти исчерпали их набор. При этом бросается в глаза, что все они заранее знакомы и Овидию и его читателям из популярных географических и этнографических книг — все это были факты настолько общеизвестные, что даже нет нужды искать для них те или иные «источники Овидия» (хотя, например, не шутя предполагалось, что он мог взять в ссылку вместо путеводителя «Географию» Страбона, которая была свежей новинкой в 8 г. н. э.). И, наоборот, о таких подробностях быта, о которых поэт должен был знать не столько из книг, сколько по опыту, — убогий дом, дурная еда, гнилая вода — он говорит лишь нехотя и бегло; лишь одну жалобу он не может сдержать и повторяет несколько раз (С. III, 14, V, 12) — жалобу именно на то, что у него мало книг.

Весь этот круг мотивов определился у Овидия сразу и развернут перед читателем в первом же сборнике, написанном в Томах, — в С. III, 10.

Она начинается четким расчленением подтем природы («живу под полярными созвездиями...») и быта («вокруг — сарматы...» и т. д.). Затем из области природы выделяется лишь один ряд мотивов — снег и лед — и располагается с продуманным до мелочей нарастанием: ветер приносит снег, снег отвердевает в лед; у людей ледышки на волосах, в домах вино замерзает в кувшинах; твердыми становятся ручьи, озера, реки — по льду идут люди, кони, телеги; твердым становится море — по нему идет человек, по нему не плавают дельфин, в него вмержают корабли и вмержают рыбы — даже заживо! Это парадоксальное заострение — кульминация, после которой Овидий переходит от природы к быту. Здесь это тема вспомогательная и поэтому затрагивается более бегло: сперва — война, враг с конями и стрелами, потеря добра, свободы, жизни; потом — мир, вечный страх, заброшенная земля, ни виноградников, ни садов, ни рощ, голая равнина. Через образ голой равнины связаны темы природы и быта в конце стихотворения, через образ замерзшего Истра, по которому вторгаются враги, связаны они в начале и середине. Концовки каждой части отмечены мифологическими параллелями: в замерзшей воде не пришлось бы тонуть Леандру, в бесплодной земле не пришлось бы Акантию писать о своей любви на яблоке.

Такова элегия, целиком посвященная теме невзгод изгнания. Когда же эта тема в стихотворении не единственная, а привлечена, например, чтобы обосновать мольбу о помиловании, упрек другу или извинение в несовершенстве своих стихов (обычные сочленения четырех главных овидиевских тем), то мотивы из этого набора берутся немногие, но располагаются так, чтобы напоминали о многом. Так элегия С. III, 3 — о болезни поэта — подводит к основной теме таким перечнем: «здесь кругом одни враги — здесь враждебны человеку и воздух, и вода, и земля (природа) — здесь нет больному ни дома, ни еды, ни врача (быт), ни друга». Так, послание П. III, 1 — о странной бездеятельности жены — начинается перечнем странностей Понта: «здесь все четыре времени года одно другого хуже — здесь море замерзает, источники солонь, степь — как море»; а обращение к миротворцу Августу в С. V, 2 сосредоточивается на мотивах войны: «за стенами — бой, стены — не защита, перемирия — не мир». Чтобы оттенить лишения, в стихи вводятся воспоминания об утраченном: элегия о гетской весне (С. III, 11) начинается картиной римской весны, элегия о гетской войне (П. I, 8) — мечтой о Риме или хотя бы о мирной сельской жизни в той же Гетике. Наконец, когда все сочетания мотивов уже по многу раз использованы, поэт обновляет их сменой точки зрения: те же понтийские невзгоды предстают по-новому, когда он видит их глазами сна (П. I, 2), глазами письма, идущего в Рим (С. V, 4), глазами гостя («Флакк тебе подтвердит, что стрелы гетов ядовиты...» — П. IV, 9, 75—84; «Ты, Вестаис, сам убедился, как замерзает Понт...» — П. IV, 7, 7) и даже глазами Августа («вряд ли Цезарь знает, как геты несутся на нас через замерзший Истр...» — П. I, 2, 71—80).

Повторяя вновь и вновь те же образы, Овидий не только не расширя-

ет их набора, но и не углубляется в их детали: о гетских ядовитых стрелах он упоминает без конца и даже посвящает им отдельное стихотворение (П. III, 8), но говорит в нем не о том, что они железные и крючковатые (С. III, 10, 63—64), а о том, что они ранят и убивают. Овидий как бы сознательно стремится превратить свои образы в условные знаки, чтобы читатель не задерживался на них взглядом, а проникал за них мыслью: это не пиктограммы действительности, а буквы, из которых составляется ее описание. И как все смятение одиночества он сводит в одно слово «смерть», так все подробности ссыльной жизни покрываются у него двумя словами «зима» и «война» или еще короче: «лед» и «яд».

8

Вторая тема Овидия в ссылке—это память друзей: в ней теперь для него сосредоточивается вся связь с покинутым Римом. Важность этой темы задана Овидию самим жанром: элегия с древнейших времен ощущалась как монолог, к кому-то обращенный, а стихотворное послание тем более требовало конкретного адресата. Такими адресатами стали для Овидия его римские друзья.

Около двадцати имен упоминает Овидий в посвящениях своих понтийских посланий. К сожалению, большинство их нам мало что говорит о человеке: в лучшем случае мы знаем несколько дат из его послужного списка или несколько слов, оброненных о нем Тацитом или другим позднейшим писателем. Можно заметить лишь три общих черты. Во-первых, это все не старые люди—иногда сверстники Овидия, а чаще более молодые: с ними поэт явно чувствовал себя свободнее; карьера их приходится на поздние годы правления Августа и на первые годы Тиберия, Рим и принципс для них уже неотделимы, и иные из них запомнятся потомкам как «льстецы» и «доносчики». Во-вторых, многие из них связаны с молодым Германиком, предполагаемым наследником Тиберия, полководцем и стихотворцем,—тем самым, который должен был соединить соперничающие линии Юлиев и Клавдиев. И, в-третьих, почти все они не чужды ученых и литературных занятий, а то и впрямь являются писателями-дилетантами: недаром последнее из «Писем с Понта»—это длинный перечень современных римских поэтов (вплоть до самых малых), среди которых жил и с которыми дружил Овидий.

Самая давняя дружеская связь Овидия в Риме была с домом Валерия Мессалы, друга Августа и покровителя Тибулла: здесь юный Овидий делал когда-то свои первые литературные шаги. Но старый Мессала умер после долгой болезни за несколько месяцев до ссылки поэта, а сын его Мессалин решительно не желал иметь никакого дела с опальным изгнанником (П. I, 7, II, 2). Правда, другой его сын, Котта Максим, оратор и поэт-любитель (П. IV, 16, 42, ср. П. III, 6), о меценатстве которого помнил еще Ювенал, с детства был одним из задушевнейших друзей Овидия и первый стал переписываться с ссыльным (П. I, 3, 67,

ср. П. I, 9, 34), но он был еще молод и влияния имел мало. Оба они воевали в Паннонии при Тиберии и участвовали в его триумфе. Другая знатная римская связь Овидия была с домом Фабиев, к которому принадлежала его жена: друг поэта Павел Фабий Максим был доверенным лицом Августа в его последние годы, а жена его Марция (двоюродная сестра Августа) — ближайшей наперсницей Ливии; но Фабий как человек высокопоставленный действовал медленно и осмотрительно и умер раньше, чем помог. Третий круг дружеских знакомств Овидия сложился в пору его юношеских стихов: это Помпей Макр (П. II, 10), спутник его в образовательной поездке, это Атик и Грецин, упоминаемые еще в «Любовных элегиях» (I, 9, II, 10), это поэты Альбинован, Север и Тутикан. Они могли заступаться за Овидия перед Тиберием: Альбинован когда-то состоял в его «ученой свите», Атик был его спутником до поздних лет, Грецин и брат Грецина Флакк стали консулами тотчас по его приходе к власти. Наконец, четвертый круг знакомств Овидия — это молодые люди из окружения Германика: «ученый» Суллий, зять поэта, Салан, наставник Германика в красноречии, Кар, воспитатель сыновей Германика, Секст Помпей, помогший когда-то Овидию в его пути через Фракию; с самим Германиком Овидий, как кажется, не был лично знаком, но заступников, стало быть, имел и при нем. Просьбами о помощи и заступничестве сопровождается почти каждое письмо поэта к каждому из его друзей. Все эти попытки были заранее обречены на неудачу, но ни Овидий, ни друзья его об этом не знали.

Однако все эти приметы, позволяющие отличить одно имя от другого, можно выделить из стихов Овидия и параллельных свидетельств лишь с большим трудом. Овидий не старается индивидуализировать образы своих друзей, наоборот, он словно сливает их в едином образе идеального друга, иными словами, остается верен своей обобщающей и логизирующей поэтике.

Дружба в римском сознании была почти юридическим отношением, одной из основных связей, скрепляющих общество; для Катутла измена в дружбе так же ужасна, как измена в любви. Овидий подхватывает эту тему: дружба для него — высочайшая духовная ценность, одно из порождений той высокой культуры, которой он так дорожит; основа дружбы — духовная общность, а не корысть (П. II, 3). Но такая дружба — редкость, и он, Овидий, убедился в этом на собственном примере: как только его постиг императорский гнев, все мнимые друзья отшатнулись от него, остались лишь двое-трое истинных (С. III, 5, V, 4 и 9; П. III, 2 — почти в тождественных выражениях; имеются в виду, по-видимому, Котта Максим, Цельс, Брут, Атик). Овидий даже не обижается на отступившихся, поведение их кажется ему естественным; тем крепче держится он за оставшихся верными — тех, кому посвящает он свои стихотворные письма.

Жанр письма сам подсказывает ему разработку темы дружбы. Всякое письмо естественно разделяется на четыре части: обращение, повествование, побуждение и заключительное пожелание. Обращение легче всего

перерастает в похвалу достоинствам друга; среди этих достоинств характерным образом на первом плане оказывается преданность благородным занятиям словесности (С. I, 9; П. II, 5, III, 5): они умягчают сердце (П. I, 6, 8), они сближают адресата с поэтом. Близость эта обычно передается словами: «даже и сейчас, вдали, ты словно живой стоишь перед моими глазами...» и т. п. (П. II, 4 и 10, III, 5 и др.). Далее, повествовательная часть обычно включает знакомую нам тему невзгод одиночества, но часто оттеняет ее воспоминаниями о былых днях совместной жизни. Воспоминания эти обычно о том, как друзья делились тайнами (С. III, 6), за беседами не замечали времени (С. V, 3; П. I, 9, II, 4 и 10), вместе читали, обсуждали, исправляли стихи (С. III, 7; П. II, 4). Такое братство по стихам может связывать даже не двух друзей, а многих, и поэт с радостью перебирает в памяти друзей-стихотворцев (П. IV, 16) или обращается к товарищам по «коллегии поэтов», справляющих праздник Вакха, их бога-покровителя (С. V, 3). Воспоминания становятся особенно острыми, когда касаются минуты разлуки: друг страдает, как и сам поэт, бледнеет и плачет, как он, и среди прощальных объятий и лобзаний слезы их смешиваются (С. III, 4 и 5, V, 4; П. I, 9, II, 3 и 11). Это — самые устойчивые образы-знаки в той картине дружбы, которую развертывает Овидий: когда он не может развернуть тему дружбы, он указывает на нее именно упоминаниями об объятиях и слезах. Далее, побудительная часть обычно содержит просьбу о помощи, о заступничестве или хотя бы (П. I, 6) о слове утешения; здесь детализации темы обычно нет, Овидий не может из своей дали давать друзьям практические советы, вместо этого он охотнее всего вводит сюда смежную тему надежды на милость Августа. Наконец, краткую заключительную часть — добрые пожелания — Овидий обычно строит, отталкиваясь от собственной судьбы: «пусть к вам будет добр Цезарь» (П. II, 2, 107—108 и 6, 18), «пусть и вас и ваших близких минует моя участь» (С. III, 4, 76—77 и 5, 21—22); иногда к этому добавляется обещание славы друзьям в своих стихах (С. V, 9, 23—24; П. II, 6, 33—34, III, 2, 29—30).

Конечно, это связанное развертывание темы почти нигде не предстает у Овидия с такой полнотой и широтой: тема дружбы более знакома читателю, чем тема изгнания, и поэт может позволить себе вводить ее фрагментарно, в разных стихотворениях, останавливаясь на разных мотивах. По этой же причине он не старается здесь заострить свой образ в парадокс: лишь однажды он бросает замечание, что несчастье, как и счастье, имеет право на внимание окружающих: люди расступаются перед слепцом, как и перед консулом (С. V, 6, 29—32). Не пользуется Овидий и сменой точки зрения для оживления своего набора мотивов: тема дружбы для него — как бы нейтральный фон, на котором должны ярче выступать остальные темы. Однако средства разнообразить материал у Овидия есть и здесь. Рядом с центральным образом «идеального друга» он вводит оттеняющие образы других адресатов. Во-первых, это «осторожный друг», который боится помочь поэту или даже быть на-

званным в его стихах (это Мессалин в П. I, 7, II, 2 и аноним в С. IV, 4, V, 9; П. IV, 6): Овидий пеняет, что тот не верит в милосердие Августа, и заверяет, что все равно он, Овидий, не может не любить друга и что читатель узнает его прекрасный образ и без имени. Во-вторых, это «ненадежный друг», который вначале был верен ссыльному, а потом устал (Грецин в П. II, 6 и аноним в С. V, 6): Овидий уверяет, что ничем не заслужил такой перемены чувств и что лучше было отречься от друга сразу, чем на полпути. В-третьих, это «нерадивый друг», который всем хорош, только ленив писать письма (С. IV, 7, V, 13): Овидий с комическим ужасом отказывается этому верить и предпочитает думать, что письма его пропали в столь дальней дороге. В-четвертых, наконец, это «враг», который бьет лежачего и порочит беззащитного (С. III, 11, IV, 9, V, 8): Овидий упрекает его в бессердечии, напоминает об изменчивости судьбы (ср. С. III, 3; П. IV, 3 — редкий мотив в гармоническом мире Овидия!) и грозит ослабить его жестокими стихами. Стихи эти Овидий и вправду написал — это поэма «Ибис», о которой будет речь дальше.

К этому же ряду образов примыкает и еще один, то уподобляющийся образу «идеального друга», то оттеняющий его. Это образ жены поэта. Общие приемы его построения те же: похвала, воспоминание, побуждение, пожелание. Но внимание между ними распределяется по-иному. Похвала ей произносится всякий раз, но не за любовь к словесности, а за верность в несчастьях. Воспоминания о ней никогда не касаются былой совместной жизни — семейный уют еще не стал предметом поэзии даже у Овидия. Зато воспоминания о разлуке с ней в памятную ночь отъезда из Рима (С. I, 3) так живы, конкретны и ярки, что не идут ни в какое сравнение со схематичными «плачами» друзей. И — что самое главное — эти страдания разлуки перекидываются здесь из прошлого в настоящее: друзей своих поэт в лучшем случае робко спрашивает: «помнишь ли ты обо мне?», жене он пишет с уверенностью: «я знаю, ты так же страдаешь, как и я» (С. IV, 3, V, 5; П. I, 4 и др.). Жена — единственное лицо в мире «Скорбных элегий», которое разделяет мучения одинокого поэта. От этого ему легче, от этого ему и тяжелее: ему совестно быть причиной страданий близкого человека (чувство, не такое уж частое в античной поэзии). Отсюда новый мотив: «будь же стойкой в невзгодах: только в испытаниях добродетель обретает славу, и для тебя ее глашатаем будут мои стихи» — в посланиях к друзьям этот мотив является лишь изредка, в посланиях к жене — на каждом шагу (С. I, 6, IV, 3, V, 5 и 14; П. III, 1 и др.). Эта логика построения образа настолько осознана, что под конец поэт сам ее обнажает: «в стихах моих на тебя возложена важная роль — образцовой супруги; не испорти же ее!» (П. III, 1, 43—45). Такая обмолвка — лучшее проявление той рациональности в эмоциях, которая так характерна для поэтики Овидия вообще и в новом его жанре в частности.

Если тема прошлого, тема дружбы в стихах Овидия развертывается наименее парадоксально, то тема будущего, тема надежды на помилование — наиболее парадоксально. Мы уже говорили о том, насколько психологически необходимо для Овидия было смягчение наказания, воссоединение с миром культуры, возвращение от смерти к жизни. Тема эта затрагивается, хотя бы мимоходом, почти в каждом стихотворении: из описания невзгод она служит естественным выводом, в обращениях к друзьям — естественной просьбой о заступничестве. Овидию нужно было представить ее наиболее действенным способом — таким способом и оказался парадокс.

С одной стороны, поэт полностью и безоговорочно признает себя виновным: он не упускает ни единого случая упомянуть о своей вине, будь то «Наука любви» («лучше бы мне никогда не писать ее!») или загадочный «проступок» (мы видели, с каким непонятым упорством вновь и вновь касается Овидий этого пункта). С другой стороны, поэт твердо надеется на милосердие Августа — он все время подчеркивает сравнительную мягкость постигнутого его наказания — не «изгнания», а «ссылки» (С. IV, 4, V, 2, 4, 8, 11 и др.) — и верит, что в своей снисходительности Август пойдет и далее (С. III, 4, V, 4, 8 и др.). Объяснение этого парадокса — в том же несовпадении «быть» и «казаться», которое было и причиной гонения на поэта. Овидий был наказан за то, что он воспевал Августов режим таким, каким он был, а не таким, каким он хотел казаться, — теперь он надеется на помилование за то, что он описывает режим именно таким, каким тот хочет казаться. «Милосердие» было официальным лозунгом Августа с самых ранних его политических шагов; восхваляя милосердие правителя, поэт только повторяет слова Августа и надеется, что тот что-нибудь да сделает в подкрепление собственных слов. Овидий как бы принимает предложенные ему правила игры: ему предоставлена роль справедливо наказанного преступника — он честно играет ее; Август взял на себя роль милосердного властелина — Овидий надеется, что он тоже честно сыграет ее, и со своей стороны изо всех сил ему подыгрывает, переходя всякую меру в славословиях Августу.

Современному читателю эти славословия претят. Когда Овидий без конца называет Августа богом (ни у Вергилия, ни у Горация это еще не вошло в столь прочную привычку), когда он простирается перед ним с молитвой (С. V, 2), когда он исходит умилением перед медальоном с лицами Августа, Ливии и Тиберия (П. II, 8), когда он спешит воспеть триумф над Германией, не зная, что сам Август его отменил (С. IV, 2), когда он, дождавшись, наконец, заочно воспевает триумф над Паннонией — шестые победителей, ликование народа, ожидание еще более громких побед (целый цикл стихотворений 12—13 гг.: П. II, 1, 2, 5, III, 3, 4), — в устах поэта-изгнанника это кажется вопиющей неискренностью. Это не так. Здесь нет неискренности — есть лишь осознанная

условность. Заключается она в том, что имя «Август» для Овидия — такой же условный символ всей римской современности, как слово «смерть» — символ одиночества, а слова «лед» и «яд» — символы невзгод изгнания. Разницу между символическим Августом, Августом-богом и реальным Августом, Августом-человеком Овидий хорошо помнит и иногда даже подчеркивает ее: наказан он был Августом-человеком, способным ошибаться, как всякий человек (вряд ли он даже прочитал внимательно «Науку любви», этот состав Овидиева преступления, — С. II, 31—32; вряд ли он даже представляет себе, что такое Тома, этот край Овидиева наказания, — П. I, 2, 71—72), а помилования ждет от Августа-бога, милосердного, как истинный бог. Но условность эта принята Овидием искренне. Он убедился, что те правила игры, которым он следовал смолоду, не удовлетворяют партнера, — и он перешел на новые правила игры. Выходить из этой игры (как вышел философ) Овидий не хочет, потому что понимает, что игра идет высокая — борьба культуры против варварства, и в этой борьбе он с Августом заодно, что бы ни думал по этому поводу Август. А что играть без правил нельзя, что вся жизнь человека в обществе — это игра, он знает еще с тех лет, когда все свои «Любовные элегии» и «Науку любви» он написал, по существу, именно о том, как даже в любви человек думает «да», а говорит «нет», и наоборот.

Вот почему Овидий так упорствует в своем парадоксе: чем безоговорочнее он признает свое преступление, тем больше его уверенность в Августовом милосердии. Что Август сам давно вышел из игры и следит за его стараниями равнодушно и со стороны, этого он не мог и не хотел себе представить.

10

Наконец, четвертая из главных овидиевских тем — это поэзия. Она тоже предстает перед читателем в парадоксе, и даже в тройном. Стихи погубили поэта, однако не погибли с ним в изгнании — Овидий страдает в Томах, а стихи его (сообщают ему римские друзья) исполняются в людных театрах и имеют успех (С. V, 7). Стихи погубили поэта, однако они же и спасут его — он умрет, а они останутся в веках и сохраняют его имя для дальних потомков. Стихи погубили поэта, однако они уже спасают его — слагая их, он забывает о своих страданиях и упражняет свой слабеющий дух. «Так спутники Улисса погибали от лотоса, но не переставали наслаждаться им, так влюбленный держится за свою любовь, хоть и знает, что она его губит» (С. IV, 1, 31—34).

Контраст между смертностью поэта и бессмертием его стихов — древнейшая тема поэзии; в античной лирике с самых давних времен у поэтов было в обычае упоминать в стихах свое имя, чтобы сохранить его навек. Гораций закончил свой сборник од знаменитыми стихами про «памятник вечнее меди», и Овидий почти дословно повторил их в за-

ключении своих «Метаморфоз». Но в понтийских стихотворениях Овидия эта тема получила новую, еще не испробованную разработку. Мысль о том, что поэт и стихи его — совсем не одно и то же, была для Овидия одним из оправданий в его защите перед Августом: «стихи мои могли быть легкомысленны, но жизнь моя была чиста» (С. II, 345—360; впервые в римской поэзии это оправдание появляется еще у Катулла). Поэтому для Овидия становится особенно важно разделить в себе человека и поэта — как бы два лица, для которых поэзия имеет совсем разное значение.

Собственно, именно этому посвящена одна из самых известных «Скорбных элегий» Овидия (С. IV, 10) — автобиографическое заключение четырех книг этого цикла (которыми, по-видимому, поэт сперва хотел и ограничиться). Здесь нет ничего похожего на традиционный образ вдохновенного поэта, который велик (а иногда смешон) оттого, что его устами говорит не он, а обуявшая его божественная сила. Творчество здесь изображено не как высокое и мучительное служение, а как приятное, добровольно избранное занятие: Овидий пишет не потому, что боги велели ему о чем-то поведать миру, а просто потому, что это ему доставляет удовольствие. Так было в Риме, так продолжается и в ссылке: «обманываю время, коротаю день» (ст. 114). Тем самым поэт отказывается и от притязаний на славу: награда ему — сам процесс труда, а не результат труда. Если же слава все-таки приходит к нему, то лишь как нечаянный подарок судьбы; и если за радость творчества он благодарит Музу, то за славу творца благодарит читателя.

Этот образ доброго поэта-обывателя — новый в латинской литературе (зачатки его можно найти у Катулла, но между пылкостью зачинателя Катулла и благодушием завершителя Овидия — огромное расстояние). Однако он не вытеснил у Овидия традиционный образ вдохновенного поэта-пророка: они сосуществуют. Когда Овидий пишет очередную элегию о невзгодах ссылки, привычно прося прощения у друзей за небрежность формы и унылость содержания (С. III, 14, V, 1, 7, 12; П. I, 5, III, 9, IV, 2), то он всячески подчеркивает, что пишет лишь для себя, чтобы успокоить душу (С. V, 1, 63—64), а посылает написанное в Рим лишь из дружбы и для пользы своей судьбе, а вовсе не для славы (С. III, 9, 55—56). Когда же он готовится к смерти и задумывается над своей посмертной долей (С. III, 3) или обращается к молодому поэту и убеждает его быть верным своему призванию, не пугаясь его, Овидия, судьбы (С. III, 7), или запекает хвалу победам Августа и Германика (П. II, 1, III, 4 и др.), то он радостно возвращается к высоким мыслям о том, что в человеке бессмертны лишь дух и дар (III, 7, 43—44) и что стихи его будут памятником ему во все века, пока Рим владеет миром. Так двойится в сознании Овидия образ поэта: так самая близкая ему тема, включаясь в игру, тоже оборачивается в стихах не лицом, а маской, и даже двумя.

Тема поэзии объединяет для Овидия его прошлое, настоящее и будущее: поэзия — это лучшее, что знал он в прожитой жизни, это опора

ему в нынешних страданиях, это залог его доброго имени в потомстве. Именно в поэзии полнее всего и вернее всего запечатлевается поэт: «Муза — непогрешимый свидетель всех моих несчастий» (П. III, 9, 49—50), «я сам — содержание моих стихов» (С. V, 1, 10). Это звучит почти по-современному, как программа самовыражения личности, и все-таки это нечто иное: для поэта нового времени стихи служат комментарием к его личности, для античного поэта его личность служит комментарием к стихам. Главная цель поэзии Овидия — упорядочить хаос мира вокруг себя и хаос чувств внутри себя; это он делает, намечая такие-то тематические линии и связывая их между собой таким-то образом; а почему именно такие и именно так, тому служат объяснением обстоятельства его жизни, о которых он и уведомляет читателя.

11

Так складываются у Овидия основные черты его нового жанра — скорбной элегии: тема одиночества как исходная и основная, темы невзгод, дружбы и надежды как три оси ее развития, тема поэзии как завершение, обобщение и замыкание на себя. Каждая тема членится на мотивы, каждый мотив стремится стать условным знаком всей темы. Наборы таких мотивов в различных сочетаниях и в поворотах с различных точек зрения образуют художественную структуру элегий.

Но, кроме структурных элементов, без которых произведение перестает существовать, в нем должны быть и орнаментальные элементы, каждый из которых может быть или может не быть, но совокупность которых необходима. Она необходима для того, чтобы связать новое произведение или новый тип произведений с прежним художественным и жизненным опытом читателей, чтобы напомнить им, что и страдание, и дружба, и милосердие, о которых говорится в новых стихах, — не выдумки поэта, а чувства и явления, хорошо знакомые миру вообще и искусству в частности. В структурных мотивах тема разворачивается по законам логики, в орнаментальных — по законам аналогии: иными словами, это прежде всего сравнения, параллели нового с общеизвестным. Античность знала два основных фонда таких сравнений — из мира природы и из мира мифологии. В обоих этих поэтических запасниках Овидий чувствует себя полным хозяином.

Сравнения из области природы и быта Овидий употребляет реже: они безэмоциональны, они помогают понять, но не почувствовать то, что хочет сказать поэт. Чаще всего они появляются при наименее привычной из овидиевских тем — теме одинокого страдания. Как солнце точит снег, море — камни, ржавчина — железо, червь — дерево, так изгнание точит душу (П. I, 1); время приучает быков к ярму и коней к узде, тупит плуг, стирает кремень, но не может заглушить тоску (С. IV, 6); и, как погибает поле без вспашки, конь без поездки, лодка на берегу, так погибает среди варваров поэт (С. V, 12). Но и остальные темы могут дать повод

для подобных сравнений: дружба между поэтом и его адресатом крепка потому, что оба они преданы Музам, как работник земледельцу, гребец кормчему, воин полководцу (П. II, 5); милосердие Августа подобно милосердию благородного льва среди низких хищников (С. III, 5); а поэзия утешает ссыльного так же, как песня помогает в труде землекопу, бурлаку, гребцу, пастуху или пряже (С. IV, 1). Кроме того, есть два самых постоянных повода для набора сравнений из мира природы — «от несчетности» и «от невозможности»: так, невзгоды поэта несчетны, словно песок на берегу, рыбы в море, звери в лесах, колосья на ниве, зерна в маке, травы на Марсовом поле, пчелы в медоносной Гибле и т. д. (С. IV, 1, V, 1, 2, 6; П. II, 4, 7 и др.); так, поверить в измену дружбе столь же невозможно, как здравому уму поверить в химер, кентавров и гарпий, как северу потеплеть, а югу похолодеть, как Понту лишиться полыни, а медоносной Гибле — тимьяна, морю — рыб, а воздуху — птиц и т. д. (С. IV, 7, V, 13; П. I, 6, II, 4 и др.).

Сравнения из области мифологии у Овидия неизмеримо многочисленнее. Они привлекательны для него тем, что это, так сказать, уже не сырье, а полуфабрикат, они входят не просто в сознание, а в эстетическое сознание читателя, они не только несут понимание, но и возбуждают сочувствие и, что всего важнее, ощущаются как красота. Мы уже видели, как в элегии С. III, 10 о гетской земле Овидий искусно отметил кульминационные точки мифом о Леандре и мифом об Аконтии. Сама судьба, занесшая его в это изгнание, роднит его с такими изгнанниками, как Кадм, Тидей, Патрокл и Тевкр (П. I, 3); пережитые им невзгоды, каждую в отдельности, извелили и Ясон, и Улисс, и даже Вахк (С. I, 5, V, 3; П. I, 4); страдания его вечно обновляются, как печень Тития, а он не может ни окаменеть, как Ниоба, ни одеревенеть, как Гелиады (П. I, 2). Верность друзей в беде напоминает ему о Тесее и Пирифое, Ахилле и Патрокле, Нисе и Евриале и, уж конечно, об Оресте и Пилладе, страдавших от таких же варваров в недалекой Тавриде (С. I, 5, IV, 4, V, 4, 6; П. II, 3, 6, III, 2 и др.); верность жены — о Пенелопе, Андромахе, Лаодамии, Алкестиде, Евадне (С. I, 6, V, 5, 14; П. III, 1 и др.). От покаравшего его Августа поэт ждет такого же милосердия, какое оказал Ахилл Телефу, ранив и исцелив его тем же копьем (С. V, 2), ибо милосердие — удел высоких душ, а свидетельство тому — отношение Ахилла к Приаму, Александра к Пору и Дарию, Юноны к обожествленному Геркулесу (С. III, 5). И, наоборот, злоба и жестокость тотчас находят олицетворение в именах Бусирида, Фаларида, Антифата, Полифема (С. III, 11, П. II, 2). Стихи, которыми в ссылке утешается поэт, подобны тем стенам, в которых изливали страдания Филоктет и Приам, Альциона и Прокна (С. V, 1), и они помогают в горе, как лира помогала Ахиллу и Орфею (С. IV, 1). Это лишь самые частые из бесчисленного запаса мифологических параллелей, без которых у Овидия не обходится ни одна тема и почти ни одно стихотворение. Современному человеку это обилие мифологии может показаться расхолаживающим, но для ан-

точного поэта это был вернейший способ найти общий язык со своим читателем.

Созданное таким образом построение из структурных и орнаментальных элементов, в котором все мотивы более или менее связаны друг с другом, подлежит теперь развертыванию в последовательный стихотворный текст. При таком развертывании одни связи подчеркиваются, другие ослабляются, третьи разрушаются; какой способ развертывания выбрать — в этом заключается проблема композиции стихотворения. Решаться она может по-разному. Поэты нового времени рассчитывают свои стихи прежде всего на читателя, который их читает впервые, не знает, что ждет его через пять строк, и ощущает главным образом напряженный ритм переходов от куска к куску, уводящих его все дальше и дальше. Античные поэты — не всегда, но преимущественно — рассчитывали на читателя, который перечитывает стихотворение вновь и вновь, прочитанную часть помнит хорошо, а недочитанную знает заранее и потому ощущает и пропорции кусков, и их взаимные переклички. Именно так строил свои стихотворения Овидий — в расчете не на ближний взгляд, скользкий от частности к частности, а на дальний, охватывающий целое от начала до конца.

Современному читателю нелегко сразу приспособиться к такому расчету. Проще всего ему воспринять элегии с прямолинейной последовательностью событий: автобиографию (С. IV, 10), миф о Мееде или Оресте (С. III, 9; П. III, 2), описание пути книжки по Риму (С. III, 1). Немного труднее те стихи, которые построены целиком по плану письма: обращение, похвала, описание, побуждение и т. д. (С. III, 5, 11, IV, 3, V, 2 и др.). Сложнее бывает, когда в стихотворении чередуются, например, куски с описанием невзгод и с описанием переживаний поэта (иногда с нарастанием контраста, как в П. II, 7, иногда с ослаблением, как в С. V, 7). Наконец, больше всего внимания от читателей требуют те стихотворения, в которых плавное развитие мысли от двустихия к двустихию сочетается с симметричной перекличкой дальних кусков. Так, в послании Перилле (С. III, 7) естественно следуют друг за другом вступление, воспоминание, побуждение и заключение, причем средние части объединены образом Периллы, а крайние — образом поэта, первые две части связаны темой дружеской близости, последние две части — темой близости в поэзии. Так, элегия к Вакху (С. V, 3) естественно делится на четыре части, две описательные, о своей судьбе и о Вакховой судьбе, и две побудительные, с обращением к Вакху и обращением к товарищам-поэтам, но вдобавок начало первой части перекликается с началом и концом четвертой (картиною пира поэтов), конец первой части — с концами второй и третьей (мольбою о помощи, которая, таким образом, прошивает все стыки кусков), а начало второй — с началом третьей (мифами о Вакхе). И это еще далеко не предел возможностей переплетения тем: другие элегии построены еще сложнее, а более всех — огромное послание к Августу (С. II). Для удобства читателей в примечаниях к этому изданию намечен композиционный план наиболее искусных эле-

гий; останавливаться же на подробностях этого художественного тканья здесь невозможно.

Те же принципы, что определяют построение отдельных стихотворений, действуют и при построении целых стихотворных книг. Если поэт нового времени заботится прежде всего о том, чтобы одно стихотворение подхватывало и продолжало другое, то античный поэт старается чередовать стихотворения несхожие и располагать их в книге симметрично, чтобы читатель не столько переживал движение и развитие, сколько любовался уравновешенностью и покоем. Так, в «Скорбных элегиях» Овидий неизменно отмечает начало и конец книг стихотворениями о поэзии (III, 1 — о том, как книга приходит в Рим, III, 14 — о том, как слагается она в Томах; IV, 1 — об утешении поэзией в ссылке, IV, 10 — о наслаждении ею до ссылки; V, 1 — как стихи изливают уныние поэта, V, 14 — как они несут славу его близким), а середину книг — то повтором этой темы (III, 7), то контрастом (IV, 6), то сплетением того и другого (V, 7). В промежутках между этими опорными точками располагаются, чередуясь, стихи на остальные темы; при этом в начало книг помещаются элегии более длинные, в конец — более короткие; а в «Письмах с Понта» (I—III) к тому же учитываются раздельно чередование тем и чередование адресатов, а на симметрию плана каждой книги налагается симметрия всего трехкнижия в целом. Так ни одной возможности внести порядок в свой материал не упускает поэт.

12

Мы обследовали поэтическую систему понтийских элегий Овидия — выделили его художественные приемы, проследили их взаимосвязь. Возможен вопрос: а насколько осознанны были приемы для самого Овидия, пользовался ли он ими как холодный мастер или писал по вдохновению, не разбирая средств? На такой вопрос, конечно, ответить нельзя; можно лишь предполагать, что у Овидия, как у многих поэтов, начало сложения стихов было интуитивным, окончательная отделка — осознанной и продуманной; что не поддавалось такой отделке, шло в огонь (С. IV, 1, 100—101, ср. П. III, 9, 11—12). Во всяком случае, сознательности и рационалистичности в отношении к своим стихам у Овидия было гораздо больше, чем может показаться. Свидетельство этому — большое стихотворение в нечастом у поэтов роде: автопародия. Эта автопародия — «Ибис».

«Ибис», десятая из десяти книг, написанных Овидием в ссылке, пользуется заслуженной славой самого темного произведения всей древнеримской поэзии. Образцом для Овидия было одноименное стихотворение александрийского классика Каллимаха, но оно до нас не сохранилось и помочь нашему пониманию не может. Ибис — имя египетской птицы, которой повесть приписывало неопрятные повадки, упоминаемые Овидием в ст. 450. Этим именем Овидий вслед за Каллимахом называет какого-то своего врага — по неявному намеку можно лишь догадываться, что тот

хотел поживиться за счет имущества сосланного поэта (ст. 20—21, ср. С. I, 6). На этого врага он и обрушивает самые отчаянные поношения, суля ему в возмездие тысячу жестоких смертей. Нескончаемый ряд этих проклятий и составляет всю поэму-инвективу Овидия.

«Ибис» настолько не похож на остальные произведения Овидиевой ссылки, что филологи недоумевают: что могло толкнуть поэта к такому несвоевременному риторическому упражнению? Думается, что самый правдоподобный ответ на этот вопрос — наше предположение, что «Ибис» есть автопародия. При этом пародирует себя Овидий по меньшей мере на трех уровнях, от самого поверхностного до самого глубокого.

Самый поверхностный — это уровень орнаментальной мифологии. Мы видели, что почти каждое стихотворение Овидия украшено мифологическими сравнениями. Мы могли бы еще заметить, что эти сравнения бываю́т чаще всего сосредоточены в конце стихотворения, что идут они обычно не по одиночке, а сразу группами — упомянув Ореста и Пилада, Овидий тут же упомянет Ахилла и Патрокла и т. д. и что в них Овидий очень любит называть героев не прямо, а описательно — не «Орест», а «безумец», не Пилад, а «фокеец», не Патрокл, а «Менетиад» (по отцу) или даже «Акторид» (по деду). Все эти приемы в «Ибисе» доведены до предельной крайности. Мифологические сравнения — «чтоб тебе погибнуть так, как погиб такой-то» — сосредоточены в конце стихотворения и занимают почти две трети его объема (а в начале стихотворения вдобавок не упущены ни сравнения «от несчетности», ни «от невозможности»). Друг за другом они следуют группой, и в группе этой не менее двухсот уподоблений, так что подчас они начинают группироваться еще детальнее: «ослепленные», «обезумевшие», «погибшие от жен», «погибшие в странствиях Одиссея» и т. п. А в иносказательных именовании своих героев Овидий доходит до такой изощренности, что здесь что ни двустишие, то загадка: «мучься, как этеец, как зять двух змей, как отец Тисамена, как муж Каллирой» (ст. 347—348) — даже искушенный знаток мифологии должен сделать немалое усилие, чтобы понять, что здесь имеются в виду такие известные лица, как Геракл, Афант, Орест и Алкмеон, и что, следовательно, общее «мучение» их — безумие. Такой систематической шифровкой известного через неизвестное Овидий как бы доводит до абсурда свой любимый стилистический прием и этим свидетельствует, что пользуется им вполне сознательно и опасные его стороны хорошо понимает.

Следующий уровень автопародии — это структурные мотивы. План «Ибиса» — это как бы вывернутый наизнанку типичный план дружеского «письма с Понта» (ср. «послания к врагу» — С. III, 11, IV, 9, V, 8). Там обычно в начале стоит похвала адресату, здесь — поношение; там — клятва в верности, здесь — клятва в ненависти; там — рассказ о своем злополучии, здесь — о злополучии Ибиса: там — просьбы, здесь — угрозы; там — благопожелания, здесь — проклятия. А чтобы подчеркнуть эти ассоциации, Овидий начинает «Ибиса» характерным мотивом «Скорбных элегий» — «я не хочу называть твое имя» (там — из заботы о друге,

здесь — о враге!), а кончает последним проклятием — «живи и умри здесь, как я, среди гетских и сарматских стрел!» (ст. 637—638). Так показывает Овидий, что и жанровые особенности его поздних стихов были им вполне осознаны. Мало того: та мифологическая энциклопедия в загадках, которой заканчивается «Ибис», не могла не напоминать и автору и читателям две другие мифологические энциклопедии Овидия, «Фасты» и «Метаморфозы», но тоже вывернутые наизнанку — там нанизывались примеры начал и вечной смены явлений, здесь — трагических концов. Так и жанровая пародия распространяет свой охват с поздних стихов Овидия на все его творчество в целом.

Самый глубокий уровень автопародии особенно интересен. Что позволяет нам усмотреть в «Ибисе» пародическое, ироническое отношение к собственным приемам, а не искренне-безудержное увлечение ими? Простой факт: мы видим фантастическое нагромождение самых страшных проклятий по адресу врага, но мы так и не знаем главного: во-первых, кто этот враг, и, во-вторых, в чем его злодеяние? Характерные овидиевские приемы в «Ибисе» не только подчеркнута гиперболизированы, они еще и подчеркнута не мотивированы — а это верный признак пародического отношения к ним. И вот здесь напрашивается неожиданная ассоциация. Не так ли выглядит у Овидия основной, исходный момент всей ситуации, изображаемой в «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта», — мотив вины? Ведь и там поэт говорит о своей вине много (даже неуместно много) и трагично (даже неумеренно трагично), но так ни разу ее и не называет. Не означает ли это, что Овидий сам понимал: тот пресловутый «проступок», за который он попал в Томи, есть лишь фикция, лишь повод для игры императорских репрессий, вполне аналогичной той игре мифологических проклятий, которой он сам предается в «Ибисе»? Собственно, именно эта несомненная аналогия и кажется если не решающим, то наиболее существенным доводом в пользу самой парадоксальной гипотезы о «проступке» Овидия: Овидий сам не знал, в чем этот «проступок», потому и не мог его назвать.

В актерской практике есть термин «игра с пустышкой», когда актер бережно пересчитывает деньги, которых нет, или с аппетитом кусает пирог, которого нет. Вот такой «игрой с пустышкой», предельным обнажением игры как игры, является и овидиевский «Ибис». Это пародия Овидия не только на свое позднее творчество, не только на все свое творчество в целом (начиналось оно стихами о любви к полувыдуманной Коринне, кончается стихами о ненависти к полувыдуманному Ибису), но и на самую свою жизненную судьбу. Сознал ли Овидий столь глубокий уровень своей пародии? Может быть, и нет; но, даже если он лишь неосознанно нащупывал идею своего «Ибиса», от этого она не перестает быть для него неслучайной.

«Ибис» примыкает к «Скорбным элегиям» и «Письмам с Понта», как сатиrowsкая драма примыкает к трагической трилогии: тот же материал, тот же стиль, но трагизма уже нет. «Элегии» и «Письма» были осознанием и упорядочением того хаоса, в который повергла Овидия его жиз-

ненная катастрофа; «Ибис» был осознанием того набора упорядочивающих средств, которые он при этом применял. «Элегии» и «Письма» были выработкой взгляда на новый мир — «Ибис» был взглядом на этот взгляд. Сама возможность сочинения «Ибиса» означала, что преодоление хаоса для Овидия уже совершилось. Из своей катастрофы поэт вышел победителем.

13

Овидий прожил в ссылке десять лет. Но все стихи, о которых мы до сих пор говорили, — пять книг «Скорбных элегий», три первые книги «Писем с Понта» и «Ибис» — написаны в первое пятилетие — до 14 г. н. э. Затем происходит перелом. Творчество Овидия отчасти иссыкает, отчасти меняется — как по настроению, так и по форме.

До некоторой степени это связано с внешними событиями. В Риме летом 14 г. умер Август. За несколько месяцев перед этим он в сопровождении Павла Максима, покровителя Овидия, тайно посетил своего сосланного внука Агриппу Постума. Об этом стало известно Ливии; очень скоро Павел Максим умер, затем скончался 76-летний Август, а тотчас после этого был убит Агриппа Постум. У власти встал Тиберий. На Тиберия у ссыльного поэта, по-видимому, не было никаких надежд: в славословиях его Тиберий всегда занимал меньше места, чем даже Германик. Приходилось смиряться с мыслью, что помилования не будет, что в Томах поэту предстоит и жить и умереть.

На Дунае тоже произошли перемены. Задунайские геты усилили было свои набеги: в 12 г. они взяли римскую крепость Эггисс, а в 15 г. — Трезмы. Чтобы отбивать их, приходилось подводить войска из Мёзии, со среднего Дуная (П. IV, 7 и 9). Становилось ясно, что оборонять границы силами вассальных фракийских царей — дело ненадежное; началась подготовка к принятию пограничных областей непосредственно под римскую власть. Для подготовки этого «начальником над морским побережьем» был назначен военачальник Весталис, отличившийся под Эггиссом; Овидий приветствовал его посланием (П. IV, 9). По-видимому, принятые меры увенчались успехом: упоминания о варварских набегах исчезают из поздних стихотворений Овидия. Одна из причин, питавших в нем ненависть к Томам, исчезла.

Но главным, конечно, были внутренние перемены в Овидии. Опыт «Скорбных элегий» и «Писем с Понта» принес свои плоды: стихи освоили его с новой жизненной ситуацией, стало исчезать мучившее его чувство потерянности в мире и неуверенности в себе. Это было так непривычно, что он сам испугался, заметив, что ему не хочется больше писать стихи (С. V, 12), просить друзей и надеяться на помощь (П. III, 7): ему показалось, что это — предел отчаяния. На самом деле это было началом выхода из катастрофы.

Он продолжает еще писать «письма с Понта» по привычному образцу, но уже не собирает их в новый сборник: IV книгу «Писем с Понта»

составили только после смерти поэта. Зато среди этих стихов появляются такие, каких еще не бывало: впервые Овидий говорит о своем примирении с краем изгнания. В П. IV, 14 мы узнаем, что в Томах он ненавидит только холод и войну, а людей ценит и любит, и они ему отвечают тем же: жители Томов в знак почета освободили его от налогов и увенчали венком. А в П. IV, 13 мы читаем, что Овидий, столько сетовавший на непонятность гетского языка, уже сам овладел им настолько, что написал по-гетски стихи об апофеозе Августа.

Конечно, для внимательного читателя это не столь уж неожиданно, сходные мотивы мелькали между строк и раньше (сочувствие варваров в П. II, 7, 31, и П. III, 2, 37; желание стать в Томах пахарем, П. I, 8, или даже поэтом, П. I, 5, 65—66). Но такого откровенного выражения получить они не могли — они слишком противоречили всему тематическому строю «Элегий» и «Писем». Новые стихотворения означали, что Овидий преодолел то чувство одиночества, на котором держался поэтический мир его последних лет. Стена, которой он так упорно отгораживал себя от нового своего окружения (языковой и не только языковой барьер) наконец-то разрушился: от неприятия мира поэт вернулся к привычному и естественному для него приятию мира. Он понял и почувствовал, что та культура, причастником и служителем которой он был, заключена не вне его, а в нем, что можно быть римлянином и вне Рима, поэтом и без читателей и слушателей.

Понятно, что сочинение гетских стихов (об утрате которых не перестают сокрушаться языковеды) было для Овидия лишь игрою, — важно то, что материал для этой игры он стал черпать не в себе, а вокруг себя. Больше он не чувствует себя прикованным к напряженно перебираемым мотивам «Скорбных элегий» и «Писем с Понта» — он оглядывается вокруг себя, ищет новые темы и ищет жанра, как можно более открытого для новых тем. Такой жанр он находит легко, он для него привычен смолоду, со времен «Науки любви» и «Притирания для лица», — это дидактическая поэзия. В наше время читатель отвык от этого жанра, дидактическая описательность кажется ему скучной и антипоэтической. Для Овидия, наоборот, она была естественной формой приятия мира, средством вовлечения в поэзию новых и новых образов и мотивов: чем они непривычнее, чем прозаичнее, тем интереснее иметь с ними дело поэту-экспериментатору.

Первый подступ к новой тематике мелькает еще среди последних «Писем с Понта»: в послании к поэту Альбиновану Педону, который сам когда-то писал про северное море, по которому плавал на Германию римский флот, он опять описывает замерзающее Черное море, но уже не как условный знак своих несчастий, а как климатическое явление, имеющее свое естественное объяснение (П. IV, 7). Второй подступ — это замысел дидактической поэмы «Наука рыболовства» с описанием черноморских рыб, их повадок и способов их ловли; Овидий хорошо разбирался в рыбах как опытный гастроном, а фактический материал ему могли дать разговоры с рыбаками в Томах и, конечно, греческие книги

по зоологии. От этого начинания сохранился лишь отрывок в сто с лишним стихов, имеющий вид недоработанного черного наброска. Наконец, третий подступ старого Овидия к дидактической поэзии — это возвращение его к работе над не дописанными в Риме «Фастами», поэмой-календарем. По-видимому, над «Рыболовством» и «Фастами» он работал параллельно (как когда-то над «Любовными элегиями» и «Героидами») и не торопясь: душевный мир его был восстановлен, и той судорожной спешки, с какою он перед этим старался каждый год напоминать о себе в Риме новой книгой, уже не требовалось.

Переработка «Фастов» связывалась для Овидия с последней надеждой на возвращение из ссылки. В 17 г. Германик завершил успокоение западной границы, отпраздновал долгожданный триумф над Германией и должен был на следующий год отправиться наводить порядок в восточных областях империи. Путь его лежал через Фракию, край Овидиевой ссылки; сам поэт и оратор, всех привлекавший благородством и снисходительностью, Германик не мог не чтить Овидия. Овидий решил поднести ему «Фасты» с посвящением. Посвящение было уже написано и вставлено в начало поэмы (в замену прежнего, обращенного к Августу), но закончить работу Овидий не успел. Ему было уже шестьдесят лет, ссылка изнурила его; в конце 17 или начале 18 г. н. э. он умер. Его похоронили в Томах; так и последнее его желание, «чтобы на юг пеоенесли его тоскующие кости» (С. III, 3; П. I, 2), не сбылось.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод сделан по следующим изданиям:

Ovid with an English translation: *Tristia, Ex Ponto*, ed. by A. L. Wheeler. London — Cambridge (Mass.), 1924 (re-ed 1959);

P. Ovidii Nasonis *Ibis*: ex novis codicibus ed., scholia vetera, commentarium cum prolegomenis appendice indice add. R. Ellis. Oxoniae, 1881;

Ovidi *Haliutica*; Ovidi *Nux*, in: *Poetae latini minores, post Aem. Baehrensium* ed. F. Vollmer, v. 2, f. 1—2, Lipsiae, 1911—1923;

Ovid, *Heilmittel gegen die Liebe, Die Pflege des Weiblichen Gesichts*, lat. und deutsch v. F. W. Lenz. Berlin, 1960.

Немногочисленные отступления от этих изданий в сторону рукописного чтения обычно оговариваются.

Настоящее издание содержит полный свод произведений, написанных Овидием в понтийской ссылке: 5 книг «Скорбных элегий», 4 книги «Писем с Понта», поэму «Ибис» и отрывок незаконченной поэмы «Наука рыболовства». На русском языке до сих пор существовал лишь прозаический перевод этого свода (Сочинения Овидия все, какие до нас дошли, т. 3. Пер. с лат. А. Клеванов. М., 1874); кроме того, «Скорбные элегии» были полностью переведены А. А. Фетом (Скорби Овидия. Пер. А. Фета. М., 1893); наиболее широко избранные «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» были представлены в издании: Овидий. Элегии и малые поэмы. Пер. с лат. М., «Худож. лит.», 1973; для настоящего издания напечатанные там переводы заново отредактированы.

В качестве приложения в издание включена ранняя, неполностью сохранившаяся поэма Овидия «Притиранья для лица», также до сих пор стихами на русский язык не переведившаяся. Таким образом, этим изданием впервые на русском языке завершается стихотворный перевод всех без исключения сочинений Овидия.

В примечаниях для каждого стихотворения дается краткое обозначение содержания (взамен заглавий, у античных лириков не употреблявшихся), потом общие сведения об обстоятельствах написания и художественных особенностях стихотворения и, наконец, пояснения к отдельным стихам. Наиболее общеизвестные мифологические имена и сюжеты, как правило, не поясняются.

Скорбные элегии

КНИГА I (9 г. н. э.)

Элегия 1.

Напутствие своей книге. Вступительное стихотворение при отправлении в Рим I книги «Скорбных элегий» весной 9 г. н. э. Три обращения к олицетворенной книге (1—16, 49—68, 105—128) и между ними — наставления, как вести себя с простыми

читателями (17—48) и как с Августом (69—104). Такие обращения к книгам были уже традиционны в античной поэзии: сходным образом написано было почти на 30 лет раньше (20 г. до н. э.) заключительное стихотворение Горация к I книге его «Посланий».

- 1 ...*малый мой свиток*...— Овидий описывает внешность роскошного издания античной книги-свитка. Свиток хранился в пергаментном чехле, крашенном в красную краску из сока *вакцинии*, смешанного с молоком. Заглавия вписывались *минием* (киноварью); обратная сторона свитка для сохранности от червей и для благовония натиралась кедровым маслом; верхний и нижний обрез («чело») полировался пемзой и окрашивался черным, над ним выступали *рожки* — концы палочки, на которую наворачивался свиток, а на рожках укреплялись ручки из *белой* слоновой кости.
- 20 ...*Богом ниспосланный дар*.— т. е. Августом.
- 30 *Цезарь* — император Август.
- 47 *Меониец* — Гомер, по одним версиям, — как сын Меона, по другим — как уроженец лидийской Меонии.
- 61 ...*опознают по цвету*...— по грязному, как у изгнанника, виду.
- 68 *прежний труд* — «Наука любви».
- 70 *холм* — Палатин, где находились дворец Августа и храмы Аполлона Палатинского, Юпитера Статора и других богов (см. С. III, 1).
- 79 *Фазтон* — сын Гелиоса, пораженный Юпитером за неумение справиться с конями Солнца («Метаморфозы», II)
- 83—84 *Аргоса флот* — греческий флот, на обратном пути от Трои разбитый бурей у мыса *Кафаря* на острове Эвбея.
- 90 ...*пал и название Икар морю Икарову дал*.— Икарыйским морем называлась часть Эгейского моря у берегов Малой Азии. О Дедале и Икаре см. «Метаморфозы», VIII.
- 100...*сам, как древле Ахилл, и уврачует ее*.— Ахилл ранил мисийского царя Телефа и потом один мог исцелить эту рану ржавчиной своего копья.
- 105 *прият мой* — дом Овидия в Риме.
- 106 ...*в круглой коробочке*...— в ларце, где хранились прежние книги Овидия.
- 111—115 *трех* — три книги «Науки любви», погубившие их автора, как *Эдип* своего отца Лаия, а Телегон, сын Цирцеи, своего отца Улисса.
- 117—118 «*Превращения*» — «Метаморфозы». Об их судьбе см. С. I, 7.

Элегия 2.

Буря в морском пути. Описывается буря в Ионийском море, задержавшая переезд сосланного Овидия от адриатического берега Италии (Авзонии, ст. 92) к берегам Балканского полуострова. О продуманной композиции этой элегии см. с. 206.

- 5—10 Мифологические примеры из «Илиады» (5—6, *тевкры* — троянцы), «Энеиды» (7—8, *Сатурнова дочь* — Юнона), «Одиссеи» (9—10, *Кронид* — здесь Нептун, брат Юпитера).
- 27—30 *Эвр*, *Зефир*, *Борей* и *Нот* — восточный, западный, северный и южный ветры.
- 48 *баллиста* — большое метательное орудие, стрелявшее каменными или свинцовыми ядрами.
- 50 ...*перед одиннадцатым он за девятым идет*.— Десятый вал в бурю считался самым мощным (как в новое время — девятый).
- 77—79 ...*учиться не еду в Афины*...— в Афины и Малую Азию Овидий ездил в молодости с Помпеем Макром (см. П. II, 10), но в Александрии (*Александровом городе*) не бывал.
- 104 *Цезарю* — Августу; *цезарям* — усыновленным им наследникам, сперва внукам Гаю и Луцию, а потом пасынку Тиберию с его племянником Германиком и сыном Друзом.

Элегия 3.

Последняя ночь в Риме. Элегия замечательна четкой разметкой времени действия, членящей ее на пять частей с постепенным нарастанием напряжения, не считая вступления: (5—26) вечер, общий плач; (27—46) перед полночью, молитвы богам; (47—68) после полуночи, сомнения и колебания; (69—88) рассвет, разлука; (89—102) утро, отправление в путь. В каждой сцене (кроме средней) поведение поэта оттенено поведением жены.

- 19 ...в Ливии дальней...— дочь Овидия (точнее, падчерица) сопровождала своего мужа Суиллия (II, IV, 8) в поездке в Африку.
 29 Капитолий — холм в Риме с храмами главных римских богов — Юпитера, Юноны и Минервы; рядом с ним находился дом Овидия.
 30 Лар — бог домашнего очага.
 33 Квиринов град — Рим (Квирин — имя обожествленного Ромула).
 37 Сын небес — Август.
 40 бог — Август.
 45 Пенаты — боги домашнего очага.
 48 нимфа аркадская — Каллисто, обращенная в Большую Медведицу («Метаморфозы», II).
 55 ...ступил на порог...— задеть порог, выходя из дому, считалось дурным знаком.
 66 ...Тесея завет! — легендарная дружба Тесея и Пирифоя. См. прим. к С. II, 5, 19.
 75 Метгий Фуфетий — легендарный альбанский царь, предавший своего союзника римского царя Тулла Гостилия и за это казненный: его разорвали на части, привязав к двум колесницам.

Элегия 4.

Вторая буря на море. Корабль Овидия идет к югу вдоль балканского («илирийского») берега, но ветер продолжает относить его на запад, к Италии.

- 1 эриманфской Медведицы сторож — Арктур, главная звезда созвездия Волопаса, смежного с Большой Медведицей; заход ее совпадал с осенними равноденственными бурями.
 8 писаные боги — украшения корабельной кормы.
 18 заповедные берега — запретная поэту Италия.
 22 богу великому — Августу, отправившему Овидия на восток.
 26 громовержец — Август.

Элегия 5.

К верному другу. Начальные строки (особенно ст. 5 — Ты, кто... совет мне подал...) позволяют предположительно отождествить адресата элегии с Цельсом, который (II, I, 9, 21—22) тоже отговаривал Овидия от самоубийства.

- 19 Пирифой — друг Тесея, убедившийся в его дружбе, когда тот отказался сопровождать Пирифоя в безнадежной попытке похитить Прозерпину, царицу Подземного царства.
 21 фокеец — Пилад, сын фокидского царя Строфия, доказавший свою верность Оресту, когда того терзали фурии за матерубийство.
 23 Гибель Ниса, сына Гиртака, и его друга Евриала, не желавших покинуть друг друга во время вылазки в стан рутулов, описана в IX книге «Энеиды».
 38 бог — Август.
 44 божество — Август.
 53 Трубный я голос имей...— реминисценция популярного образа Гомера («Илиада», II, 489—490).

- 60 и 67 *Дулихий и Самос* (точнее, *Сама*) — острова близ Итаки, принадлежавшие царству Улисса.
 75 *бог* — Август.
 76 *брани богиня* — Минерва.

Элегия 6.

Благодарение жене. Из двух частей элегии первая (1—16, благодарность жене) вводится историко-литературной параллелью, вторая (17—28, похвала жене) — мифологической.

- 1 *Антимах* — поэт из ионийского Колофона (невдалеке от *Клароса*, древнего святилища Аполлона) (начало IV в. до н. э.), автор знаменитых элегий на смерть своей жены *Лиды*.
 2 *коссиий певец* — *Филет* (начало III в. до н. э.), один из основоположников эллинистической лирики, автор стихов о своей жене или любовнице *Биттиде*.
 8 *...всех, кто спешил схватить...* — Овидий не был наказан конфискацией имущества; но кредиторы его, опасаясь, что может последовать и такой указ, поторопились предъявить к оплате данные им обязательства.
 19—22 *Фессалиянка* *Лаодамия*, жена *Протесилая*, первого павшего от греческих героев Троянской войны (см. ниже, прим. к С. V, 5, 51—58); *Андромаха* и *Пенелопа*, воспетые Гомером, — классические примеры супружеской верности.
 25 *первая римлянка* — *Ливия*, жена *Августа*, «первого из римлян» (принцепса).

Элегия 7.

О судьбе «Метаморфоз». Рассказ обрамлен перекликающимися мотивами — изображением поэта в перстне друга (1—10) и надписью поэта на оставляемой им поэме (33—40).

- 2 *венок* — венок из плюща, посвященного *Вакху*, богу вдохновения, был обычной приметой при изображениях поэтов.
 17 *Фестиада* — *Алфея*, дочь плевронского царя *Фестия*; когда ее сын *Мелеагр* в охотничьей ссоре убил ее братьев, она погубила его, бросив в огонь головню, в которой заключена была его жизнь («Метаморфозы», VIII).

Элегия 8.

К неверному другу. Адресат — может быть, *Помпей Макр*, сопровождавший когда-то Овидия в Грецию и Малую Азию (ст. 33—34).

- 1—2 *Вспять хлынут реки...* — реминисценция знаменитого места в «Медее» Еврипида (410), ставшего образцом для риторических сравнений «от невозможности».
 39 *...у левого берега Понта...* — Левым Понтом официально называлось Балканское побережье Черного моря, куда направлялся Овидий; здесь, как и дальше в подобных случаях, Овидий намекает на то, что левая сторона в греческих суеверьях считалась неблагоприятной.

Элегия 9.

Другу, не похожему на других. Послание к молодому другу, успешно начинающему карьеру судебного оратора. Вся вторая часть стихотворения (39—66) восхваляет серьезность его занятий, в противоположность легкомысленности стихов, погубивших самого Овидия.

- 28 *Фоант* — см. прим. к С. IV, 4, 63—65.
 29 *Акторид* — *Патрокл*. Другие примеры дружбы — те же, что и в С. I, 5.
 49 *...левые грома раскаты...* — левая сторона считалась у римских гадателей благоприятной (в противоположность греческим, ср. прим. к С. I, 8, 39).
 58 *легкая наука* — «Наука любви». Тема «стихи мои вольны, а жизнь чиста» получает развитие дальше, в С. II, 353.

Элегия 10.

Путь в ссылку. В своем плавании Овидий сменил три корабля. Первый, на котором он преодолел две бури в Ионийском море (описанные в С. I, 2 и 4), довез его от Италии до Коринфского залива и Коринфа. Второй, к которому обращается поэт в этом стихотворении, провез его от Коринфа до острова Самофракии между фракийским берегом и Геллеспонтом. Здесь, на Самсфракии, и написано это стихотворение. Отсюда Овидий на третьем корабле должен был переправиться в фракийскую гавань Темпиру и затем сухим путем пересечь Фракию до Черноморского берега, а там в одной из гаваней (перечисляемых в ст. 35—41) встретить прежний свой корабль, прошедший тем временем через Геллеспонт и Боспор, и на нем продолжать путь в Томы. Овидий начинает стихотворение похвалой своему второму кораблю (1—8), а кончает добрым пожеланием обоим кораблям, и второму и третьему (45—50).

- 2 *Писан на нем ее шлем...* — корабль назывался «Шлем Минервы» (или «Шлемоносная Минерва») и имел изображение шлема на корме.
 9 *Кенхреи* — гавань Коринфа со стороны Эгейского моря.
 15—20 Корабль Овидия дошел до Трои (*Гекторов город*), у входа в Геллеспонт (море *Геллы, внушки Эола*), а оттуда повернул к островам *Имбросу* и *Самофракии*.
 19 *Зеринф* — святилище Гекаты на Самофракии.
 23 *Бистония* — Фракия.
 25—28 *Дардания* (названная по имени троянского царя Дардана), Лампсак (центр культа Приапа, бога садов), *Сест* и *Абидос* — города на Геллеспонте (*дева* — Гелла, по имени которой назывался пролив).
 30 *гемонийские мужи* — аргонавты, основатели Кизика.
 33 *Австр* — латинское имя греческого Нота, южного ветра.
 34, 47 *Кианейские скалы* (*Симплегады*) — мифические сталкивающиеся скалы на пути аргонавтов; отождествлялись с Босфорским проливом.
 34—41 *Финийский залив* (*град Аполлона* — Аполлония, совр. Созополь), *Анхиал*, *Мессембрия*, *Одесс* (совр. Варна), Дионисополь (город *Вакха*), Каллатис (колония Гераклеи, которая в свою очередь была колонией Мегар, города царя *Алкафоя*) и наконец, *город милетский* (Томы, колония милетян) — гавани на пути корабля к северу вдоль черноморского берега.
 45 *Тиндара сыны* — Диоскуры, покровители моряков.

Элегия 11.

О стихах по пути в ссылку. Эпилог I книги, перекликающийся с ее прологом: там Овидий просит извинения за внешность книжки, здесь за ее содержание (1—2, 35—44).

- 3 *Адриа* — Адриатическое море.
 13—16 *Геды* («козлята») — звезды в созвездии Возничего; их восход (как и восход *Гиад*) вместе с заходом *Плеяд* и *Арктур* (*эриманфской Медведицы сторож*) означал начало осенних и зимних бурь, опасных для мореплавания.

КНИГА II (9 г. н. э.)

Элегия единственная

К Августу, о своей судьбе. Это — пространное самооправдание по трем последовательным пунктам со сложным композиционным построением, напоминающим защитительную речь. План ее таков: А) Август в своем милосердии должен смягчиться и к виновному (1—22 — вступление; 23—50 — милосердие Августа; 51—88, 89—124 — безупречность всей жизни Овидия и случайность его вины; 125—140, 141—154 — надежда, 155—178 — благопожелания, 179—206 — просьба); Б) а Овидий не столь уж виновен: безнравственности нет в его стихах, она лишь в сознании недоброжелательных читателей (207—240 — Август судит об этих стихах лишь с чужих слов; 241—252, 303—314 — а в них прямо сказано, что к порядочным женщинам они не относятся; 253—302 — если же они и способны вызвать в честных женщинах дурные мысли, то не больше, чем любые другие стихи или зрелища; 315—344 — они свидетельствуют лишь о неспособности поэта к высоким темам, 345—360 — а не о его порочной жизни); В) такова уж вся любовная поэзия (361—420 — в Греции, 421—470 — в Риме, 471—495 — даже в жанре легкомысленных наставлений; 497—520, 521—528 — прощаются даже сладострастные мимы и картины; 529—562 — осуждаемые стихи давно искуплены позднейшими, 563—572 — ни для кого не обидны, 573—578 — и поэтому создатель их заслуживает снисхождения).

- 19 *Теврантова* (мисийского) *царства правитель* — Телеф (см. прим. к С. I, 1, 100).
 24 *Мать* — Опа, жена Сатурна (отождествленная с Кибелой, изображавшейся в венце, имевшем вид крепостной стены), в честь которой Август устроил праздник Опалии 19 сентября.
 25 *Феба велел величать на... играх...* — игры в честь Феба и Дианы, покровителей Рима, — «Столетние» игры, справляемые каждые 110 лет; Август восстановил их празднование с величайшей торжественностью в 17 г. до н. э.; гимн Фебу и Диане для них написал Гораций.
 43 *...всегда бывал милосерден...* — «Милосердие» было официальным лозунгом Августа при ликвидации последствий гражданской войны и упоминалось при всех воздаваемых ему почестях.
 53 *третья стихия* — воздух, небо.
 61 *...меня погубившие книги...* — имеются в виду главным образом «Наука любви», I, 171—216 (победа Августа), и многочисленные беглые похвалы красотам Рима и римской жизни.
 64 *...в невероятный рассказ о превращениях тел...* — см. «Метаморфозы», XV, 857—868.
 73 *Пусть тебя славят певцы...* — намек на Вергилия, развиваемый далее (ст. 533—539).
 90 *...для смотря коня...* — ежегодный смотр всаднического сословия, на котором Август в звании цензора подтверждал право не опорооченных и не разорившихся всадников «владеть конем».
 94 *...десятью десять мужей.* — Овидий заседал в суде центумвиров, занимавшихся разбором имущественных и завещательных, реже — уголовных, дел.
 131 *Не был я заклеимен...* — императорским распоряжением Овидий был наказан «высылкой» без конфискации имущества и лишения гражданских прав; постановление суда или сената грозило бы ему «изгнанием», наказанием более тяжким (см. с. 197).
 165 *твой сын* — сын Августа Тиберий, усыновленный им с 4 г. н. э. и воевавший в это время в Паннонии и Далмации.
 168 *внуки твои* — Друз Младший, сын Тиберия, и Германик, усыновленный его племянник.
 189 *Истр* — второе, греческое название «двунменного» (П. I, 8, 11) Дуная, преимущественно в его нижнем течении.
 190 *Дева аркадская* — см. прим. к С. I, 3, 48.
 191—198 Фракийские племена *гетов* и *даков*, в том числе *метереи* и *колхи* (которых не следует путать с жителями Колхиды), и иранское (сарматское) племя *язигов* жили по нижнему Дунаю, германское племя *бастарнов* — севернее, в Карпатах.

- землей савроматов (сарматов) и их предшественников скифов считалось Северное Причерноморье.
- 220 *неравностопный мой стих* — элегический дистих (чередование гекзаметра и пентаметра), считающийся менее «важным», чем эпический чистый гекзаметр; им написаны элегии и «Наука любви».
- 225—226 *То Паннонию ты, то Иллирию нам покоряешь, то за Ретией вслед...* — Паннония и Иллирия (совр. Венгрия и Югославия) были охвачены восстанием против Рима с 6 г. н. э.; это возбуждало брожение и в вассальной Фракии. Ретия, на северных склонах Альп, была покорена Тиберием в 16—15 гг. до н. э., но римская власть в ней еще была непрочной.
- 227—228 *Мира ждет армянин...* — Парфия в 20 г. вернула Августу римские знамена, захваченные у Красса в 53 г., и уступила Риму суверенитет над вассальной Арменией; это было отпраздновано как римская победа.
- 229 *...узнает Германия снова...* — Германия до Эльбы была покорена Риму Тиберием (Цезарем младшим) в походах 8 г. до н. э. и 4—6 гг. н. э., но вновь потеряна после поражения в Тевтобургском лесу в том самом 9 г., когда Овидий писал это послание.
- 233 *На попеченье твоём...* — попечение о законах и нравах официально было принято Августом в 19 г. до н. э.
- 246 *В первой книге прочти эти четыре стиха...* — «Наука любви», I, 31—34.
- 247—248 *Ленты, скреплявшие прическу, и расшитый подол* (женского верхнего платья) — знак свободнорожденных женщин, законных жен.
- 259—260 «*Анналы*» («*Летопись*») — старинный эпос Энния (239—169 гг. до н. э.), излагавший историю Рима; в I книге его рассказывалось, как царица Илия родила от Марса Ромула и Рема.
- 261 «*Рода Энеева мать*» — первые слова поэмы Лукреция «О природе вещей».
- 281 и 283 *ряды и арена* — амфитеатр, место гладиаторских битв; здесь и в цирке, месте скачек, мужские и женские места для зрителей не разделялись (как в театре), и молодые люди этим пользовались для ухаживания, как описывает сам Овидий в «Науке любви», I, 135—170.
- 293 *Эрихтоний* — древнейший царь Аттики, по мифу, родившийся из земли от семени Гефеста, тщетно пытавшегося изнасиловать Афины.
- 295 *Мститель* — храм Марса Мстителя на форуме Августа, был освящен во 2 г. до н. э.
- 297 *Исида* — египетская богиня, отождествлялась с греческой Ио, любовницей Юпитера, бежавшей от гонений Юноны в Египет.
- 299 *Анхиз* — возлюбленный Венеры, от которого она родила Энея.
- 300 *Иасиона* — возлюбленный Цереры, от которого она родила Плутоса, бога богатства.
- 309 *...видеть раздетых...* — раздетыми выступали римские блудницы в плясках ритуального происхождения на празднике Флоралий 3 мая.
- 319 *взаимное братоубийство* — борьба между сыновьями царя Эдипа Этеоклом и Полиником.
- 359 *Акций* назван как классик римской трагедии, *Теренций* — как классик комедии.
- 360 *все, кто воспевает войну.* — Авторы эпоса.
- 363 *старец теосский* — Анакреонт (VI в. до н. э.).
- 367 *Баттиад* — Каллимах (III в. до н. э.).
- 377 *...рассказал Меонцев...* — см. Гомер. Одиссея, VIII, 266—369.
- 379 *странник* — Улисс, любовник Цирцеи и Калипсо.
- 383—408 Перечисляются любовные сюжеты мифов, неоднократно использованных в трагедиях: об Ипполите и Федре; о Канаке и Макарее, детях Эола («Герониды», XI); о Пелопе, сыне Тантала, в конном состязании завоевавшем Гипподамию из Писы; о Мееде, убившей детей (сюжет несохранившейся трагедии самого Овидия); о Терее, его жене Прокне и любовнице Филомеле («Метаморфозы», VI); об Атрее, который отомстил своему брату Фиесту, соблазнившему его жену *Аэропу*, накормив его мясом его детей, так что Солнце отвратило глаза от этого пира; о *Сцилле*, погубившей своего отца Ниса ради любовника Миноса («Метаморфозы», VIII); о *Тиндариде* Клитемнестре и ее любовнике *Эгисфе*, убитых ее сыном *Орестом*; о Беллеронте, победителе *Химеры*, которого ложно обвинила в покушении на нее царица Сфенебея; о дочери Елены *Гермионе*, за которую спорили Неоптолем и Орест; об

- Аталанте*, состязавшейся в беге со своими женихами («Метаморфозы», X); об Агамемноне и Кассандре; о *Данасе*, родившей Юпитеру Персея, мужа Андромеды; о Семеле, родившей Диониса, и Алкмене, зачавшей Геркулеса в удлинненную Юпитером ночь; об *Антигоне*, погибшей невесте *Гемона*; об Алкестиде, дочери *Пелия* и жене Адмета; о *Тесее* и *Ариадне*; о Протесилае, первом из греков (*пеласгов*), погибшем под Троей и из царства мертвых явившемся к своей жене Лаодамии, о Деянире, жене *Геркулеса*, и *Иоле*, его любовнице, о Деидамии, родившей Ахиллу *Неоптолема*, троянском мальчике Ганимеди и Геркулесовом любимце *Гиле*, похищенном нимфами.
- 409 *трагедии вид* — «гиларотрагедия», пародический жанр эллинистического времени, продолжавший традицию «средней комедии» на мифологические темы; поэт и сюжет, упоминаемый Овидием, неизвестны.
- 413 *Аристид Милетский* (конец II в. до н. э.) — автор популярного сборника эротических новелл «Милетские рассказы» (не сохранился).
- 416 *Евбий* — ближе неизвестен.
- 417 «*Сибарида*» — может быть, порнографическая книга некоего Гемифеона Сибаритского, упоминаемого Луккианом.
- 426 ...и *напророчил тройной миру... концу...* — мысль о том, что миры, состоящие из атомов, бесконечно возникают и разрушаются, — основная в поэме Лукреция «О природе вещей»; но почему Овидий называет эту гибель «тройной» (три стихии?), неясно.
- 428 *Лесбия* — имя, под которым Катулл воспевал свою возлюбленную Клодию.
- 431—444 Перечисляются римские эротические поэты первой половины I в. до н. э. («неотерники» и близкие к ним) — Лициний *Кальв*, которого называл «карликом» его друг Катулл; *Тицида*, который воспевал свою возлюбленную *Метеллу* под именем *Периллы*; *Мемий*, знатный дилетант, адресат поэмы Лукреция; Гельвий *Цинна*, автор поэмы о кровосмесительной любви Смирны (*Мирры*); поэт-антониянец *Ансер* и поэт-дезариянец *Корнифиций*; Валерий *Катон*, грамматик и поэт, вдохновитель неотериков; Варрон Атацинский, автор поэмы о плавании «*Арго*»; ораторы *Гортензий*, соперник Цицерона, и *Сервий Сульпиций Руф* (?); историк *Сисенна*, переводчик Аристиды Милетского на латинский язык.
- 445 *Корнелий Галл* (64—26 до н. э.) — первый в ряду элегиков времени Августа (см. С. IV, 10, 53), воспевал в элегиях гетеру Кифериду под именем *Ликориды*.
- 447 *Верить подруге своей Тибулл...* — из Тибулла Овидий пересказывает (порой почти дословно) отрывки элегий I, 5 и 6, где поэт жалуется, что возлюбленная Делия его обманывает с помощью тех уловок, каким он сам ее научил.
- 471 *Есть наставленья еще...* — дидактические поэмы об играх, спорте, питье, косметике и прочих светских забавах были, по-видимому, популярным дилетантским творчеством в эпоху Августа, но до нас не сохранились даже имена их авторов. Кроме «Притирания для лица» самого Овидия (намек на эту поэму — в ст. 487), известна лишь поэма об охоте его современника Граттия.
- 474 «*собака*» — самый неудачный бросок при игре в «длинные кости», когда все четыре кости дают по одному очку.
- 476 *И по счету очков...* — игра в «двенадцать линий», подобие нардов, где игроки бросают кости и по результату броска делают ходы на доске.
- 477 *Как разноцветным бойцам...* — игра в «разбойников» (упоминаемая также и в «Науке любви», III, 355—356), подобие шашек или шахмат, в которой одинокая шашка между двумя неприятельскими снималась, и поэтому игроки старались двигать свои шашки попарно.
- 481 *Как положить на доске...* — игра, по-видимому похожая на «крестики» или «мельницу», где нужно было выставить три свои шашки в ряд и помешать это сделать противнику.
- 491 *декабрь* — время Сатурналий (17—21 декабря), карнавального праздника солнцеворота.
- 497 *мимы* — комедии бытового и эротического содержания, утвердившиеся на римской сцене с I в. до н. э.
- 508 *Претор... должен... платить.* — Преторы и другие должностные лица заведовали зрелищами, устраиваемыми для народа, и оплачивали большую часть расходов на них

- 519 *мои поэмы* — «Геронды». Речь идет о соперничавших с мимами «пантомимах», своеобразных балетах, в которых труппа или хор произносили стихи, а актер мимикой изображал их содержание.
- 523 *...увидеть можно картинку...* — любителем таких картин, по свидетельству Светония, был будущий император Тиберий.
- 525—528 Изображавшие Аякса и Медею (*варварская мать*) картины Тимомаха и еще более знаменитая «Венера, выходящая из волн» работы Апеллеса были куплены Августом за огромные деньги в Греции и выставлены в римских храмах.
- 534 «*Мужа и брани пою...*» — первые слова «Энеиды» Вергилия; *тирское ложе* — любовь Дидоны и Энея, изображенная в IV книге «Энеиды».
- 537 *Филлида и Амариллида* — имена пастушек, неоднократно упоминаемые в «Буколиках», первом произведении Вергилия.
- 542 *...прошел всадником...* — см. выше, прим. к ст. 90.
- 552 *посвященный тебе* — Августу была посвящена первая, несохранившаяся редакция недописанных «Фастов»; потом, уже в Томах, Овидий написал новое посвящение — Германику.
- 553 *...подарил я высоким котурнам...* — речь идет о трагедии Овидия «Медея», до нас не дошедшей.
- 556 *стихи о превращениях тел* — «Метаморфозы», заключение которых (XV, 745—870) содержит словословие Цезарю и Августу, уже упоминавшееся Овидием выше, в ст. 64.
- 567 *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

КНИГА III (10 г. н. э.)

Элегия 1.

Книга — читателю. Вступление к новой книге с помощью того же приема, что и в С. I, — олицетворения самой этой книги. Как бы во исполнение напутствий С. I, 1, книга, во всем подобная творцу (1—18), входит в Рим (19—32), преклоняется перед домом Августа (33—58) и тщетно ищет места в публичных библиотеках (59—76), но вынуждена просить о позволении быть читаемой хотя бы частным образом (77—82).

- 10—12 *...верный подобран размер...* — элегический дистих (см. прим. к С. II, 220), в котором второй стих короче первого на одну стопу; отсюда традиционная игра с образом «хромоты» (ср. ниже, ст. 56).
- 13 *Кедр, пемза* — см. прим. к С. I, 1—12.
- 27—30 *Вел он и на ходу...* — книга и ее спутник подходят к Палатинскому холму и его библиотеке с севера, со стороны Овидиева изгнания, — по форумам Цезаря и Августа, по Священной улице религиозных процессий, мимо круглого храма Весты, где хранилась статуя Паллады, привезенная предками римлян из Трои, и примыкавшего к нему дома древнего благочестивого царя Нумы Помпилия.
- 31—32 Через Мугонийские врата Палатина, мимо старинного храма Юпитера Статора («остановителя бегущих») путники подходят к Паллантию, месту древнейшего поселения на римских холмах, воспетому Вергилием в VIII книге «Энеиды».
- 33 *...в... блеске доспехов...* — доспехами, отбитыми у врагов, украшались двери в домах победоносных полководцев.
- 35—40 По сенатскому постановлению, дом Августа, «спасителя отечества» был всегда украшен дубовым венком (воинская награда за спасение граждан) и лавром (знак триумфатора); дуб был священным деревом Юпитера (отсюда комплимент в ст. 35—38), лавр — Аполлона. Аполлона Август считал своим покровителем, способствовавшим его победе над Антонием в битве при Акции (31 г. до н. э.), близ Левкадского храма этого бога.
- 60 *бога кудрявого храм* — храм Аполлона Палатинского (освящен в 28 г. до н. э.) в память победы при Акции, первая большая постройка Августа в Риме, украшенная колоннами из африканского (заморского) мрамора и статуями Даная и Даниид

- описанными Овидием еще в «Науке любви» (I, 73—74). При храме находилась одна из двух публичных библиотек, учрежденных в Риме Августом.
- 65—66 *сестры* — другие книги Овидия (кроме, конечно, «Науки любви»).
- 67 *блюстител ь хранилищ* — палатинский библиотекар ь, вольноотпущенник Августа Гай Юлий Гигин, знаменитый грамматик.
- 69 *другой храм* — вторая библиотека, основанная Августом в портике Октавии рядом с театром Марцелла.
- 71 *Свобода* — при храме Свободы находилась третья и самая ранняя библиотека в Риме, основанная Азинием Поллионом в 39 г. до н. э.

Элегия 2.

Изгнание — хуже смерти. Эта элегия с ее отрывистым началом, по-видимому, одна из первых, написанных поэтом в месте ссылки.

- 2 *Ликаонова дочь* — Каллисто, Большая Медведица (см. прим. к С. I, 3, 48).
- 28 *гнев одного божества* — Августа.

Элегия 3.

Болезнь и прощание с жизнью. Послание к жене поэта.

- 10 *Фебовой лирой* — точнее, «Феба искусством»: Аполлон считался и богом-песнопевцем, и богом-целителем.
- 59 *Если бы с телом у нас...* — о том, что душа умирает с телом, учили эпикурейцы, о том, что она бессмертна, торжественнее всех объявил Пифагор — *старец самосский* (ст. 62; ср. «Метаморфозы», XV, 153—158).
- 64 *маны* — души умерших.
- 67 в *Фивах сестра* — Антигона, похоронившая Полиника.
- 69 *амом* — душистая трава (лучшим считался амом из Армении), применявшаяся при погребении (ср. П. I, 9, 52).
- 70 *за стеной городской* — вероятно, на «садовом холме» (Пинчо), где находилась вилла Овидия.
- 76 *...Назона костям...* — парафраза обычной формулы римских надгробных надписей: «Будь тебе легкой земля».
- 87 *желаю... здоровья...* — Овидий оживляет буквальное значение слова *vale*, традиционной прощальной формулы в письмах.

Элегия 4.

Предостережение другу. По-видимому, здесь рукописное предание случайно соединило два стихотворения. Первое (1—46) написано на тему «скромная судьба безопаснее высокой», обращено к одному из друзей и содержит совет другу (1—16), мифологические иллюстрации к этому совету (17—34) и похвалу верности друга (35—46). Второе (47—78) написано на тему «опасно называть имена в стихах опального» и обращено ко всем друзьям вместе. Два стихотворения слились благодаря общности мотива ссылки, замыкающего первое и открывающего второе.

- 11—12 *кора* вместо пробки подвязывалась к верхней части невода, *груз* — к его нижней части.
- 17—34 Мифологические иллюстрации к теме «высокого и низкого» — в прямом смысле слова (*Эльпенор*, спутник Улисса, упавший с крыши дворца Цирцеи, и *Дедал* и *Икар*, о которых Овидий дважды писал: в «Науке любви», II, 21—96, и в «Метаморфозах», VIII, 183—235) и в переносном (*Долон*, сын *Евмеда*, неудачливый герой X книги «Илиады», и *Фазтон* с Гелиадами, земным отцом которых был Мероп, а небесным Гелиос, — «Метаморфозы», II).
- 49 *Босфор* — «Боспор Киммерийский», нынешний Керченский пролив; *Танаис* — Дон.

Элегия 5.

К недавнему, но верному другу. Адресат, быть может, тождествен с Каром, к которому обращено П. IV, 13 (см. ниже прим. к ст. 18).

- 17—18 *Дорогой* — по-латыни *sagus*; может быть, это игра слов, рассчитанная на созвучие с именем «Кар».
- 37—42 Историко-мифологические параллели из мира героев (*Ахилл*, сжалившийся над *дарданским старцем*, т. е. троянским *Приамом*), из мира царей (*Александр Эмафийский*, т. е. Македонский, почтивший своих врагов *Пора* и погибшего *Дария*), из мира богов (*Юнона*, выдавшая свою дочь Гебу за прощенного *Геркулеса*).
- 48 *...лишний хмель у меня...* — возможен намек на падение Корнелия Галла, поэта-элегика (ср. С. II, 445), который был назначен наместником Египта, а потом смещен по обвинению в том, что за вином дурно отзывался об Августе; после этого он покончил жизнь самоубийством.
- 55 *Денница* — утренняя звезда, Венера.

Элегия 6.

К давнему другу. Это послание представляет собой как бы сжатый вариант предыдущего: первая часть (1—16) — память о близости друга, вторая (17—38) — побуждение его к помощи, в расчете на незначительность своего проступка; ср. те же темы в С. III, 5, 1—22 и 23—56.

8 *тот, кого чтить* — Август.

- 37—38 Смысл: «если я провинился не по глупости, а намеренно, то даже понтийская ссылка недостаточно далека, чтобы достойно наказать меня».

Элегия 7.

К поэтессе Перилле о величии поэзии. Героиня послания ближе неизвестна; имя ее — условное (ср. С. II, 437—438), поэтому оно и названо в безымянных «Скорбных элегиях». Из неясного выражения Овидия в ст. 11—12 комментаторы делали вывод, что Перилла — это собственная дочь Овидия, но это представляется недостаточно обоснованным. О композиции стихотворения см. с. 218.

10 *двустихья* — элегические дистихи.

11—12 Возможен также перевод:

Все ли по-прежнему ты предаешься занятиям общим,

А не ученую песнь ладишь по нраву отца?

15 *источник Пегаса* — Гиппокрена на Геликоне, дававшая поэтам вдохновение.

20 *Лесбоса лира* — Сапфо, образец женщины-поэтессы.

42 *Ир* — нищий из «Одиссеи» Гомера; *Крез* — лидийский царь VI в. Оба стали нарицательными примерами бедности и богатства.

Элегия 8.

Молитва в изгнании. Первая часть элегии (1—20 — желание вернуться в Рим) развернута мифологической фантастикой, вторая (21—42 — желание хотя бы переменить место изгнания) — реалистическими жалобами на болезнь.

- 1—6 Мифологические параллели: две колесницы, запряженные драконами (та, на которой Триптолем, избранник Цереры, объезжал мир, обучая людей земледелию, и та, на которой Медея — *Эгова дочь* — убив своих детей от Ясона, спаслась из *эфирейских твердынь* Коринфа), и две пары крыльев для полета (крылатые сандалии *Персея* и изобретение *Дедила*).

Элегия 9.

Начало Томов. Название «Томы», по-видимому, фракийского происхождения («выступ»²); но греческая народная этимология толковала это название как «разрезы» (от глагола «*temno*») и приурочивала к этому месту миф о том, как Медея убила своего брата *Абсирта* и разбросала его члены, чтобы задержать погону отца своего Эета за аргонавтами. Этот миф и пересказывает Овидий, члена его на две сцены (7—20 и 21—34).

13 *минийцы* (по названию древнего беотийского племени) — аргонавты.

Элегия 10.

Гетская зима. Впечатления от первой зимы, пережитой в Томах (9—10 г. н. э.), сочетаются в стихотворении с традиционными книжными представлениями о суровости северных холодов (даже мотив замерзающего вина, которое приходится рубить топором, встречался уже в «Георгиках» Вергилия, III, 364). О продуманной последовательности деталей см. с. 207.

3 *созвездия* — две Медведицы, не заходящие в северных широтах.

5 *бессы* — одно из фракийских племен.

11 *Аркт* — Большая Медведица.

27 *река, приносящая папирус*, — Нил, величайшая из известных в древности рек, тоже знаменитая большой дельтой.

39 *...твердого моря...* — море близ Констанцы в наше время замерзает лишь в исключительно суровые зимы.

41 *Леандр*, влюбленный в Геро, плавал к ней каждую ночь через Геллеспонт из Сеста в Абидос, пока не утонул во время бури.

73 *Аконтий*, влюбленный в Кидиппу, бросил ей яблоко с надписью «Клянусь Дианой, Аконтий будет моим супругом», и она, прочтя ее вслух, должна была сдержать невольную клятву; на эту тему Овидием написаны два послания в «Героидах».

Элегия 11.

К недругу-клеветнику. Адресат неизвестен; отождествление его с загадочным герцем «Ибиса» напрашивается само собой, но недоказуемо.

28 *гемонийские* (фессалийские) *кони* — кони Ахилла, влачащего убитого Гектора за своей колесницей.

39—40 *Бусирид* — египетский царь, приносивший человеческие жертвы, пока его не убил Геркулес; *Фаларид* (тот, кто на слабый огонь...), тиран сицилийского Акраганта (VI в.), будто бы сжигавший своих врагов в медном быке, — мифологический и исторический примеры предельной жестокости.

54 *двойственный звук* — мычание быка и вопли жертвы.

Элегия 12.

Гетская весна. Элегия из двух контрастных частей: о весне в Риме (1—26) и о весне в Томах (27—54); первая изображается главным образом через жизнь природы, вторая — через человеческую жизнь (приезд корабля).

2 *меотийская зима* — т. е. скифская (меоты — народ в восточной Скифии).

3 *Тот, кто вес...* — созвездие Овна, в котором находится Солнце при весеннем равноденствии, считалось вознесенным на небо золоторунным бараном Фрикса и Геллы.

9 *Ласточка* — царица Прокна, превращенная в птицу за детоубийство («Метаморфозы», VI) и теперь искупающая это заботою о птенцах.

- 17 *время забав* — полоса общественных праздников: Квинкватрии (19—23 марта), Мегалесии (большие игры 4—10 апреля), Цереалии (12—19 апреля), на время которых прекращались судебные и иные дела.
- 22 *деятельная влага* — название водопровода (Aqua Virgo), питавшего купальню на Марсовом поле, где происходили гимнастические и военные упражнения.
- 24 *три форума* — Римский (древнейший), Цезаря и Августа; *три театра* — Помпея, Марцелла и Бальба.
- 46 *обет богу латинян* (Юпитеру) от победоносного полководца — заключительная часть триумфального торжества.
- 47 *Германия буйная* — Германия восстала в 9 г. против римской власти, и туда был послан Тиберий, чтобы отомстить за Тевтобургское поражение Вара; эти события были в центре внимания римского общества.

Элегия 13.

День рождения в Томах. День рождения, о котором идет речь, — 20 марта 10 г. н. э.: Овидию исполняется 52 года. День рождения у римлян олицетворялся как «гений рождения», которому человек приносил в этот день бескровные жертвы (ладан, пирог на меду и пр.); к этому своему «гению» и обращается Овидий.

- 28 *...ложным прозванием...* — слово «Евксин» означает «гостеприимный»; такое название было дано Понту ради доброго знаменения вместо древнейшего «Аксин» — «негостеприимный».

Элегия 14.

Препоручение стихов своим другу. Эпилог к книге, перекликающийся с ее прологом: там сама книга просила о приюте в Риме, здесь этого просит для нее автор. Адресат неизвестен (Мессалин? Фабий Максим?). Первая часть стихотворения (просьба сохранить стихи) развернута в перечень своих книг, вторая (извинения в их несовершенстве) — в перечень невзгод ссылки.

- 17 *Трех из моих детей...* — три книги «Науки любви»; *зараза* — как и автор, они изгнаны из Рима.
- 19 *пятнадцать книг* — «Метаморфозы»; ср. С. I, 7.
- 48 *по-гетски* — ср. П. IV, 13 (реализация этого мотива).

КНИГА IV (11 г. н. э.)

Элегия 1.

Утешение в стихотворстве. Элегия-пролог: оправдание несовершенства предлагаемой читателю книги.

- 15—16 *Лирнская дева* — Брисеида, отнятая Агамемноном у Ахилла (пришедшего под Троею из Гемонии — Фессалии); играющим на лире Ахилл изображен в IX книге «Илиады».
- 18 *...дважды навек потеряв.* — После того как Орфею не удалось умершую Евридику вывести из царства мертвых («Метаморфозы», X).
- 31 *дулихийцы* (по островку Дулихия близ Италии) — спутники Одиссея в стране лотофагов («Одиссея», IX).
- 42 *Эдония* — Фракия, откуда распространился в Греции культ Вакха. В большинстве рукописей чтение: «¹дейским кряжем», что указывает на другой экстатический культ — идейской Кибелы, «Великой Матери».
- 43 *тирс* — увятый плющом посох с шишкой сверху, атрибут вакхического культа и символ поэтического вдохновения.
- 63 *нить* — выпрядаемая Парками нить для каждого человека.

Элегия 2.

Триумф над Германией. До Овидия доходили известия об успешных походах Тиберия в 10 и 11 гг. для подавления восставшей Германии; естественно предположив, что успехи эти будут отмечены в Риме триумфом, он заранее воображает его в этом стихотворении. В действительности Тиберий воздержался от триумфа в честь непрочных германских побед и только в 13 г. справил отложенный в свое время триумф в честь давних побед в Паннонии (см. П. II, 1). Овидий описывает различные моменты триумфа — жертвоприношения и молебствия (1—18), шествие, ведущее пленных вождей и несущее изображения завоеванных мест (19—46), триумфатора на колеснице, следующего в храм Юпитера Капитолийского (47—56), — и скорбит, что все это он должен видеть лишь в воображении (57—74).

- 8 *Цезарь и тот и другой* — Август и Тиберий: Август как верховный командующий римскими войсками считался главным триумфатором и лишь делился этой почестью с полководцами (и то лишь из императорского дома).
 9, 11 *Юная поросль* — Друз Младший и Германик, наследники Тиберия; *невестки* — их жены, Ливилла и Агриппина.
 27 *Сидонский* (финикийский) пурпур надет на вождя, чтобы приписать ему царское достоинство.
 39 *Друз Старший* — брат Тиберия и отец Германика, воевал в Германии в 11—9 гг. до н. э. и там скончался.
 41—43 *в сбитом венке... с обломанным рогом... распустившая волосы* — элементы аллегорического изображения, означающего поражение. Сходное описание триумфа (тоже сделанное заранее) было у Овидия еще в «Науке любви» (I, 213—228).

Элегия 3.

Ободрение жене. Элегия, перекликающаяся с С. I, 6.

- 1 *Малый зверь и большой* — две незаходящие Медведицы: по Большой предпочитали ориентироваться греческие моряки, по Малой — финикийские.
 7 *стены Рима, заложенные Ромулом и Ремом* (ср. прим. к С. II, 259); Рем шутя перепрыгнул через них и был убит за это Ромулом.
 29 *фивянка* — Андромаха, которую Гектор взял за себя из Киликийских Фив.
 30 *ось* — ось колесницы фессалийца Ахилла, к которой был привязан Гектор.
 63—68 Мифологические примеры наказанной Юпитером гордыни: *Капаней*, один из семерых, воевавших против Фив (жена его *Евадна* сожгла себя на его погребальном костре), *Фазгон* («Метаморфозы», II), *Семела*, дочь *Кадма* и мать Диониса («Метаморфозы», III).
 77—78 *Искусство Тифия*, кормчего аргонавтов, — мореходство, *Феба* — врачевание.

Элегия 4.

К осторожному другу: об Оресте и Пилладе. Адресат стихотворения, почти несомненно, — Мессалин, сын Мессалы (ср. П. I, 7, II, 3). Очевидно, он более других боялся быть упомянутым опальным другом — отсюда содержание стихотворения: прямое одобрение в начале (1—36), косвенное ободрение мифом об образцовой дружбе Ореста и Пиллада в конце (63—82); переход — через обычную тему своей вины и снисхождения к ней Августа (37—54).

- 13 *отчизны отец* — почетный титул Августа.
 45 *бог* — Август.
 46 *О достойные* см. прим. к С. I, 6, 8.
 56 *Почт Аксинский* — см. прим. к С. III, 13, 28.

- 63—65 *царство Феоанта* в земле *тавров* — Крым.
 68 *внучка Пелопа* — Ифигения.
 71 *фокеец* — Пилад.
 77 *Поязкой обвивалась голова жертвы* перед заклинанием.
 87 *бог* — Август.

Элегия 5.

К неосторожному другу. Та же тема, что и в предыдущем стихотворении, но в противоположном повороте: молодой друг (быть может, Котта Максим?) готов гордиться упоминанием в стихах Овидия, и поэт его сдерживает.

- 4 *масло Паллады* — масло оливы, Палладиного дерева, горевшее в светильнике.
 30 *брат Кастора* — Поллукс.

Элегия 6.

Отчаяние. Написано после второго лета в ссылке (10 г.). Интересный пример того, как орнаментальные части произведения становятся ведущими: стихотворение представляет собой два параллельных ряда сравнений с несхожими выводами: «время смягчает душу (10 примеров), но ко мне это не относится (1—28); время зато ослабляет силы (3 примера), и это ко мне относится (29—50)».

- 31 *палестра* — гимнастическое училище.

Элегия 7.

К нерадивому другу: о письмах. Как предыдущее стихотворение было построено на веренице примеров из мира природы, так это — на веренице примеров из мифологии: перечисляются фантастические чудовища, давно уже из предметов веры ставшие достоянием детских сказок.

- 2 В созвездии *Рыб* солнце входит в феврале, на исходе зимы.
 11—18 Перечисляются сказочные существа, составленные из разных живых пород: *Горгона* со змеиными волосами, *Скилла* в поясе из собачьих голов, *химера* — «передом лев, а задом дракон и коза серединой», кентавры с человеческим и лошадиным телом, «*трехтелый пес*» *Кербер* и «*трехтелый пастух*» *Герион*, укрощенные *Геркулесом*, *гарпии* — птицы с женскими лицами и *Сфинкс* — львица с женским лицом, *гиганты* — змееногие противники *Юпитера* и *Гиас* с братьями — *сторукие* союзники его, а в заключение — *Минотавр*, *человек-полубык*.

Элегия 8.

Старость. Одна из наиболее просто построенных элегий; вывод (51—52) сделан с прямолинейностью басенной морали.

- 22 *...посвящает... Лару...* — уходя на покой, римлянин посвящал орудия своего труда богам домашнего очага.
 24 *меч деревянный* — вручался гладиатору, отслужившему свой срок.
 35 *Мега* — поворотный столб на скаковой дорожке римского цирка.
 43 *Додона* — знаменитый в Греции оракул *Юпитера*, *Дельфы* — оракул *Аполлона*.

Элегия 9.

К *недругу*: с угрозой. Стихотворение подхватывает тему С. III, 11, но усиливает пафос. Угроза Овидия — назвать во всеуслышание имя врага.

6 *Тисифона* — одна из фурий, богинь-гонительниц.

18 *созвездий незаходящих чета* — см. прим. к С. III, 10, 3.

29 *...бык уже роет песок...* — бои быков были введены в римские цирковые зрелища при Цезаре; образ разъяренного быка на арене использован Овидием еще в «Метаморфозах» (XII, 102—104).

Элегия 10.

Воспоминание о прожитой жизни. Эпилог к книге. Сходным образом еще Гораций заключил I книгу «Посланий» своим кратким автопортретом; но Овидий, по своему обыкновению, даст большое стихотворение там, где его предшественник ограничивался несколькими строчками.

1 *...любви певцом шаловливым.* — В подлиннике те же слова, что и в первом стихе Овидиевой автоэпитафии; см. С. III, 3, 73.

3 *Сульмон* — город в области пелигнов в Апенниннах (в 133 км от Рима); он до сих пор имеет в городском гербе первые буквы начальных слов этой строки Овидия.

6 *...консулов двух...* — консулы 43 г. до н. э. Гирций и Панса погибли от ран, полученных в битве 21 апреля при Мутине против Марка Антония.

7 *...от дедов досталось мне званье...* — потомственное всадническое звание пользовалось большим уважением, чемжитое. Овидий подчеркивает это и в «Любовных элегиях» (III, 15, 5), и в «Письмах с Понта» (П. IV, 8, 17).

11 *Светоносец* («Люцифер», «Денница») — утренняя Венера.

12 *О пирогах* см. прим. к С. III, 13.

13 *...пятидневных торжеств...* — из пяти дней праздника Квинкватрий в честь Минервы (19—23 марта) со второго дня начинались гладиаторские игры; в этот день, 20 марта, и родились Овидий и его брат.

28 *взрослую тогу* — белую тогу вместо окаймленной детской тоги надевали при совершеннолети, около 16 лет.

29—36 *Пурпур с широкой каймой* — туника с широкой пурпурной каймой означала намерение молодого человека помогать государственным должностям, ведущих в курию, в сенат; узкая полоса, наоборот, означала намерение оставаться во всадническом сословии.

34 *одним из троих* — одним из триумвиров по уголовным делам.

39 *аонийские сестры* — Музы, обитательницы Геликона в Беотии (Аонии).

43 *Эмилиий Макр* — поэт старшего, вергилиевского поколения (ум. в 16 в. до н. э.), был автором дидактических поэм «Орнитогония» («Происхождение птиц») и «Терника» («Противоядия»).

47 *Басс* и *Понтик* (последний — как автор эпоса «Фиванда») упоминаются в элегиях Проперция (I, 4, 7, 9).

51—52 *Вергилий Марон* и *Альбий Тибулл* умерли в 19 г. до н. э.; на смерть Тибулла Овидий написал стихотворение («Любовные элегии», III, 9).

63 *Сжег* — имеются в виду, в частности, «Метаморфозы»; см. С. I, 7.

95 *писцейская олива* — награда победителю в Олимпии, близ древней Писы. Счет времени по Олимпиадам был введен историками эллинистического времени. Олимпийские игры справлялись каждый четвертый год, но римляне, привыкшие присчитывать к промежутку времени оба крайних года, считали Олимпиаду пятилетием (ср. П. IV, 6, 5). Таким образом, перифраза Овидия означает 50-летний возраст.

107 *...на невидимом нам и на видимом небе...* — в Северном и Южном полушарии.

КНИГА V (12 г. н. э.)

Элегия 1.

Право на стенания. Элегия-пролог: оправдание скорбного содержания предлагаемой читателю книги (ср. С. IV, 1).

- 11 *Каистр* — река в Ионии, где, по-видимому, и сложилась легенда о предсмертном лебедином пении; ср. «Геронды», X, 1—2.
 48 *Что, кроме флейты, звучать...* — флейта (собственно, дудка) сопровождала, в частности, и погребальные обряды.
 53—62 Параллели из истории (*Фаларид* и создатель медного быка *Перилл*; о них см. С. III, 11), героического эпоса (*Ахилл* и *Приам*), мифологического эпоса (*Ниоба*, наказанная детьми *Лето* — Аполлоном и *Артемидой*, ласточка — *Прокна*, вечно тоскующая по сыну, и зимородка *Альциона* — по мужу; о них см. «Метаморфозы», VI и XI) и трагедии (*Филоктет*, по пути к Трое оставленный греками на Лемносе).

Элегия 2.

Укор жене и мольба к Августу. Двухчастная элегия: обращение к жене (1—44 — тоска, невзгоды, надежда) и обращение к Августу (45—78 — похвала, благодарность, жалоба, просьба). Попытки некоторых филологов расчленить эту элегию на две поддержки не получили.

- 13 сын *Пеанта* — *Филоктет*, за нарушение божьей воли ужаленный змеей и брошенный спутниками.
 15 О *Телефе* см. прим. к С. I, 1, 100.
 52 *...вознестись к звездам...* — такой апофеоз предсказывал Овидий Августу еще в заключительной части «Метаморфоз».
 57 слово *указа* — не «изгнание», а «ссылка» (см. с. 197).
 74 *...воды Харибды...* — античные мифографы считали, что *Харибда* находилась в Мессинском (Занклейском) проливе.
 76 *левкадский бог* — Аполлон; о древнем левкадском обряде ежегодных человеческих жертвоприношений (в историческое время — уже фиктивных) Овидий упоминал еще в «Фастах» (V, 630).

Элегия 3.

Взывание к Вакху. Написано к ежегодному празднику «Либералий» в честь *Либеры-Вакха*, справлявшемуся 17 марта (12 г. н. э.). *Вакх* считался покровителем поэзии, поэтому римская «коллегия поэтов», религиозное объединение, восходящее к III в. до н. э., отмечала этот день жертвоприношениями и пиром. О сложной композиции этого стихотворения см. с. 218.

- 8 *...под кинокурской звездой.* — *Киносура* («собачий хвост») — одно из названий *Малой Медведицы*.
 19—24 Имеются в виду мифы о том, как *Вакх* странствовал по земле, обучая племена возделыванию винограда: началом его пути была *Фракия*, соседняя с краем *Овидиева* изгнания (*Стримон* — река во *Фракии*), а концом — *Индия*.
 21 *В городе ты не остался родном...* — т. е. в *Фивах*.
 25—32 *дважды рожденный* — обычный эпитет *Вакха*: впервые он явился на свет недоношенным из чрева *Семелы*, по неразумию своему испеленной молнией *Юпитера*, и затем *Юпитер* донашивал его в своем бедре. *Полководец хвастливый* — *Капаней*; ср. С. IV, 3, 63—66.
 39—40 *Фракийский царь Ликург* и *фиванский Пенфей* — противники *Вакха* в его странствиях, наказанные им (ср. «Метаморфозы», III).
 42 *в небе горящий венец* — Северная *Корона*, дар *Вакха* *Ариадне* (ср. «Наука любви», I, 525—564).

Элегия 4.

К другу: рассказ письма о писавшем. Изысканное олицетворение, позволяющее поэту говорить о себе в третьем лице.

- 25—26 Те же классические примеры дружбы, что и в С. I, 5 и 9, но в более косвенных перифрастических выражениях: *Эгид* (сын Эгея) — это Тесей, друг Пирифоя; *Менетид* (сын Менетия) — Патрокл; *спутник Ореста* — Пилад.
- 30 ...*слаще меда ему в согах аттических пчел.*— Упоминание об аттическом меде позволило некоторым исследователям предположить, что адресат послания — это Атик, которому посвящено П. II, 4.

Элегия 5.

Похвала жене в день ее рождения. Эта похвала жене как бы уравнивает укор ей, высказанный в С. V, 2. Поэт изображает себя совершающим служение «гению рождения» (см. прим. к С. III, 13): обряд (1—12), молитва (13—26), благое знамение (27—40) и т. д.

- 3 *отпрыск Лаэрта* — Улисс, празднующий день рождения Пенелопы.
- 30 ...*вправо отсюда летит.*— Овидий представляет себя стоящим лицом к югу, по латинскому обычаю, при жертвоприношениях.
- 33—38 *братья-враги* — Этеокл и Полиник; о том, как не хотел смешиваться дым их погребальных костров, писал, по-видимому, Каллимах (*Баттов внук*); ср. «Ибис». 35—36.
- 44 *Эетион* — отец Андромахи, *Иксоий* — отец Пенелопы.
- 51—58 Примеры женской верности, прославленной в несчастьях: *Пенелопа*, десять лет ждавшая Одиссея, *Евадна*, 6 жившая на костер Капанея, павшего под Фивами (*Эхионова крепость*, по имени спутника и зятя Кадма, основателя Фив), *Алкестида*, дочь *Пелия*, принявшая смерть за своего мужа Адмета, и *Лаодамия*, вызвавшая из аида душу Протесилая, первого грека, павшего под Троей, и потом умершая вслед за ним.
- 62 *пилосский старец* — Нестор, проживший три поколения. Августу в 12 г. н. э. было 74 года.

Элегия 6.

Укор другу. Еще одно стихотворение, перекликающееся с С. V, 2. Начало проиллюстрировано примерами из мифологии, конец — примерами из мира природы.

- 7—12 Образы помощников при героях: *Палинур* — кормчий Энея, *Автомедонт* — возница Ахилла, *Подалирий* — врач в греческом войске под Троей.
- 26 сын *Агамемнона* — безумствующий Орест.
- 32 *тога с пурпурной каймой, свита, пучки лозы* (фаски) в руках ликторов — знаки достоинства высших римских должностных лиц.
- 38 *Гибла* — гора и город в Сицилии, знаменитые своим медом.

Элегия 7.

О жизни среди гетов. Адресат неизвестен. Элегия построена как ответ на обычные вопросы переписки: как живешь, что делаешь? Необычна для позднего Овидия композиция с чередованием частей, посвященных двум темам: «варвары (1—24) — поэзия (25—40) — варвары (41—54) — поэзия (55—68)» — в первых двух частях обе темы резко контрастируют, в последних трагически сливаются.

- 17 *Марсы* — ср. С. V, 3, 22 о «марсолюбивых гетах».
 26 *Пляски под песни мои...* — пантомимы, по-видимому, на темы «Героид» — ср. С. II, 519 и прим.
 36 *кафарейские волны* — см. прим. к С. I, 1, 79—86.
 49 *...просторных штанин...* — штаны не входили в обычную одежду греков и римлян (хитон и гиматий, туника и тога) и считались одеждой восточных и северных варваров; ср. С. IV, 6, 47 и др.
 55—68 Развитие темы, намеченной в С. III, 14 и параллельно разработанной в П. IV, 13.

Элегия 8.

К недругу, с предостережением. Маленькое стихотворение с отчетливой двухчастной композицией: об изменчивости судьбы (1—18), о своей беде и надежде (19—38).

- 9 *Рамнусия* — Немезида (по посвященному ей храму в аттическом Рамнунте).
 38 *главная мольба* — вернуться из ссылки самому, *вторая* — увидеть в ссылке недруга.

Элегия 9.

К осторожному другу, с благодарностью. Адресат, по-видимому, иной, чем в С. IV, 4, но тема та же; характерно, что теперь Овидий уже почти уверен, что его читают в Риме и что быть названным в его стихах ни для кого не опасно. Две части стихотворения (1—22 и 23—38) начинаются каждая этой темой «запретного имени», а кончаются темой благодарности; в первой части для иллюстрации привлечены воспоминания, во второй — сравнения.

- 12 *великие боги* — Юпитер и Август.

Элегия 10.

Еще о жизни среди гетов. Написано весной 12 г. Перекликается с С. V, 7, но развивает лишь одну из контрастирующих там тем.

- 4 *столько же лет* — т. е. десять лет.
 13 *...прозвано лживо Евксинским...* — см. прим. к С. III, 13, 28.
 34 *штаны* — см. прим. к С. V, 7, 49.
 41 Текст сомнителен; по-видимому, речь о том, что даже жесты согласия понимаются варварами как несогласие и наоборот.
 45 *Лихесиды* — одна из трех Парок, прядущая жизненную нить.

Элегия 11.

К жене, о своем наказании. Наиболее подробная разработка темы различия между суровым «изгнанием» и милостивой «ссылкой»: этому посвящена срединная часть послания (9—22), обрамленная обращением к жене (1—8) и обращением к Августу (23—30).

Элегия 12.

Бессилие в стихотворстве. Адресат неизвестен. Стихотворение как бы противопоставлено вступительной элегии С. V, I и всему предшествующему развитию темы «поэзии, утешающей в невзгодах» (главным образом С. IV, 1 и 10).

- 12 *...Как у того, кто погиб, злобой Анита гоним...* — т. е. Сократ, которого Дельфийский оракул объявил мудрейшим из эллинов и который, привлеченный к суду Ани-том и другими своими врагами, принял смерть с твердостью духа, ставшею знаменитой в описании Платона.

- 16 ...Вряд ли смог бы писать...— Сократ никогда ничего не писал, а вел лишь устные беседы, и Овидий, конечно, отлично это знал.
 47 Перилл — создатель медного быка для тирана Фалариды, о котором см. С. III, 11.
 48 «Наука» — «Наука любви».

Элегия 13.

Болезнь и упрек. Стихотворение соединяет темы С. III, 3 (болезнь) и С. IV, 7 (упрек другу, ленивому писать письма): первая тема использована для обрамления (1—8, 33—34), вторая для серединной части; первая украшена той же игрою слов, что и С. III, 3 (см. прим.), вторая — таким же сравнением «от невозможного», как и С. IV, 7.

22 Гибла — см. прим. к С. V, 6, 38.

Элегия 14.

К жене: обещание славы. Стихотворение соединяет темы благодарности жене (С. I, 6, V, 5—11) с темой величия поэзии (С. III, 7, IV, 1 и 10, V, 1) и этим как бы отменяет отречения от этих тем в предыдущих элегиях V книги (2 и 12).

35—40 Те же примеры женской верности, что и в С. V, 5 (см. прим.): Пенелопа, Алкестиды (жена Адмета), Андромаха (жена Гектора), Евадна (Ифида), Лаодамия (филакийская жена).

Письма с Понта

КНИГА I (13 г. н. э.)

Письмо 1. Бруту

О благонамеренности своих стихов. Вступительное стихотворение ко всему сборнику трех книг писем. Замечательна плавность композиционного развертывания: «стихи мои просят приюта (1—18) — они чтут Августа (19—36); это все равно, что чтить богов (37—48); боги прощают раскаявшихся святотатцев (49—66); так и я надеюсь на прощение от Августа (67—80)». Последняя часть украшена, как обычно, пучком сравнений.

5 общественных зданий — т. е. библиотек.

23—24 ...Антония книги... Брута ученнейший труд.— Оба эти противника, с которыми боролся Август при своем восхождении к власти, были крупными ораторами, чьи речи продолжали читаться и после их смерти, а также писателями-дилетантами: Антонию приписывался трактат о винопитии, а Бруту — сочинения по стоической философии.

32 *Имя несущего мир*... — всеобщий мир был одним из главных лозунгов Августа («Августов мир»).

33 *Перед Энеем, отца на плечах из пожара несущим*... — см. «Энеида», II, 720—729.

38 *вещая трещотка* — систр — атрибут культа египетской Исиды, как «берекинфская флейта» (рог извитой — ст. 40) — культа фригийской Кибелы.

41 *Диана* — по-видимому, Диана Арицийская, в чьем храме совершались гадания, на доходы с которых жили жрецы.

45 *систр* — см. выше, прим. к ст. 38.

Письмо 2. Фабию Максиму

Мольба о заступничестве. Писано в конце 12 г. (ст. 26). Письмо вводит главную тему сборника — мольбу о заступничестве, лишь издали подготовленную предыдущим стихотворением. Большое и сложно построенное послание: обращение (1—10), невзгоды ссыла (11—26), душевные муки (27—58, с мифологическим украшением), надежда на избавление милостью Августа (59—100, с репризой темы невзгод), просьба об избавлении (101—112, с опорой на тему невзгод, 113—128, с опорой на тему Августа), заключительное напоминание о дружеской близости (129—150).

- 3—4 ...дано было Фабиев роду выжить в веках...— Фабии гордились легендой о том, что в V в., во время войны Рима с Вейями, их род отказался от временного перемирия, стал продолжать войну и весь погиб в сражении: спасся лишь один человек, от которого пошел все позднейшие Фабии (Ливий, II, 48). Овидий пересказал эту легенду в «Фастах» (II, 195—242).
- 29—40 Мифологические примеры муки и оцепенения (*Ниоба*, плачущая о детях, и *Гелиады* — о Фаэтоне, см. «Метаморфозы», VI и II), затем — только оцепенения (*Медуза*), затем — только муки (*Титий*, которому за покушение на Латону два коршуна в Аиде выклеивают вновь и вновь отрастающую печень).
- 78 *тавры* — см. С. IV, 4.
- 119—120 Мифологические примеры жестокости: *Атрей* (см. прим. к С. II, 383—408), тот, кто людей в корм лошадям отдавал, — фракийский царь *Диомед* и бросавший пленников львам ливиец *Феромедонт*.
- 137 *Марция*, жена Фабия, была родственницей (дочерью?) *Марция Филиппа*, второго мужа *Атии Старшей*, матери Августа, и наперсницею *Атии Младшей*, ее сестры.
- 141 *Клавдия*, римская матрона, в 204 г. до н. э. обвиненная в прелюбодеянии, оправдалась, совершив чудо: сняла с мели корабль со святынями *Кибелы*; эту популярную легенду Овидий пересказал в «Фастах», IV, 305—344.

Письмо 3. Руфину

О тоске по родине. Одна из самых обильных орнаментальными параллелями элегий.

- 5 *Пеанта сын* — *Филоктет*, рану которого (см. прим. к С. V, 2, 13) исцелил под Троей сын *Эскулапа Махаон*.
- 21 *Эпидавр* в Пелопоннесе был центром культа *Асклепия-Эскулапа*.
- 34 ...к дыму родных очагов.— Реминисценция знаменитого образа «*Одиссеи*», I, 57—58.
- 39 *Пандионова дочь* — *Филомела-соловей* («Метаморфозы», VI).
- 63—72 Исторические примеры: *Рутилий Руф*, римский стоик, в 92 г. до н. э. изгнанный политическими врагами и добровольно оставшийся в изгнании на всю жизнь; *Диоген, синопский киник* (IV в. до н. э.), изгнанный из родного города и живший в *Афинах* и *Коринфе*; *Фемистокл, сын Неокла* (V в. до н. э.), бежавший из *Афин* в *Аргос*, а потом в *Персию*, и враг его *Аристид*, живший в изгнании в *Спарте* и на *Эгине*.
- 73—80 Мифологические примеры героев, бежавших на чужбину: *Патрокл*, *Ясон* (ушедший в *Пирену* — *Коринф*), *Кадм* — основатель *Фив*, *Тидей*, бежавший из *Калидона* в *Аргос*, и *Тевкр* — с *Саламина* на *Кипр*.
- 82 *Тибур* (около 30 км от Рима) в первый век республики был для Рима «чужбиной», а при Овидии уже стал привычным местом отдыха римской знати.

Письмо 4. Жене

О старости и усталости. Центральная часть стихотворения (21—46) — детальное, по пунктам, сопоставление своей судьбы с судьбой *Ясона* (*Эсониды*) — повторяет прием С. I, 5.

- 23 *Эсон* — отец *Ясона*.

- 28 *Ио.лк* в Фессалии, откуда отплыли аргонавты, в историческое время был захудалым греческим городком.
 37 сын *Агенора* — *Финей*, в благодарность за помощь против гарпий указавший аргонавтам путь через Симплегады.
 42 *Я бы хотел, чтоб Амур им не учился у нас!* — намек на «Науку любви».
 57 мать *Мемнона* — *Заря*.

Письмо 5. Котте Максиму

Оправдание стихотворства. Тема послания переключается с С. IV, 1 и V, 12.

- 21—22 *Гебр* — река во Фракии (знакомая Овидию по пути в ссылку), *Ликс* — река неизвестная (в некоторых рукописях вместо нее назван Нил); может быть, это Лик (ныне Лех) в Южной Германии? Тогда сопоставление Лика и Гебра вполне параллельно сопоставлению предгерманских Альпов и фракийской горы *Афона*.
 79 *Сиена* (ныне Асуан) — египетский город у первого нильского порога, самая южная точка империи.

Письмо 6. Грецину

О надежде. Стихотворение, по-видимому, написано в первый год ссылки.

Письмо 7. Мессалину

Напоминание о дружбе. Стихотворение с плавным развертыванием основной укоряющей мысли: «не откажись признать меня — я ведь был среди твоих друзей — твой отец и брат признавали меня — признать меня не опасно» и т. д.

- 24 *атрий* — главная комната римского дома, где хозяин принимал утренние поздравления друзей и клантов.
 31 *твой брат* — Котта Максим.
 32 *Ганталида сыны* — Агамемнон и Менелай, *Тиндарея сыны* — Кастор и Поллукс.
 56 *Дому другому...* — дому Котты Максима.

Письмо 8. Северу

Тоска о мирной жизни. Написано в конце 12 г. (ст. 28), после пограничной войны с гетами за Эгисс (ныне Тульча). Четыре части с перекрестным чередованием тем: о войне среди гетов (1—24), о Риме, где жил поэт (25—38), о мирной жизни среди гетов (39—62), о Риме, где живет адресат (63—74).

- 11 *двуименного Истра* — см. прим. к С. II, 189.
 13 *Каспици* — древнее племя на западном берегу Каспийского моря; *Элис* — лицо легендарное.
 18 *оладыка* — Котис, царь одрисов, адресат П. II, 9.
 38 *источник Дев* — см. прим. к С. III, 12, 22.
 42 *пелинийская земля* — область Сульмона с родовыми поместьями Овидиев.
 44 *Клодиева и Фламиниева дороги* из Рима в Северную Италию разветвлялись на окраине Рима у современного Монте-Пинчо, где находился сад Овидия.
 68 *Аппиева дорога* из Рима в Южную Италию, древнейшая и известнейшая из римских дорог, проходила мимо Альбанских холмов, где было много вилл римской знати.

Письмо 9. Котте Максиму

На смерть Цельса. Цельс, о смерти которого сообщал Овидию Максим, ближе неизвестен; может быть, он тождествен с Цельсом Альбинованом, поэтом из свиты Тиберия, адресатом одного из посланий Горация (I, 8)

Письмо 10. Флакку

О своем нездоровье. Очередная разработка темы, начатой в С. III, 3: болезнь и отношение к чей врагов и друзей поэта.

- 1 ...желает здоровья...— см. прим. к С. III, 3, 83.
37 твой брат — Грецин, брат Флакка,— адресат П. I, 6 и др.

КНИГА II (13 г. н. э.)

Письмо 1. Германику Цезарю

Триумф Германика. 23 октября 12 г. Тиберий отпраздновал триумф по случаю покорения Далматии и Паннонии, назначенный еще в 9 г., но отложенный из-за германской войны (см. прим. к С. IV, 2); в триумфе участвовал и Германик, воевавший вместе с Тиберием. Этот триумф и описывает по воображению Овидий. Адресат послания — не Тиберий, а Германик, которому Овидий предсказывает, что вскоре он будет справлять и собственный триумф (это, действительно, случилось, но лишь в 18 г., после смерти Овидия).

- 33 О храме Справедливости ср. ниже, П. III, 6, 23—26.
46 Батон — вождь паннонского восстания, сосланный потом в заточение в Равенну.
58 *Тарпейская скала* — на Капитолии, куда поднимался триумфатор в храм Юпитера Капитолийского.
68 *дважды правдивый* — предсказавший и триумф, и свою хвалу.

Письмо 2. Мессалину

Просьба о заступничестве — попытка добиться амнистии по случаю празднования Тибериева триумфа. Мессалин, участвовавший в триумфе (ст. 80) и впоследствии отличившийся как «льстец» Тиберия, мог здесь быть удобным заступником. Описание праздничного Рима занимает середину послания (61—88), просьба к Мессалину — начало (1—60 — с преуменьшением своей вины) и конец (89—126 — с преувеличением своей вины); начальная часть украшена примерами из мифологии, природы и людской жизни.

- 9—14 Примеры богоборства: гиганты (среди них *Энкалад*), громоздившие горы *Пелион* на *Оссу*, чтобы добраться до неба, и герой *Диомед* (*Тидеев сын*), под Троей нанесший раны Венере и Марсу.
25—26 Примеры милости к врагу: спутники Энея, спасшие брошенного *Ахеменида*, спутника Улисса («Энеида», III; «Метаморфозы», XIV), и Ахилл, исцеливший *Телефа* (см. прим. к С. I, 1, 100).
69—74 Перечисляются члены семьи Августа: супруга его Ливия, приемный сын Тиберий, усыновленный Тиберием *Германик* и брат его *Друз* Младший; невестки и внучатые племянницы — мать Германика *Антония* Младшая, жена Германика *Агриппина*, жена *Друза* *Ливилла*; *правнучатые сыны* — маленькие дети Германика *Нерон*, *Друз* и *Гай* (будущий *Калигула*).
75—77 Сколько племен пеонийских... сколько в далматских горах... *Вся иллирийская рать*...— Иллирия, или Далматия, примыкающая к ней с севера придунайская Паннония, а с юга Пеония (собр. югославская Македония) — область восстания, подавленного Тиберием.
79 *Цезарь* — Тиберий в триумфальном венке из лавра, в который была превращена *Фебова дева* — *Дафна* («Метаморфозы», I).

- 83 ...с теми двумя...—Германик и Друз сравниваются с Кастором и Поллуксом, храм которых на римском форуме стоял рядом с базиликой Юлия Цезаря.
 113—114 Примеры людоедской жестокости из «Одиссеи»: Антифат, которого мифографы локализируют в Сардинии, и Полифем, живший в Сицилии.

Письмо 3. Котте Максиму

Об истинной дружбе. Редкий для понтийских стихов случай похвалы, не сопровождаемый просьбой о заступничестве.

- 12 ...добродетель сама служит наградой себе.—Общее положение всех известнейших философских школ.
 41—46 Те же примеры дружбы, что и в С. I, 9, 27—34: Патрокл (друг Эакид — Ахилл, друг Патрокла). О Пирифое и ПилADE см. прим. к С. I, 5.
 83 Эталия — греческое, Ильва — латинское название острова Эльбы.

Письмо 4. Аттику

Воспоминание о дружбе и Риме. Маленькое, плавно развертывающееся послание с одним мифологическим сравнением и с набором «невозможностей» в конце.

- 21 ...любил Эакид Несторида...—т. е. Ахилл любил Антилоха, лучшего своего друга (после Патрокла); образ необычный (некоторые рукописи заменяют «Несторида» более привычным «Акторидом» — Патроклом) и, по-видимому, указывающий, что Аттик был не сверстник Овидию (как Патрокл Ахиллу), а сильно моложе его.

Письмо 5. Салану

С похвалой Германику. Сопроводительное стихотворение к П, II, 1 о триумфе Германика.

- 41 юношей вождь — официальное почетное звание «главы римского юношества», которое давалось одному из младших членов императорского дома.
 49 отпрыск Иула — Энеева сына, предка рода Юлиев, к которому по усыновлению принадлежали и Август, и Тиберий, и Германик.
 67 Тирс Диониса (уподобленный ораторскому жезлу?) противопоставляется лавру Аполлона, как красноречие — поэзии. Противопоставление необычное — текст в этом месте неисправен, и восстановления ненадежны.

Письмо 6. Грецину

О своевременной дружбе. Упрек адресату, быстро и плавно переводимый в комплимент: «не упреки, а помощь нужна от друга — но ты ведь, друг мой, именно таков?» Мысль эта повторяется дважды (1—18, 19—38), сперва с акцентом на первой части, потом на второй.

- 25—26 Привычные примеры дружбы: Пилад (сын Строфия) и Орест, Лирифой и Тесей (Эгеид).

Письмо 7. Аттику

Оправдание своих тревог. Послание, целиком построенное на риторическом развертывании ряда простых мотивов: «тревоги понятны среди невзгод (1—16—четыре параллели) — невзгоды мои бесчисленны (17—30 — четыре сравнения «от невозможности») — горе привычно душе (31—46 — три параллели) — страдаю я больше, чем кто-либо (47—74 — детализация по 14 пунктам) — но надежда меня не покидает (75—84)». Любопытно, что обычный фонд параллелей — мифология — при этом почти не тронут.

- 25—26 ...в степи кинифийской... в гиблейских горах...— Киниф — река в хлебодородной Триполитании; о Гибле см. прим. к С. V, 6, 38.
 43 *Аппий* — слесной консул конца IV в. до н. э., образец староримской доблести, строитель Аппиевой дороги (см. прим. к П. I, 8, 68).
 58 Об *Арктуре* и *Плеядах* см. прим. к С. I, 11, 13.
 60 *Улисс* — ср. С. I, 5, где Овидий впервые применил такое же детализованное сравнение по пунктам, как и в этом стихотворении.

Письмо 8. Котте Максиму

О медали с изображением *Цезарей*. Серебряные изображения, в точности соответствующие описанию Овидия, неизвестны, но приблизительно подобные довольно многочисленны. На медали, присланной Овидию, изображены были Август, Тиберий и Ливия; мольбы, обращенные к ним сперва порознь, а потом вместе, составляют центральную часть стихотворения (19—62), изъясление восторга — начальную и заключительную.

- 33 ...*внуков твоих*...— см. прим. к П. II, 2.
 41 ...*до пилооских... до кумских... лет*...— лета Нестора (три людских поколения) и Сивиллы (700 лет): образцы мужского и женского долголетия.
 46 *невестки* — см. прим. к П. II, 2.
 47 *Друз* — Друз Старший, брат Тиберия, погибший в Германии в 9 г. до н. э.
 70 *орлы* — знаки легионов, знамена — более мелких отрядов римской армии.

Письмо 9. Царю Котису

Просьба о помощи. Царь Восточной Фракии Котис принял власть в 12 г.; по-видимому, послание Овидия написано именно по этому случаю. Котис, действительно, был известен как молодой любитель искусств: так обращается к нему и Антипатр Фессалонийский («Палатинская антология», XVI, 75).

- 2 *Евмолп* («сладкопевец») — сын Посейдона и Хионы, дочери Борея и Орифии, царь Фракии, а потом аттического Элевсина, считавшийся родоначальником как фракийских царей, так и элевсинских жрецов.
 20 *Эрихтоний* — древнейший афинский царь (см. прим. к С. II, 293), по-видимому, отождествлен здесь с позднейшим Эрехтеем, воевавшим против Евмолпа.
 41—42 *Антифат* и *Алкиной* — злой и добрый цари из «Одиссеи».
 43 *Не из Кассандрии... не из Фер* — знаменитые жестокостью тираны: Аполлотор из фессалийской Кассандрии (III в.; см. прим. к «Ибису», 461). Александр из Фер (IV в.).
 44 ...*изобретший быка сам от быка и погиб?* — Фаларид из Акраганта (см. прим. к С. III, 11).
 53 ...*Орфей*... был этих мест песнопевцем...— Орфей считался уроженцем и жителем Фракии.
 54 *Бистонская земля* — Фракия.
 62 *Пиэрия* — родина Муз, тоже часть Фракии.

Письмо 10. Макру

Воспоминание о юношеском путешествии. Адресат — Гней Помпей Макр, сын благодетеля Палатинской библиотеки и стихотворец; его не следует путать с Эмилием Макром, поэтом старшего поколения, упоминавшимся в С. IV, 10, 43.

- 10 ...*жене ты не чужой*...— родство (?) Помпея и жены поэта неясно.
 13 ...*поешь обо всем, что пропущено вечным Гомером*...— Ср. П. IV, 16, 6 и «Любовные

элегии», II, 18, 1—4; Макр сочинял, по-видимому, поэму о событиях, предшествовавших началу «Илиады».

- 21—27 *Тринакрия* — Сицилия с горою *Этной*, под которой дышит огнем гигант *Тифозей*, и с местами, где *Плутон* похитил *Прозерпину*, — полем *Энны*, озерами *Палики* и источниками нимф *Кианы* (супруги *Анапа*) и *Аретусы* (будто бы притекшей в Сицилию под землей из *Элиды*); ср. изложение этого мифа в «Метаморфозах», V.

Письмо 11. Руфу

Благодарность за заботу о жене. Руф из города *Фунды* в южной Лации был дядей жены *Овидия*. Очень симметрично построенное маленькое послание: благодарность (1—8), услуги поэту (9—12), услуги жене (13—22), услуги поэту (23—24), благодарность (25—28); середина стихотворения отмечена мифологической параллелью (15—16).

15 *Гермиона* — дочь *Елены*, сестры *Кастора*; *Иул* — *Асканий*, сын *Энея* и *Креусы*, сестры *Гектора*.

КНИГА III (13 г. н. э.)

Письмо 1. Жене

Упрек и наставления. Тема упрека, перекликающаяся с С. V, 2, заглушается пространными наставлениями о ходатайстве за мужа перед *Ливией*; подробность этих наставлений неожиданно напоминает «Науку любви».

- 51—52 *Капаней* и *Амфиарай* — герои похода семерых против *Фив*.
 58 *Битида* — см. прим. к С. I, 6, 2.
 75 *дому* — т. е. дому *Фабиев*, к которому принадлежала жена *Овидия*.
 78 *Марция* — жена *Фабия Максима*. См. П. I, 2, 138.
 106—113 Примеры верных жен — *Алkestида* (*Адмета жена*), *Пенелопа* (*Икарида*, т. е. дочь *Икария*), *Лаодамия*, *Евадна* (*Ифиада*, т. е. дочь *Ифиса*) — те же, что и в С. V, 5 (см. прим.).
 119—124 Примеры женской жестокости: детоубийцы *Прокна* и *Этова дочь* (*Медея*), мужеубийцы *Данаиды* и жена *Атрида* (*Клитемнестра*), колдунья *Цирцея* (*Телегона мать*) и чудовища *Сцилла* и *Медуза*.
 143 В древнейших рукописях стих не сохранился и представляет собой добавление позднейших переписчиков.

Письмо 2. Котте Максиму

Гетский рассказ об Оресте и Пилладе. Сюжет элегии (уже использованный в С. IV, 4) возник на скрещении постоянной овидиевской темы дружеской верности (с ее мифологическими иллюстрациями) и вспомогательной темы «варварского языка» (ст. 40). Миф пересказывается по наиболее популярному варианту — «Ифигении в Тавриде» *Еврипида*. По-видимому, именно это стихотворение с античным мифом в устах варвара побудило *Пушкина* в «Цыганах» вложить такое же предание о самом *Овидии* в уста старого цыгана.

- 60 *Меотида* — см. прим. к С. III, 12, 2.
 74 *Ленту* — см. прим. к С. IV, 4, 77.
 105 *Волез* — соратник *Ромула*, предок рода *Валериев*, к которому принадлежал отец *Котты Максима*, *Мессала*.
 106 *Нума* — отец *Кальпа*, откуда пошел род *Кальпурниев*, к которому принадлежала мать *Котты Максима*; она была в родстве с *Аврелиями Коттами*, род которых усыновил ее сына.

Письмо 3. Фабию Максиму

- Сон об Амуре. Послание выражает надежду на помилование по случаю триумфа 12 г.; надежда эта вложена в уста Амуре, виновника ссылки поэта.
- 29 *шутливые песни* — «Любовные элегии» с их чередованием гекзаметра и пентаметра в элегическом дистихе (см. прим. к С. II, 220).
- 31 *меонийская песня* — героический эпос (см. прим. к С. I, 1, 47).
- 41 Перечень мифических и полумифических учителей и учеников: таинствам подземных богов учил *Орфей Евмолпа* (см. прим. к П. II, 9, 19), песням учил сатир *Марсий* фригийского флейтиста *Олимпа*, «мудрости» учил кентавр *Хирон Ахилла*, а *Пифагор* — римского царя *Нуму Помпилия* (анахронизм).
- 51 *Я сочинял не для тех...* — см. прим. к С. II, 246.
- 62 *Эней*, предок Юлиев, был сыном Венеры, как и Амур.
- 80 *дева фасийская* — Медея.
- 82 *верный солдат* — автореминисценция знаменитого начала из «Любовных элегий»: «*Всякий влюбленный солдат, и есть у Амуре свой лагерь...*».
- 96 *Мемнон* — сын Зари, чернокожий царь эфиопов.
- 98 *теревинф* — сирийское дерево с черной древесиной.
- 99 *Алкид* — т. е. Геркулес, покровитель угнетенных, который считался предком рода Фабиев.

Письмо 4. Руфину

При посылке стихов о триумфе. По-видимому, имеется в виду стихотворение о триумфе Тиберия и Германика, вошедшее в «Письма с Понта» как II, 1; менее вероятно предположение, что Овидий написал об этом еще какую-то поэму, до нас не дошедшую.

- 7 *Махаон*, брат *Подалирия* (С. V, 6, 11) — врач в греческом войске под Троей.
- 60 *...год миновал!* — вести о подготовке триумфа могли дойти в Томы летом 12 г., отправить свое стихотворение в Рим поэт мог летом 13 г.
- 85 *на неровных колесах* — см. прим. к С. II, 220.
- 90 *новый Юпитеру лавр* — лавровый венок триумфатора, слагаемый им в храме Юпитера Капитолийского.
- 97 *Мечет Германия в нас вероломно...* — Германия обвинена в вероломстве за восстание против Вара в 9 г.; в 10—11 гг. оно было подавлено Тиберием, а в 13 г. туда направлялся Германик.

Письмо 5. Котте Максиму

Похвала красноречию друга. Стихотворение ближе всего перекликается с П. II, 3: там поводом для похвалы Котте служили общие рассуждения о дружбе, здесь (1—36) — конкретный повод, речь его в суде; там письмом кончалось воспоминанием о разлуке, здесь (37—58) — воспоминанием о близости; и там и здесь отсутствует мотив просьбы о помощи (ср. ст. 57—58).

- 9 *Мой торопливый язык...* — античность не знала чтения «про себя», даже наедине с собой люди читали вслух.
- 23 *...в суде ста мужей...* — см. прим. к С. II, 94.

Письмо 6. Неизвестному

Другу, не в меру осторожному. Разработка темы, уже использованной в С. IV, 4 и V, 9; на фоне «Писем с Понта» с их именными обращениями это безымянное выделяется еще ярче. Однако главная тема стихотворения — не дружба, как там, а милосердие Августа; ему посвящена центральная часть (6—44) с трижды использованным сравнением с гневающимися Юпитером, Нептуном и Марсом (17—20, 26—32, 35).

- 20 *Левкофея*, спасающая в бурю Одиссея, — эпизод из «Одиссеи», V.
- 41 *Бусирид* — о нем и Фалариде см. прим. к С. III, 11, 39.

Письмо 7. Друзьям

Отчаяние. Стихотворение, нарочно выворачивающее наизнанку обычные темы понтийских стихов: отказ от просьб (1—8), отказ от заступничества (9—18), отказ от надежды на улучшение участи (19—34) и заключение с нотой надежды, вдруг отменяющей все вышесказанное (35—40).

Письмо 8. Фабию Максиму

При посылке подарка. Новый обзор невзгод дикой страны, на этот раз — с точки зрения производимых ею благ.

9 искусство Паллады — прядение.

21 ...тростниками... — из тростника делались перья для письма.

Письмо 9. Бруту

О стихах своих. Эпилог к прижизненному сборнику трех книг «Писем с Понта». Во вступительном П. I, 1 поэт ручался перед Брутом в благонамеренности своих стихов, здесь извиняется перед ним же за художественное их несовершенство.

9—10 *Агрий* — этолийский царь, отец *Терсита*, безобразнейшего из греков под Троей.

24 *Меониец* — Гомер; *Аристарх* (II в. до н. э.) — знаменитый издатель, исследователь и комментатор Гомера.

КНИГА IV (14—17 гг. н. э.)

Письмо 1. Сексту Помпею

С запоздалой благодарностью. Сексту Помпею посвящено больше всего посланий, не вошедших в П. I—III; они написаны около 14 г., года его консульства, когда Овидий мог особенно надеяться на его помощь. Среди них — и это письмо с характерным извинением в том, что поэт не писал ему раньше (1—18), и благодарностью за его прежние услуги (19—36). Издатели поставили письмо прологом к этой посмертной книге, а другое письмо к нему же (П. IV, 15) — эпилогом (с П. IV, 16, о себе и современниках, в виде постскриптума).

29—34 Знаменитые изображения богов: «Венера, выходящая из волн» *Апеллеса* (IV в. до н. э.) и статуя Афины на аттическом (актейском) акрополе работы Фидия (V в. до н. э.) — и животных: «Колесница» *Каламида* и «Корова» *Мирона* (V в. до н. э.).

Письмо 2. Северу

О стихотворстве без читателей. Адресат — поэт Корнелий Север, упоминаемый в П. IV, 16, 10, автор поэмы о римской истории (ст. 1); судя по ст. 3, он не тождествен с адресатом П. I, 8 (или же П. IV, 2 было написано раньше, а издано позже).

9—10 Перечисляются мифические начинатели пчеловодства (*Аристей*, воспетый в IV книге «Георгик» Вергилия), виноградарства (*Вахс*; *фалерн* назван как лучшее из италийских вин), земледелия (*Триптолем*, ученик *Цереры*) и феакийский царь *Алкиной*, чьи плодовые сады воспеты в «Одиссее», VII, 117—120.

11 *Геликон* — гора в Беотии (Аонии), где обитали музы.

37 *кораллы* — припонтийское племя, упоминаемое и Страбоном.

46—47 *Аонийский источник* — Гиппокрена, источник Муз (*Пиэрид*) на Геликоне.

Письмо 3. Непостоянному другу

О превратности судьбы. Вариация обеих тем послания С. IV, 3: «неназывание имени» (вспомогательная, для зачина) и «неверность судьбы» (основная, с историческими примерами).

- 36—48 Примеры падения могучих правителей: два из греческой истории — Крез Лидийский (VI в. до н. э.), попавший в плен к Киру Персидскому, и Дионисий Сиракузский Младший (IV в. до н. э.), после низложения ставший школьным учителем в Коринфе,— и два из римской: Помпей Великий, после Фарсала искавший приюта у вассального египетского царя, и Гай Марий, победитель германских кимаров и африканского Югурты, скрывавшийся от Суллы в минтурских болотах.
- 44 Стих отсутствует в лучших рукописях; перевод — по дополнению позднейших переписчиков.
- 54 Антикира — местность в Греции, где росло много чемерицы, которая употреблялась как средство против помешательства.

Письмо 4. Сексту Помпею

На вступление в консульство. Стихотворение написано в 13 г. и изображает вступление Помпея в должность консула 1 января 14 г.

23 Двуликий — Янус, бог нового года.

29—31 тарпейские храмы — храм Юпитера Капитолийского, где совершалось жертвоприношение при вступлении в должность новых консулов. В жертву приносились быки, вскормленные в Фалериях, к северу от Рима, где вода источника Клитумна будто бы придавала им белый цвет.

Письмо 5. Сексту Помпею

На вступление в консульство. Стихотворение написано в 14 г., уже после вступления Секста в консульство. Центральная часть его (15—26) представляет собой описание консульских забот Секста.

- 5—6 Путь стихотворения повторяет в обратном направлении путь поэта, ср. С. I, 10.
- 17 ...в кресле воссев...— курульное кресло, украшенное слоновой костью,— знак консульской должности.
- 19 ...под сенью копыя...— копые, воткнутое в землю, было старинным знаком того, что консул находится при исполнении обязанностей.
- 25 ...Германику Цезарю отдан...— Германик в 14 г. находился при войсках на германской границе, но Овидий об этом не знал.

Письмо 6. Бругу

На смерть Августа и Фабия Максима. Август умер 19 августа 14 г., Павел Фабий Максим — незадолго до того. Послание Овидия написано зимой 14—15 гг. вместе со стихотворением на посмертное обожествление Августа (ст. 18, ср. П. IV, 9, 131), до нас не дошедшим.

5 пятилетняя олимпиада — см. прим. к С. IV, 10, 96.

47 Фиестово пиришествие — см. прим. к С. II, 383—408.

Письмо 7. Весталису

На подвиг при Эгиссе. Весталис, принял римского легиона, отличившийся в 12 г. при отвоевании Эгисса на Дунае (Тульча), вслед за тем был послан в Томы и другие приморские города подготавливать включение их в римскую провинцию; его приезд Овидий приветствует этим стихотворением.

- 5 *Внук альпийских царей!* — Весталис был потомком Донна, кельтского вождя из Коттийских Альп.
 15 *«Первый метатель копья...»* (принял) — звание командира первого подразделения в легионе, старшего из легионных офицеров.
 25 *царь ситонийцев* — Котис; Ситония — южная Фракия.
 27 *Вителлий* — один из четырех братьев Вителлиев, делавших быструю карьеру при Тиберии, дядя императора 69 г.
 29 *Донн* — см. выше, прим. к ст. 5.
 41 *Аякс* — герой «Илиады», оразивший троянцев, пытавшихся поджечь греческие корабли («Илиада», XV, 414—745).

Письмо 8. Суиллию

Слава поэзии. Публий Суиллий, муж падчерицы Овидия, был квестором при Германике в 15 г. н. э.; Овидий просит у него заступничества, обещая отблагодарить стихами. Симметричная пятичастная композиция: обращение к Суиллию (1—22), похвала Германику (23—34), прославление поэзии (35—66 — с мифологическими примерами), похвала Германику (67—78), просьба о смягчении ссылки (79—80).

- 18 *...всадниками искони прадеды были мои.* — См. прим. к С. IV, 10, 7.
 41 *на травах Фалерий* — см. прим. к П. IV, 4, 29.
 51—66 *Но письма не живут. По ним Агамемнона знаем...* — перечисляются мифы, прославленные поэтами: о героях (Троянская война и поход семерых против Фив), о богах (теогония и гигантомахия), о героях, ставших богами (Вакх и Алкид-Геркулес), и, наконец, обожествление Августа (приемного деда Германика). Рассказом о Хаосе начинались «Метаморфозы» Овидия, пророчеством об апофеозе Августа они кончались.
 73 *...слова под размер подбираешь...* — имеются в виду стихотворения Германика, из которых сохранился лишь перевод «Небесных явлений» Арата.
 83 *...к диким кораллам...* — см. прим. к П. IV, 2, 37.

Письмо 9. Грецину

О консульстве друга и о своей благонамеренности. Грецин был назначен «сменным консулом» (суффектом) на вторую половину 16 г.; послание, поздравляющее его, написано, по-видимому, в начале года. Следующим консулом, в 17 г., должен был стать его брат Флакк (адресат П. I, 10), в минувшем 15 г. правивший Мёзией и распоряжавшийся включением в эту провинцию причерноморских городов. Первая часть стихотворения посвящена Грецину (1—38 — вступление в должность, 39—56 — отправление должности, ср. П. IV, 4—5), середина — Грецину и Флакку вместе (57—74), заключительная часть — Флакку и своей ссыльной доле (75—134).

- 4 *фасции* — связки прутьев с топорами, знак высших государственных должностей; перед консулом стража несли 12 фасций.
 27 *...на кресле курульном...* — см. прим. к П. IV, 5, 17.
 77 *мисийцы* — Мёзией называлась придунайская область, а Мисией — более привычная поэтам малоазийская, поэтому в стихах они часто путаются.
 86 *югер* — римская мера поверхности, около 0,25 га.

- 107—109 *супруга, верховная жрица* — Ливия; сын — Тиберий; новое божество — Август; *внуки* — Германик и Друз Младший.
 131 *...наши стихи о святом небожителе...* — стихи Овидия об апофеозе Августа не сохранились; может быть, о них идет речь в П. IV, 13.

Письмо 10. Альбиновану

Об Улиссе и понтийских реках. Писано в 14 г. («шестую весну», ст. 1). Адресат — Альбинован Педон, поэт-любитель из окружения Тиберия; ему, по-видимому, Гораций в свое время посвятил послание I, 8. Произведение Овидия — изысканно ученая разработка последовательно трех тем: невагод Улисса в сопоставлении с понтийскими невгодами (1—34, ср. С. I, 5), географии Понта (35—64) и верности Тесея в сопоставлении с верностью Альбинована (65—84).

- 17—18 *...чудесному девичью пенью, и... лотос на вкус не горчил.* — Имеются в виду встречи Улисса с сиренами и лотофагами.
 23 *Пиакх* — вождь враждебных гетов, ближе неизвестен.
 26 *исниохский пират* — гениохи — племя на кавказском берегу Понта.
 28 *...ахейской ордой.* — Ахейцы здесь — тоже пиратское племя, грабившее преимущественно южный (правый), но отчасти и западный (левый) берег Понта.
 46 *...крепость соленой воды.* — Греки считали, что соленая вода замерзает труднее пресной и поэтому придавали важность опреснению Черного моря реками.
 47—56 *Лик, Фасис* (Риони) и *Пений* — реки восточного Черноморья; *Калес, Парфений, Сангарий, Галис* (Кызыл-Ирмак) и *Фермодонт* (место легендарного царства амазонок) — реки южного Черноморья; *Тир* — Днестр, *Гипанис* — Южный Буг, *Борисфен* — Днепр; река, разделяющая Азию и Европу (*Кадма сестру*), по одному из мнений античных географов, — Танаис (Дон).
 79—80 *Вас не зовут крушить...* — перечисляются первые подвиги Тесея — освобождение от разбойников дороги по Истму от Трезена до Афин (см. «Ибис», 405—412 и прим.).

Письмо 11. Галлиону

На смерть жены друга. Адресат — Юний Галлион, товарищ Овидия по риторической школе; Сенека Старший, родственник Галлиона, прямо называет его «другом» Овидия. Характерно, что и в это маленькое послание традиционного «утешительного» содержания Овидий сумел вставить тактично приглушенную жалобу на дальность своей ссылки (ст. 15—16).

Письмо 12. Тутикану

Уверение в дружбе. Адресат — поэт, чья «Феакидя» — на сюжет, в котором приходилось соревноваться с «Одиссеей», — упоминается в сходных выражениях и в П. IV, 16, 27. Заканчивается стихотворение любопытным обнажением приема — поэт обращается с просьбой (31—50), а предмет просьбы остается не назван.

- 2 *...трудное имя...* — в имени «Тутикан» один краткий слог лежит между двумя долгими, а такая последовательность слогов не укладывается в гекзаметрический ритм. Шутки над подобными именами встречались уже у Луцилия и Горация.

Письмо 13. Кару

О стихах своих на гетском языке. Писано зимой 14—15 гг. (ст. 40). Адресат — поэт, воспитатель детей Германика (ст. 48), автор поэмы о подвигах Геркулеса (ср. П. IV, 16, 7).

- 2 ...назван не зря *Дорогим!* — Имя «Кар» по-латыни значит «Дорогой» (ср. прим. к С. III, 5, 17).
- 15—16 Мифологическая параллель: *Терсит* был безобразнейшим из греков под Троей. *Нирей* — прекраснейшим (после Ахилла).
- 28 ...*власти бразды...* — после смерти Августа сенат отдал всю полноту власти Тиберию, и тот принял ее после нескольких отказов.
- 31 *юношей двух* — т. е. Германика и Друза Младшего.
- 47 *его сыновья* — т. е. сыновья Германика — восьмилетний Нерон, шестилетний Друз и двухлетний Гай (будущий император Калигула).

Письмо 14. Тутикану

О дурном крае и хороших людях. Начало стихотворения (1—14) — порицание земле Томов, конец (45—62) — похвала людям Томов, середина (15—44) заостряет этот парадокс и украшает его тремя историческими параллелями.

- 2 *имя твое* — см. прим. к П. IV, 12, 1.
- 9 *Сирты* — отмели у берегов Африки, *Харибда* — легендарный водоворот в Мессинском проливе; названы как примеры опасных для мореплавателя мест.
- 31—32 *пахарь-старик* — Гесиод из Аскры, упоминающий в своей поэме «Труды и дни» о несправедном суде, которому он подвергается на родине.
- 36 ...*скудость родной земли...* — имеется в виду начало рассказа Улисса перед феаками («Одиссея», IX, 21—28), где об Итаке говорится: «Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает...».
- 38 *Скепсий* — Метродор Скепсийский (ок. 100 г. до н. э.), греческий философ на службе Митридата Понтийского, имевший прозвище «Римоненавистик».
- 53 *Сняты налоги с меня!* — Обычное в греческих городах средство выразить почет гражданину или гостю; кто еще в Томах не облагался налогами, неизвестно.
- 57 *Делос* — остров, который дал приют *Латоне*, чтобы она могла родить Аполлона и Артемиду.

Письмо 15. Сексту Помпею

О преданности другу. Заключительное стихотворение, обращенное к тому же адресату, что и вступительное.

- 7—8 *пунийское яблоко* — гранат.
- 9 *Тмол* — гора в Лидии; вино ее виноградников упоминается и в «Георгиках» Вергилия (II, 97).
- 15—17 Перечисляются имения Помпея в Сицилии (*Тринакрии*), Македонии (*Филиппово царство*), Каппании и дом в Риме близ форума Августа с храмом Марса-мстителя.
- 26 ...*мой ли проступок раскрыть...* — глухой намек на причастность Секста Помпея к обвинению, приведшему Овидия в ссылку.

Письмо 16. Завистнику

О славе своей меж современников. Стихотворение перекликается с С. IV, 10, 41—56: там Овидий изображал свое место среди старших поэтов, здесь — среди молодых. Центральную часть его составляет каталог римских стихотворцев (стихи их, за единственным исключением — см. ниже, к ст. 34, — не сохранились, и даже имена многих более никем не упоминаются), заключаемый именем Котты Максима; обрамление (1—4 и 47—52) — о зависти и славе.

- 5 Домиций *Марс* — поэт более старшего поколения, чем Овидий, автор поэм и эпиграмм, Марциал считал его своим предшественником; *Рабирий* — автор поэмы о войне Октавиана с Антонием, упоминается Веллеем Патеркулом рядом с Вергилием; его читали еще при Квинтилиане в конце I в.
- 6—7 Об *Альбиноване* см. прим. к П. IV, 10; о Помпее *Макре* — к П. II, 10; о *Каре* к П. IV, 13.
- 8—12 *Нума* совершенно неизвестен; *Клуторий Приск* в 21 г. был казнен за то, что написал преждевременное стихотворение на смерть больного сына императора Тиберия; *Юлий Монтан*, эпический и элегический поэт (*в равном стихе и неравном стихе*), упоминается старшим и младшим Сенеками.
- 15 *Сабин*, очевидно, написал послания героев к героиням, в виде ответов на «Герониды» Овидия, и работал над поэмой об отвоевании у гетов дунайского города Трезмов (совр. Иглица), упоминаем в П. IV, 15, 15; впрочем, название поэмы Сабина в рукописях испорчено («Трезен», «Троада» и пр.).
- 17—20 *Ларз* (т. е. «широкий») писал о переселении Антенора после падения Трои в Цизальпийскую Галию, где он считался основателем Падуи; *Камерин* (консул 9 г.?) писал о падении Трои, *Туск* — о любви Филлиды к Демофону (тема из «Геронид», 2).
- 21—24 *Тот воспеватель морей... тот, кто вещал..., тот, кого Марием звать...* — все три упоминаемых поэта совершенно неизвестны.
- 25—28 *Луп* писал о возвращении из-под Трои Менелая и Елены (*Танталида* и *Тиндариды*), *Тринакр* — о Персее, *Гутикан* (см. прим. к П. IV, 12) — об Одиссее у феаков.
- 28—31 Перечисляются драматурги *Антоний Руф* — грамматик, сочинял трагедии и комедии (о его пиндарической лирике ничего не известно); *Варий*, друг Вергилия и Горация, прославился трагедией «Фиест»; на ту же тему писал и *Гракс*; *котурн* указывает на трагический жанр *Туррания*, плоская обувь сокк — на комический жанр *Мелисса*.
- 32—36 *Капелла* и, по-видимому, *Прокул* писали элегии, *Пассер* и, по-видимому, *Монтан* — идиллии; *Гратгий*, Фалиск был автором дидактической поэмы «Наука охоты», сохранившейся до нашего времени.
- 41 *Максим* — Котта Максим. В каких стихотворных жанрах он упражнялся, неизвестно.

ДОПОЛНЕНИЯ

Ибис

Поэма написана между 9 г. н. э., когда Овидию исполнилось «дважды пять пятилетий» (ст. 1), и 14 г. н. э., когда умер Август (ст. 23—26 указывают, что он еще здравствует). О ее пародических элементах см. вступительную статью, § 12. Овидий стронит ее как проклятие, произносимое жрецом у алтаря, но поначалу то и дело перебивает себя отступлениями. Порядок изложения таков: вступление (1—62), звание к богам (63—96), приступ (97—126), проклятие на смерть врага (127—208), проклятие на жизнь врага (209—245) и, наконец, главная часть поэмы — перечень казней, которым поэт обрекает врага (247—638); заключение (639—644).

23 *всличайший бог* — Август.

35—36 *с смертных костров* убивших друг друга братьев Этеокла и Полиника под стенами Фив, «несмотря на сильный ветер, дым не шел в одну сторону, а расходился врозь» (Гигин, 68).

45 *...не сменяв стихотворного строя...* — т. е. в мирной элегии, а не в воинственном ямбе.

- 54 язвительный ямб был «изобретен» лириком VII в. Архилохом для обличительных стихов против оскорбившего его Ликамба, отца его невесты Необулы.
- 55 *Баттиад* — Каллимах, считавший себя потомком первого киренского царя Батта.
- 76 *три сестры* — Парки.
- 78 *водный поток* — Стикс, влагой которого клялись боги.
- 79 *перед черной темницей* Аида восседали фурии, богини мщения.
- 90 *критской владычицы зять* — Тесей, поверивший клевете жены своей Федры (дочери критского правителя Миноса и его жены Пасифаи) и взмолившийся к Нептуну о гибели Ипполита.
- 135 *язвитель* — см. прим. к С. II, 191—198.
- 166 *...в мертвое тело... вонзится багор...* — багром волокли в Тибр тела казненных в Капитолийской тюрьме.
- 175—182 Традиционные примеры адских мук: *Сизиф*, вкатывающий камень, *Икснон*, распятый на колесе, *Данаиды* (*Белиды* — по имени деда), наполняющие бездонную бочку, *Тантал* (*Пелопов отец*), пытавший всеведенье богов, исполин *Титий*, за покушение на Латону преданный на съедение коршуну (*тот, кто от пят до чела девять покрыл десятин*).
- 183 *троица фурий* — Алект, Мегера, Тисифона.
- 188 *Эак* — один из трех судей Аида.
- 198 *...с Идейских высот...* — *Ида* — название нескольких гор — под Троей, на Крите и др.
- 200 *...под киликийской горой...* — о *шафране* под киликийской горой *Кориком* упоминает Плиний (XXI, 31).
- 202 *Афон* — гора на фракийском берегу.
- 204 *...в сто языков...* — образ, восходящий к знаменитому месту в начале перечня кораблей в «Илиаде», II, 488—490.
- 210—216 *...добрых не видано звезд...* — добрыми звездами считались Юпитер и Венера, недобрыми — Марс и Сатурн («серпоносный старик»), значение Солнца и Луны менялось от их положения «в домах» среди созвездий зодиака; Меркурий (сын *Майи*) упомянут отдельно, потому что «птица ибис угодна Гермесу» (*Элиан*. О природе животных, X, 27).
- 219 *аллийский день* — 18 июля, день траура в память о поражении от галлов при Аллии (394 или 390 г. до н. э.).
- 222 *кинифийская земля* — Триполитания (ср. П. II, 7, 25—26).
- 226 *...в поры болот...* — о болотах в этих местах упоминает дидактический поэт Граттий.
- 253—256 Пострадавшие от неисцеляемых ран: ужаленный эмеей Филоктет (*Пеантид*), наследник Гераклова лука, и раненный Ахиллом Телеф (*тот, кому лань сосцы подставляла*).
- 257—272 *среди Алейского поля* в Киликии был сброшен Пегасом Беллерофонт, попытавшийся взлететь на небо; красотой своей он возбудил когда-то любовь царевны Сфенебеи, отверг ее, был за это оклеветан ею и едва не погиб. После падения он был наказан хромотой и слепотой; поэтому за ним следуют ослепленные: Феникс (*Аминторид*), подобно Беллерофонту, пострадавший из-за ложного навета женщины; Эдип, убивший отца и женившийся на матери; пророк Тиресий, не в угоду Юноне рассудивший спор ее с Юпитером о мужском и женском наслаждении от любви; Финей, разгласивший божественные тайны, а потом помогший ладье Арга пройти через Симплегады; Полимнестор, которого обещанием золота завлекла и ослепила сиряя Гекуба, мстя за погубленного сына Полидора; этнейский (сицилийский) циклоп Полифем, ослепленный Одиссеем (по пророчеству *Телема* — «Одиссея», IX, 507—512); певец-феакиец *Демодок* и состязавшийся с Музами *Фамир*; *Финеиды* были ослеплены Финеем опять-таки по навету их мачехи.
- 273 *Уран* был низвергнут и осклопен сыном своим Кроном (Сатурном).
- 275—278 Перечисляются утонувший Кеик, муж Алкионы, превращенной в зимородка, брат Дедалона, превращенного в ястреба («Метаморфозы», XI); и едва не утонувший Улисс, спасенный сестрой Семелы — морской богиней Левкофеей-Ино («Одиссея», V).
- 279 *...кони тебя... четвертуют...* — Меттий Фуфетий, за измену был разорван конями, см. прим. к С. I, 3, 75.

- 281 ...*тот, что в плену у пунийцев*...— римский полководец Регул, пленник карфагенян, в I Пуническую войну замученный ими за отказ посредничать в заключении мира.
- 283 *троянец* — царь Приам, убитый Пирром-Неоптолемом у алтаря Зевса.
- 284 *Ретей* — мыс близ Трои.
- 285—288 *фессалиец* — «Ион, сын Прета», *Еврилох* — «сын названного Иона» (по словам античных комментаторов к «Ибису»); ближе неизвестны.
- 289 *Минос*, преследовавший Дедала, погиб в Сицилии в горячей бане, устроенной ему дочерьми царя Коккала.
- 293 *Эхекратид* — 15-й потомок Геракла, ближе неизвестен.
- 295—300 Герои эллинистической истории: Филипп Македонский (*Аминтиад*), убитый пажом, которого он обесчестил; Александр Македонский (считавший себя сыном Зевса-Аммона), будто бы отравленный водой из источника, в котором пробылся из-под земли загробный Стикс; *Ахей*, наместник Антиоха Великого в Сардах (*над влатоструйной рекой* — золотоносным Пактолом), распятый за измену.
- 301—310 Пирр Эпирский (*тот, кто именовался горд Ахиллова рода*) погиб в уличном бою в Аргосе от удара черепицей с крыши. Он был потомком и соименником Пирра-Неоптолема, сына Ахилла. Желая отомстить за смерть отца, этот Пирр бросил вызов Аполлону и за это погиб, а прах его был разметан по его царству. *Эакидова дочь* — дочь (или внучка?) Пирра Эпирского Лаодамия, погибла во время междоусобных войн в Эпире, убитая в храме *Цереры* (или Дианы?); *внук его*, Пирр Младший, был отравлен своей матерью Олимпиадой. *Эакидами* род Пирра назывался по Эаку (см. прим. к ст. 188), деду Ахилла. К той же эллинистической эпохе принадлежит *Левкон*, боспорский царь III в. до н. э., который убил своего брата Спартака, чтобы овладеть его женой, но сам был ею убит (сомнительное объяснение античного комментатора).
- 311—316 Герои ближневосточной истории: *Сарданапал*, легендарный ассирийский царь, осаждаемый врагами, съел себя вместе со 150 женами и наложницами; войны Камбиса персидского, посланные захватить оазис Аммона (*ливийского Зевса*), погибли при переходе через пустыню в 525 г. до н. э.; *Дарий Ох*, персидский царь (423—404 г. до н. э.), убедил восставших против него мятежников сдаться, поклявшись не казнить их «ни мечом, ни отравой, ни голодом», но казнил злейшею казнью, засыпав их пеплом.
- 317—328 Тираны греческих городов: лучше других известны Гермия *Атарнейский* из Малой Азии, покровитель Аристотеля, казненный за попытку отпасть от персидского царя, и Александр *Ферейский* из Фессалии, убитый в 339 г. до н. э. братьями своей жены Фивы, которым та открыла, что он их собирает казнить; менее известны низложенный сикионский тиран (античный комментатор называет его Никоклом), фессалийский *Алев* (из рода Алевадов, правители *Ларисы*), *Милон* из элидской *Писы* над тайными водами реки Алфея, временами скрывающейся под землю, и *филесийский Адиамант*, самое имя которого в рукописях испорчено.
- 329 *амастрийский Ленея* — Ленея — одно из имен Диониса; Дионисом называл себя знаменитый Митридат Понтийский (Амастрида — город в Понте), погибший в 63 г. до н. э. в Боспоре, где (как и в других северных причерноморских поселениях) был распространен культ Ахилла. Так толкует это загадочное место Эллис.
- 331—338 Привязанные для поругания к колесницам: в подражание расправе Ахилла с Гектором так в IV в. до н. э. в фессалийской Ларисе был наказан *Евридамант*, убийца *Фрасилла* (эту историю упоминал Каллимах — может быть, в своем «Ибисе»), а *Гиппомен*, потомок легендарного афинского (*эрехтейского*) царя Кодра, наказал так любовника, застигнутого с его дочерью.
- 340—341 *под евбейской скалой* погиб в бурю флот греков, возвращавшихся из-под Тоои: спасшийся было из волн Аянт, сын Онлея (*насильник*), оторвавший пленную Кассандру от алтаря Афины и тем оскорбивший богиню), все равно был поражен молнией Юпитера.
- 343—348 *Безумные: телом израненным был ране подобен сплошной* — Марсий, в помрачении ума дерзнувший состязаться с Аполлоном, — за это с него была содрана кожа: фракийский (*родопский*) царь Ликург (*Дриантид*), за свое сопротивление Дионису сам себе в безумии отрубивший ногу; Афамаант, муж Ино, дочери Кады и Гармонии,

- обращенных в змея; Геркулес, который сам себя сжег на *Этейской вершине*; матеревбийцы *Орест (отец Тисамена)* и *Алкмеон (супруг Каллирои)*.
- 349—356 Пострадавшие от жен: *Диомед*, сын *Тидея*, ранивший под Троей Афродиту, которая за это наслала на жену его Эгиалу блудную страсть ко множеству любовников; *Арсиноя*, жена Птолемея Керавна (конец IV в. до н. э.), при живом муже вышедшая за его брата Птолемея II Филадельфа (еще раньше того, осажденная Селевком в Эфесе, она спаслась, выдав ему вместо себя служанку, одетую в царские одежды); *Тиндарей* — отец Елены и мужевбийцы *Клитемнестры*, *Талай* — отец *Эрифилы*, пославшей своего мужа Амфиарая в гибельный поход семерых против Фив; *Белиды* — *Данаиды* (см. прим. к ст. 175), убившие своих мужей Египтиадов, внуков общего с ними деда Бела.
- 357—360 Пострадавшие от кровосмесительниц: о *Библиде*, мучившейся любовью к своему брату *Кавну*, *Овидий* писал в «*Метаморфозах*» (IX), о *Канаке (Золиде)*, любившей своего брата *Макарея*, — в «*Героидах*» (XI); *Пелопея*, дочь *Фиеста* и мать *Эгисфа*, *Никтимена*, дочь лесбосского царя *Эпопея*, и *Мирра*, дочь кипрского царя *Кинира* («*Метаморфозы*», X), были в любовной связи со своими отцами.
- 361—364 Отцы, погубленные дочерьми ради любовников: царя телебоев *Птерелая* его дочь *Комета* выдала *Амфитриону*, царя *Мегары Ниса* его дочь *Скилла* выдала *Миносу* («*Метаморфозы*», VIII), *колесницей попра*ла *Сервия Туллия* его дочь, чтобы передать власть своему мужу, последнему римскому царю *Тарквинию Гордому* (место, где это произошло, сохранило название «*Проклятого переулка*» — см. «*Фасты*», VI, 587—610).
- 365—372 Погибшие в состязаниях за женщин: за *Гипподамию*, чьи женихи должны были состязаться на колесницах с отцом ее *Эномаем (женихов неустанным гонителем)*, пока его не погубил по наущению *Пелопа* колесничий *Миртил*; и за *Аталанту*, *быстроногую деву*, чьи женихи состязались с ней в беге и не могли ее догнать, пока *Гиппомен* не задержал ее на бегу брошенным яблоком («*Метаморфозы*», X).
- 373—384 Принесенные в жертву: афинские юноши в лабиринте *Минотавра*, троянские пленники, казненные *Ахиллом (Эакидом)* над могилой *Патрокла* («*Илиада*», XXIII, 175), прохожие, не умевшие разгадать загадок *Сфинкс* (по-гречески — это существо женского пола и имя женского рода), жертвы коней-людоедов *фракийского Диомеда*, убитого *Гераклом*, и львов-людоедов *ливийского Феродаманта* (в П. I, 2, 119 он назван *Феромедонтом*), пришельцы, приносимые в жертву *Диане Фоантом* *Таврическим* (ср. П. III, 2). В храме *Минервы* в италийском (а не одноименном *бистонском*, т. е. *фракийском*) *Сирисе* при взятии города *метапонтянами* (в VI в. до н. э.) были перебиты пятьдесят юношей, отчего будто бы сама статуя богини то ли закрыла глаза, то ли отвратила взор.
- 385—392 Персонажи *Одиссеева цикла*: итакийцы (*Дулихия* — остров близ Итаки), погибшие от *Полифема* («*Одиссея*», IX), *лестригонов* («*Одиссея*», X), *Скиллы* и *Харибды* («*Одиссея*», XII); женихи *Пенелопы (Икариды)*, помогавшие им служанки и раб *Меланфий* («*Одиссея*», XXII).
- 389 *пунический вождь* — *Ганнибал*, расправившийся с сенаторами *кампанской Ацерры*.
- 393—404 *Африканский цикл*, переходящий в *Гераклов цикл* (с перебивкой о *лемносских* мужчинах, убитых своими женами при царице *Гипсипиле*): *Антей* и его брат *Бусирид* (ср. С. III, 11, 39), убитые *Гераклом* (*аонийским*, т. е. *беотийским, бордом*); *Фрасий*, подсказавший *Бусириду* мысль о человеческих жертвоприношениях против *бездождья* (тот, кто, подав *недобрый совет властелину...*) и сам павший первой жертвой; *Диомед Фракийский* (тот *нечестивец*, который *коням... мясо людское давал*), уже упоминавшийся в ст. 381—382, и два *кентавра*, убитых *Гераклом*, — *Евртион*, жених *Деяниры (зять Дексамена)* и *Несс*, ее похититель.
- 405—412 *Тесеев цикл*: злодей, убитые героем на пути из *Трезена* в *Афины*, — *Перифет* (сын *Вулкана, правнук Сатурна*) в *Эпидавре*, священном городе *Эскулапа*, сына *Аполлона* и *Корониды*; *Синид* и *Питнокампт* («*сосногибатель*» — два имени одного и того же лица) в *Коринфе (двуморье)*; *Скирон* в *Мегариде*; *Керкион* близ *Элевсина*, священного города *Цереры*; *Прокруст* (сын *Поллемеона*) близ *Афин*; к этому же перечню примыкает *критский Минотавр (получеловек)*.

- 415—424 Обездоленные: *Ахменид*, спутник Одиссея, брошенный в Сицилии и подобраный Энеем («Метаморфозы», XIV); *Ир-Арней*, нищий, побитый Одиссеем («Одиссея», XVIII). *Мосты* в Риме были обычным местом, где собирались нищие. *Сын Цереры* — *Плутос*, бог богатства.
- 425—436 Голодные и людоеды: *родитель Эрисихтон*, продававший свою дочь *Местру* в облике различных животных, чтобы утолить свой отчаянный голод («Метаморфозы», VIII); *Тидей*, в битве семерых под Фивами вгрызшийся в череп убитого им *Менаиппа*; *Фистов пир*, от которого отвратило глаза Солнце (см. прим. к С. II, 383—408); сыновья *Ликаона* пытали всеведенье богов, поднося им человеческое мясо, то же делал и *Тантал*, убив для них своего сына *Пелопа* (*Танталида*); *Климен* (*Телеид*) изнасиловал дочь, и она отомстила, накормив его мясом рожденного от него сына. К этому перечню жертв примыкает *изрубленный* *Медеею* *Абсирт* (см. С. III, 9).
- 437—442 Изжаренные и сваренные: жертвы *Фаларида* (а за ними и сам *Фаларид*), погибшие в медном быке, построенном *Периллом* (см. С. III, 11), и *Пелий* (чьа дочь *Алкестида* была женою *Адмета*), погубленный *Пелиадами* и коварством *Меден* («Метаморфозы», VII).
- 443—446 Ушедшие под землю и вышедшие из-под земли: *Курций*, добровольно бросившийся в пропасть, разверзшуюся на римском *Форуме* в том месте, которое потом называлось *Курциевым колодезем* (*Ливий*, VII, 6), и воины, выросшие из зубов дракона, посеянных *тирским* *пришельцем* *Кадмом*, и перебившие друг друга из-за брошенного *Кадмом* камня («Метаморфозы», III).
- 447—450 Подпавшие под проклятия: *Пенфид* и *брат Медузы* ближе неизвестны (текст сомнителен), *пернатая тварь* — *Ибис*, герой стихотворения *Каллимаха*, послужившего образцом *Овидию*; птица эта будто бы сама себя очищает клювом от нечистот.
- 451—458 Пострадавшие от ножа: какой-то герой, жертвы которому приносились без помощи ножа (*Менедем*, погибший под *Троей* и почитавшийся на *Крите*?), и галлы, оскопленные служителями фригийской *Кибелы* — *Великой Матери*; *Атгис*, один из них, был любимцем *Кибелы*.
- 458 По ассоциации с *Кибелой* упоминаются *Гиппомен* (*победитель-бегун*, ср. выше, ст. 371—372) и *Аталанта*, в любовном безумии соединившиеся в храме и за это обращенные в львов, священных животных *Кибелы* («Метаморфозы», X); а затем — их дочь *Лимона*, за прелюбодейные отданная на растерзание коням.
- 461 Среди тиранов *Кассандрии* самым жестоким считался *Аполлодор*, упоминаемый *Поллибием* рядом с *Фаларидом* (ср. II, 9, 43).
- 463—464 Брошенные в море в ларце: *Персей* (*внук Абаянта*) и *Тенед*, сын *Кикна*, по имени которого остров *Лирнесс* стал называться *Тенедосом*.
- 465—468 Принесенные в жертву: *Феодотом* здесь назван человек, которого вышеназванный *Аполлодор* и его товарищи по заговору убили и пили его кровь, чтобы скрепить взаимную верность; о побояниях преступников камнями в *Абдере* (во *Фракии*) более ничего не известно.
- 469—476 Пораженные молнией: *Капаней*, сын *Гиппоноя* (за богохульство в битве семерых под *Фивами*), *Эскулап*, отец *Дексионы* (за то, что посмел вернуть жизнь мертвому — по некоторым версиям, тому же *Капанею*); *Семела*, *сестра Автоноя* (из-за собственной неразумной просьбы к *Юпитеру*, ее любовнику); *Иасион*, *племянник Майи*, матери *Меркурия* (за попытку овладеть *Церерой*); *Фазтон* (за *неумелую езду на конях Солнца* — «Метаморфозы», II); *Салмоней-Эолид* (за то, что он подражал видом и поведением *Юпитеру*); *Ликаон* (*кровавый сородич той, что в ночных небесах незаходяще блестит*), отец *Каллисто* — *Большой Медведицы* (за грех его сыновей, см. прим. к ст. 425—436); *Макело*, *царевна* из колдовского племени *тельхинов*, уничтоженного *Юпитером*.
- 477—480 Погибшие от собак: *Фас*, жрец *делосского* *Аполлона*; *Актеон*, обращенный *Дианою* в оленя («Метаморфозы», III); *Лин*, сын *Аполлона* и *Псамафы*, дочери *Кроtopия*.
- 481—484 Погибшие от змей: *Евридика*, жена *Орфея* (сына *Загра*); *Архемор-Офельт*, *младенец*, вскормленный *Гипсипилой*; *Лаокоон* (*тот, кто ударил копьем в полое чрево коня*), заподозривший беду в *троянском коне*.

- 485—500 Разбившиеся, упав с высоты: *Эльпенор*, спутник Улисса у Цирцеи, свалившийся с крыши во сне; *Лихас*, принесший Гераклу плащ, окрашенный ядовитой *Нессовой кровью*, и за это сброшенный им со скалы; философ *Клеомброт* Амбраккийский (конец IV в. до н. э.), покончивший жизнь самоубийством, прочитав в «Федоне» Платона про смерть *Сократа* (эпиграмму об этом написал *Каллимах* — AP, VII, 471); *Эгей*, бросившийся в море при виде черного *паруса* над ладьей *Тесея*; *Астианакт*, сын *Гектора*, сброшенный *Пирром* с *пергамской стены*; *Ино*, которую *Юнона* наказала безумием за то, что она вскормила *Вакха*, сына своей испепеленной сестры *Семелы*, и которая бросилась в море; изобретатель *пилы* *Тал*, племянник *Дедала*. из зависти сброшенный им со стены; миф о *линдской деве*, оскорбившей угощавшегося *Геракла*, мало известен.
- 487—490 По ассоциации с *Гераклом* упомянуты еще две его жертвы: *Фиодамант*, царь *дрипов*, отказавший ему в пище, и *Как*, похититель его быков («Энеида», VIII).
- 501—508 Погибшие от диких зверей: *Фалек*, убивший львенка и растерзанный львицей-матерью; *Адонис* (сын *дерева*, в которое обратилась мать его *Мирра*), — «Метаморфозы», X), *Идмон* (предказатель, сопровождавший аргонавтов и провидевший собственную смерть) и *Анкей* (*Ликургид*), тоже аргонавт, был убиты кабанами; *ловчий муж* — *Фоант* или *Фоон* из *Посидонии*, на которого во время отдыха упала голова кабана, посвященная им *Артемиде*.
- 507—508 *Ловец* из *фригийского Берекинфа*, раздавленный сосной, носил имя *Аттис* и часто смешивался с *Аттисом*, любимцем *Кибелы* (см. выше, ст. 451—456).
- 509—510 На *минойском Крите* предавали смерти всех *пришельцев* из *Коркиры*, чьи жители отбили когда-то у критян прах царя *Миноса*, убитого в *Сицилии* (ср. прим. к ст. 288).
- 511—512 *звездный близнец* *Поллукс*, воспетый поэтом *Симонидом* (V в. до н. э.) (*Леопропидом*), обрушил дом над обидевшим поэта *Скопадом* из рода *Алевадов* (в передаче этого предания *Овидий* не совсем точен).
- 513 По имени *Тиберица* латинская река *Альбула* стала называться *Тибром* («Метаморфозы», XIV, 614), имя *Эвена* получила этолийская река *Ликорм*.
- 515 *Астакид* — *Меналипп*, поверженный *Тидеем* (см. прим. к ст. 425—436).
- 517 *Бротей* («Смертный») — сын *Тантала*, герой малоизвестного мифа; впрочем, чтение стиха ненадежно.
- 519—532 Погибшие злою смертью писатели: *летописец* *Александра* *Македонского* *Каллисфен* (IV в. до н. э.); открыватель *ямба* *Архилох* (VII в. до н. э.); неизвестный хулигатель *Афин* (*Гиппонакт*? *Диагор*?); неизвестный лирик с *раненой рукой* (*Тимокреонт*?); аттический комедиограф (V в.) *Евполид* (ср. эпиграмму — AP, VII, 298); *александрийский драматург* *Ликофрон* (III в. до н. э.). Предания, на которые намекает *Овидий*, по большей части неизвестны.
- 527 *Агамемнонов сын* — *Орест* (малоизвестный аркадский миф о его смерти).
- 533—538 *Растерзанные и изувеченные*: *Пенфей*, внук обращенного в *змею* *Кадма*. наказанный за сопротивление *Дионису*; *Дирка*, жена *Посидонова* внука *Лика*, наказанная *Зетом* и *Амфионом* за попытку казнить их мать *Антиопу*; *Филомела*, *сестра* *Прокны*, обещанная и изувеченная ее мужем *Тереєм*.
- 539—540 О *Кинире* и *Мирре* см. прим. к ст. 357—360. Перевод по рукописному тексту в первоначальном восстановлении *Эллиса*.
- 541 *ахейский певец* — лицо загадочное.
- 543 ...имевший женой своей *Пирру*... — имеется в виду *Прометей*, женатый на *Пирре*, дочери его брата *Эпиметея*.
- 545 ...*Гарпагово чадо* на... *Фиестовом пире*... — рассказ о том, как *мидийский царь* *Астиаг* накормил *Гарпага* мясом его детей за то, что он спас от смерти будущего царя *Кира*, излагается у *Геродота* (I, 117—119).
- 548 *Мамерт* или *Мамерк* — *тиран* *Катаны* в *Сицилии* (IV в. до н. э.), низвергнутый и казненный «так, как казнили пиратов».
- 550 *сиракузский поэт* — может быть, *Филоксен*, придворный лирик *Дионисия Старшего*?
- 552 *фрилийский сатиρ* — *Марсий* (см. прим. к ст. 343—348).
- 554 *эпиопская толпа* в главе с *Финеем* пыталась отбить у *Персея* *Андромеду* («Метаморфозы», V).

- 555—558 Три *Главка*: потнический (из Потний в Беотии), сын Сизифа, кормивший своих боевых коней мясом врагов и сам съеденный ими; анфедонский рыбак (соплеменник его), отведавший волшебной травы и бросившийся в море, где стал морским божеством; критский (кносский), сын Миноса, мальчик, утонувший в бочке меда и возвращенный к жизни Полидом.
- 560 *старец* — Сократ, привлеченный к суду *Анитом* и по приговору выпивший яд.
- 561 *отпрыск Креонта* — Гемон, жених погубленной Креонтом Антигоны.
- 562 О *Макарее* см. прим. к ст. 357—360.
- 565 охотник — Адонис, сын Киниры и Мирры, убитый кабаном.
- 568 *Икариев зять* — Улисс, муж Пенелопы, погибший от копья, заостренного иглою рыбы тригона, в схватке со своим неузнанным сыном Телегоном.
- 569 *кленовый конь* — троянский конь, в котором один из воинов, Антикл, хотел было отозваться на голос окликающей Елены, но Улисс зажал ему рот («Одиссея», IV, 285—289).
- 571 *Анаксарх* — философ, спутник Александра Великого, забитый пестами в ступе по приказу Никокреонта Кипрского.
- 574 и 576 Кротопий, *отец Псамафы*, любовницы Аполлона (ср. прим. к стр. 480), наказал свою дочь за эту любовь и сам за то был наказан Аполлоном: на Аргос обрушилась Кара, похищая младенцев у матерей, пока ее не умилоstinил *Короб*, поставив ей храм.
- 579 *опекатель питомца* (Полидора) — Полиместор; ср. ст. 267—268.
- 581—586 *Дамасихтон* — один из 14 детей Ниобы, погибший от стрел Аполлона и Дианы и оплаканный отцом их Амфионом (*песнопевец фиванский*); Ниоба (*сестра Лелопа*) после этого окаменела («Метаморфозы», VI); по сходству с этой казнью Овидий вспоминает пастуха *Батта*, выдавшего когда-то Меркурия, похитителя Аполлоновых коров («Метаморфозы», II, 680—707).
- 588 *Эбалид* — Гиакинф, погибший от диска Аполлона.
- 589—594 *Потопленные*: Леандр, утонувший в Геллеспонте на пути к *абидосской Геро*; *комедийный поэт* (Евполид? Менандр? Теренций?), погибший во время плавания; *Палинур*, кормчий Энея, упавший в море и убитый на берегу («Энеида», VI, 355).
- 595—600 *Поэты*: Еврипид, будто бы растерзанный македонскими собаками (посвященными *Диане*), и Эмпедокл (*Тринакрия*, *Сикания* — Сицилия), бросившийся в горящую Этну; заодно упомянут *Орфей*, во Фракии (*на гебрских берегах*) растерзанный вакханками.
- 601—606 *Сгоревшие* внутренним огнем: Мелеагр (*калidonский охотник*), жизнь которого сгорела вместе с волшебной головней; *коринфская (эфирейская) Креуса*, *молодая супруга Ясона*, которой Медея прислала горячий свадебный убор — *фасианский венец* (Фасис — река в Колхиде); *Геркулес*, погибший от плаща, пропитанного ядовитой кровью Несса.
- 607 *Пенфилеса Ликург* — лицо неизвестное.
- 609 *Милон Кротонский* — знаменитый атлет; попытался разломить треснувшее дерево, застрял в нем руками и погиб от хищных зверей.
- 611—614 *Икарый*, *чтитель Вахха*, учивший людей виноделнию, погиб от их же рук, а дочь его Эригона покончила с собой над его могилой и была обращена в виноградную лозу.
- 615—616 *Замурован* был в *храме* и погиб от голода спартанский царь-изменник Павсаний (V в. до н. э.), осужденный собственной матерью.
- 617—618 *кумир Минервы* (Палладий) похитил в Трое Улисс, когда-то открывший грекам путь из *Авлиды* в Трою, привезя в Авлиду Ифигению, предназначенную в жертву.
- 620 *Навлиад* — Паламед, умнейший из греков под Троей, из зависти погубленный Улиссом.
- 621—622 *Как у Исиды в дому...* — миф, на который намекает Овидий, неясен. *Исида* и греческая *Ио* (*Инахова дочь*) отождествлялись очень часто.
- 623—624 *от оружий Меланфа* (Меланфий, см. прим. к ст. 392) скрывался под видом нищего Улисс, но был опознан кормилицею (*матерью* — неточность Овидия) Евриклеи.

- 627—632 Погибшие ночью: фригиец Долон и фракиец *Рес*, чья смерть под Троей от рук Диомеда и Улисса описана в «Илиаде» (X), и Нис (*Гиртакид*) с Евриалом, ночью напавшие на лагерь *царя-вещуна* Рамнета («Энеида», IX).
- 633 *Клинеев сын* — Алкивиад, афинский полководец (V в. до н. э.), на чужбине будто бы сожженный заживо в доме, в котором он жил.
- 635 *древний близнец* — Рем, убитый Ромулом за то, что он перескочил через возводимую стену Рима.
- 644 *воинственные столы* — ямбы (см. прим. к ст. 45—46 и 53—54).

Наука рыболовства

От этой поэмы, начатой Овидием в ссылке, сохранился лишь отрывок без начала и конца, с сильно испорченным текстом; многие ученые XIX в. отказывались признать его овидиевским, и до сих пор этот взгляд имеет сторонников, хотя и немногочисленных. В рукописях отрывок озаглавлен «О рыбах и зверях»; овидиевское заглавие восстанавливается по упоминанию Плиния Старшего (XXXII, 2, 11). Названия рыб, приводимые Овидием, не всегда поддаются недвусмысленному отождествлению; перевод следовал толкованиям, предложенным в статье: Г. Шмид. *Exegetica* — Рыбы в стихотворении *Halieutica* Овидия. — Журнал Министерства народного просвещения, 1906, № 9, с. 403—444.

- 1 Начальный стих дополнен по Фольмеру; прежние издатели начинали: «Принял мир закон, даровал оружие любому...».
- 9 *зубан* (скар) — одна из любимых рыб у римских гастрономов, отсюда — внимание, уделяемое ей и Овидием, и Плинием Старшим, и Оппианом, автором греческой «Науки рыболовства», тоже в стихах.
- 10, 18 Испорченные стихи восстановлены по Фольмеру.
- 25 Лакуна восполняется по параллельному описанию Плиния Старшего.
- 27 *морской угорь* (мурена) водится в Средиземном море и специально разводился гастрономами, но в Черном море отсутствует.
- 33 *...кожею цвет принимаемая...* — переменчивость окраски осьминога вошла у греков в словицу еще во времена Феогнида (VI в. до н. э.).
- 45а Лакуна восполняется по Плинию.
- 58 *...из луканской... берлоги...* — Лукания — область в Южной Италии; о ее медведях больше нигде не упоминается.
- 85 Текст сомнителен; возможен перевод: «Лучше всего ты на средних местах уду свою пустишь...».
- 96 *стерлядь* водилась в реках Черноморско-каспийского бассейна и в малосолёных участках этих морей, а в Средиземном море была неизвестна.
- 98 *Тунец* (*робкий*) — как обычная добыча акул), наоборот, был самой распространенной промысловой рыбой у средиземноморских рыбаков, а в Черном море редок.
- 100 *рыба-вожак* (лоцман) в Черном море неизвестна.
- 103 *пращна-дракон* — рыба с ядовитой слизью в спинных шипах.
- 104 *многоколючник* (исполинский окунь) в Черном море неизвестен, *багряник* (тоже вид окуня) известен лишь у южных его берегов.
- 107 О гермафродитизме *писаного окуня* писал еще Аристотель («История животных», IV, 11, 123, VI, 13, 74).
- 109 *солнечник*, как и остальные здесь перечисляемые рыбы, — глубоководная, а не подкаменная рыба — Овидий противоречит себе.
- 111 *златобрюшка* (дорада) с золотой полоской между глаз — напротив, прибрежная рыба; в Черном море неизвестна.
- 116 *морской ерш* (морской скорпион) с ядовитой слизью в плавниках — частая рыба в Черном море.
- 117 *морская иена* (мокой) — средиземноморская рыба (береговая, а не глубоководная), на летнее время уплывающая в Атлантику.
- 119 *...губан, что умеет один пережевывать жвачку...* — губан назван «жвачным» как травоядная рыба.

- 120 *ламир* — рыба неотожествленная.
 121 *ильник*, живущий в грязи и дурно пахнущий, с осуждением упоминался еще в стихах Эпихарма (V в. до н. э.).
 123 *барбун* (мулл, султанка) — деликатес римских гастрономов; его подавали к столу в морской воде, чтобы он, умирая, переливался оттенками красного цвета на глазах у пирующих.
 124 *косорот* — разновидность камбалы; беда у него нижняя, слепая сторона тела.
 127—128 Стихи пропущены в рукописи.
 130 *колбень* — рыба «с ядом, но не смертельным» (Элиан. О природе животных, II, 59).
 132 *рыба-свинья* неотожествнима; *карида* — быть может, рак-кузнечик.
 133 *водяной осел* — так у римлян назывался мерлан, ценившийся за вкус и поэтому не ослиного звания достойный.
 134 *северюга* попадала в Черное море из рек и в Средиземном море известна не была.

Орешник

Стихотворение приписывается Овидию в некоторых рукописях, но большинство филологов считает его произведением неизвестного поэта-подражателя, приписанным Овидию на основании темы (ссылный поэт под ударами судьбы подобен плодоносному дереву под камнями добытчиков). Тема эта в античной поэзии традиционна; скорее всего, стихотворение представляет собой риторическое распространение эпиграммы, приписываемой Платону (АР, IX, 3, пер. О. Румера):

Горькая выпала мне, придорожной орешине, доля:
 Быть мишенью для всех мимо бегущих детей.
 Сучья мои и цветущие ветки поломаны градом
 Вечно летящих в меня метко разящих камней.
 Дереву быть плодоносным опасно. Себе я на горе
 В дерзкой гордыне своей вздумала плод понести.

- 1 *орешина* — все деревья в античном сознании представлялись как женщины, и названия их были женского рода.
 11—12 *оливы* были посвящены *Минерве*, виноград — *Либеру-Вакху*.
 26 ...как *Клитемнестра права в жалобах...* — Клитемнестра жалеет, что родила Ореста, который ее убьет.
 75—86 Перечисляются игры в орехи: 1—2) сбивание одним орехом других; 3) чет и нечет; 4) орехи размещаются внутри вычерченной треугольной фигуры, и играющий прокатывает между ними свой орех так, чтобы он прокатился как можно дальше, но из фигуры не выкатился; 5) метание в цель.
 109 *Полидор* — сын Приама, из корысти погубленный Полимнестором; ср. прим. к «Ибису», 259—272.
 111 Имеются в виду золотые яблоки *Гесперид*, добытые Гераклом.
 118 *Икаров пс* — Сириус, с восходом которого начиналось время летнего зноя; он считался вознесенным на небо псом афинского Икаррия, о котором см. прим. к «Ибису», 611—614.
 165 ...*бобер, опасной лишив себя части...* — о бобрах, из чьих тестикул добывалась «бобровая струя», служившая благовонием и лекарством, рассказывали, будто они, спасаясь от преследования, откусывают себе тестикулы и оставляют их охотникам.

Притиранья для лица

(ок. 1 г. до н. э.)

В «Науке любви» (III, 205—206) Овидий пишет: «Есть у меня о средствах для лиц особая книга — хоть небольшая, она стоила многих трудов...». Это указывает, что «Притиранья для лица» были написаны не позднее завершения «Науки любви», т. е. 1 г. н. э.

Художественный интерес такой темы для автора был тот же, что и в позднейшей «Науке рыболовства», — переложить в стихи как можно менее поэтический материал, воспользовавшись этим для игры в перифразы и т. п. От поэмы сохранилось только 100 строк в сильно испорченном тексте. Римские меры веса, которыми пользуется Овидий: фунт (327,5 г) делится на 12 унций (27,3 г), унция — на 24 скрупула (1,14 г).

- 10 ...из тирских котлов.— Тир в Финикии славился пурпурными красками для тканей.
- 11 Татий — древний сабинский царь, союзник Ромула; о сабинянках его времени Овидий сходно пишет в «Любовных элегиях» (I, 8, 39).
- 33 павлин был птицей, посвященной Юноне.
- 38 яд... от кобыл — яд из выделений кобыл в период случки упоминается в качестве зелья и Вергилием («Георгики», III, 280—284). О других приворотных зельях Овидий говорит с таким же осуждением в «Науке любви» (II, 99—102).
- 41 ...в темесскую медь... — в медные сосуды (в Темесе, в Южной Италии, находились медные рудники) ударяли колдуны, «сводя с неба» Луну-Гекату; ср. «Метаморфозы», VII, 207.
- 51 Перевод по чтению поздних рукописей.
- 65 камедь — перевод по рукописному чтению.
- 69—70 Текст испорчен, перевод по чтению Гейнзия; волчан (лупин) — обычный в Риме корм для скота.
- 77 плаксивые птицы — зимородки; миф об Алкионе-зимородке, оплакивающей Кеика, рассказан в «Метаморфозах» (XI).
- 94 Аммонова соль (из Аммонова оазиса в Ливии) упоминается и Плинием Старшим (XXXI, 78).

СОДЕРЖАНИЕ

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга I

1. Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток
Перевод С. Шервинского 5
2. Боги морей и небес! Что осталось мне, кроме молений
Перевод С. Шервинского 8
3. Только представляю себе той ночи печальнейший образ
Перевод С. Шервинского 10
4. Кануть готов в океан эриманфской Медведицы сторож
Перевод С. Шервинского 12
5. Ты, кто меж прочих друзей не бывал мною назван не первым
Перевод С. Шервинского 13
6. Так горячо не чтил Антимах из Клароса Лиду
Перевод Н. Вольпин 15
7. Если лица моего ты сберег на память подобье
Перевод Н. Вольпин 16
8. Вспять от морей к истокам своим глубокие хлынут
Перевод Н. Вольпин 17
9. Жизнь пожелаю тебе пройти до меты без горя
Перевод Н. Вольпин 18
10. Пусть охранит мой корабль приязнь белокурой Минервы
Перевод С. Шервинского 19
11. Все до последней строки, что прочтешь ты в книжечке этой
Перевод Н. Вольпин 21

Книга II

- Элегия единственная
Перевод Э. Морозкиной 22

Книга III

1. В город вхожу я тайком, изгнанника робкая книга <i>Перевод Н. Вольпин</i>	34
2. Стало быть, рок мне судил и Скифию тоже увидеть <i>Перевод С. Шервинского</i>	36
3. Может быть, ты удивисься тому, что чужою рукою <i>Перевод С. Шервинского</i>	37
4. Ты, кем и прежде я дорожил, чья давняя дружба <i>Перевод Н. Вольпин</i>	39
5. Дружба у нас не была настолько тесной, что если б <i>Перевод С. Ошерова</i>	41
6. Дружбы нашей союз и не хочешь ты скрыть, дорогой мой <i>Перевод С. Ошерова</i>	42
7. В путь! Передайте привет, торопливые строки, Перилле <i>Перевод С. Шервинского</i>	43
8. О, как я бы хотел в колесницу ступить Триптолема <i>Перевод М. Гаспарова</i>	44
9. Да, здесь есть города с населением — кто бы поверил <i>Перевод С. Шервинского</i>	45
10. Ежели кто-нибудь там об изгнаннике помнит Назоне <i>Перевод С. Шервинского</i>	46
11. Ты, что поносишь меня в моих злоключениях, бес- честный <i>Перевод С. Шервинского</i>	48
12. Уж холода умеряет зефир — значит, год завершился <i>Перевод С. Шервинского</i>	49
13. Самый безрадостный день (к чему на свет появился!) <i>Перевод С. Шервинского</i>	51
14. Первосвященник наук, ученых мужей покровитель <i>Перевод Н. Вольпин</i>	51

Книга IV

1. Если погрешности есть — да и будут — в моих сочи- нениях <i>Перевод С. Шервинского</i>	53
2. Верно, Германия, край злополучный для Цезарей наших <i>Перевод С. Ошерова</i>	55
3. Малый зверь и большой, из которых один направляет <i>Перевод С. Ошерова</i>	57
4. Ты, кто одним родовит поименным перечнем предков <i>Перевод С. Ошерова</i>	59
5. Первый мой друг меж любимых друзей, кто единствен- ный был мне <i>Перевод С. Ошерова</i>	61

6. Время склоняет волов с изнуряющим плугом смириться <i>Перевод А. Парина</i>	61
7. Дважды ко мне после зим ледяных приблизилось солнце <i>Перевод С. Ошерова</i>	63
8. Стали виски у меня лебединым перьям подобны <i>Перевод С. Ошерова</i>	63
9. Если допустишь ты сам, если можно, имя я скрою <i>Перевод С. Ошерова</i>	64
10. Тот я, кто некогда был любви певцом шаловливым <i>Перевод С. Ошерова</i>	65

Книга V

1. С гетского берега я посылаю еще одну книжку <i>Перевод С. Ошерова</i>	68
2. Все ли еще, когда с Понта письмо принесут, ты бледнеешь <i>Перевод С. Ошерова</i>	70
3. Нынче тот день, когда (если в днях я со счета не сбился) <i>Перевод С. Ошерова</i>	72
4. Я, Назона письмо, с берегов явилось Евксинских <i>Перевод С. Ошерова</i>	73
5. День рожденья моей госпожи привычного дара <i>Перевод С. Шервинского</i>	74
6. Значит и ты, кто раньше моей был в мире надеждой <i>Перевод С. Ошерова</i>	76
7. Перед тобою письмо, из мест пришедшее дальних <i>Перевод С. Шервинского</i>	77
8. Я не настолько пал и поверженный, чтоб оказаться <i>Перевод С. Шервинского</i>	78
9. Если бы ты допустил, чтобы имя твое я поставил <i>Перевод С. Ошерова</i>	79
10. Трижды на Истре был лед с тех пор, как живу я у Понта <i>Перевод С. Шервинского</i>	80
11. Сегует горько твое письмо на то, что кто-то, с тобою <i>Перевод С. Ошерова</i>	81
12. Ты советуешь мне развеять печаль стихотворством <i>Перевод А. Парина</i>	82
13. С гетских Назон берегов тебе желает здоровья <i>Перевод С. Шервинского</i>	84
14. Ты, жена моя, ты, кто меня самого мне дороже <i>Перевод С. Ошерова</i>	84

ПИСЬМА С ПОНТА

Книга I

Перевод А. Парина

1. Бруту	86
2. Фабию Максиму	88
3. Руфину	91
4. Жене	93
5. Котте Максиму	95
6. Грецину	97
7. Мессалину	98
8. Северу	99
9. Котте Максиму	101
10. Флакку	102

Книга II

Перевод М. Гаспарова

1. Германику Цезарю	104
2. Месалину	105
3. Котте Максиму	108
4. Аттику	110
5. Салану	111
6. Грецину	113
7. Аттику	114

Перевод Э. Морозкиной

8. Котте Максиму	116
9. Царю Котису	118
10. Макру	119
11. Руфу	121

Книга III

Перевод Э. Морозкиной

1. Жене	122
2. Котте Максиму	125
3. Фабию Максиму	128

Перевод Н. Вольпин

4. Руфину	130
-----------	-----

Перевод Э. Морозкиной

5. Котте Максиму	133
6. Неизвестному	134

7. Друзьям	136
8. Фабию Максиму	137
9. Бруту	137

Книга IV

Перевод Н. Вольпин

1. Сексту Помпею	139
2. Северу	140
3. Непостоянному другу	141
4. Сексту Помпею	142
5. Сексту Помпею	143
6. Бруту	144
7. Весталису	146
8. Суиллию	147
9. Грецину	149
10. Альбиновану	152
11. Галлиону	154
12. Тутикану	154
13. Кару	156
14. Тутикану	157

Перевод М. Гаспарова

15. Сексту Помпею	158
16. Завистнику	159

ДОПОЛНЕНИЯ

Ибис <i>Перевод М. Гаспарова</i>	163
Наука рыболовства <i>Перевод М. Гаспарова</i>	177
Орешник <i>Перевод Е. Рабинович и М. Гаспарова</i>	180
Притиранья для лица <i>Перевод С. Ошерова</i>	184

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Л. Гаспаров. Овидий в изгнании	189
Примечания (сост. М. Гаспаров)	225
Дополнения	257

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ ПИСЬМА С ПОНТА

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Литературные памятники»*

*Редактор издательства
И. Г. Древлянская*

*Художник
В. Г. Виноградов*

*Художественный редактор
Т. П. Поленова*

*Технический редактор
Ю. В. Рылина*

*Корректор
А. С. Агапова*

ИБ № 5200

Сдано в набор 3.03.78.

Подписано к печати 8.05.78.

Формат 70×90¹/₁₆.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура академическая

Печать высокая

Усл. печ. л. 19,9. Уч.-изд. л. 18,8.

Тираж 50.000 экз. Тип. зак. 273.

Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10